РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

2 (88)

Апрель – Май – Июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2025

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

Председатель акад. РАН *Х.А. Амирханов* (Москва),

акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),
член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),
проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),
акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),
проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),
д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),
проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),
проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Бонн),
д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),
к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),
д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),
д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),
к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),
д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),
д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

© Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2025
© Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2025
© Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры» (составитель), 2025

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

2 (88)

April – May – June

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2025

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Chairman, Moscow),

Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow),
Prof. *Sergey Karpov* (Moscow), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Bonn)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Aleksey Zavoykin* (Moscow), Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

© Russian Academy of Sciences,
Institute of Archaeology, 2025
© Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2025
© Editorial Board of
"Problemy istorii, filologii, kul'tury", 2025

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 5–17
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 5–17
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-5–17

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО СЮЖЕТА О НАШЕСТВИИ НА ЕГИПЕТ НАВУХОДОНОСОРА II (ПО ДАННЫМ АНТИЧНЫХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРРАТИВОВ)

И.А. Ладынин

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: ladynin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8779-993X

Реминисценции вторжения вавилонского царя Навуходоносора II в Египет в 567 г. до н.э. сохранились в ряде исторических и литературных свидетельств, в т.ч. в библейской традиции, коптском «Романе о Камбисе», исторических трудах Иоанна Никиусского и ибн Абд ал-Хакама. Согласно некоторым из этих свидетельств, после вавилонского вторжения Египет оставался разрушенным в течение 40 лет, за которыми последовало некое его восстановление. Можно предположить, что на первоначальном этапе бытования этого сюжета имелись сведения о том, что вавилоняне, чье вторжение покончило с царем Априем, действовали в пользу Амасиса – его противника в междоусобице; правление Амасиса было воспринято как глубокий упадок Египта, а приход персов во главе с Камбисом II – как его восстановление. По-видимому, первоначально Камбис был представлен сугубо положительным персонажем (ср., например, известную в античной передаче легенду о Камбисе и царевне Нитетис), а сам сюжет был выдвинут сторонниками Априя и противниками Амасиса, приветствовавшими низложившее его дом персидское завоевание. В ходе дальнейшего бытования этого сюжета, вероятно, под влиянием антиперсидской тенденции, которая стала преобладать в египетской и античной традициях, из него были устранены как негативный образ Амасиса, так и позитивный – Камбиса, причем последний контаминировался с образом Навуходоносора. Кроме того, сам сюжет приобрел черты характерного колорита египетского демотического эпоса, героизировавшего ливийскую военную знать, к среде которой могли принадлежать и его создатели – противники дома Амасиса.

Данные об авторе. Иван Андреевич Ладынин – доктор исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ в рамках проекта № 24-18-00378 «Происхождение и состав позднеантичной и средневековой картины прошлого Ближнего Востока и Эгеиды в древнейший (доахеменидский) период», https://rscf.ru/project/24-18-00378/.

Ключевые слова: Египет, Навуходоносор II, Камбис II, Априй, Амасис, античная традиция, египетская средневековая традиция

Как известно, ряд свидетельств средневековой египетской (коптской и исламской) традиции сообщают о нашествии на Египет царя Навуходоносора II, которое действительно имело место в 567 г. до н.э.[1], причем в некоторых из этих свидетельств его образ совмещен с образом персидского царя Камбиса II, овладевшего Египтом в 526 или 525 г. до н.э.[2] Подобное совмещение обнаруживается в известном фрагменте коптского «Романа о Камбисе», созданном не позднее V–VI вв. н.э.[3], и в LI главе «Хроники» Иоанна, епископа города Никиу в Нижнем Египте, оригинал которой мог быть создан в конце VII в. н.э.[4] Вне данного совмещения нашествие Навуходоносора II, именуемого Бахт Нассаром, описано в труде арабоегипетского историка IX в. Абд ар-Рахмана ибн Абд ал-Хакама[5]. В связи со фрагментом «Романа о Камбисе» А.И. Еланская подчеркнула, что его «трудно отделить от целой серии исторических романов на позднеегипетском языке, записанных демотическим письмом», и даже допустила, что он представляет собой «перевод с демотической рукописи»[6]. Таким образом, тесная связь фрагмента «Романа о Камбисе» с собственно египетской традицией не вызывает сомнений. При этом М. Хабай полагает, как представляется, справедливо, что связь данного сюжета в «Романе о Камбисе» с описанием зверств персидского царя в Египте в «Истории» Геродота (Hdt. III. 1–38)[7] была минимальна или вовсе отсутствовала[8]. В связи с этим стоит вспомнить, что никаких сведений о нашествии Навуходоносора II в Египет в античной традиции нет. Это хорошо согласуется с формированием в ней, начиная с труда Геродота, в целом положительного образа Амасиса, который стал царем в результате мятежа против своего предшественника Априя и в поддержку которого и было направлено вавилонское вторжение, приведшее к гибели Априя. Естественно, что о столь дискредитирующем Амасиса факте египетские информаторы Геродота и его последователей просто умалчивали[9]. Напротив, негативный образ Навуходоносора – виновника вавилонского плена евреев – в Библии актуализировал реминисценции его вторжения в Египет в христианской и исламской традиции: так, и Иоанн Никиусский (LI. 49), и ибн Абд ал-Хакам приписывают ему пленение то ли большого числа (50 тысяч), то ли всех египтян по очевидной модели плена евреев, а в рассказе последнего автора важную роль играет пророк Иеремия (Ирмийа), свидетель падения Иерусалима и эмиграции значительной ча-

[1] См. с подробными отсылками к литературе и источникам: Ладынин, Немировский 2004; Ladynin 2006.

[2] См. обсуждение точной датировки: Quack 2011.

[3] Изречения… 2001, 246–254; издание: Aegyptische Urkunden, 37–44; см. также: Venticinque 2006; Habaj 2018a.

[4] См. современную публикацию в рамках диссертационной работы: Elagina 2018, 58–69; русский перевод интересующего нас фрагмента С.А. Французовым, который мы цитируем далее, приведен в: Холод 2023, 175–178; 2024, 609–613. См. о данном источнике: Французов 2010; об интересующем нас сюжете: Habaj 2018b.

[5] Абд ар-Рахман ибн Абд ал-Хакам 1985, 51–52; см. также: Певзнер 1971.

[6] Еланская 2001, 246–247.

[7] Brown 1982; Rollinger 2012.

[8] Habaj 2018a, 639–640.

[9] Ladynin 2006, 36–37.

сти евреев в Египет (Иер. 32–44). Собственно, библейская традиция (книга пророка Иезекииля и основывающийся на свидетельствах Библии и комментариях к ней Иосиф Флавий) хорошо знает о вторжении Навуходоносора II в Египет, направленном против его царя Априя (Иез. 30:20–25, 29:1–17, 32:1–16; Ios. Ant. iud. X.9.7)[10], и взаимосвязь с этими сообщениями интересующей нас традиции очевидна.

Относящиеся к данной традиции сюжеты, включая и образы встречающихся в них персонажей, были исследованы в отечественной литературе последнего десятилетия достаточно подробно[11]. Среди прочего в исследованиях был отмечен и следующий момент: вторжение (Камбиса-)Навуходоносора в Египет знаменует в рассматриваемой традиции начало сорокалетнего периода глубокого упадка страны, за которым следует некое ее возрождение[12]. Согласно «Хронике» Иоанна Никиусского, 50 тысяч египтян, которых увел чужеземный царь (именуемый в этом контексте Камбис), «пребывали… 40 лет в плену в Персии, а Египет стал пустыней» (LI. 49); вернул же египтян на родину на сорок первом году их плена и разрушения их страны благой персидский правитель Артаксеркс (id. 52), после чего Египет стал вассальным царством под его властью (id. 54). Ибн Абд ал-Хакам говорит, что Бахт Нассар по завоевании Египта «убил их (пленных египтян, приведенных к нему вместе с Ирмийей – И.Л.), разрушил города и деревни Египта, пленил всех его жителей и не оставил там никого, так что в течение сорока лет Египет оставался разрушенным, без единого жителя. Нил разливался и уходил неиспользованным». Тем не менее по завершении этого срока ситуация изменилась: «через сорок лет Бахт Нассар возвратил египтян на родину, и они вновь возделали [землю] страны. А Египет оставался с тех пор завоеванным» (азиатами, представленными Бахт Нассаром)[13]. Подчеркивание Ибн Абд ал-Хакамом того, что водные ресурсы Нила в течение этого срока оставались неиспользованными и земля Египта – невозделанной, примечательно тем, что обнаруживает неожиданную параллель в тексте «Речений Ипувера», описывающем катастрофу конца III тыс. до н.э.: «Воистину, разливается Нил, но нет пашущего для него» (пер. М.А. Коростовцева; pLeiden I.344 *recto*. 2.3). По наблюдениям Р. Джаснова, классическая литература древнего Египта продолжала переписываться и цитироваться в I тыс. до н.э. вплоть до птолемеевского времени[14], так что вполне реально представить использование ее топосов в отдаленных египетских первоисточниках, к которым восходит текст ибн Абд ал-Хакама. Однако в «Речении Ипувера» наступление бедствий объяснялось прекращением нормального ритуального взаимодействия между миром и богами, которое было вызвано отступлениями сакрального царя-ритуалиста от исполнения своего долга (pLeiden I.344 *recto*. 12.12–13.2)[15]. Очевидно, в таком случае перенесение мотивов этого текста на время после вторжения Навуходоносора предполагает, что на его протяжении в Египте также прервалось совершение ритуала, т.е., по-видимому, отсутствовал или пренебрегал своим долгом способный на это легитимный сакральный царь.

[10] Ладынин, Немировский 2004, 67–68.

[11] Банщикова 2015, 31–83, 150–154 и др.; см. также указанные работы М.М. Холода.

[12] Ладынин, Немировский 2004, 74–76; Банщикова 2015, 20–21, 43, 76 и др.

[13] Абд ар-Рахман ибн Абд ал-Хакам 1985, 52.

[14] Jasnow 1999.

[15] Ладынин 2002, 157–160; о древнеегипетских представлениях о сакральном царе-ритуалисте и его месте в мире см.: Демидчик 2005, 14–27.

Упоминания сорокалетнего запустения Египта при уводе его населения и его рассеянии среди других народов после вторжения Навуходоносора II имеются и в библейских текстах. Согласно Иеремии, бог предаст «и фараона, и Египет, и богов его, и царей его, фараона и надеющихся на него… в руки ищущих души их и в руки Навуходоносора, царя Вавилонского, и в руки рабов его; но после того будет он населен, как в прежние дни» (Иер. 46: 25–26). В пророчествах книги Иезекииля, связанных с судьбой Египта после вторжения Навуходоносора, характерным образом обнаруживается мотив прекращения нормального водного режима Нила и превращения страны в «пустыню»: «так говорит Господь Бог: вот, Я – на тебя, фараон, царь Египетский, большой крокодил, который, лежа среди рек своих, говоришь: “моя река, и я создал ее для себя”. Но Я вложу крюк в челюсти твои и к чешуе твоей прилеплю рыб из рек твоих, и вытащу тебя из рек твоих со всею рыбою рек твоих, прилипшею к чешуе твоей; и брошу тебя в пустыне, тебя и всю рыбу из рек твоих... И сделается земля Египетская пустынею и степью; и узнают, что Я Господь. Так как он говорит: “моя река, и я создал ее”; то вот, Я – на реки твои, и сделаю землю Египетскую пустынею из пустынь от Мигдола до Сиены, до самого предела Ефиопии» (Иез. 29: 3–5, 9–10). О превращении земли Египта в пустыню, то есть в не пригодное для земледелия пространство вне долины Нила[16], идет речь в том же «Речении Ипувера» («Воистину, пустыня по /всей/ земле»; pLeiden I.344 *recto*. 3.1), причем это также оказывается следствием прекращения нормального исполнения ритуала. Иезекииль называет срок предсказанного запустения Египта и рассеяния египтян: «и не будут обитать на ней сорок лет; и сделаю землю Египетскую пустыней среди земель опустошенных, и города ее среди опустелых городов будут пустыми сорок лет, и рассею египтян по народам, и развею их по землям...» (Иез. 29:11–12). В то же время по окончании данного срока запустение страны сменится не только возвращением ее жителей, но и неким ограниченным восстановлением ее государственности: «По окончании сорока лет Я соберу египтян из народов, между которыми они будут рассеяны, и возвращу плен Египта, и обратно приведу их в землю Патрос, в землю происхождения их, и там они будут царством слабым; оно будет слабее других царств и не будет более возноситься над народами; я умалю их, чтоб они не господствовали над народами» (Иез. 29: 13–15; ср. Иез. 30: 10, 13, 23, 26; 32: 15).

Как уже было сказано, мотив пленения и/или «рассеяния» египтян после вторжения Навуходоносора II явно моделируется по образцу последствий разрушения этим царем Иерусалима, включавших как вавилонский плен, так и эмиграцию значительной части иудейской знати, в т.ч. в Египет (см. Иер. 41–44), причем нельзя исключить, что в ходе своего вторжения вавилонский царь, следуя практике великих держав Передней Азии I тыс. до н.э., действительно прибег к депортации какого-то числа египтян. По модели окончания вавилонского плена – возвращения евреев на родину по воле Кира II – представлено в нашей традиции и возвращение египтян переднеазиатским царем (у Иоанна Никиусского – преемником Камбиса Артаксерксом, у ибн Абд ал-Хакама – самим Бахт Нассаром); очевидно, что и известное Иезекиилю восстановление Египта в качестве «слабого царства» обнаруживает некоторое сходство с автономией «общины Второго храма» в рамках

[16] Демидчик 2005, 23–24.

державы Ахеменидов[17]. Вместе с тем, как уже было замечено (см. наше прим. 12), пресловутый сорокалетний срок отвечает в реальной истории Египта царствованию Амасиса, в пользу которого и было совершено вавилонское вторжение: если Геродот (Hdt. III.10.2), Манефон в версии Африкана (Manetho. Frg. 68 Waddell) и запись на обороте папируса «Демотической хроники» (p. dem. Bibl. Nat. 215 verso. Col. C. 6, 11)[18] дают Амасису 44 года, явно исчисляя срок его царствования начиная с его выступления против Априя в 570 г. до н.э.[19], то период его полновластного правления по устранении Априя в результате вторжения Навуходоносора II в 567 г. до н.э. длился как раз около 40 лет. Соответственно, как опять же уже отмечалось, восстановление Египта как «слабого царства» – это окончание царствований Амасиса и его сына Псамметиха III и завоевание страны Камбисом II, принявшим титул египетского царя и, соответственно, предоставившим Египту формальный статус своего рода «царства личной унии» среди своих владений (помимо Египта, такой статус имела еще одна страна, славная древностью своей политической и культурной традиции, – Вавилония)[20]. При этом позитивная роль власти Ахеменидов в прекращении вавилонского плена и восстановлении этнорелигиозной автономии Иудеи, конечно, не переносилась библейской традицией на другие страны, завоеванные персами: так, Библия не знает об энтузиазме вавилонян в связи с приходом на смену ненавистному им Набониду персидских царей[21]. Соответственно, восприятие в интересующих нас свидетельствах завоевания Камбисом II как в некоем смысле восстановления Египта не может быть «наведено» библейской традицией, а должно иметь собственно египетские первоистоки.

Между тем такие первоистоки обнаруживаются достаточно легко. Египтологам давно известна автобиографическая надпись саисского жреца и вельможи Уджахорреснета, исходно занимавшего ряд должностей в царствование Амасиса и Псамметиха III, но отнесшегося к появлению в Египте персов с подчеркнутой лояльностью, составившего для Камбиса египетскую царскую титулатуру и принимавшего его в храме Нейт в Саисе[22]. А в античной традиции мы видим две версии рассказа о родстве Камбиса с царем Априем, против которого поднял мятеж Амасис и который и был окончательно устранен вавилонским вторжением 567 г. до н.э.[23] Эти две версии были известны уже Геродоту: согласно одной из них, Камбис обратился к фараону Амасису с просьбой выдать за него свою дочь, но тот, не желая делать собственную дочь, без сомнения, не главной женой, а наложницей перса, прислал ему дочь Априя Нитетис, единственную уцелевшую из его семьи. Спустя время обман открылся, и Камбис воспылал желанием покарать обманщика, что стало причиной его похода на Египет (Hdt. III. 1). Геродот возводит эту версию к персидским источникам, что согласуется с ее наличием в сведениях находившегося при персидском дворе Ктесия Книдского: этот автор уточняет, что причиной похода Камбиса на Египет была не ярость по поводу обмана Амасиса, а желание отомстить за семью полюбившейся ему Нитетис (FGrHist.

[17] Briant 1996, 56–58, 503–504 (с отсылками к фрагментам Библии); Fried 2004, 156–233.
[18] Spiegelberg 1914, 30–32.
[19] См.: Ладынин 2006, 91, 104 (прим. 10); Hornung et al. 2006, 267–268.
[20] Briant 1996, 67–70.
[21] Briant 1996, 50–55.
[22] Posener 1936, 1–26; Lloyd 1982.
[23] Ладынин 2006.

688. F. 13a = Athen. XIII. 560d-e). Другая версия, восходящая, согласно Геродоту, к сведениям египтян (Hdt. III. 2–3) и находящая параллель у Ликея из Навкратиса и Динона Колофонского (FGrHist. 613. F. 1, 690. F. 11 = Athen. XIII. 560f), делает Нитетис супругой Кира II и, соответственно, матерью Камбиса, решившего за нее отомстить[24]. По сути дела, именно эта фикция расставляет все на свои места: представить в ее рамках Камбиса законным царем – потомком и наследником Априя должны были стремиться сторонники последнего, недовольные узурпацией Амасиса, к которым, весьма вероятно, принадлежал и Уджахорресне. Именно для них сорок лет власти Амасиса должны были представляться периодом глубокого упадка Египта и прежде всего отсутствия на его престоле легитимного сакрального царя. Причем это впечатление могло усиливаться и мерами Амасиса по централизации под контролем государства храмовых хозяйств[25]; начало же этому периоду действительно положило окончательное устранение Априя в ходе вавилонского вторжения в Египет в 567 г. до н.э.

При этом нельзя не обратить внимание на те характеристики, которые получает во фрагменте «Романа о Камбисе» и в «Хронике» Иоанна Никиусского состояние Египта на момент вторжения чужеземного царя и которые, очевидно, и побудили А.И. Еланскую протянуть к первому из этих произведений нить преемственности от демотической литературы (собственно, от произведений т.н. демотического эпоса, основанных на реминисценциях финала Третьего Переходного периода в конце VIII – первой половине VII вв. до н.э.[26]). Как во фрагменте «Романа…», так и в «Хронике…» констатируется распределение власти в Египте между множеством царей, среди которых Априй представляется лишь старшим. Такая ситуация сильно напоминает соотношение авторитета и полномочий царя Петубаста – центральной фигуры демотического эпоса – и других его персонажей. Во фрагменте «Романа…» и в «Хронике» противники Египта неоднократно именуются «ассирийцами»: теоретически это можно было бы объяснить перенесением на Месопотамию в целом и в частности на Нововавилонское царство именование «Ассирия», что засвидетельствовано у Геродота (Hdt. I. 178), однако не следует забывать, что «Роман…» и «Хроника» сформировались в контексте библейских нарративов, в которых Навуходоносор II оказывается однозначно вавилонским, а не ассирийским царем[27], а Камбис, с реминисценциями которого контаминируется его образ, столь же однозначно предстает персидским царем в античной традиции. В «Хронике» обозначения государства, которое во главе с Камбисом-Навуходоносором нападает на Египет, встречается в описаниях двух войн[28], шедших с участием «мужа-воина» Фусида. О первой из них говорится: «Когда была война между Персией и египтянами, выступил он и воевал с Сирией и Ассирией…», – но вторая обозначена

[24] Lenfant 2009, 149–151.

[25] Эдаков 1988.

[26] См. переводы основных текстов: Hoffmann, Quack 2018, 57–125; об основе сюжетов демотического эпоса в событиях политической истории см. Kitchen 1986, 398, 455–465.

[27] Исключение – маргинальная книга Юдифь, отсутствующая в древнееврейском каноне и появляющаяся только в Септуагинте, где представлена та же контаминация Ассирии и Вавилонии, что и у Геродота (см. Юд. 1:1). Характерно, что Иосиф Флавий, пересказывая в «Иудейских древностях» события исторических VII–VI вв. до н.э., твердо заявляет, что Навуходоносор был царем Вавилонии, уничтожившей Ассирию (Ios. Iud. Ant. X. 2.2, 5.1). Мы благодарны А.А. Немировскому, обратившему наше внимание на этот нюанс.

[28] Банщикова 2015, 61.

просто как «война между Ассирией и Египтом». Очевидно, употребленные в этом контексте обозначения равнозначны и относятся к большой межрегиональной державе, локализованной в Передней Азии, однако базовым среди них и, очевидно, исконным является термин «Ассирия». Между тем именно Ассирия была представлена внешним противником ряда героев, фигурирующих в сюжетах демотического эпоса, каковым она и являлась для Египта в конце Третьего Переходного периода[29]. Наконец, чрезвычайно показательно, что, как и в этих сюжетах, в произведениях интересующей нас традиции главная роль в отпоре захватчикам Египта принадлежит младшим по отношению к Априю царям и героям нецарского статуса («молодым воинам» и их наставнику Бофору во фрагменте «Романа…», упомянутому Фусиду, а также Маджибу и его сыну Элькаду в «Хронике»). А.А. Банщикова сопоставила обозначение «молодые воины» с его аналогом, появляющимся еще в Первый Переходный период в «Поучении царю Мерикара»[30]; однако более вероятно, что оно соответствует обозначению «молодые люди», которое употребляется в одном из произведений демотического эпоса – «Сказании о борьбе за участок бога Амона» – по отношению к героям Пему и Петехонсу[31]. В исторической реальности ситуация раздробленности Египта на ряд уделов, принадлежавших как обладателям царских титулов, так и правителям нецарского статуса, прекратилась с приходом к власти в середине VII в. до н.э. XXVI саисской династии, к которой принадлежал и Априй; однако «Роман о Камбисе» и «Хроника» как будто «продлевают» этот период раздробленности, включая и такую его черту, как длительное противостояние с межрегиональной азиатской державой, называемой Ассирией, до времени Априя включительно.

С одной стороны, это может объясняться оформлением сюжета о нашествии на Египет Камбиса-Навуходоносора сравнительно поздно, на исходе эллинистического и в римское время, когда и появились известные нам списки сказаний демотического эпоса и он, очевидно, воспринимался как своего рода образец презентации египетского прошлого; однако думается, что возможно и другое объяснение. Героизация и превращение в тему эпических сказаний финала Третьего переходного периода – времени достаточно неудачного для Египта и, в частности, отмеченного противоборством на его территории чужеземных держав (Ассирии и Напатского царства) – были, по-видимому, связаны со стремлением потомков ливийской военной знати, утратившей свои позиции после объединения страны под властью XXVI династии, идеализировать последний этап того времени, когда этот слой являлся решающей политической силой в Египте. Сама XXVI династия, хотя и сломила его влияние при своем возвышении, но исторически в лице ее основоположников – местных ливийских правителей Саиса, сплотивших вокруг себя Западную Дельту[32], – восходила именно к нему. Ситуация возвышения Амасиса и низвержения им при содействии вавилонян Априя как бы воспроизводила противостояние царя, вновь ведущего Египет к качественно большей централизации, и отстраненной им группировки, восходящей к потомкам ливийской знати Саиса;

[29] Ryholt 2004.

[30] Банщикова 2015, 55–56; «Возвышай молодых воинов твоих, и полюбит тебя столица» (pErm. 1116A. 57; мотив, связанный с молодыми воинами, присутствует и далее в периоде данного текста, однако его перевод более проблематичен).

[31] Большаков, Сущевский 1991, 22.

[32] См., например, Kitchen 1986, 138–141.

при этом сам Амасис, насколько мы представляем, выходцем из этого слоя не был. Соответственно, негативная традиция о времени его возвышения, сформированная противниками Амасиса из среды ливийской знати, и должна была окрашивать ситуацию в Египте времени его предшественника Априя в те же цвета, что и героизированное прошлое в произведениях демотического эпоса. Фактически низложение Априя приобретало характер финала этого идеализированного этапа истории Египта, причем, очевидно, ему предстояло каким-то образом возобновиться по минновании срока сорокалетнего упадка, начавшегося со вторжения Навуходоносора.

В то же время в текстах рассматриваемой нами средневековой традиции «распределение ролей» между протагонистами этой концепции представлено далеко не полно: собственно говоря, из всех них, помимо очевидно фиктивных фигур героев – защитников Египта, традиция удержала образы только Априя и Навуходоносора, с подверстыванием к последнему образа Камбиса. Между тем в своем полном варианте рассматриваемый нами сюжет должен был, очевидно, выглядеть следующим образом: Априй терял власть под ударом вавилонского вторжения, за которым следовало полновластное правление Амасиса, представленного в качестве нелегитимного царя, неспособного совершать ритуал и, возможно, злостно посягающего на достояние храмов (именно это и формировало картину катастрофического упадка при нем Египта). По истечении сорока лет дом Амасиса (в лице уже не его самого, а его сына Псамметиха III) оказывался низложен Камбисом. Думается, что есть все основания воспринимать известный античным авторам сюжет о царевне Нитетис как интегральную часть целого комплекса сюжетов, связанных с низложением Априя вавилонянами, другую часть которого мы и видим уже в средневековой традиции. Как уже упоминалось, версия сюжета о Нитетис, в которой она оказывалась наложницей Камбиса, представляла собой его персидскую рецепцию: Геродот уличает египтян, считавших Нитетис наложницей Кира и матерью Камбиса, во лжи, поскольку они должны были знать, что персы не делают наследниками детей царских наложниц и что матерью Камбиса была не Нитетис, а Кассандана (Hdt. III.2), однако последнее, разумеется, должно было быть известно в первую очередь персам и, вполне вероятно, привело к перенесению ими на Нитетис качества наложницы именно Камбиса. Соответственно, в египетской версии этого сюжета Камбис оказывался сыном Нитетис и внуком Априя, что, кстати, лучше согласовывалось и с сорокалетним сроком, разделявшим падение Априя и персидское завоевание Египта. Очевидно, что в рамках этой фикции Камбис действительно мог быть представлен восстановителем как законной династии на престоле Египта, так и самой страны, якобы пришедшей в упадок при Амасисе.

Думается, что в связи с этим следует принять во внимание еще один момент. Как нам удалось показать, анализируя историческую схему Манефона Севеннитского, на стыках больших исторических эпох, соответствующих частям («томосам») его исторического произведения, мы видим связанные друг с другом образы двух царей – отца, при котором происходит финальная катастрофа завершающейся исторической эпохи и который может быть отчасти в ней виновен, но и содействовать каким-то образом ее преодолению, и сына, который оказывается основоположником египетской государственности начинающегося за этим нового исторического цикла[33]. При этом данный конструкт, очевидно, не являлся «изо-

[33] Ладынин 2017, 39–41, 65–73, 274–275.

бретением» Манефона, а в принципе был свойствен представлениям египтян об прошлом их страны, как собственно в историописании (примером чего и служит труд Манефона), так и в разных «неакадемических» изводах. В последних филиация между такими рубежными фигурами на стыке исторических эпох могла быть полностью вымышленной: таким образом появилась, в частности, фикция рождения Александра Великого от последнего царя XXX династии Нектанеба II, засвидетельствованная в позднеантичном «Романе об Александре»[34]. В то же время в некоторых случаях филиация между рубежными фигурами могла и вовсе не постулироваться: так, в ряде египетских идеологических построений начала эллинизма, по нашему мнению, угадывается презентация Александра Великого как финальной фигуры третьего цикла истории Египта и Птолемея, сына Лага, как начальной фигуры нового исторического цикла[35]. Как нам представляется, стоит задуматься, не проявился ли тот же самый конструкт в презентации Камбиса как наследника Априя и восстановителя Египта после узурпации Амасиса: это угадывается достаточно определенно в сюжете о Нитетис и более завуалированно – в мотиве упадка Египта после вавилонского вторжения, четко ограниченного сорока годами. Очевидно, что этому должна была напрямую содействовать фиктивная филиация Камбиса от Нитетис, представляющая его если не сыном, то все же внуком Априя; в то же время царствование Амасиса приобретало бы в таком случае качество финальной катастрофы завершающегося цикла истории Египта, за которым следовало восстановление страны и начало нового исторического цикла. В возможности этого убеждает изученная нами ранее презентация подобным образом македонского завоевания Египта, которую сформировали в начале эллинизма египетские лоялисты его новой власти, – по-видимому, не более многочисленные, чем в свое время лоялисты его персидских завоевателей.

Завершая нашу реконструкцию, остается определить, каким образом состав протагонистов рассматриваемого нами сюжета оказался сведен фактически к образам Априя и Камбиса-Навуходоносора. Очевидно, что в своем первоначальном варианте этот сюжет должен был сформироваться, когда он был актуален, т.е. в пору первого персидского завоевания Египта Камбисом, в рамках пропаганды приветствовавших этого царя сторонников Априя и противников дома Амасиса. Естественно, на этом этапе смешение образов Камбиса и Навуходоносора было невозможно. Однако уже в середине V в. до н.э. в труде Геродота магистральным направлением презентации недавнего прошлого Египта становится формирование суммарно положительного образа Амасиса[36] и крайне негативного образа Камбиса, с приписыванием ему, по-видимому, вопреки реальности, убийства священного быка Аписа[37]. В этом смысле весьма показательно уже упоминавшееся нами в начале статьи полное купирование в сведениях об Амасисе роли вавилонского вторжения 567 г. до н.э. в его окончательной победе над Априем. Этот «мэйнстрим» представлений об истории Египта кануна и времени первого персидского завоевания перешел из труда Геродота в античную традицию в целом, и на его фоне стали сугубо маргинальными, в частности, упоминавшиеся версии

[34] Ладынин 2017, 126–139 (с отсылками к литературе).
[35] Ладынин 2017, 75–125, 276–277.
[36] Ладынин 2009.
[37] Ладынин 2013, 28–30 (с отсылками к литературе).

сюжета об отправке царевны Нитетис ко двору персидского царя в качестве наложницы; однако для нас принципиально, что сформировался он, несомненно, в рамках египетской традиции и был транслирован в труд Геродота, разумеется, его информаторами в ходе посещения Египта. Очевидно, что этот комплекс представлений и продолжал сохраняться в египетской традиции и должен был повлиять на сюжет о вавилонском вторжении в Египет таким образом, чтобы из данного сюжета выпало все противоречащее ему. В итоге мы не видим в нем вообще каких-либо упоминаний Амасиса: единственным реликтом его роли в исторической ситуации вавилонского вторжения можно счесть разве что сообщение «Хроники» Иоанна Никиусского (LI. 46–48) о том, что в итоге «царь Египта» Элькад, сын Маджиба, со своим окружением приветствовал вторгнувшегося в страну Камбиса и был им утвержден на египетском престоле (реально поддержка Навуходоносором II Амасиса в ходе его междоусобицы с Априем была, видимо, обусловлена обязательством египетского царя не вмешиваться, в отличие от своего предшественника, в дела контролируемого Вавилоном Восточного Средиземноморья[38]). Кроме того, как заметила А.А. Банщикова, «Хроника» Иоанна Никиусского сохранила представление о двух войнах Египта с державой Камбиса-Навуходоносора: в первой из них, в которой активно и успешно действовал герой Фусид, Египет сохранил независимость, но в результате второй он ее утратил, причем это представление должно соответствовать реминисценциям о двух исторических вторжениях в Египет – о вавилонском и о первом персидском соответственно.

Однако наиболее диссонирующим с «мэйнстримом» традиции об истории Египта в VI в. до н.э. стал, по-видимому, исходно положительный в сюжете о вавилонском вторжении образ Камбиса как законного преемника Априя и восстановителя Египта после упадка при Амасисе. Как видно, эти качества чужеземного завоевателя оказались полностью элиминированы, а сам его образ слит в «Романе о Камбисе» и «Хронике» Иоанна Никиусского воедино с образом Навуходоносора II, правда, с существенным преобладанием в его упоминаниях формы имени «Камбис». Вместе с тем в традиции, представленной в труде ибн Абд ал-Хакама, элиминирование образа Камбиса зашло существенно дальше, и там чужеземный завоеватель именуется только «Бахт Нассар», т.е. собственно «Навуходоносор».

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Abd ar-Rakhman ibn Abd al-Khakam 1985: *Zavoevanie Egipta, al-Magriba i al-Andalusa* [*The Conquest of Egypt, al-Magrib and al-Andalus*]. Moscow.

Абд ар-Рахман ибн Абд ал-Хакам 1985: *Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса*. М.

Aegyptische Urkunden – *Aegyptische Urkunden aus den Koeniglichen Museen zu Berlin. Koptische Urkunden*. Bd. 1. Berlin, 1904.

Banshchikova, A.A. 2015: *Perelomnye epokhi v istoricheskoy traditsii i soznanii drevnikh egiptyan. Po istochnikam kontsa II tys. do n.e. – I tys. n.e.* [*Crucial Periods in Ancient Egyptian Tradition and Historical Consciousness. From the Sources of the Late Second Millennium BC to the First Millennium AD*]. Moscow.

Банщикова, А.А. 2015: *Переломные эпохи в исторической традиции и сознании древних египтян. По источникам конца II тыс. до н.э. – I тыс. н.э.* М.

[38] Ladynin 2006, 30–32.

Bolshakov, A.O., Sushchevskiy, A.G. 1991: Geroy i obshchestvo v drevnem Egipte [The Hero and Society in Ancient Egypt]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 3–27.
Большаков, А.О., Сущевский, А.Г. 1991: Герой и общество в древнем Египте. *ВДИ* 3, 3–27.

Briant, P. 1996: *Histoire de l'empire perse. De Cyrus à Alexandre*. Paris.

Brown, T.S. 1982: Herodotus' Portrait of Cambyses. *Historia* 31, 387–403.

Demidchik, A.E. 2005: *Bezymyannaya piramida. Gosudarstvennaya doktrina drevneegipetskoy Gerakleopol'skoy monarkhii* [*A Nameless Pyramid: The State Doctrine of the Ancient Egyptian Heracleopolitan Monarchy*]. St. Petersburg.
Демидчик, А.Е. 2005: *Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии*. СПб.

Edakov, A.V. 1988: Reformy Amasisa i ikh sud'ba v pozdnesaisskoe vremya [Amasis' reforms and their destiny in the late Sais time]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 112–126.
Эдаков, А.В. 1988: Реформы Амасиса и их судьба в позднесаисское время. *ВДИ* 1, 112–126.

Elagina, D. 2018: *The Textual Tradition of the Chronicle of John of Nikiu: Towards the Critical Edition of the Ethiopic Version*. *Diss. Ph.D*. Hamburg.

Elanskaya, A.I. (transl.) 2001: *Izrecheniya egipetskikh ottsov* [*Logia of Egyptian Fathers*]. St. Petersburg.
Еланская, А.И. (пер.) 2001: *Изречения египетских отцов*. СПб.

Frantsuzov, S.A. 2010: Ioann Nikiuskiy [John of Nikiu]. In: Pravoslavnaya entsiklopediya [*Orthodox Encyclopedia*]. Vol. XXIII. Moscow, 371–372.
Французов, С.А. 2010: Иоанн Никиуский. В кн.: *Православная энциклопедия*. Т. XXIII. М., 371–372.

Fried, L.S. 2004: *The Priest and the Great King: Temple-Palace Relations in the Persian Empire. Winona Lake* (Biblical and Judaic studies from the University of California, San Diego, 10). Winona Lake.

Habaj, M. 2018a: Some Notes on the Historical Background of the Cambyses Romance. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 629–643.

Habaj, M. 2018b: Some Notes on the Tradition of Cambyses/Nebuchadnezzar in Book LI of John of Nikiu's Chronicle. *Egitto e Vicino Oriente* 41, 151–166.

Hoffmann, F., Quack, J.F. 2018: *Anthologie der demotischen Literatur*. 2. Aufl. (Einführungen und Quellentexte zur Ägyptologie, 4). Berlin.

Hornung, E., Krauss, R., Warburton, D. (eds.) 2006: *Ancient Egyptian Chronology* (Handbook of Oriental Studies. Section One: The Near and Middle East, 83). Leiden.

Jasnow, R. 1999: Remarks on continuity in Egyptian literary tradition. In: E. Teeter, J.A. Larson (eds.), *Gold of Praise: Studies on Ancient Egypt in Honor of Edward F. Wente* (Studies in Ancient Oriental Civilization, 58). Chicago, 193–205.

Kitchen, K.A. 1986: *The Third Intermediate Period in Egypt (1100–650 B.C.)*. 2nd ed. Warminster.

Kholod, M.M. 2023: Ioann Nikiuskiy o tsare Kambise: neskol'ko zamechaniy [John of Nikiu on the King Cambyses: some notes]. *Proslogion: Problemy sotsial'noy istorii i kul'tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni* [*Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*] 7/1, 173–188.
Холод, М.М. 2023: Иоанн Никиуский о царе Камбисе: несколько замечаний. *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени* 7/1, 173–188.

Kholod, M.M. 2024: Persidskiy tsar' Kambis v "Khronike" Ioanna Nikiuskogo [The Persian King Cambyses in the Chronicle of John of Nikiu]. *Schole* 18/2, 607–629.

Холод, М.М. 2024: Персидский царь Камбис в «Хронике» Иоанна Никиуского. *Scholе* 18/2, 607–629.

Ladynin, I.A. 2002: 'Nechestivyy pravitel'' v religiozno-ideologicheskoy traditsii drevnego Egipta II tys. do n.e. ['Impious Ruler' in the Religious and Ideological Ttradition of Ancient Egypt in the 2nd Millennium BC]. In: E.E. Kormysheva (ed.), *Kul'turnoe nasledie Egipta i khristianskiy Vostok* [*The Cultural Heritage of Egypt and the Christian Orient*]. Moscow, 155–176.

Ладынин, И.А. 2002: «Нечестивый правитель» в религиозно-идеологической традиции древнего Египта II тыс. до н.э. В сб.: Э.Е. Кормышева (ред.), *Культурное наследие Египта и христианский Восток*. М., 155–176.

Ladynin, I.A. 2006: Legenda o egipetskoy tsarevne Nitetis (Herod. III. 1–2; Athen. XIII. 560d–f) v politiko-istoricheskom kontekste VI v. do n.e. [The Legend about the Egyptian Princess Nitetis (Herod. III. 1–2; Athen. XIII. 560d–f) in the Political and Historical Context of the 6th Century BC]. In: *Antichnyy mir i arkheologiya* [*Ancient World and Archaeology*] 12. Saratov, 33–42.

Ладынин, И.А. 2006: Легенда о египетской царевне Нитетис (Herod. III. 1–2; Athen. XIII. 560d–f) в политико-историческом контексте VI в. до н.э. *AMA* 12, 33–42.

Ladynin, I.A. 2006: The Elephantine Stela of Amasis: Some problems and prospects of study. *Göttinger Miszellen* 211, 31–57.

Ladynin, I.A. 2009: Antichnaya traditsiya o tsare Amasise i ee egipetskie literaturnye prototipy [The classical tradition on the King Amasis and its Egyptian literary prototypes]. In: *Antichnyy mir i arkheologiya* [*Ancient World and Archaeology*] 13. Saratov, 357–372.

Ладынин, И.А. 2009: Античная традиция о царе Амасисе и ее египетские литературные прототипы. *AMA* 13, 357–372.

Ladynin, I.A. 2013: Svedeniya Psevdo-Aristotelevoy «Ekonomiki» o Kleomene iz Navkratisa i toposy drevneegipetskoy propagandy [Evidence of Pseudo-Aristoteles' *Economy* on Cleomenes of Naucratis and the Topoi of the Ancient Egyptian Propaganda]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 18–40.

Ладынин, И.А. 2013: Сведения Псевдо-Аристотелевой «Экономики» о Клеомене из Навкратиса и топосы древнеегипетской пропаганды. *ВДИ* 2, 18–40.

Ladynin, I.A. 2017: *"Snova pravit Egipet!" Nachalo ellinisticheskogo vremeni v kontseptsiyakh i konstruktakh pozdneegipetskikh istoriografii i propagandy* [*"Egypt Rules Again!" The Start of the Hellenistic Period in the Concepts and Constructs of Late Egyptian Historiography and Propaganda*] (Trudy Istoricheskogo fakul'teta MGU, 84. Ser. II: Istoricheskie issledovaniya, 40) [Proceedings of the Faculty of History, M. V. Lomonosov Moscow State University, 84. Series II. Historical Studies, 40]. Moscow–St. Petersburg.

Ладынин, И.А. 2017: *«Снова правит Египет!» Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды* (Тр. Исторического факультета МГУ, 84. Сер. II: Исторические исследования, 40). М.–СПб.

Ladynin, I.A., Nemirovskiy, A.A. 2004: Pokhod Navukhodonosora II na Egipet 567 g. do n.e. v svedeniyakh egipetskoy i vetkhozavetnoy traditsiy (Predvaritel'nye zamechaniya) [The Campaign of Nebukednezzar II against Egypt in 567 BC in the Light of the Egyptian Evidence and the Old Testament (Preliminary Remarks)]. In: E.E. Kormysheva (ed.), *Kul'turnoe nasledie Egipta i khristianskiy Vostok* [*The Cultural Heritage of Egypt and the Christian Orient*] 2. Moscow, 63–76.

Ладынин, И.А., Немировский, А.А. 2004: Поход Навуходоносора II на Египет 567 г. до н.э. в сведениях египетской и ветхозаветной традиций (Предварительные замечания) В сб.: Э.Е. Кормышева (ред.), *Культурное наследие Египта и христианский Восток* 2. М., 63–76.

Lenfant, D. 2009: *Les Histoires perses de Dinon et d'Héraclide* (Persika, 13). Paris.

Lloyd, A.B. 1982: The Inscription of Udjahorresnet: a Collaborator's Testament. *Journal of Egyptian Archaeology* 68, 166–180.

Pevzner, S.B. 1971: Rasskaz Ibn Abd al-Khakama o drevney istorii Egipta [The Narration of Ibn Abd al-Khakam about Egypt's Ancient History]. In: *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* [*Written Tradition of the Orient*]. Moscow, 61–85.

Певзнер, С.Б. 1971: Рассказ Ибн Абд ал-Хакама о древней истории Египта. В сб.: *Письменные памятники Востока*. М., 61–85.

Posener, G. 1936: *La première domination perse en Égypte* (Bibliothèque d'étude, 11). Le Caire.

Quack, J.F. 2011: Zum Datum der persischen Eroberung Ägyptens unter Kambyses. *Journal of Egyptian History* 4/2, 228–246.

Rollinger, R. 2012: Herodotus. V: Cambyses according to Herodotus. In: *Encyclopaedia Iranica*, https://iranicaonline.org/articles/herodotus-v.

Ryholt, K. 2004: The Assyrian Invasion of Egypt in Egyptian Literary Tradition. In: J.G. Dercksen (ed.), *Assyria and Beyond: Studies Presented to Mogens Trolle Larsen*. Leiden, 483–510.

Spiegelberg, W. 1914: *Die sogenannte Demotische Chronik des Papyrus 215 der Bibliothèque Nationale zu Paris* (Demotische Studien, 7). Leipzig.

Venticinque, Ph.F. 2006: What's in a Name? Greek, Egyptian and Biblical Traditions in the "Cambyses Romance". *Bulletin of the American Society of Papyrologists* 43, 139–158.

A RECONSTRUCTION OF THE ORIGINAL STORY ABOUT THE INCURSION OF NEBUCHADNEZZAR II INTO EGYPT (FROM THE CLASSICAL AND MEDIEVAL NARRATIVES)

Ivan A. Ladynin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: ladynin@mail.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 24-18-00378

Recollections of the Babylonian invasion into Egypt under Nebuchadnezzar II in 567 BC were preserved in historical and literary evidence, including the Bible tradition, the Coptic *Romance of Cambyses*, the historical works by John of Nikiu and Ibn Abd al-Khakam. Some of them tell that after the Babylonian incursion Egypt remained devastated for 40 years and afterwards was somehow restored. At an early stage of its evolution this story might have stated that the Babylonians, whose incursion put to death the king Apries, acted in favour of his counterpart in feud Amasis; his reign was perceived as the "devastation" of Egypt and the subsequent advent of the Persians under Cambyses II as its "restoration". Probably the earlier version depicted Cambyses as a positive figure (*cf.* the story of Cambyses and the princess Neitetis known in the Classical tradition), and the whole story was forwarded by the partisans of Apries and the opponents of Amasis, who saluted the Persian conquest dismissing his family from power. In due course the story was influenced by the anti-Persian trend that grew prevailing both in the Egyptian and the Classical tradition; the negative image of Amasis was eliminated, and the images of Cambyses and Nebuchadnezzar were mingled together. Besides, the story acquired the flavour of the Egyptian Demotic epic glorifying the Lybian military caste, the probable milieu of Amasis' opponents bringing the story to life.

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 18–31
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 18–31
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-18–31

ИМПЕРАТОР В ОБРАЗЕ ТОТА-ГЕРМЕСА В РИМСКОМ ЕГИПТЕ

С.А. Качан

Независимый исследователь, Москва, Россия

E-mail: sergey-md@list.ru

ORCID: 0000-0003-2390-0637

В статье обсуждается проблема отождествления образа римского императора с Тотом-Гермесом. Функции ибиокефального божества Тота соответствовали образу римского императора, который отождествлялся с солярными богами-детьми в египетских храмах-маммизи, и рассматривался как правитель, проявляющий заботу над своими подданными и претендующий на власть над всей ойкуменой. Это позволяло отождествить или сопоставить образы римского правителя и ибиокефального божества. Отождествление Тота и римских правителей, которые выступали в качестве законодателей и «владык Маат», отображалось в египетских храмах и Хоровом имени императоров.

Ключевые слова: Египет, римский императорский культ, бог Тот-Гермес, Калигула, Домициан, Марк Аврелий

ВВЕДЕНИЕ

В эллинистическое время в Египте происходит усиление религиозного синкретизма, в результате которого классические боги долины Нила отождествлялись друг с другом и принимали черты божеств пантеона Греции. Эта тенденция получила свое развитие в римский период, в котором боги Египта заимствовали атрибуты и функции божеств Рима. Синкретический характер богов Нильской долины оказывал воздействие на образ римского правителя, который отождествлялся с Хором[1], Анубисом[2], Аписом[3] и другими божествами. Среди этих богов был Тот, сопоставляемый по своим функциям с греческим Гермесом и римским Меркурием. Традиционно земной правитель уподоблялся богу Тоту: цари Нового Царства называли себя «мудрыми, как Тот», или «ликующие над Маат, как Тот»[4]. В эллинистическое время греческий культ богов-адельфов (θεῶν Ἀδελφῶν) – Птолемеея III и Арсинои II – был организован в главном культовом центре бога Тота –

Данные об авторе. Сергей Александрович Качан – независимый исследователь, Москва.
[1] Herklotz 2007, 128–133.
[2] Grenier 1977, 39–40.
[3] Pfeiffer 2010, 150 –151.
[4] Dieter 1986, 507.

Гермополис Магна (на это указывает посвятительная надпись – I. Hermoupolis 1)[5], где правящая пара почиталась как theoi synnaoi наряду с ибеокефальным богом. Похожая ситуация сложилась на Кипре: здесь культовое поклонение богам-адельфам совершалось вместе с Гермесом[6], который отождествлялся с Тотом. Таким образом, к началу римского периода в Египте в почитании правителя существовали две традиции, связанные с ибеокефальным божеством: уподобление монарха Тоту и поклонение царю как theos synnaos наряду с этим богом. Итак, можно ли говорить о продолжении традиций в почитании правителя, который уподоблялся Тоту, в римском Египте? Существовала ли практика поклонения императору как theos synnaos наряду с ибеокефальным божеством, что говорило бы о продолжении традиций птолемеевского периода? Какие были особенности в почитании римского правителя в образе Тота, который вбирал черты египетских и греко-римских божеств, в sacra privata и sacra publica?

ПРОБЛЕМА ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ РИМСКОГО ИМПЕРАТОРА С ТОТОМ

В египетских храмах римский император уподоблялся богу Тоту. Данный тезис подтверждается в Хоровом имени римских императоров, в котором правитель выступает в функции установления законов и утверждения Маат – справедливого порядка вещей: «Установил он (т.е. император) закон (smn.n≠f hp.w) по всей земле, подобно Тоту, который устанавливает Маат (ḥr jt.(t) mꜣʿ.t); ему дано царство Ра, он тот, который облагодетельствовал Обе Земли (Египет), он тот, чья сила огромна, в его весьма большой резиденции, которая возлюблена им, в Ич-тауи» (Текст храма Дендеры) (H 1 по каталогу Ф. Херклотц); «Устанавил он (император) закон по всей земле, подобно тому, как установил Тот, который делает Маат, охватывающая Обе Земли, он – римлянин, возлюбленный всеми богами Египта (храм Калабши) (H 5 по каталогу Ф. Херклотц)[7].

В Хоровом имени римский правитель, как и Тот, выступает в роли законодателя, чьи «приказы достигают небес», а его способность устанавливать Маат формирует политическую жизнь, упорядоченный ход которой тесно переплетается с естественными процессами в мире – разливами Нила, устойчивыми урожаями, привычным ходом солнца – и, как следствие, оказывает воздействие на жизни подданных. На этом основании действия царя-императора как законодателя становятся важными для «египетского космоса»[8], в котором римский правитель устанавливает справедливый порядок вещей, противоположный хаосу (jsf.t) и известный только монарху – посреднику между богами и людьми[9]. Одновременно существовало представление, что император в функции законотворчества распространяет свою власть на весь мир. При этом образ правителя переплетался с Тотом. Так, в храме Дендеры император, изображенный как фараон, держит в руках фигурку богини Маат (изображение предположительно римского времени; картуши с именем правителя пусты) и выступает как (smn≠(f) hp.w mj Ḏḥwty jrj≠(f) mꜣʿ.t m tꜣ.wy ḥnʿ ḫꜣs.w.t nb.w.t) «устанавливает он законы подобно Тоту, совершает он правду в Обе-

[5] Pfeiffer 2008, 54.
[6] Pfeiffer 2008, 74.
[7] Herklotz 2007, 413, 415.
[8] Herklotz 2007, 132–133.
[9] Helck 1980, 1115.

их Землях (Египет) и во всех иностранных землях»[10]. Правитель в схожем образе именовался «он тот, кто говорит правду, подобно Тоту»[11] и выступал как (nb mꜣ ʿ.t) «господин Маат»[12]. Традиционно «Владыкой Маат» был бог Тот как казначей, «который доставил Маат» (CT. III. 3721), а также Хор, который отождествлялся с земным правителем: (prj Wnjs jr mꜣʿ.t jn.n≠f js ḫr≠f) «Приходит Унис. Что касается Маат, то, воистину, доставил он (т.е. Хор) ее для него (Pyr. 319b); (prj Wnjs m Ḥr pn jn.n≠f mꜣʿ.t js ḫr≠f) «приходит Унис в качестве Хора, доставил он, воистину, Маат для него» (Pyr. 323c)[13]. Эти представления позволили объединить образы Хора и Тота в Хоровом имени императора в функции установления Маат. Тот-Гермес в греко-римское время сопоставлялся с богом Хором. Так, в одном из заклинаний этого периода говорится: «Позволь соколу носить корону Хора, бабуину (священное животное Тота) – корону Германубиса» (PGM IV. 3139–3140). В другом заклинании Ра-Гелиос принимает в 9 часу своего ночного путешествия форму сокола (священная птица Хора), в 10 – бабуина (PGM IV. 1681–1686). Итак, взаимосвязь Хора и Тота как «владык Маат» находила свое воплощение в Хоровом имени императоров, их сопоставление отражалось в папирусных источниках и переплеталось с образом римского правителя, который проявлял себя как законодатель, утверждающий справедливый порядок вещей. Владыка Рима уподоблялся богу Тоту, чьи функции как составителя законов совпадали с функциями правителя. В римское время представление о правителе-законодателе находило параллель в образе первого царя Египта – Менеса, которому Тот-Гермес передал законы (в схожей функции выступал Аполлон, отождествляемый в Египте с Хором) (Diod. I. 94. 1).

Необходимо отметить, что справедливость-Маат была частью загробного мира, в котором перо Маат, символизирующее правду, клали на одну из чаш весов, взвешивающих сердце покойного[14]. Данное представление продолжало существовать в египетских гробницах римского времени, где Тот как мудрый судья записывает результаты взвешивания сердца, утверждая, таким образом, принцип Маат[15]. Итак, переплетение образов Тота-Гермеса и императора как законодателей и «владык Маат» способствовало становлению представлений о римском правителе, который, как Тот, утверждает законы и справедливый порядок вещей на земле, на небесах и в загробном мире. Эти идеи пропагандировали божественный статус императоров и легитимизировали власть римских правителей в долине реки Нил.

В главном культовом центре бога Тота в Египте – Гермополе Великом (Hermopolis Magna) – был возведен Себастион[16]. Возможно, что этот императорский храм был создан при Адриане из ранее находившегося в Гермополе Птолемаиона[17]. Согласно папирусу (P. Hamb. 1. 73. II. 19–20), Себастион – Καισρείον θεῶν Σεβαστῶν – в храме Тота появился еще при Августе[18]. Отличительной чертой поклонения императору в Гермополис Магна (как и во всем Египте), по сравнению

[10] Mariette 1870, 57a.
[11] Mariette 1870, 68b.
[12] Mariette 1870, 68a; Bleecker 1973, 145.
[13] Helck 1980, 1111–1112.
[14] Helck 1980, 1111–1112.
[15] Riggs 2008, 146. Fig. 67.
[16] Dundas 1994, 167–168.
[17] Dundas 1994, 168.
[18] Herklotz 2007, 278–279.

с предыдущей эпохой, было отсутствие почитания жены императора в египетских храмах[19]. Культ, отправляемый в честь богов Августов, в Египте, как и в других частях империи[20], был связан с поклонением живущему императору и обожествленному покойному правителю (и, возможно, другим владыкам Рима, начиная с Октавиана). Появление императорского храма в культовом центре Тота стало продолжением традиции почитания правителя наряду с ибиокефальным богом, заложенной еще при Птолемеях. Необходимо отметить, что архитектурный стиль Себастиона в Гермополе Магна, вероятно, был греко-римским по своему характеру и располагался внутри двора-dromos главного храма Тота. Статуи императоров, которые носили в традиционных шествиях в честь египетских богов (в том числе, Тота), тоже были выполнены в греко-римской манере и были почетными, а не культовыми. В римское время Гермополис Магна приобрел в значительной степени греко-римские архитектурные черты (например, в этом городе был построен Большой Тетрастилон с классическими греко-римскими элементами)[21]. Таким образом, появление Себастиона в греко-римском стиле выделяло это строение из египетского контекста храма Тота и демонстрировало господство Рима в Египте, а также показывало, что почитание императора в Гермополис Магна отличалось от поклонения традиционным египетским богам, что говорит о прерывании традиции дарования богоравных почестей правителю как theos synnaos в храме Тота. При этом образы римских императоров были инкорпорированы в религиозную систему Египта, в котором император почитался наряду с Тотом-Гермесом.

В Гермополис Магна (Эль-Ашмунеин) во времена Домициана был построен храм (к востоку от храма Тота) в честь богини Нехемет-ауай, которая в позднее и греко-римское время отождествлялась с Исидой/Хатхор, воспринимая иконографию этих богинь – антропоморфное женское божество с солнечным диском, помещенным на голове и обрамленным коровьими рогами. Эта богиня выступала в качестве жены бога Тота[22]. В этом храме император носил имена, которые соответствовали традиционному фараоновскому протоколу – личное, тронное, Хорово имя, золотое Хорово имя и имя Двух Владычиц[23]. Данный факт говорит о том, что жрецы в Гермополис Магна признавали в императоре Домициане полный статус сакрального правителя, соответствующий традициям фараоновского периода. Совместное почитание бога Тота и Нехемет-ауай-Исиды находит параллель в Италии. Так, на рельефе из Арриции (Римский национальный музей, инв. № 77255) в верхнем регистре изображена держащая на коленях свиток богиня, которая идентифицируется как Исида, «госпожа священных слов». Рядом, в нишах-святилищах, представлены бабуины – священные животные бога Тота[24]. Рельеф из Арриции датируется концом I в. н.э. и имеет тесную связь с храмом Исиды в Риме – Iseum Campense[25], который Домициан восстановил после пожара, произошедшем в 80 г. н.э. Для восстановления храма были привезены из Египта изображения бабуинов, сфинксы, обелиск (сейчас стоит на пьяцца Навона в Риме), на котором

[19] O'Neill 2011, 227–228.
[20] Гуськов 2016, 622–623.
[21] Brophy 2015, 46.
[22] Snape 1989, 1–4.
[23] Snape 1989, 6–7.
[24] Capriotti Vittozzi 2014, 254. Fig. 10.7.
[25] Lembke 1994, 97–102.

Домициан изображен как фараон[26]. Эта Agyptiaca Romana имела не только декоративное значение: для почитателей египетских культов бабуины были изображениями Тота, а для Домициана обновленный храм Исиды становился местом, где он выступал «как император, божественный фараон и строитель»[27].

Итак, совместное почитание Тота-Гермеса и императора в Гермополис Магна со времен Домициана находит свою параллель в поклонении римскому правителю в Италии – в Арриции. Внедрение египетских черт в поклонение императору в Италии было следствием культурного «имперского диффузионизма» – распространения элементов почитания правителя из Египта в рамках общеримского койне, что способствовало новому импульсу в развитии императорского культа на италийской почве и утверждению представления о том, что император является земным воплощением египетских богов, или действует под их покровительством.

Почитание императора наряду с Тотом-Гермесом засвидетельствовано в Александрии. Это отражается в должности, которую занимал префект Египта при Клавдии и Нероне – Т. Клавдий Бальбилл. Согласно латиноязычной надписи из Эфеса 50 г. н.э. (I. Eph. VII. 3042), он, среди прочих должностей, занимал в Александрии пост – et archierei et ad Hermen Alexandrion. Пост ad Hermen, который, вероятно, был создан при Флавиях и соответствовал термину ἐπίτροπος Ἑρμοῦς[28], мог быть также вариантом поста procurator ad Mercurium, который возглавлял учреждение, занимавшееся в Александрии поставками зерна или сдачей в аренду государственной монополии по торговле квасцами[29]. Но если все должности Бальбилла (aedium divi Augusti et…et lucorum sacrorum omnium quae sunt Alexandriae et in tota Aegypto et supra Museum et Alexandrina bybliothece et archierei et ad Hermen Alexandreon – «(верховный жрец) храмов божественных Августов и алтарей и священных рощ, которые в Александрии и во всем Египте, и ответственный за музей и александрийские библиотеки и архиерей Гермеса Александрийского[30]) имеют, очевидно, религиозный характер, то выражение et archierei et ad Hermen Alexandrion можно понимать как единое целое и переводить «главный жрец (архиерей) Гермеса Александрийского». Такое прочтение текста дает основание предполагать, что Бальбилл был жрецом и императора, и бога Гермеса, отождествленного в Египте с Тотом, а римский император почитался в Александрии как theos synnaos, наряду с ибикефальным богом. Совместное почитание императора и Тота-Гермеса могло сопровождаться ритуальным пиршеством. Наличие в римское время такого пира подтверждается сообщением Климента Александрийского: «При изображении пиршеств богов, которые у них назывались «κωμασίαι», у них принято было вокруг столующих носить четыре золотых статуи; первой и второй из них было изображение собаки, третьей – ястреба, а четвертой – ибиса» (Clim. Alex. Strom. V. 553; пер. Н. Корсунского). В данном сообщении показано, что на пиршестве богов представлены золотые статуи священных животных Хора (ястреб), Анубиса (собака), Тота (ибис). Ношение статуй священных животных во время ритуального пира напоминает ношение штандартов с изображением ибиса, собаки и ястреба, которые сопровождали царя, в храмах греко-римского вре-

[26] Томашевич 2021, 90.
[27] Versluys 2002, 355.
[28] Jördens 2014, 126.
[29] Beutler-Kränzl 2007, 53–56.
[30] Capponi 2011, 521.

мени[31], а изображение ибиса, восседающего на штандарте, было каноническим для обозначения бога Тота[32]. В ходе комасий участники носили императорские статуи[33]. Итак, римский правитель почитался как theos synnaos наряду с Тотом в Гермополис Магна и Александрии. Поклонение императору сопровождалось ритуальным пиршеством, в ходе которого участники носили изображение ибиса – священной птицы Тота, и статуи императора.

Тот-Гермес в греко-римское время рассматривался как бог, который ранее был человеком, но стал божеством благодаря своим выдающимся качествам и «добрым услугам» (Diod. I. 13. 1–2). Это представление соответствовало учению эвгемеризма, согласно которому боги – это люди, возведенные до божественного статуса. Идея о единении в Тоте-Гермесе человеческой и божественной природы подходила императору. Владыки Рима, связанные с ибиокефальным богом, получали, таким образом, интерпретацию своего божественного статуса и выступали как благодетельные правители. Здесь следует добавить, что в тексте времен Шабаки («Доктрина логоса), в котором прославляется Птах как божество –создатель мира, бог Тот выступает в качестве божественного слова, а Хор – божественной мысли, ставшие причиной возникновения мира[34]. Соединение в Тоте человеческой и божественной сущностей, а также его связь с представлением о создании мира могли обыгрываться в ходе ритуального пира-κωμασία, в ходе которого ритуальные практики, как в целом в традиционных обществах, должны были воспроизводить в памяти идею мироздания, связанную с восстановлением производительных сил природы, лечением, здоровьем и стабильностью в обществе[35]. Данное представление связано с египетским принципом Маат, который обеспечивался правителем и Тотом. А император, образ которого незримо присутствовал на пиру-κωμασία, способствовал возобновлению ритуала и торжеству Маат.

Сопоставление или отождествление Тота с другими божествами оказывало воздействие на его функции, а также определяло связь образов ибиокефального бога и правителя. Так, в греко-римское период бог Тот, как лунное божество, отождествлялся с Осирисом, царем загробного царства, и Ра, правителем небесным[36]. Отождествление Тота-Гермеса с Осирисом и Ра указывает на вселенский характер ибиокефального бога, который, согласно Книге мертвых, объявлялся: «Я первый в небе, на земле, в загробном мире»[37]. Образ Тота-Гермеса как вселенского божества прослеживается в папирусных документах римского времени, в которых он объявляется «тем, который создает четыре части небес и четыре основания земли» (PGM VII. 551–552), «владыкой мира, который находится в сердце» (PGM V. 400), богом, «который собрал пищу богов и людей» и принимает на востоке вид ибиса, на западе – собакоголового бабуина, на севере – змеи, на юге – волка (PGM VIII. 1–11). Он – «Гермес, со многими именами, который знает вещи, спрятанные ниже небес и земли» (PGM VIII. 15–16). Итак, Тот-Гермес выступал в качестве бога всего универсума. Вселенский

[31] Stadler 2012, 2. Fig 1.
[32] Stadler 2009, 357–358.
[33] Dundas 1994, 280.
[34] Bleecker 1973, 137.
[35] Элиаде 2000, 289 –291.
[36] Тураев 1898, 82.
[37] Bleecker 1973, 136.

образ был характерен в римское время и для бога Анубиса, который, подобно Тоту, «находится под землей, на земле и в небесах» (PGM XVIIa), отождествлялся с Ра и Осирисом и выступал фараоном Загробного царства[38]. Необходимо отметить, что отождествление Анубиса и Тота было засвидетельствовано античными авторами (Plut. De Iside et Osiride. 11; Lucian. De sacr. 14) и папирусными источниками (PGM IV. 2586, 2600) и зашло настолько далеко, что способствовало в греко-римское время объединению образов этих богов в единое божество – Германубиса, на вселенский характер которого есть намек у Плутарха (Plut. De Iside et Osiride. 61). Взаимосвязь Тота и Анубиса с богами Осирисом и Ра находит свою параллель в представлениях, уходивших корнями в Древнее Царство, о живущем царе как воплощении бога Ра[39] и о покойном правителе как персонификации Осириса (Pyr.819c)[40]. Вселенские черты у Тота-Гермеса, Анубиса и земного правителя позволяли сопоставить их образы и отождествить их с образом императора, который претендовал на господство во всей ойкумене.

Римский император мыслился как правитель, который заботится о своих подданных в Египте, обеспечивает их защиту от врагов и торжество Маат. Эти функции правителя переплетались с функциями Тота, который обеспечивает защиту от злых сил и лечение. Данное представление находит свое подтверждение в изображении Тота с жезлом Асклепия времени Тиберия[41], а также в традиционных функциях Тота, проявившего себя божеством-лекарем. Так, в стеле Меттерниха (стела-апотропей – Хор-cippi – Позднего периода) ибиокефальный бог объявляется тем, который «приходит, наделенный магической силой, чтобы заговорить яд – так что он (т.е. яд) не может иметь силы над любыми членами больного»[42]. Таким образом, взаимосвязь образов императора и Тота-Гермеса способствует победе над злыми силами, лечению людей, торжеству Маат. Отождествление римского правителя и Тота-Гермеса утверждает эти представления среди населения Египта, которому император несет Pax Romana – справедливый, угодный богам миропорядок, который соответствует египетскому принципу Маат.

В греко-римское время было представление о боге Тоте-Гермесе, выступавшем в качестве божественного дитя, сына Исиды и Осириса (PGM XII. 145–150), ребенком которых традиционно считался Хор (Plut. De Iside et Osiride. 12). В «Текстах пирамид» Хор и Тот объявляются детьми Исиды и сопоставляются между собой: (Is.t wr.t ir.t nṯr.w ir.t Ḥr wtṯ.t Ḏḥwty) «Исида Великая, рождающая богов, рождающая Хора, создающая Тота» (Pyr. 1153b). Одновременно существовала идея, согласно которой Тот выступал божественным отпрыском Хора и Сета. Так, в тексте Туринского папируса ибиокефальный бог объявлялся (Ḏḥwty s³ nb.wy prj m wp.t) «Тот, сын двух господ (Хора и Сета), вышедший из макушки» (P. Turin. 76)[43]. Эта идея дополнялась представлением, что в результате соития Хора и Сета из головы последнего появился золотой диск (возникновение золотого диска из макушки Сета происходило при посредничестве Тота в разрешении тяжбы Хора и Сета за престол Египта, отдавая предпочтение первому. Этот золотой диск Тот

[38] Качан 2018, 24.
[39] Baud 2010, 64.
[40] Keec 2005, 223–224.
[41] Kákosy 1963, 125.
[42] Bleecker 1973, 142.
[43] Kees 1925, 1.

поместил на свою голову)[44]. Таким образом, бог Тот выступал как божественный ребенок, который сопоставлялся с Хором – небесным прототипом земного правителя. Будучи отпрыском Хора и Сета, ибиокефальное божество проявляло себя как солнечный диск, восход которого символизировал, согласно египетским религиозным представлениям, восстановление справедливого порядка вещей. Образ Тота как бога-ребенка позволял сопоставить его с образом императора, который в египетских храмах-маммизи отождествлялся с ежегодно рождающимся, подобно солнцу из лотоса, богом-ребенком (например, в храме Дендеры – с Хором и его ипостасями Ихи и Харсиесисом).

Римский император оказывал почтение культу Тота-Гермеса. Как сообщает Дион Кассий, во время войны Римской империи, которую возглавлял Марк Аврелий, с квадами римская армия оказалась в окружении у германского племени в 172 или 174 г. н.э.[45], «страдая от усталости, солнца, ран и жажды». Но находившийся среди римлян египетский жрец (μάγος) Арнуфий (Ἀρνοῦφις) «с помощью колдовских приемов призвал различные божества, и прежде всего Гермеса, повелителя воздушной стихии (τὸν Ἑρμῆν τὸν ἀέριον), и с их помощью вызвал дождь» (Dio Cass. LXXII. 8. 3–4; пер. под ред. А.В. Махлаюка). В честь этого события были выпущены в Риме монеты, на которых (реверс) был изображен храм в египетском стиле, внутри него представлена статуя Гермеса-Меркурия, легенда – RELIGIO AVGVSTI[46]. Гермес, повелитель воздушной стихии, был, вероятно, одной из персонификаций бога Тота[47]. Образ Гермеса-Меркурия был направлен, как на римскую аудиторию, которая воспринимала этого бога как «своего», что было частью religio римского народа в противовес superstitio восточных религий, так и на эллинизированное египетское население, которое видело в Гермесе-Меркурии, отождествленного в долине реки Нил с Тотом-Шу, бога, покровительствующего императору (это было важно еще ввиду того, что в Египте недавно было подавлено восстание буколов под предводительством жреца Исидора (172–173 гг.), а в 175 г. Египет попал под власть самопровозглашенного императора Авидия Кассия, низвергнутого впоследствии Марком Аврелием)[48]. Ш. Пфайффер высказывает сомнение, что изображение Гермеса-Меркурия относится к богу Тоту, так как на монетах с образом Гермеса представлены черепаха, петух, баран, в руках у божества жезл, крылатый головной убор на голове, которые никогда не были присущи образу египетского Тота[49]. Тем не менее, когда Марк Аврелий был в Александрии, которая оказала поддержку узурпатору Авидию Кассию, император простил жителей города, оказав милость (SHA. Marc. 26.3)[50]. Образ Гермеса, отождествленного с Тотом и оказавшего содействие императору в поражении врагов, мог способствовать в глазах населения Египта легитимизации власти римского правителя, которому благоволят египетские боги. Необходимо отметить, что жрец Арнуфий приблизительно в то же время, когда произошли битва с квадами и «чудо дождя», посвятил алтарь Исиде (Thea Epiphanes) в Аквилее – городе, который играл важную воен-

[44] Лившиц 1979, 121–123.
[45] Pfeiffer 2010, 172.
[46] Fowden 1987, 88; Israelowich 2008, 93. Fig.1; Pfeiffer 2010, 174.
[47] Posener 1951, 163–166.
[48] Israelowich 2008, 92–98.
[49] Pfeiffer 2010, 174.
[50] Israelowich 2008, 98.

ную роль при наступлении римских войск во время кампании на Дунае[51]. Вызвав чудесным образом дождь и установив алтарь в честь Исиды, Арнуфий выступал как египетский жрец (иерограмматевс), помогающий Марку Аврелию как законному правителю Египта (в этом его функции ничем не отличались от традиционной роли египетского жречества, уходящей вглубь истории Египта)[52].

Итак, помогая императору в битве, Тот-Гермес, являющийся солярным божеством, утверждал Маат и законную власть императора, которому суждено занять трон Хора, будучи его земным воплощением. В этой связи, жрец Арнуфий мог установить алтарь в честь Исиды, которая проявляла (Epiphanes) себя как божественная мать Тота-Гермеса и Хора и чей культ способствовал утверждению побед императора и Маат. Необходимо отметить, что жрец носил египетское имя, которое передается по-гречески Ἀρνοῦφις, что могло означать, исходя из его фонетического звучания, (Ḥr nfr) «Прекрасный Хор» или «Молодой Хор». Он, будучи экспертом в египетских ритуальных практиках и религиозных представлениях, выступал от имени императора и функционально занимал его место в культовой сфере.

Замена образа императора в качестве посредника между богами и людьми могла происходить и в случае с богом Тотом. В римское время в храме Дендеры была создана уникальная сцена предстояния: император Гай Калигула изображен позади ибиокефального Тота, который стоит, подняв руки вверх, в позе совершения поклонения перед богами – Хатхор и Харсиесисом (Хор, сын Исиды). Между фигурами Тота и божественной четы Хатхор и Харсиесиса стоят фигуры богов-детей, обращенные спиной друг другу. Они представляют собой разные персонификации божественного дитя – Ихи. Бог Ихи в образе ребенка, играющего на систре, обращен лицом к Тоту, Ихи в образе взрослого бога в короне Верхнего и Нижнего Египта (также играющий на систре) смотрит в сторону Хатхор и Харсиесиса. Во всей этой храмовой сцене император Гай Калигула фактически не выполняет активной роли, пассивно лицезрея совершение ритуальных практик перед богами[53]. В Дендере есть еще одна сцена, где наблюдается схожая ситуация: перед императором стоят богиня Мерет и Хор-ребенок в короне Верхнего и Нижнего Египта, обращенные лицом к божественной чете – Хатхор и Хора Бехдетского[54].

В обоих случаях роль верховного жреца, которую традиционно должен играть земной правитель, выполняли египетские боги – Тот, или Хор, а Калигула низведен до уровня простого наблюдателя[55]. И.С. О'Нейл считает, что подобная ситуация сложилась из-за того, что некоторые жрецы египетских храмов не воспринимали императора Калигулу как легитимного монарха, но в соответствии с египетскими религиозными представлениями полностью исключить Ка земного правителя из храмовых сцен считалось немыслимым. При этом сами жрецы продолжили придерживаться мнения о необходимости участия фараона в культовой практике перед богами, что не могли делать простые смертные[56].

[51] Fowden 1987, 87–88.
[52] Escolano-Poveda 2020, 214.
[53] Lepsius 1970, IV. Bl. 76e.
[54] O'Neill 2011, 161–162.
[55] Hölbl 2000, 79; O'Neill 2011, 163.
[56] O'Neill 2011, 163.

В храмовой сцене из храма Дендеры бог Тот носит титулы: (Ḏd-mdw n Ḏḥwty ꜥꜣ ꜥꜣ wr nb ḫmnw fꜣw≠f m rꜥ n ḫpr sḫm ḫpr.w≠(f)… jp jb.w… (nb) sbḫ.t rꜣ-stꜣ.w šps smn hp.w sḥtp nb.t nṯr.w.t m≠s ṯꜣ ḥtp.w≠f) «Речение слов Тота, Трижды Величайшего, господина Гермополя, сила его в солнце Дендеры, мощный образами своими… считающий сердца… владыка ворот Ра-сетау (Загробное царство), устанавливающий законы, умиротворяющий богинь (досл: золото богинь) многочисленными (досл: тысячью) жертвами его».

Император Калигула носит традиционные для правителей Египта титулы, а также тронное и личное имена:

1. (Nsw-Bity nb tꜣ.wy ḥkꜣ ḥkꜣ.w ꜣwtktr Ptḥ Js.t mrj) «Царь Верхнего и Нижнего Египта, господин Обеих Земель, Владыка владык, Автократор (Император), Птахом и Исидой возлюбленный».
2. (sꜣ Rꜥ nb ḫꜥ.w Ḳʿjs Ḳꜣysrs Ḳrmnyk ʿnḫ ḏ.t) «Сын Ра, господин корон, Гай Цезарь Германик, вечно живущий».

Сзади фигуры Калигулы высечен серех с титулатурой императора: (kꜣ nḫt ꜣḫ.w sꜣḫ.w Ḥr-sꜣ-Is.t Ḥw.t-Ḥr) «Бык сильный, свет, прославляющий Харсиесиса и Хатхор».

Необходимо отметить, что имена Хатхор и Харсиесиса заключены в картуши, подобно легитимным царям и царицам предшествующих эпох.

В этой сцене Тот выступает в своих загробных ипостасях – привратника мира мертвых («владыка ворот Ра-сетау»), судьи («Считающий сердца»), а также проявляет себя как законный правитель, нося титул «устанавливающий законы», и как верховный жрец с эпитетом «умиротворяющий богинь многочисленными жертвами его».

Пассивность образа императора, который фактически только наблюдает сцену предстояния перед богами, перенесение титулов, характерных для легитимного правителя на Тота, а также заключение в картуши имен Харсиесиса и Хатхор говорят о том, что жрецы храмы Дендеры отказывали Калигуле в статусе сакрального монарха. Законными правителями фактически становятся египетские боги. Данное представление уходит своими корнями в позднее и раннеэллинистическое времена[57]. Необходимо отметить, что Калигула сопоставляется с Тотом в функции верховного жреца. Это следует из его титула «Бык сильный, свет, прославляющий Харсиесиса и Хатхор». Император при этом не рассматривается как ритуальный посредник между богами и людьми. Но тут возникает вопрос: почему роль верховного жреца переходит к Тоту, который в этой функции заменяет собой земного правителя?

Во-первых, Тот традиционно почитался в качестве «господина божественного слова», а храмовые надписи и книги, которые повествуют о ритуальных практиках, рассматривались как (mj sš n Ḏḥwty rs) «то, что записал (сам) Тот» (Edfu. R, I. 23)[58]. Это дает основания Тоту быть основателем священных ритуалов. Намек на эту функцию ибиокефального бога дает Диодор Сицилийский (Diod. I. 20. 6).

Во-вторых, Тот, будучи лунным божеством выступал «заместителем Ра», небесного царя. В то время, когда солнечный бог плыл в своей барке по Дуату, Тот присутствовал в образе луны на ночном небосводе[59].

[57] Ладынин 2017, 310–322.
[58] Boylan 1922, 90.
[59] Bleecker 1973, 120.

В-третьих, так же, как и земной царь, бог Тот рассматривался в качестве гаранта Маат и законодателя, который устанавливает законы в соответствии с истиной[60]. Бог Тот проявляет себя как идеальный правитель, который устанавливает Маат и стремится поддерживать и воплощать в жизнь ее принципы.

В-четвертых, Тот выступал, подобно земному правителю, миротворцем, богом, который своей властью и магией способен примирить враждующие стороны. Он «примирил двух борцов» (rḥ.wy) – Хора и Сета. Тот-Гермес смог вернуть своенравную богиню Хатхор-Тефнут своему отцу Ра и, влияя на нее своей магией, предотвратил возможность ее превращения обратно в злобную Сахмет[61]. О популярности в римское время мифологических представлений об богине Хатхор-Тефнут (Афродите) говорит найденный грекоязычный папирусный документ (II в. н.э.), в котором отражается сказание об «Исходе» богини[62]. Магия, которая использовалась богами, была связана с двумя понятиями – Хека и Аху. Хека – собственно магия и способность богов совершать сверхъестественные действия, Аху – было характеристикой личности. Аху обладали и боги, и люди. Царь использовал магические свойства Аху для установление контактов с миром богов[63]. Поэтому наличие магических способностей в ритуальной практике было важной характеристикой фараона как верховного жреца и посредника между богами и людьми. Отсюда – способность к магическому искусству дает возможность Тоту быть примирителем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, император в Египте отождествлялся с богом Тот-Гермесом. Это отождествление отражалось в Хоровом имени римского правителя и позволяло ему выступать как законодателю и «владыке Маат». Бог Тот-Гермес выступал в качестве божества-лекаря и вселенского бога – черты, которые соответствовали образу императора, претендовавшего на власть во всей ойкумене и заботившегося о своих подданных, защищая их от врагов и утверждая справедливый порядок вещей. Ибиокефальное божество Тот мог выступать в образе солярного бога-ребенка, рождение которого способствовало перерождению мира и установлению справедливости. Эти функции Тота также могли способствовать сопоставлению его образа с образом римского владыки. Римский император почитался совместно с Тотом-Гермесом в Александрии и Гермополис Магна, в котором поклонение императору отличалось от культа традиционных египетских богов, что говорит о прерывании птолемеевской традиции дарование божественных почестей правителю как theos synnaos наряду с Тотом. Почитание образа императора совместно с Тотом-Гермесом сопровождалось ритуальным пиром и традиционным шествием, в ходе которого носились статуи императоров, бога Тота и прочих божеств. Проведение пира и шествий с участием изображений императоров устанавливала незримую связь римских владых с их египетскими подданными и способствовало легитимизации римской власти. Бог Тот-Гермес выступал богом военной победы, а покровительство императора этому божеству было нацелено на узаконивание

[60] Bleecker 1973, 136.
[61] Bleecker 1973, 127–130.
[62] West 1969.
[63] Assmann 2010, 23–24.

власти римского правителя в глазах египетского население после кризисных периодов (например, восстание под предводительством Авидия Кассия).

Бог Тот, который мыслился в качестве божества-примирителя, верховного жреца, «заместителем» бога Ра – царя небесного царства, гаранта справедливого порядка вещей, заменял собой императора Калигулу на храмовых изображениях в храме Дендеры, проявляя себя как посредник между богами и людьми – функции, традиционно соответствующие образу египетского фараона. Данный факт говорит о том, что жрецы храма Дендеры отказывали Калигуле в статусе сакрального правителя и что Египтом на самом деле правят египетские боги.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Assmann, J. 2010: Magie und Ritual im Alten Ägypten. In: J. Assmann, H. Strohm (Hsrg.), *Magie und Religion*. München, 23–43.

Baud, M. 2010: The Old Kingdom. In: A.B. Lloyd (ed.), *A Companion to Ancient Egypt*. Vol. 1. Oxford, 63–80.

Beutler-Kränzl, F. 2007: Procurator ad Mercurium. In: B. Palme (Hrsg.), *Akten des XXIII Internationalen Papyrologen-Kongresses.* Wien, 22–28 Juli 2001. Wien, 53–56.

Bleecker, C.J. 1973: *Hathor and Thoth: Two Key Figures of the Ancient Egyptian Religion*. Brussels.

Boylan, P. 1922: *Thoth, the Hermes of Egypt: A Study of Some Aspects of Theological Thought in Ancient Egypt*. London–Edinburgh–Glasgow–Copenhagen–New York–Toronto–Melbourne–Capetown–Bombay–Calcutta–Madras–Shanghay.

Brophy, E. 2015: *Royal Statues in Egypt 300 BC–AD 220. Context and Functions*. Oxford.

Capponi, L. 2011: Priests in Augustan Egypt. In: J.H. Richardson, F. Santangelo (eds.), *Priests and State in the Roman World*. Stuttgart, 505–526.

Capriotti Vittozzi, G. 2014: The Flavians: Pharaonic Kingship between Egypt and Rome. In: L. Bricault, M.J. Versluys (eds.), *Power, Politics and the Cults of Isis. Proceedings of the Vth International Conference of Isis Studies, Boulogne-sur-Mer, October 13–15, 2011*. Leiden–Boston, 237–259.

Dieter, K. 1986: Thoth. In: W. Helck, W. Westendorf (Hrsg.), *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. VI. Wiesbaden, 497–523.

Dundas, G.S. 1994: *Pharaoh, Basileus and Imperator: The Roman Imperial Cult in Egypt. PhD Thesis*. Los Angeles.

Eliade, M. 2000: *Mif o vechnom vozvrashchenii. Obrazy i simvoly. Svyashchennoe i mirskoe. Izbrannye sochineniya* [*Myth of Eternal Return. Images and Symbols. Sacred and Profane. Selected Works*]. Moscow.

Элиаде, М. 2000: *Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское*. Избранные сочинения. М.

Escolano-Poveda, M. 2020: *The Egyptian Priests of the Graeco-Roman Period: An Analysis on the Basis of the Egyptian and Graeco-Roman Literary and Paraliterary Sources*. Wiesbaden.

Fowden, G. 1987: Pagan Versions of the Rain Miracle of A.D. 172. *Historia* 36.1, 83–95.

Grenier, J-C. 1977: *Anubis alexandrin et romain*. Leiden.

Guskov, E.A. 2016: Tsezar' i nachalo rimskogo imperatorskogo kul'ta [Caesar and the Beginning of the Roman Imperial Cult]. In: S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.), *«Bogi sredi lyudey»: kul't praviteley v ellinisticheskom i postellinisticheskom mire* [*"Gods among Men": Cult of Rulers in the Hellenistic and Post-Hellenistic World* (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU

82.2. Istoricheskie issledovaniya 39 [Proceedings of the Faculty of History of Moscow State University 82.2. Historical Research 39]). Moscow–St. Petersburg, 609–628.

Гуськов, Е.А. 2016: Цезарь и начало римского императорского культа. В сб.: С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.), *«Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом и постэллинистическом мире* (Тр. исторического факультета МГУ 82. 2. Исторические исследования 39). М.–СПб., 609–628.

Helck, W. 1980: Maat. In: W. Helck, W. Westendorf (Hrsg.), *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. III. Wiesbaden, 1110–1119.

Herklotz, F. 2007: *Prinzeps und Pharao: der Kult des Augustus in Ägypten*. Frankfurt am Main.

Hölbl, G. 2000: A*ltägypten im Römischen Reich: Der römische Pharao und seine Tempel* I. Mainz am Rhein.

Israelowich, I. 2008: The Miracle of Marcus Aurelius: (Re-)Construction of Consensus. *G & R* 55.1, 83–102.

Jördens, A. 2014: Priester, Prokuratoren und Präfekten: Die Tempelverwaltung im römischen Ägypten. *Chiron* 44, 119–164.

Kachan, S.A. 2018: Rimskiy imperator v obraze Anubisa v Egipte [Roman Emperor in the Image of Anubis in Egypt]. *Kazanskiy vestnik molodykh uchenykh* 2, 3(6) [*Kazan Bulletin of Young Scholars* 2, 3(6)], 24–30.

Качан, С.А. 2018: Римский император в образе Анубиса в Египте. *Казанский вестник молодых ученых* 2, 3(6), 24–30.

Kees, G. 2005: *Zaupokoynye verovaniya drevnikh egiptyan. Ot istokov i do iskhoda Srednego Tsarstva* [*Mortuary Beliefs of the Ancient Egyptians. From the Beginnings to the End of the Middle Kingdom*]. St. Petersburg.

Кеес, Г. 2005: *Заупокойные верования древних египтян. От истоков и до исхода Среднего Царства*. СПб.

Kees, H. 1925: Zu den ägyptischen Mondsagen. *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde* 60.1, 1–15.

Kákosy, L. 1963: Problems of the Thoth-cult in Roman Egypt. In: G. Moravcsik (ed.), *Acta Archaeologica. Academiae Scientiarum Hungaricae* XV, 123–128.

Ladynin, I.A. 2017: *Nachalo makedonskogo vremeni v kategoriyakh traditsionnogo mirovozzreniya drevnikh egiptyan kontsa IV – nachala III vv. do n.e. Diss. dok. ist. nauk* 1 [*The Beginning of the Macedonian Time in the Categories of the Traditional Worldview of the Ancient Egyptians of the Late 4th – Early 3rd Century BC. PhD Text* 1]. Moscow.

Ладынин, И.А. 2017: *Начало македонского времени в категориях традиционного мировоззрения древних египтян конца IV – начала III вв. до н.э. Дис. ... д-ра ист. наук.* 1. М.

Lembke, K. 1994: Ein Relief aus Ariccia und seine Geschichte. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts (Röm. Abt.)* 101, 97–102.

Lepsius, R. 1970: *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien* II. Leipzig.

Livshits, I.G (ed.). 1979: *Skazki i povesti Drevnego Egipta* [*Tales and Stories of Ancient Egypt*]. Leningrad.

Лившиц, И.Г (ред.). 1979: *Сказки и повести Древнего Египта*. Л.

Mariette, A. 1870: *Dendérah: Description général du grand temple de cette ville* I. Paris.

O'Neill, I.S.J. 2011: *The Emperor as Pharaoh: Provincial Dynamics and Visual Representation of Imperial Authority in Roman Egypt, 30 B.C. – A.D. 69. PhD Thesis*. Cincinnati.

Pfeiffer, S. 2010: *Der römische Kaiser und das Land am Nil. Kaiserverehrung und Kaiserkult in Alexandria und Ägypten von Augustus bis Caracalla (30 v. Chr. – 217 n. Chr.)*. Stuttgart.

Pfeiffer, S. 2008: *Herrscher- und Dynastiekulte im Ptolemäerreich. Systematik und Einordnung der Kultformen*. München.

Posener, G. 1951: A propos de la "pluie miraculeuse". *Revue Philologique* 25, 163–166.

Riggs, C. 2008: *The Beautiful Burial in Roman Egypt: Art, Identity and Funerary Religion*. Oxford.

Snape, S.R. 1989: *A Temple of Domitian at El-Ashmunein. British Museum Expedition to Moddle Egypt*. London.

Stadler, M.A. 2012: Thoth. In: J. Dieleman, W. Wendrich (eds.), *UCLA. Encyclopedia of Egyptology*. Los Angeles (https://escholarship.org/uc/item/2xj8c3qg, 25.08.2024).

Stadler, M.A. 2009: *Weiser und Wesir. Studien zu Vorkommen, Rolle und Wesen des Gottes Thoth im ägyptischen Totenbuch.* Tübingen.

Tomashevich, O.V. 2021: Domitsian, syn Isidy [Domitian, Son of Isis]. In: N.V. Bugaeva (ed.), *Nuntia vetustatis*. *Pamyati Ii Leonidovny Mayak* [*Nuntia vetustatis. In Memory of Iya Leonidovna Mayak*]. St. Petersburg, 86–100.

Томашевич, О.В. 2021: Домициан, сын Исиды. В сб.: Н.В. Бугаева (ред.), *Nuntia vetustatis. Памяти Ии Леонидовны Маяк.* СПб., 86–100.

Turaev, B.A. 1898: *Bog Tot. Opyt issledovaniya v oblasti istorii drevneegipetskoy kul'tury* [*God Thoth. Research Experience in the Field of the History of Ancient Egyptian Culture*]. Leipzig.

Тураев, Б.А. 1898: *Бог Тот. Опыт исследования в области истории древнеегипетской культуры*. Лейпциг.

Versluys, M.J. 2002: *Aegyptiaca Romana: Nilotic Scenes and the Roman Views of Egypt*. Leiden.

West, S. 1969: The Greek Version of the Legend of Tefnut. *Journal of Egyptian Archaeology* 55, 161–183.

EMPEROR IN THE IMAGE OF THOTH-HERMES IN ROMAN EGYPT

Sergey A. Kachan

Independent Researcher, Moscow, Russia

E-mail: sergey-md@list.ru

The article discusses the problem of identifying the image of the Roman emperor with Thoth-Hermes. The functions of the ibiocephalic deity Thoth corresponded to the image of the Roman emperor, who was identified with the solar gods-children in the Egyptian mammisi temples, and was considered as a ruler who takes care of his subjects and claims power over the entire ecumene. This made it possible to identify or compare the images of the Roman ruler and the ibiocephalic deity. The identification of Thoth and the Roman rulers, who acted as legislators and “lords of Maat”, was reflected in the Egyptian temples and the Horus name of the emperors.

Keywords: Egypt, Roman imperial cult, Thoth-Hermes, Caligula, Domitian, Marcus Aurelius

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 32–45
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 32–45
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-32–45

АНТИНОЙ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ БОЖЕСТВО – ОБЪЕДИНИТЕЛЬ ЕГИПТА И РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

С.А. Качан

Независимый исследователь, Москва, Россия

E-mail: sergey-md@list.ru

ORCID: 0000-0003-2390-0637

В статье рассматривается культ Осириса-Антиноя, направленный на примирение и объединение полиэтничного населения Египта и Римской империи. В Египте поклонение Антиною сопровождалось строительством нового города – Антинополя, в котором адептам нового культа – римским гражданам, грекам, иудеям (возможно, иудео-христианам) – дар овались различные привилегии, среди которых владение пахотными полями, ставшими местом блаженного существования поклонников нового бога. Эта идея сочетала в себе египетское представление о блаженной жизни на полях Иалу, в которых царствовал традиционный Осирис, отождествляемый с Антиноем, и греческую идею о радостной жизни не в Аиде, а на земле. Антиной выступал как справедливый и идеальный правитель, обеспечивающий плодородие и справедливый порядок вещей. Эти функции соответствовали образу императора Адриана, который рассматривался как законный правитель Египта, примиряющий разноэтничное население Египта и приносящий через образ Антиноя Pax Romana. Появление культа Осириса-Антиноя вызывало миграционные процессы как в Египте, так и на востоке Римской империи.

Ключевые слова: Осирис-Антиной, Адриан, Антинополь, императорский культ, римский Египет, Балканы

Образ Антиноя включал в себя черты традиционных богов египетского[1] и греческого[2] пантеонов, что делало «нового» бога понятным для населения Римской империи и способствовало его утверждению в культовой сфере востока и запада Римской державы. Антиной стал последним универсальным языческими божеством, которому жители империи воздавали почести и который мог объединить разноэтничное население Римской империи. Таким образом, культ бога Антиноя проявлялся в качестве политического феномена, тесно соприкасавшегося с религиозной сферой. В рамках этой парадигмы К. Вают изучает культ Антиноя сквозь призму пропаганды позитивного образа римского правителя, в рамках которой «новый» бог способствует объединению разных народов под властью римского

Данные об авторе. Сергей Александрович Качан – независимый исследователь, Москва.

[1] Kessler 1994, 141–143.

[2] Meyer 1991, 145–151.

владыки[3]. Ж-К. Гренье, в свою очередь, рассматривает Антиноя как «политическое божество», призванное примирить разноэтничное население Египта[4]. Б. Фер, изучая культовые статуи обожествленного фаворита Адриана, вобравшие разные религиозные традиции и черты богов народов Римской империи, видит в Антиное божество, которое легитимизирует власть римского правителя[5]. Но, в отличие от авторов предшествующих работ, автор данного исследования предлагает рассмотреть вопрос влияния египетских и греко-римских традиций на культ фаворита Адриана, способствовавших единению народов Восточного Средиземноморья под властью римского императора, образ которого в культовой сфере переплетался с Антиноем. Также рассматривается вопрос социально-политических последствий формирования культа «нового бога», которые находили свое воплощение в Египте и Восточном Средиземноморье.

После трагической смерти Антиноя в водах Нила император Адриан обожествил его, построил город (Amm. Marc. XXII. 16. 2; Aur. Vict. De Caes, 14. 6; Hieron. De viris illustr. XXII; Dio Cass. LXIX, 11. 3) и сформировал культ в честь «нового» бога, что отражается в тексте обелиска Барберини (обелиска Антиноя) (нумерация текста по А. Гримму[6]): (Nsw.t-bjty grg sbꜣj.t m-ḫnw gs.w-pr.w hr jb nṯr.w jmꜣs n rmṯ nb Ḥʿp ḥnʿ nṯr.w nb.w mrj nb ḫʿw Ḥtrʿns-Ḳsrs ʿnḫ wḏʿ snb ʿnḫ ḏ.t (mj Rʿ)) «Царь Верхнего и Нижнего Египта, основывающий (новое) учение в храмах (боги довольны им (т.е. учением)) для людей всех. Хапи и всеми богами возлюбленный, господин воссеяний, Адриан Цезарь – да будет он жив, здоров и благополучен, – живущий вечно, (как Ра)» (Ic)[7]. В этой части обелиска император Адриан носит тронное («Хапи и всеми богами возлюбленный») и личное («Адриан-Цезарь») имена, наличие которых являлось традиционным для правителей Египта и демонстрировало божественные черты в образе владыки Рима[8], сравненного с богом Ра, царем небесного мира, и связанного с богом Хапи – божеством Нила, обеспечивающим плодородие.

Божественный статус императора Адриана отображается в другой части текста обелиска Барберини (Ia–Ib), которое сопровождается изображением: император Адриан стоит перед верховным богом Ра-Хорахти, на голове у которого солнечный диск с уреем. Верховный бог держит в правой руке скипетр-wꜣs, а левой двигает знак-ʿnḫ к столу преподношений[9]. При этом правитель Рима говорит: (Ḏd-mdw jn sꜣ Rʿ nb ḫꜣ.w Ḥrtʿns-Ḳsrs ʿnḫ ḏ.t (dj.tw) n=k sꜣ.t=k mr jb=k) «Речение слов сыном Ра, господином воссеяний, Адрианом Цезарем, живущим вечно: “Дается тебе дочь твоя (т.е. Маат), любящая сердце твое”». В ответ бог Ра-Харахти говорит: (Ḏd-mdw jn Rʿ-Ḥr-ꜣḫ.tj dj=j n=k wꜣs…ḏ.t) «Речение слов (богом) Ра-Харахти: “Даю я тебе скипетр-wꜣs… вечно». В тексте обелиска утверждается, что Адриан объявляется владыкой скипетра-wꜣs, а образ могущественного императора переплетается с Антиноем: (nṯr wʿḏ nfr jw=f m nb wꜣs ḥkꜣ tꜣ nb šps wr.w (m) ksj n pḏt 9 dbhy dmḏ.t ḥr ṯb.tj.fj mj ḥkꜣ.w tꜣ.wy ḫpr.sn ḥr rʿ.w=f rʿ nb pḥ nḥṯ=f r jḏr(w) šmw nb n tꜣ pn ḥr

[3] Vout 2007, 52–135.
[4] Grenier 2008, 67–73.
[5] Fehr 2015.
[6] Grimm 1994, 25–88.
[7] Grimm 1994, 33; Grenier 2008, 30.
[8] Kaplony 1980, 641–642.
[9] Grenier 2008, 27; Kessler 1994, 137.

jfd 4=f) «с богом молодым и прекрасным (т.е. Антиноем). Вот он (т.е. Адриан) в качестве господина скипетра-w³s (принцепс) и владыки земли всей, благородный. Вельможи поклоняются перед девяткой (богов). Собираются (иностранные) народы под стопами его (т.е. Адриана), подобно властителям Обеих Земель (Египта): становятся они (т.е. народы) под его словом каждый день. Могущественна сила его до границы округа земли этой, до 4 сторон ее» (Id). Скипетр-w³s был символом Осириса (Plut. De Iside et Osiride. 10), египетским прототипом бога Осириса-Антиноя[10]. Также скипетр-w³s выступал как символ власти, который в храмах греко-римского времени божество передавало правителю[11], что легитимизировало власть владыки Египта. Схожие представления обнаруживаются в греко-римских религиозных представлениях, в которых отражается идея об идеальном правителе, получающем свою власть от верховного бога. Так, Дион Хризостом говорит в первой речи «О Царстве», обращенной императору Траяну, об идеальном правителе, ссылаясь на Илиаду (Il. 2.205–206): (Φέρε εἴπωμεν τὰ τε ἤθη καὶ τὴν διάθεσιν τοῦ χρηστοῦ βασιλέως, ἐν βραχεῖ περιλαμβάνοντες ὡς ἔνεστιν, ᾧ ἔδωκε Κρόνου παῖς ἀγκυλομήτεω σκῆπτρόν τ᾽ ἦδε θέμιστας, ἵνα σφίσι βουλεύῃσιν) «Позволь нам рассказать, каков нрав и положение идеального правителя, (что), как было установлено, вкратце излагается (следующим образом): “Он тот, кому дал скипетр прозорливый сын Кроноса, и (тот, кто) познал справедливость, чтобы (мог) управлять ими (т.е. подданными)”» (Dio Chris. Disc. I. 11).

Итак, образ скипетра, который передает верховное божество императору в тексте обелиска Барберини, легитимизирует власть римского правителя, объявляет его идеальным правителем, действующим согласно справедливому порядку вещей («Маат»), и находит египетские и греко-римские прототипы. Обладателем скипетра-w³s через образ традиционного Осириса объявлялся бог Осирис-Антиной, который сопоставлялся с императором Адрианом и объявлялся также идеальным правителем.

Разработка теологии «нового» бога сопровождалась формированием жречества и строительством храмов в честь Антиноя: (nṯr nty jm nty ḥtp m j³.t tn nt m-ḥnw sḫ.t t³š.t n nb w³s (m) H³rmᶜ rḏ.tw=f m nṯr m j³.t nṯrj.t nty (m) Km.t ḳd.tw n=f rᶜ.w-pr.w dw³.tw=f mj nṯr jn ḥm.w-nṯr.w wᶜb.w n nsw.t-bit jmy.w T³-mrj mjt.t jry.w) «бог, который там[12] (т.е. Антиной), умиротворившийся в месте этом, который находится в поместье господина скипетра-w³s (принцепс), который из Рима. Известен он (т.е. Антиной) в качестве бога в божественном городе, который в Египте. Строятся для него (т.е. Антиноя) храмы. Восхваляем он как бог жрецами-профетами и жрецами-уабами (=пастофорами), которые в Верхнем и Нижнем Египте, а также – жителями Возлюбленной Земли (Египет), находящимися в ней» (IVa); (k³r.w=f pr.w=f nḫb.w=f mjt.t ḥr=sn snsn.n=f m ṯ³w n ʿnḫ ḫpr šfj.t=f m jb.w) «равны (по значимости) его алтари, его храмы, его титулатура. Дышал он дыханием жизни. Становится величие его в сердцах (людей)» (IIc). Таким образом, для Антиноя в городе, названном в его честь (Антинополь), был сформирован египетский культ, а последующее распространение поклонения этому божеству сформировало представление

[10] Качан 2019, 135.

[11] Martin 1986, 1153.

[12] В Египте эпитет «тот, который там» был традиционным для обозначения покойных, пребывающих в Загробном царстве.

об обожествленном фаворите императора Адриана в качестве египетского бога и равного египетским богам. Так, согласно греческой посвятительной надписи из Италии (Portus), куда приплывали из Египта корабли, нагруженные хлебом, Антиной назван божеством, находящимся на троне вместе с богами Египта: (Ἀντινόῳι συνθρόνῳ τῶν ἐν Αἰγύπτωι θεῶν) «Антиною, (восседающему) на троне совместно с богами Египта» (IG XIV. 961=IGUR I. 98))[13].

В Египте главным культовым центром поклонения «новому» богу выступал город Антинополь, куда, согласно тексту обелиска Барберини, переезжало разноэтничное население: (nḫb.tw dmj r rn=f mšʿ n=f jmy.w n Ḥ³w-nbw.t rnp.w Ḥr w³ḏ.w Stḫ nty jmj.w (m) gś.w-pr.w n B³k.t jj.śn m dmj.w=śn dj.tw n=śn ³ḥ.w.t ³ḫ.w.t r snfr ʿnḫ=śn m ʿ³ wr) «основан город, (названный) по имени его (т.е. Антиноя). Принадлежат ему (т.е. городу) ветераны, греки, отпрыски Хора и дети Сета, которые находятся в храмах Египта. Идут они из поселений своих. Даются им пахотные поля для того, чтобы стала прекрасной жизнь их в качестве весьма великой» (IVb).

А. Гримм переводит начало этого пассажа: «принадлежат ему войска греков (т.е. греческие участники культа) Обеих Земель и те, которые находятся в храмах Египта». Автор транскрибирует выражение «принадлежат ему (т.е. городу) войска греков» как mšʿ n=f jmy nj Ḥ³w-nbw.t, интепретируя mšʿ и jmy nj Ḥ³w-nbw.t как одно понятие, обозначающее греческий воинский контингент, и рассматривает иероглифы сидящих друг напротив друга Хора и Сета как t³.wy – «Обе Земли»[14]. Ж-К. Гренье дает перевод этой же части текста: «принадлежат ему население греков, отпрыски Хора и дети Сета, которые находятся в метрополиях». Этот автор транскрибирует иероглифы Хора и Сета как rnp.w Ḥr w³ḏ.w Stḫ (отпрыски Хора и дети Сета) и переводит связанное с ними последующее выражение nty jmj.w gś.w-pr.w nw B³k.t как «которые находится в метрополиях»[15]. Мы предлагаем рассмотреть термин mšʿ, который означает «войско» (WB II. P. 155), как отдельное слово и даем перевод «ветераны», а выражение jmy.w n Ḥ³w-nbw.t переводим «греки». Согласно тексту обелиска, в городе Антинополе проживали ветераны – греческие или эллинизированные жители Египта, допущенные ранее на службу в римскую армию и получившие после демобилизации права граждан города[16]. В эпоху Принципата набор в имперскую армию состоял, как и в республиканский период, из носителей римского гражданства, что было обязательным условием для сохранения армии как сплоченного коллектива граждан, способных защищать государственные интересы[17]. В Египте вступление в войско римских граждан подтверждается латинским папирусом (P. Thead. 31), происходящим из Филадельфии (Фаюм) и датируемым концом правления Траяна. Согласно этому документу, некий Гай Валерий Сатурнин (судя по tria nomina, римский гражданин) просит префекта Египта разрешить ему вступить в качестве воина в когорту (militem in cohorte), чтобы служить под знаменами императора (signis imperatoris domini nostri)[18]. Со времен Флавиев в римскую армию набирали провинциалов, которые после увольнения со службы получали рим-

[13] Meyer 1991, 172.
[14] Grimm 1994, 63.
[15] Grenier 2008, 10.
[16] Bell 1940, 139.
[17] Махлаюк 2006, 146.
[18] Speidel 1988, 242.

ское гражданство[19]. Вышедшие в отставку солдаты, как римские граждане, так и провинциалы, получившие гражданство Рима, наделялись землей (premia agraria), что соответствовало принципу «крестьянин-собственник – хороший солдат» и политике государства по укреплению преданности военнослужащих Империи (Gell. XVI. 10. 11)[20]. Жителями Антинополя также было греческое население, которое получало название (как и ветераны) Ἀντινοέων Νέων Ἑλλήνων («Антиноиты, Новые греки») (P. Würzb. 9) и переселилось из эллинизированного Фаюма, Птолемаиды, Навкратиса, Охсиринха и других мест, где проживали египетские греки[21]. Данное обстоятельство позволило превратить новый город в бастион эллинизма в долине реки Нил, так как греки, переселяясь в Антинополь, приносили с собой греческую культуру, образ жизни, принципы строительства и систему администрирования города. Переселение греков в Антинополь стимулировалось дарованием различных привилегий, которыми не обладали ни Александрия, ни другие греческие города Египта. Жители нового города имели право заключать браки с египтянами, освобождались от обязанности выполнять литургии и магистратуры за пределами Антинополя, а также от ряда налогов (в том числе от подушной подати), имели право решать правовые вопросы в соответствии с нормами, установленными для нового города[22]. Возможно, что император Адриан даровал Антинополю право собираться в городском совете. Так, согласно папирусу (P. Lond. 1905) 151 г. – времени правления Антонина Пия, – в городе уже существовал совет, одной из функций которого было взимание платы за составление свидетельства о рождении – ἀπαρχή. Таким образом, основание нового города было связано не только с почитанием Антиноя, но и «проектом эллинизации» – возрождения греческой культуры, который имел успех в Греции в это же время (130–132)[23]. Другой привлекательной стороной переселения в Антинополь было также наделение «новых греков» пахотной землей, что отражается в тексте обелиска Антиноя (IVb). Согласно данному отрывку текста обелиска, землю получали не только ветераны и переселившиеся греки, но и «отпрыски Хора и дети Сета, которые находятся в храмах Египта». Как считает Ж-К. Гренье, эти группы переселенцев, по всей видимости, были представителями египетской молодежи, которая жила в метрополиях и испытала на себе сильное эллинское культурное влияние, что позволяло включить их в число «новых греков»[24]. Необходимо отметить, что бог Хор традиционно рассматривался в качестве владыки Египта, тогда как Сет был божеством, царствующим среди иностранных народов – кочевников Азии[25]. Таким образом, выражение «отпрыски Хора» можно понимать как «египтяне» (aigyptoi), а «дети Сета» – как «потомки азиатских народов, переселившихся в разное время в Египет». В частности, таковыми могли быть иудеи и иудо-христиане, которые по своему налоговому статусу в римское время были приравнены к египтянам, но при этом часто были носителями греческой образованности и культуры[26].

[19] Harmand 1974, 290.
[20] Махлаюк 2006, 161.
[21] Bell 1940, 136–140.
[22] Bell 1940, 141–144.
[23] Galimberti 2017, 106.
[24] Grenier 2008, 10–11, b–c.
[25] te Velde 1967, 110.
[26] Pfeiffer 2010, 40.

Таким образом, согласно тексту обелиска Барберини, в Антинополе проживали римские ветераны, египетские греки, египтяне, а также иудеи и иудео-христиане. Они жили в городе, в котором почитался новый бог Осирис-Антиной, связанный с образом императора. Итак, образы римского правителя и нового бога должны были объединить разноэтничное население.

Следует добавить, что приходу к власти императора Адриана предшествовало мощное иудейское восстание в 116–117 гг., которое было жестоко подавлено. Восставшие иудеи, противостоявшие грекам и эллинизированным египтянам, рассматривались как люди Сета-Тифона, «нечестивый народ», «враги порядка, однажды высланные из Египта яростью Исиды» (CPJ 520=PSI 982). В конце II века по случаю победы над восставшими иудеями был организован праздник, в ходе которого подавление беспорядков 116–117 гг. интерпретировалось как противодействие Сету-Тифону (CPJ 450)[27]. Борьба греков и иудеев в римском Египте имела место и в более ранние периоды. Так, противостояние между ними, начавшееся в конце правления Калигулы, было завершено при Клавдии. Знаком окончания противоборства стала установка жителями Александрии статуи Pax Augusta Claudiana – римской богини мира (P. Lond. 1912)[28], что интерпретировалось как проявление набожности (εὐσέβεια) александрийцев по отношению к императору как божеству[29]. При Траяне в 109–110 гг. окончание борьбы иудеев и греков было отмечено выпуском александрийских монет с изображением богини Pax-Немезиды, символизирующей собой согласие и примирение[30]. При Адриане после подавления иудейского восстания 116–117 гг. в Александрии вновь выпускают монеты, включавшие иконографию Немезиды-Виктории, появление которой было знаком примирения в обществе и победы над восставшими иудеями. Итак, прекращение противоборства между иудеями и греками (эллинизированными египтянами) в Александрии сопровождалось появлением богини, символизирующей мир и согласие в обществе, а восприятие этого божества означало проявление набожности (εὐσέβεια) подданных по отношению к римскому правителю как культовой фигуре. Схожим образом привлечение «отпрысков Хора» и «детей Сета» в Антинополь – к поклонению Антиною – было попыткой примирить греков и эллинизированных египтян, с одной стороны, и иудеев (возможно, и христиан) – с другой. Необходимо отметить, что традиционно правитель Египта рассматривался как земное воплощение Хора и Сета, образы которых в монархе объединены и примирены[31], что позволяло царю долины реки Нил выступать объединителем египетского общества и подвластных ему народов. Единение «отпрысков Хора» и «детей Сета» в культе Антиноя обнаруживает те же функции – объединение и примирение народов – и позволяет сопоставить образы обожествленного фаворита и императора.

В тексте обелиска (IVb) могло отражаться взаимовлияние египетских и греческих религиозных представлений, что проявлялось в фразе «Даются им пахотные поля для того, чтобы стала прекрасной (snfr) жизнь их в качестве весьма великой». Слово nfr можно переводить как «хороший», «прекрасный», «молодой»,

[27] Frankfurter 1998, 206–207.
[28] Rostovtzeff 1926, 24.
[29] Pfeiffer 2010, 77.
[30] Rostovtzeff 1926, 26–27, pl. X, 8.
[31] Gauthier 1924, 198.

«младший»[32], а также – как «помощь»[33]. Следовательно, эту фразу можно понимать так: «чтобы стала «хорошей», «прекрасной», «молодой» жизнь», «стать помощью (для) жизни». Фразу «в качестве весьма великой» можно понять как «жизнь, обеспеченную всем необходимым». Таким образом, здесь бог Антиной проявляет себя как благодетель, создатель благой, блаженной жизни на земле. Эту часть обелиска можно объяснить следующим: произошло смешение религиозных представлений египтян и греков. С одной стороны, была египетская идея со времен «Текстов пирамид», согласно которой покойные получают на полях Иалу («Тростниковые поля») блаженную жизнь[34], где господином, как царь мертвых, был Осирис, с которым Антиной отождествлялся: (dj.tw.n=k p.t dj.tw.n=k t³ sḫ.t I³rw) «дается тебе небо, дается тебе земля, даются тебе Тростниковые поля (Иалу)» (pyr. 1010b); (sḫ.w.t I³rw j³.w.t Ḥr j³.w.t Stš n=k (m) tm) «Тростниковые поля – это владения Хора, владения Сета, которые принадлежат тебе полностью» (Pyr. 943a–c). При делении Тростниковых полей (т.е. Загробного мира, в котором пребывают блаженные просветленные-Аху) за образец было взято политическое деление Египта[35]. Согласно 109 главе «Книги мертвых» живущие там души собирают невиданные урожаи (BD. Spell. 109a)[36], мечта о которых была порождена крестьянским сознанием[37]. В тексте обелиска Антиноя земля даруется «отпрыскам Хора и детям Сета», что, вероятно, могло быть репликой «Текстов Пирамид». С другой стороны, согласно греческим религиозным представлениям, настоящая жизнь может быть только на земле, а в Аиде человек со скорбью будет жить среди духов: «Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле, службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный, нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый» (Hom. Od. XI. 489; пер. В.А. Жуковского). Таким образом, в результате смешения этих двух представлений – египетской идеи блаженной жизни на полях Иалу и греческого представления о неприятии как полноценной жизни существования в Аиде – появляется новое видение, которое воплощается в идее блаженной жизни на земле. Теперь ее на земле, подобно Осирису на полях Иалу, обеспечивает бог Осирис-Антиной, который способствует обеспечению всем необходимым адептов своего культа: постоянными разливами, устойчивыми урожаями и торжеством Маат – справедливого порядка вещей. Представление о блаженной жизни на земле перекликается с христианской идеей о даровании Христом «нового неба и новой земли», на которой уверовавшие в Иисуса будут жить блаженной жизнью (Apoc. 21:1–10). Схожесть образов Христа и Осириса-Антиноя отмечал во II веке Цельс (Origen. Contra Cels. III. 36). Это обстоятельство показывает, что на текст обелиска Барберини могли оказать влияние египетские, греческие, а также христианские религиозные представления.

Представления о даровании пахотной земли сочеталось с идеями устойчивых урожаев, которые обеспечивает правитель, что отражено в тексте обелиска Антиноя: (k³.w ḫnʿ ḥm.t-k³.w=sn šbn m nḏm jb=sn ʿš³ ms=sn n=f jw sḫʿʿ jb=f ḫnʿ ḥm.t-nsw

[32] Берлев 2003, 3.
[33] Gardiner, Sethe 1928, 12.
[34] Keec 2005, 116–117.
[35] Keec 2005, 143.
[36] Allen 1974, 86.
[37] Keec 2005, 321.

wr.t mrw=f ḥn.t tȝ.wy Sʿbynȝ ʿnḫ wḏʿ snb Sȝbsdʿ ʿnḫ ḏ.t) «смешиваются быки и коровы с большой радости сердца их. Рождаются они для него (т.е. Адриана). Вот радуется сердце его (т.е. Адриана) вместе с царицей великой, владычицей Обеих Земель (Египта), возлюбленной им – Сабиной (да будет она жива, благополучна и здорова) – Себастой, живущей вечно»; (jtf nṯr.w sbḳȝ ȝḫ.w.t n=sn jrj.n=sn n nww.t r tr=s r bʿḥj tȝ.wy) «(Хапи), отец богов, (делает он) плодовитые поля для них. Делали они (т.е. Адриан и Сабина) для разлива ко времени его для того, чтобы были наводнены Обе Земли (Египет)» (Ie–If). В этом тексте император выступает в традиционной роли египетского фараона, одной из функций которого было обеспечение устойчивых урожаев. Необходимо отметить, что бог Антиной также проявлял себя как божество, способствующее плодородию. Антиной в городе Лепта Магна (Триполитания) почитался как бог плодородия, что отражается в посвятительной надписи из храма Liber Pater: «От имени (жителей) Лепты Антиною, богу, (несущему) плодородие» (Antinoo deo Frugifero Lepcitani pulice)[38]. Идея плодородия переплетается с дарованием сексуальной силы и сексуальностью. Так, влюбленный человек мог требовать у Антиноя (nekudaimon), чтобы тот подчинил ему волю возлюбленной, которую хочет влюбить в себя (SM 47)[39].

Итак, Антиной выступал в качестве божества, обеспечивающего плодородие. Данная функция соответствовала традиционной роли египетского правителя способствовать росту урожайности, которую, согласно тексту обелиска, выполнял император Адриан. Это представление сочеталось с идеей об императоре и боге Антиное как примирителях, под заботой которых объединяются разные народы. Одним из проявлений такой заботы было дарование земли, на которой адепты культа могли жить счастливо, обеспеченные всем необходимым. Идея о счастливой жизни под властью бога Осириса-Антиноя уходила своими корнями в египетские религиозные представления, согласно которым блаженные души-Аху могли быть обеспечены всем необходимым на полях Иалу, где царствовал традиционный Осирис, и сочеталась с греческим представлением о том, что настоящая, полноценная жизнь возможна на земле, а не в Аиде. На эти идеи также могло оказать влияние набиравшее силу христианство. Таким образом, счастливую, обеспеченную всем необходимым жизнь даровал сам бог Антиной, а через него – и император, который был проводником справедливого порядка вещей, заботился о своих подданных и утверждал через «новое божество» Pax Romana. Эти представления сочетались с дарованием привилегий жителям Антинополя. Наличие привилегий и идей, связанных с заботой о подданных со стороны императора, вызывали миграционные процессы – переселение из эллинизированных селений Египта в новый город бога Антиноя.

Миграционные процессы, связанные с распространением культа Антиноя, были характерны и для Балкан. В Скупи (Скопье), где, среди почитания прочих божеств, существовал культ обожествленного фаворита Адриана, найдены два ритуальных антропоморфных сосуда, изображающие Антиноя: один из них (инв. № 11364 – Городской музей Скопье) обнаружен в юго-восточном некрополе Скупи в гробнице с кремацией, другой – в этом же некрополе, но в гробнице

[38] Meyer 1991, 165.
[39] Németh 2013, 151.

с ингумацией (инв. № 11941 – Городской музей Скопье)[40]. Появление сосудов с изображением Антиноя в Скупи связывается с влиянием традиций керамического производства, происходивших из Книда или Пергама, где обнаруживаются схожие по технике сосуды с изображением греческих богов (в частности, Диониса)[41]. Проникновение культа Антиноя в Скупи могло проходить двумя путями. Первый путь (с севера) – проникновение культа Антиноя произошло из муниципия Дардания (Municipium Dardarorum) в Верхней Мезии, где засвидетельствовано почитание Антиноя в качестве героя в святилище (Antinoo Heroi aedem)[42]. Скупи и Дардания находились вдоль пути via metallica, который связывал местные месторождения металлов с городом Фесаллоники, через который переселенцы из Вифинии, родного города Антиноя, могли проникать в Верхнюю Мезию. Второй путь прослеживается с юго-востока – из Фракии, Нижней Мезии, где найдены бронзовые сосуды с изображением Антиноя, и Мантинеи, в которой Антиной почитался в образе Диониса и в честь которого устраивались ежегодные игры, возводились статуи и храм (Paus. VIII.9. 7–8)[43]. В Мизии (Анатолия) в 124 г. Адриан основал город – в том месте, где он охотился на медведицу (Dio Cass. LXIX. 10. 2; SHA. Hadr. XX. 13), – Адрианотеру («Адриановы охоты»), в котором впоследствии почитался Антиной как «добрый герой» (ἥρως ἀγαθός) (это подтверждается выпуском монет: аверс – бюст Антиноя (легенда: ἥρως ἀγαθός), реверс – голова медведицы)[44]. Идея об императоре как охотнике перекликается с сюжетом охоты Антиноя и Адриана в ливийской пустыне, воспетой поэтом Панкратом (P. Oxy 1085), отражена на одном из тондо Арки Константина в Риме, где император Адриан представлен охотящимся на медведицу[45].

Итак, миграция на Балканах, связанная с образом и культом Антиноя, происходила либо из Анатолии на Балканы, либо внутри балканской Греции. В частности, в Скупи это подтверждается заменой традиций погребения с кремации на ингумацию, которая стала преобладающей в течение II–III вв. и была «результатом не только наплыва переселенцев, но и последствием социально-экономического и религиозного изменений в обществе»[46]. Восприятие Антиноя как культового образа перекликалось с победоносным образом императора, который повергает врагов и является умелым охотником. Необходимо отметить, что через два месяца после смерти Антиноя делегация из Фессалоник просила Адриана, находившегося в Египте, дать позволение им организовать почитание Антиноя на уровне гимнасия и города (οἱ νέοι καὶ ὁ βουλευτής) (IG X 2.1. № 14)[47]. Итак, божественный образ Антиноя был принят в Фессалониках, которые могли стать мостом на миграционном пути из Анатолии в Верхнюю Мезию. Именно через этот город могла проникать технология изготовления погребальных сосудов с изображением Антиноя, которые были обнаружены в Скупи, и происходить миграция населения из Анатолии.

[40] Jovanova 2016, 30–31.
[41] Jovanova 2016, 35–36.
[42] Šašel 2007, 178.
[43] Jovanova 2016, 41–44.
[44] Jones 2010, 82.
[45] Meyer 1991, 218, Taf. 132, 2.
[46] Jovanova 2016, 37.
[47] Meyer 1991, 205.

Антропоморфные сосуды с изображением Антиноя, похожие на образцы из Скупи, были найдены в Египте. Один из таких сосудов – бронзовая ваза в форме бюста Антиноя, одетого в одежду из кожи (Британский музей, инв. № 1867,0508.824)[48]. Второй сосуд, иконографически похожий на первый образец, хранится в Берлинском Государственном музее (инв. № 1988.4)[49]. Изображения на обеих вазах демонстрируют связь образа Антиноя с идеей плодородия, а сами сосуды, вероятно, использовались в погребальных практиках. Параллелью данным вазам служит изображение Антиноя-канопа на архитектурном тондо, представленного в образе фараона-Осириса (Бостонский музей изобразительного искусства, инв. № 1970. 243). Это тондо было найдено рядом с местечком под названием Маллави, недалеко от Антинополя, и должно было быть частью святилища или большой гробницы[50]. Традиционный Осирис изображался в греко-римское время в виде сосуда-канопа, который служил в погребальных практиках. В Лувpском музее хранятся сосуды-канопы, изображающие Осириса в образе египетского фараона с короной-Атеф на голове (Louvre AF 586)[51]. Иконографически близкие канопы изображают Осириса как царя Египта, у которого на голове трехчастный головной убор с уреем (Louvre E 22237=MG 4738, Louvre EG 3344)[52]. Эти изображения переплетались с идеей плодородия, воскрешения к новой жизни и утверждения справедливого порядка вещей – представления, с которыми традиционно был связан Осирис.

Итак, изображения Антиноя в образе сосуда-канопа в Скупи находит свою египетскую параллель. Образ Осириса-Антиноя-канопа иконографически похож на изображение Осириса-канопа греко-римского времени и переплетается с идеями плодородия, перерождения к новой жизни и торжества Маат. Придание образу Антиноя черт египетского фараона в Египте говорило о тесной связи «нового» бога с образом императора, который рассматривался в долине реки Нил в качестве царя Египта. Таким образом, сам римский правитель через бога Антиноя способствует устойчивым урожаям, перерождению к новой жизни и утверждению справедливого порядка вещей. Данные идеи, вероятно, повлияли на культ Антиноя, который распространился за пределами Египта. Таким образом, на Балканах и в Анатолии египетские идеи утверждения справедливого порядка вещей, плодородия и перерождения к новой жизни получали новую интерпретацию, входя в синтез с местными религиозными представлениями, воплощались, вероятно, в мистериальных действах в честь Антиноя. Так, в Мантинее проводились ежегодные мистериальные ритуалы (τελετή) (Paus. VIII. 9. 7), в ходе которых адепты культа надеялись на посмертное спасение.

Антиной при жизни был посвящен в Элевсинские мистерии[53], как и Адриан. Взаимосвязь Антиноя и Адриана с Элевсинскими мистериями, во время которых почитались Аполлон-Гелиос, Деметра, Персефона-Кора, оказала воздействие на

[48] British Museum. http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=465096&partId=1&searchText=antinous&page=1.

[49] Staatliche Museen zu Berlin. http://www.smb-digital.de/eMuseumPlus?service=ExternalInterface&module=collection&objectId=677438&viewType=detailView.

[50] Museum of Fine Arts Boston. https://collections.mfa.org/objects/151306.

[51] Fuoquet 1973, 62, fig. 2.

[52] Fuoquet 1973, 64–65, fig. 6–7.

[53] Lambert 1984, 62.

посмертное обожествление императорского фаворита. Образ Антиноя сопоставлялся с богом Гелиосом, который управляет колесницей. Так, на коммеморативной монете, выпущенной по заказу жреца бога Антиноя в Коринфе – Хостилия Маркела – представлен обожествленный фаворит Адриана: на аверсе – голова Антиноя с легендой ΟCTIΛIOC MAPKEΛΛOC IEPEVC TOV ANTINOOV, на реверсе – бог Гелиос с хлыстом в правой руке, управляющий колесницей, в которую впряжены два коня[54]. Идея об Аполлоне-Гелиосе, управляющем колесницей, находит параллель в обожествлении императора Траяна, которого уносит на колеснице бог Аполлон (P. Giss 3), отождествленный с Хором и императором Адрианом, и который стремится к перерождению в загробном мире[55]. Антиной, согласно тексту обелиска Барберини, стремится соединиться с солярным божеством Ра-Харахти (Ia–Ib), контаминированным в Египте с Гелиосом. Обожествленный фаворит императора Адриана, соединившись с солярным божеством, переродится к новой жизни, став царем Загробного царства в образе Осириса, с которым Антиной отождествлялся[56]. Итак, участие адептов культа Антиноя в мистериальных действиях давало им надежду на спасение в загробном мире. Подобно Антиною, который соединился с солнечным богом и переродился к новой жизни в образе Осириса, его почитатели получали спасение и обеспеченную жизнь не только в этом мире, но и в загробном. Тесная взаимосвязь образов Антиноя и императора Адриана, почитавшихся совместно, говорила о том, что через мистериальные культовые действия в честь обожествленного фаворита, сам римский правитель обеспечивает спасение адептов культа Антиноя.

Адриан использовал египетские образы как «символ», который включал в себя восхищение, испытываемое греками и римлянами перед Египтом, и египетскую мудрость, уходящую корнями в глубокую древность. Включение египетских богов в императорскую идеологию легитимизировало власть римского правителя и связывало императора с образом Октавиана Августа, который покорил Египет и установил стабильность и мир после гражданских войн. В этой связи, создание культа Антиноя, который включал в себя египетские, эллинистические и римские элементы и был проявлением Египта как «символа»[57], нацелено на формирование легитимного характера императорской власти, а император, утверждая египетские парадигмы и «придавая смысл Египту» как образу, становился проводником мира – Pax Romana.

Итак, Антиной выступал как божество, которое объединяет разноэтничное население Египта и Римской империи. Возникновение этого божества, включавшее в себя черты египетских и греко-римских богов, должно было способствовать примирению различных этносов, которые порой враждовали между собой. Идея об Антиное как боге-примирителе соответствовала образу римского правителя, выступавшего в качестве египетского фараона, в котором боги-антагонисты – Хор и Сет – примирены. Данная идея способствовала поддержанию справедливого порядка вещей и установлению мира в римском Египте – Pax Romana, который приносил император и утверждался через бога Осириса-Антиноя. Антиной, ото-

[54] Blum 1914, 36. № 3. Pl. I, XV.
[55] Качан 2020, 82–87.
[56] Качан 2019, 135.
[57] Versluys 2012, 25–39.

ждествляемый с Осирисом, выступал в качестве справедливого и идеального правителя. Эти черты были характерны для Адриана, который мыслился как правитель, утверждающий справедливый порядок вещей (Маат) и, в этой связи, сопоставляющийся с Антиноем. Появление культа «нового бога» сопровождалось дарованием в Антинополе различных привилегий населению, которое переселилось в город Антиноя и принимало его в качестве божества. Среди преимуществ переселения было дарование пахотной земли, жизнь на которой мыслилась как блаженная жизнь в этом мире. Эта идея сформировалась в результате адаптации египетского представления о блаженной жизни на полях Иалу в Загробном царстве, где царем был бог Осирис, с которым отождествлялся Антиной, и греческой идеи о том, что настоящая, полноценная жизнь возможна только в этом мире. Появление культа Антиноя способствовало миграционным процессам в Египте и на востоке Римской империи, при этом поклонение Антиною и восприятие этого бога было египетским по своему характеру. Использование египетских парадигм в культе обожествленного фаворита было апелляцией к образу Октавиана Августа, который установил мир в Римской державе. Таким образом, Адриан, устанавливая поклонение Антиною, утверждал мир (Pax Romana), объединяя под своей властью разноэтничное население империи.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Allen, T. G (trans.) 1974: *The Book of the Dead or Going Forth by Day. Ideas of the Ancient Egyptians Concerning the Hereafter as Expressed in Their Own Terms*. Chicago.

Bell, H.I. 1940: Antionoopolis: A Hadrianic Foundation in Egypt. *JRS* 30. 2, 133–147.

Berlev, O.D. 2003: Dva tsarya – dva solntsa: k mirovozzreniyu drevnih egiptyan [Two Kings – Two Suns: Towards the Worldview of the Ancient Egyptians]. In: S. Quirke (ed.), *Discovering Egypt from the Neva: The Egyptological Legacy of Oleg D. Berlev.* Berlin, 1–15.
Берлев, О.Д. 2003: Два царя – два солнца: к мировоззрению древних египтян. In: S. Quirke (ed.), *Discovering Egypt from the Neva: The Egyptological Legacy of Oleg D. Berlev*. Berlin, 1–15.

Blum, G. 1914: Numismatique d'Antinoos. *Journal International d'Archéologie Numismatique*, 33–77.

Fehr, B. 2015: Antinous als politische Gottheit. Oder: Wie halte ich das Römische Reich zusammen? In: R. Faber, A. Lichtenberger (Hrsg.), *Ein pluriverses Universum. Zivilisationen und Religionen im antiken Mittelmeerraum* (Mittelmeerstudien, 7). Paderborn, 267–300.

Frankfurter, D. 1998: *Religion in Roman Egypt: Assimilation and Resistance.* Princeton.

Fuoquet, A. 1973: Quelques représentation d'Osiris-Canope au musée du Louvre. *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale* 73, 61–69.

Galimberti, A. 2017: P.Oxy. 471: Hadrian, Alexandria, and the Antinous Cult. In: E.M. Grijalvo, J.M.C. Copete, F.L. Gomez (eds.), *Empire and Religion. Religious Change in Greek Cities under Roman Rule*. Leiden–Boston, 98–111.

Gardiner, A, Sethe, K. 1928: *Egyptian Letters to the Dead: Mainly from the Old and Middle Kingdoms*. Oxford.

Gauthier, M.H. 1924: La titulature des reines des dynasties memphites. *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte* 24, 198–209.

Grenier, J-C. 2008: *L'Osiris Antinoos.* Montpellier.

Grimm, A. 1994: Die Inschriften des Antinoosobelisken: Übersetzung und Kommentar. In: H. Meyer (Hrsg.), *Der Obelisk des Antinoos eine kommentierte Edition.* München, 25–88.

Harmand, J. 1974: Les origines de l'armée impériale: Un témoignage sur la réalité du pseudo-principat et sur l'évolution militaire de l'Occident. In: H. Temporini (Hrsg.), *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II.1, 263–298.

Jones, C. 2010: *New Heroes in Antiquity. From Achilles to Antinoos.* Cambridge–Massachusetts–London.

Jovanova, L. 2016: Antinous – The Last Roman God in Scupi. In: C. Grozdanov (ed.), *Monumenta* I. Skopje, 27–52.

Kachan, S.A. 2019: O nekotorykh osobennostyakh pochitaniya Antinoya v Rimskom Egipte [Antinous' Worshiping Peculiarities in Roman Egypt]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 3, 131–149.
Качан, С.А. 2019: О некоторых особенностях почитания Антиноя в Римском Египте. *ПИФК* 3, 131–149.

Kachan, S.A. 2020: Imperator v obraze Hora: prodolzhayushchiesya traditsii i greko-rimskie vliyaniya v poklonenii pravitelyu v Rimskom Egipte [Emperor in the Image of Horus: Influence of the Egyptian Traditions and Greco-Roman Beliefs on Worshiping of the Ruler in Roman Egypt]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 1, 76–98.
Качан, С.А. 2020: Император в образе Хора: продолжающиеся традиции и греко-римские влияния в поклонении правителю в Римском Египте. *ПИФК* 1, 76–98.

Kaplony, P. 1980: Königstitulatur. In: W. Helck, W. Westendorf (Hrsg.), *Lexikon der Ägyptologie.* Bd. III. Wiesbaden, 641–659.

Kees, G. 2005: *Zaupokoynye verovaniya drevnikh egiptyan. Ot istokov i do iskhoda Srednego Tsarstva* [*Mortuary Beliefs of the Ancient Egyptians. From the Beginnings to the End of the Middle Kingdom*]. St. Petersburg.
Кеес, Г. 2005: *Заупокойные верования древних египтян. От истоков и до исхода Среднего Царства*. СПб.

Kessler, D. 1994: Beiträge zum Verständnis des Obelisken. In: H. Meyer (Hsrg), *Der Obelisk des Antinoos eine kommentierte Edition.* München, 89–150.

Lambert, R. 1984: *Beloved and God. The Story of Hadrian and Antinous.* New York.

Makhlayuk, A.V. 2006: *Soldaty rimskoy imperii. Traditsii voennoy sluzhby i voinskaya mental'nost'* [*Soldiers of the Roman Empire. Traditions of Military Service and Military Mentality*]. St. Petersburg.
Махлаюк, А.В. 2006: *Солдаты римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность*. СПб.

Martin, K. 1986: Was-Zepter. In: W. Helck, E. Otto (Hsrg.), *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. VI. Wiesbaden, 1152–1154.

Meyer, H. 1991: *Antinoos die archäologischen Denkmäler unter Einbeziehung des numismatischen und epigraphischen Materials sowie der literarischen Nachrichten; ein Beitrag zur Kunst- und Kulturgeschichte der hadrianisch-frühantoninischen Zeit*. München.

Németh, G. 2013: The Corpse Daemon Antinoos. *Archiv für Religionsgeschichte* 14, 145–153.

Pfeiffer, S. 2010: *Der römische Kaiser und das Land am Nil. Kaiserverehrung und Kaiserkult in Alexandria und Ägypten von Augustus bis Caracalla (30 v. Chr.–217 n. Chr.).* Stuttgart.

Rostovtzeff, M. 1926: Pax Augusta Claudiana. *JEA* 12, 24–29.

Speidel, M.P., Seider, R. 1988: A Latin Papyrus with a Recruit's Request for Service in the Auxiliary Cohorts. *JEA* 74, 242–244.

te Velde, H. 1967: *Seth, God of Confusion.* Leiden.

Versluys, M.J. 2012: Making Meaning with Egypt: Hadrian, Antinous and Rome's Cultural Renaissance. In: L. Bricault, M.J. Verslyus (eds.), *Egyptian Gods in the Hellenistic and Roman Mediterranean: Image and Reality between Local and Global.* Caltanissetta, 25–39.

Vout, C. 2007: *Power and Eroticisms in Imperial Rome.* Cambridge.

Šašel, K.M. 2007: Antinous in Upper Moesia – The Introduction of a New Cult. In: M.G. Angeli Bertinelli, A. Donati (eds.), *Opinione pubblica e forme di comunicazione a Roma: il linguaggio dell'epigrafia. Atti del Colloquio AIEGL.* Borghesi, 177–188.

ANTINOUS AS A POLITICAL DEITY-UNIFIER OF EGYPT AND THE ROMAN EMPIRE

Sergey A. Kachan

Independent Researcher, Moscow, Russia

E-mail: sergey-md@list.ru

The article discusses the cult of Osiris-Antinous, aimed at reconciliation and unification of the multiethnic population of Egypt and the Roman Empire. In Egypt, the worship of Antinous was accompanied by the construction of a new city, Antinopolis, in which the adherents of the new cult – Roman citizens, Greeks, Jews (possibly Judeo–Christians) – were granted various privileges, including arable fields, which became a place of blissful existence for worshippers of the new god. This idea combined the Egyptian idea of a blissful life in the fields of Ialu, in which the traditional Osiris reigned, identifying with Antinous, as well as the Greek idea of a joyful life not in Hades, but on earth. Antinous acted as a just and ideal ruler, ensuring fertility and a just order of things. These functions corresponded to the image of Emperor Hadrian, who was seen as the legitimate ruler of Egypt, reconciling the diverse Egyptian population and bringing Pax Romana through the image of Antinous. The appearance of the cult of Osiris-Antinous caused migration processes both in Egypt and in the east of the Roman Empire.

Keywords: Osiris-Antinous, Emperor Hadrian, Antinopolis, imperial cult, Roman Egypt, Balkans

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 46–55
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 46–55
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-46–55

К ВОПРОСУ ОБ ОТОЖДЕСТВЛЕНИИ БЕРЕНИКИ II С АРТЕМИДОЙ

О.А. Давыдова

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: davydova.olga96@mail.ru

ORCID: 0009-0003-7593-5310

В статье обсуждается известняковая женская статуэтка с луком и колчаном за спиной из Британского музея, найденная при раскопках храма Аполлона в Идалионе (Кипр) в 1873 г. Исследователи атрибутируют ее как Беренику II в образе Артемиды. Однако основным мотивом в культе царицы являлось, прежде всего, материнство и покровительство семье, что не соотносится с образом богини-девственницы Артемиды. На данный момент статуэтку можно считать единственным сохранившимся свидетельством отождествления Береники II с Артемидой. Следовательно, либо на Кипре существовал уникальный вариант почитания птолемеевской царицы, нуждающийся в интерпретации, либо статуэтка на самом деле изображает не Беренику II.

Ключевые слова: Птолемеи, Береника II, Артемида, династический культ, Кипр, эллинизм

Царицы династии Птолемеев отождествлялись с богинями египетского и греческого пантеонов в рамках династического культа. Изображаемые в традиционных одеждах богинь, с их атрибутами, царицы представали в роли божественных защитниц и покровительниц, прежде всего, своей семьи, но также и всего народа. Практика отождествления сразу с несколькими богинями прослеживается уже в культе Арсинои II (279–270 гг. до н.э.)[1], которая ассоциировалась с Афродитой, Артемидой, Афиной, Деметрой, Герой и Исидой[2]. Отождествление с этими богинями подчеркивало высокий статус царицы и было направлено на усиление династической пропаганды. Центральным аспектом культа Береники II (246–221 гг. до н.э.)[3], следующей царицы, явно выступало материнство. Ее иконография преисполнена темой семьи в отличие, например, от Арсинои II. Причиной

Данные об авторе. Ольга Александровна Давыдова – младший научный сотрудник ИВИ РАН.

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 24-78-10152 «Этнокультурное взаимодействие в Средиземноморье IV–I вв. до н.э.: политика, религия и интеллектуальная жизнь (Италия, Египет, Малая Азия)».

[1] Hölbl 2001, 320–321.

[2] Quaegebeur 1971, 242–244, 246–247; Grabowski 2014, 117–128.

[3] Hölbl 2001, 327–328.

этого могло послужить то, что у Арсинои II с Птолемеем II не было детей, а у Береники II и Птолемея III их было шестеро. Как следствие, Береника II регулярно отождествлялась с Исидой, египетской богиней, матерью Хора, и Афродитой, которая в эллинистический период, особенно в Египте приобрела роль хранительницы семьи, брака. На стеле Ком-эль-Хисн, которая представляет собой версию Канопского декрета 238 г. до н.э., и на рельефе ворот храма Хонсу в Карнаке Береника изображена в традиционном египетском платье с анкхом в руке, в короне с двумя перьями, рогами и солнечным диском, что свидетельствует о ее отождествлении с Исидой[4]. На ритуальных кувшинах, используемых для праздников в честь царицы, Береника II изображена в платье с узлом Исиды – изображения богини в этом новом одеянии широко распространились в эллинистический период (рис. 1, *1–2*)[5]. Существуют также изображения, которые можно отнести к неофициальной иконографии царицы, они уточняют культовые функции и роли Береники II. К примеру, на мозаичном портрете конца III в. до н.э. из Телль-эль-Тимай голову царицы венчает головной убор в виде корабельного носа, отсылающий к ее роли покровительницы моряков (рис. 1, *3*)[6]. В этом прослеживается связь Береники II с Афродитой, хранительницей семьи, брака и также защитницей моряков, поскольку один из ее эпитетов – εὔπλοια (дарующая счастливое, благополучное плавание)[7]. Кроме этого, царица отождествлялась с богинями Тюхэ[8], Деметрой и Хатхор[9], чьи культы были связаны с дарованием процветания, благополучия, плодородия. Таким образом, Береника II в рамках династического культа Птолемеев почиталась как хранительница семьи, брака, покровительница матерей.

Между тем в Британском музее хранится известняковая женская статуэтка с луком и колчаном за спиной, найденная при раскопках храма Аполлона в Идалионе (Кипр) в 1873 г., которая, по мнению В. Таттон-Браун и других исследователей[10], изображает Беренику II в образе Артемиды (рис. 1, *4*), незамужней, бездетной богини-девственницы. Однако данная атрибуция выглядит сомнительной, поскольку мало согласуется с общим мотивом культа царицы. Статуэтку идентифицируют как Беренику II из-за сходства с изображениями на монетах[11]. Лицо царицы на монетах молодое и округлое, нос прямой, губы полные, глаза большие (рис. 1, *5–6*). Эти портретные черты специалисты используют для идентификации других ее изображений[12]. Другие исследователи гипотезу об отождествлении Береники II с Артемидой не оспаривают, оставляя при этом вопрос идентификации статуэтки открытым[13]. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть возможные варианты интерпретации данной находки, чтобы уточнить, могла ли действительно Береника II ассоциироваться с Артемидой.

[4] Подробнее о стеле из Ком-эль-Хисн см.: Sales 2020, 118. О рельефе из храма Хонсу в Карнаке см.: Quaegebeur 1988, 41–54; 48; Pfeiffer 2008, 82–85.

[5] Thompson 1955, 199–206; 165–166.

[6] Tyldesley 2006, 193; Clayman 2014, 136.

[7] Spier et. al. 2022, 60.

[8] Wilamowitz-Moellendorff 1912, 524–544.

[9] Подробнее см.: Tondriau 1948a, 21–23; Thompson 1973, 49, 55.

[10] Pryce 1931, 370-371; Karageorghis 1998a, no. 127; Senff 1993, 83.

[11] Pryce 1931, 370; Karageorghis 1998a, no. 127; Senff 1993, 66, 83; Tatton-Brown 2007, 186–187.

[12] Clayman 2014, 129.

[13] Fischer-Hansen et. al. 2009, 199.

Рис. 1. *1* – ойнохоя из Александрии с изображением Береники II в платье с узлом Исиды. Содержит надписи: «Βερενίκης Βασιλίσσης αγαθής τύχης», «Θεῶν Εὐεργετῶν». Музей Гетти, инв. 96.AI.58; *2* – фрагмент ойнохои из Александрии с изображением Береники II в платье с узлом Исиды. Метрополитен музей, инв. 26.7.1016; *3* – мозаика с портретом Береники II из Телль-Тимай. Греко-римский музей, Александрия, инв. 21.739; *4* – статуэтка Береники II в образе Артемиды из Идалиона. Британский музей, инв. 1873,0320.47; *5–6* – Береника II. Серебряная пентакаидекадрахма и золотая октодрахма. Британский музей, инв. 1841,B.3710 и 1867,0506.11

1. ЦАРИЦА БЕРЕНИКА II КАК АРТЕМИДА

Если предположение В. Таттон-Браун и других исследователей[14] верно и статуэтка действительно изображает Беренику II в образе Артемиды, следовательно, в данной ипостаси царица представлена как повелительница зверей, наделенная храбростью и отвагой, но главное – молодая и девственная девушка. Исходя из этого, посвящение могло быть сделано до ее брака с Птолемеем III, и наиболее знаковыми событиями данного периода являются триумфы Береники II в общегреческих спортивных состязаниях – на Истмийских и Олимпийских играх в 260 г. до н.э. и на Олимпийских играх в 256 г. до н.э., где она одержала победы в гонках на колесницах[15]. Беренике было 7–11 лет, поэтому, скорее всего, ее отец, Магас, инициировал участие в играх от имени дочери. Теоретически возможно, что Магас Киренский приказал сделать в честь побед дочери подношение в храме, однако выбор святилища представляется странным, потому что храм в Идалионе, где была найдена статуэтка, посвящен Аполлону. Логичнее было бы совершить подношение в храме Артемиды в одном из греческих полисов. Важно также учесть, что сходство статуэтки наблюдается именно с изображениями взрослой Береники, женщиной средних лет с пухлым лицом и широкой шеей. Лицо статуэтки стилизовано под черты взрослой женщины, а не молодой девушки.

Не исключено, что подношение могло произойти и во второй половине II в. до н.э., например, чтобы подчеркнуть связь Птолемея III и Береники II как брата и сестры, заключивших священный брачный союз. Следовательно, логично ожидать найти в этом храме парную статуэтку Птолемея III в образе Аполлона, однако ничего подобного археологами пока не обнаружено. Также странно подчеркнуть именно братские, а не супружеские отношения Береники II и Птолемея III, поскольку Артемида и Аполлон, брат и сестра, они не состояли в браке. Уподобление Береники II и Птолемея III Артемиде и Аполлону в целом противоречит традиционной практике культа, где священный брак (ἱερὸς γάμος) – это прежде всего брак Зевса и Геры, пары правящих богов, обладающих властью над остальными богами и над всеми людьми[16].

Относительно культа Артемиды на Кипре, стоит отметить, что свидетельства его существовании датируются концом IV – началом III в. до н.э., то есть эллинистическим периодом. Ни одно святилище, посвященное отдельно Артемиде, на острове до сих пор не открыто[17], а находки статуэток богини в других храмах Кипра встречаются нередко. Известняковые вотивные статуэтки Артемиды встречаются в храмах Аполлона, Пана, Геракла[18]. Соответственно, предположение о том, что статуэтку Береники II намеренно поместили в храм Аполлона, чтобы подчеркнуть ее родственную связь с Птолемеем III, необоснованно. Для надежной идентификации данной статуэтки как Береники II в образе Артемиды аргументов недостаточно.

---

[14] Pryce 1931, 370–371; Karageorghis 1998a, no. 127; Senff 1993, 83.

[15] Bennett 2005, 96.

[16] Van Oppen de Ruiter 2007, 86.

[17] Существуют предположения только об одном возможном святилище Артемиды в городе Ларнака. Подробнее см.: Sørensen 2009.

[18] Counts, Toumazou 2003, 242–244.

2. ПРИНЦЕССА БЕРЕНИКА В ОБРАЗЕ ЮНОЙ АРТЕМИДЫ

Следует упомянуть гипотезу, согласно которой в образе юной богини-девственницы изображена дочь Береники II, которой придали портретные черты матери. Как известно, культ принцессы Береники был установлен Канопским декретом 238 г. до н.э.[19] Указ содержит описание ритуалов для увековечения ее памяти, включая праздник и шествие на лодках[20]. Жрецы должны были нести священные изображения принцессы на руках, как если бы держали ребенка. Беренике даровали титул «Повелительница дев»[21]. Дочери жрецов совершали жертвоприношения и пели гимны в честь принцессы во время раннего сева. Участие детей в ритуале отражало возраст принцессы на момент смерти, в то время как ее особая корона из двух колосьев зерна и урея, а также ритуалы, приуроченные к засеву полей, возвышали ее до статуса божества плодородия[22].

Но свидетельства о распространении культа принцессы Береники куда-либо за пределы Египта не найдены. И хотя в культе принцессы явно наблюдаются акценты на юность и покровительство молодым девушкам, нет никаких веских доказательств того, что статуэтка изображает дочь Береники II[23].

3. ОСОБЕННОСТИ ИКОНОГРАФИИ АРТЕМИДЫ НА КИПРЕ

Если допустить, что статуэтка не связана с Береникой II или ее дочерью, возникает предположение, что это Артемида, изображенная по канонам искусства Кипра, и в ее чертах случайно отразилось сходство с лицом птолемеевской царицы. Чтобы проверить гипотезу, необходимо рассмотреть другие изображения Артемиды III в. до н.э., найденные на Кипре: в Идалионе, Пиле, Ларнаке, Аматусе и других поселениях. Максимально схожими с рассматриваемой статуэткой по форме, размерам, позе и атрибутам являются два экспоната из Британского музея (рис. 2, *1–2*) и один из Лувра (рис. 2, *3*). На всех трех статуэтках ясно виден колчан со стрелами за плечами, а на платье – характерные ремешки, которыми колчан крепился на спину. Рядом видны очертания небольшого существа, предположительно, оленя. При этом только у одной из трех фигурок можно наблюдать молодые черты лица, другие две обладают весьма округлым лицом и массивной шеей. Примечательна также серия статуэток Артемиды с оленями из Британского музея и музея Метрополитен (рис. 2, *4–6*; 3, *1*). У трех статуэток довольно пухлое лицо, крупные глаза, сохраняются и ремешок для колчана стрел, и характерный хитон с накинутым поверх него плащом. Существуют также статуэтки Артемиды с факелами (рис. 3, *2–3*). У одной из них непропорционально большая голова, довольно грубое лицо, характерная эллинистическая прическа. Дополнительно можно обратить внимание на изображения богини, держащей в руках олененка (рис. 3, *4–5*), при этом на голове у нее довольно высокий головной убор с растительными узорами, отсылающими к культу плодородия.

---

[19] Pfeiffer 2004, 69–71.
[20] Schentuleit 2019, 350.
[21] Ashton 2003, 132.
[22] Clayman 2014, 166–169.
[23] Mitford 1990; Loulloupis 1979.

Рис. 2. Статуэтки Артемиды: *1* – Британский музей, инв. 1896,0201.210; *2* – с оленем. Британский музей, инв. 1873,0320.49; *3* – то же. Лувр, инв. MNB 356; *4* – с оленем и колчаном стрел. Британский музей, инв. 74.51.2739; *5* – то же. Метрополитен музей, инв. 74.51.2741; *6* – с животным на руках. Метрополитен музей, инв. № 74.51.2738

Рис. 3. Статуэтки Артемиды (1–5) и Афродиты (6): *1* – Метрополитен музей, инв. 74.51.2742; *2* – с факелом. Британский музей, инв. 1883,0106.140; *3* – с двумя факелами. Метрополитен музей, инв. 74.51.2743; *4* – в головном уборе с растительным узором. Британский музей, инв. 1883,0106.4; *5* – то же. Британский музей, инв. 1883,0106.6; *6* – Афродита. Метрополитен музей, инв. 74.51.2464

Столь необычное изображение Артемиды можно трактовать как ассимиляцию с Великой Богиней Кипра, вобравшей в свою очередь многие черты восточной Астарты, египетской Хатхор, а также нескольких греческих богинь, включая Артемиду. Таким образом, изображение Артемиды с округлым лицом, миндалевидными глазами и массивной шеей в целом типичное. Следует признать, что рассматриваемая статуэтка из Британского музея на самом деле мало чем отличается от других подобных находок.

4. БЕРЕНИКА II В ОБРАЗЕ АФРОДИТЫ ПО КИПРСКИМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ КАНОНАМ

Для обоснования последней версии о трактовке статуэтки, необходимо обратить внимание на экспонат из музея Метрополитен (рис. 3, *б*). На статуэтке остались следы красной краски, ее лицо овальное, подбородок крупный, в руках она держит маленького Эроса, словно ребенка, намекая на мотив материнства. Данная статуэтка идентифицирована как богиня Афродита. Очевидно, киприоты не переняли традиционный греческий способ изображения Афродиты, а использовали свою собственную иконографию Великой Богини, которую изображали в высоком круглом головном уборе, украшенном растительными и цветочными мотивами[24]. На Кипре также найдены статуэтки Афродиты в короне из стен и башен, которая является атрибутом богини Тюхэ как защитницы городов[25]. Более того, кипрские вариации фигур Артемиды V и IV вв. до н.э. были посвящены в храмы Афродиты. Учитывая отсутствие эпиграфических свидетельств культа Артемиды на Кипре до конца IV в. до н.э., данные ранние фигурки скорее всего изображали не Артемиду, а Афродиту в образе повелительницы животных (Πότνια Θηρῶν) и богини охоты[26], что не противоречит греческой мифологической традиции, поскольку в пятом гомеровском гимне к Афродите описана связь богини с дикими животными[27]. Таким образом, изображения кипрской Афродиты представляют собой смесь иконографических деталей и мотивов, связывая ее с Астартой, Хатхор, Артемидой, Тюхэ, Деметрой и Кибелой. Афродита охватывала все возможные функции любого женского божества греческого пантеона, ей поклонялись почти во всех святилищах Кипра[28], включая и храм Аполлона, где найдено минимум пять известняковых статуй богини[29] и в том числе рассматриваемая в данной статье. Отсюда версия о том, что британская статуэтка изображает Беренику II в образе кипрской Афродиты, могла бы иметь право на существование и в целом вписывается в общую тему о материнстве и покровительстве браку, отраженную в культе царицы. Однако если изображения Афродиты с животными еще встречаются на Кипре в эллинистический период, то атрибуты лук и колчан стрел, в это время уже маркируют статуэтки именно богини Артемиды. Поэтому предположение о том, что Береника II могла быть изображена на Кипре в образе Афродиты с атрибутами Артемиды, повелительницы животных и охоты, считается маловероятной из-за непрочной доказательной базы.

[24] Изображения Артемиды в высокой короне с растительным узором см.: рис. 3, *4–5*.

[25] Ulbrich 2010, 188, fig. 9, 8; 192; 2008, 96–96, pl. 22, 522–523; Karageorghis 1998b, 210–211, fig. 159–160.

[26] Bennett 1980, 360–365; Ulbrich 2008, 159–167.

[27] HH V. 1–5, 70–75.

[28] Ulbrich 2010, 165–193.

[29] Ulbrich 2011, 183–210.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, если соглашаться с В. Таттон-Браун, Ф. Прайсом и другими исследователями в том, что британская статуэтка имеет отношение к Беренике II, то скорее всего она изображает царицу в роли богини-матери, покровительницы плодородия и природы, защитницы городов, Афродиты, культ которой на Кипре прошел ряд изменений, вобрав в себя функции других греческих богинь, в том числе Артемиды, что подтверждается заимствованием божественных атрибутов. Безусловно, и в культе Артемиды, и в культе Афродиты прослеживается прочная связь с культом Великой Богини Кипра, которая связующей нитью объединяет эти женские божественные ипостаси.

Однако наиболее вероятно, что рассматриваемая в статье статуэтка изображает богиню Артемиду и никак не связана с птолемеевской царицей. Сравнение статуэтки с другими аналогичными находками показывает, что округлое лицо и большие глаза являются типичными портретными чертами для иконографии Артемиды на Кипре, и сходство с Береникой II возникло случайно. Отсюда британская статуэтка не может считаться подтверждением того, что Береника II отождествлялась с Артемидой.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Ashton, S.-A. 2003: *The Last Queens of Egypt*. Harlow.

Bennett, C. 1980: *The Cults of the Greek Cypriots*. *PhD Thesis.* Philadelphia.

Bennett, C. 2005: Arsinoe and Berenice at the Olympics. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 91–96.

Clayman, D.L. 2014: *Berenice II and the Golden Age of Ptolemaic Egypt*. Oxford.

Counts, D.B., Toumazou, M.K. 2003: Artemis at Athienou-Malloura. *Cahiers du Centre d'Études Chypriotes* 33, 237–251.

Fischer-Hansen, T., Poulsen, D. (eds.) 2009: *From Artemis to Diana. The Goddes of Man and Beast. Acta Hyperborea* 12 (Danish Studies in Classical Archaeology). Copenhagen.

Hölbl, G. 2001: *A History of the Ptolemaic Empire*. London.

Grabowski, T. 2014: The Cult of Arsinoe II in the Foreign Policy of the Ptolemies. In: K. Twardowska, M. Salamon, S. Sprawski, M. Stachura, S. Turlej (eds.), *Within the Circle of Ancient Ideas and Virtues: Studies in Honour of Professor Maria Dzielska*. Kraków. 117–128.

Karageorghis, V. 1998a: *The Coroplastic Art of Ancient Cyprus.* Vol. V. *The Cypro-Archaic Period. Small Female Figurines. A Handmade/Wheelmade Figurines*. Nicosia.

Karageorghis, V. 1998b: *Greek Gods and Heroes in Cyprus*. Athens.

Loulloupis, M.C. 1979: Evidence of Egyptian Cult in Cyprus. In: W.F. Reineke, (ed.), *First International Congress of Egyptology. Cairo: October 10–12, 1976. Acts.* Berlin, 431–440.

Mitford, T.B. 1990: The Cults of Roman Cyprus. In: W. Haase (ed.), *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt.* Bd. 18/2. *Teilband Religion (Heidentum: Die religiösen Verhältnisse in den Provinzen [Forts.])*. Berlin, 2176–2278.

van Oppen de Ruiter, B.F. 2007: *Religious Identification of Ptolemaic Queens with Aphrodite, Demeter, Hathor and Isis*. New York.

Pfeiffer, S. 2004: *Das Dekret von Kanopos (238 v. Chr.): Kommentar und historische Auswertung eines dreisprachigen Synodaldekretes der ägyptischen Priester zu ehren Ptolomaios' III. und seiner Familie*. Berlin.

Pfeiffer, S. 2008: *Ptolemy II Philadelphus and His World*. Boston.

Pryce, F.N. 1931: *Cypriote and Etruscan: Catalogue of Sculpture in the Department of Greek and Roman Antiquities of the British Museum*. London.
Quaegebeur, J. 1971. Documents Concerning a Cult of Arsinoe Philadelphos at Memphis. *Journal of Near Eastern Studies.* 30. 239–270.
Quaegebeur, J. 1988: Cleopatra VII and the Cults of the Ptolemaic Queens. In: Bianchi, R.S., Fazzini, R.A., Quaegebeur, J. *Cleopatra's Egypt: Age of Ptolemies*. New York, 41–53.
Sales, J. das C. 2020: Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). *Hapi. Revista da Associação Cultural de Amizade Portugal-Egipto*, 106–145.
Schentuleit, M. 2019: Gender Issues: Women to the Fore. In: K. Vandorpe (ed.), *A Companion to Greco-Roman and Late Antique Egypt*. Hoboken, 347–360.
Senff, R. 1993: *Das Apolloheiligtum von Idalion. Architektur und Statuenausstattung eines zyprischen Heiligtums*. London.
Sørensen, L. 2009: Artemis in Cyprus. In: Fischer-Hansen, T., Poulsen, D., 195–206.
Spier, J., Cole, S.E. 2022: *Egypt and the Classical World: Cross-Cultural Encounters in Antiquity*. Los Angeles.
Tatton-Brown, V. 2007: *From Evagoras I to the Ptolemies. The Transition from the Classical to the Hellenistic Period in Cyprus*. London.
Thompson, D.B. 1955: A Portrait of Arsinoe Philadelphos. *American Journal of Archaeology* 59.3, 199–206.
Tyldesley, J.A. 2006. *Chronicle of the Queens of Egypt: from Early Dynastic Times to the Death of Cleopatra*. New York.
Ulbrich, A. 2008: *Kypris. Heiligtümer und Kulte weiblicher Gottheiten auf Zypern in der kyproarchaischen und kyproklassischen Epoche (Königszeit)*. Münster.
Ulbrich, A. 2010: Images of Cypriot Aphrodite in Her Sanctuaries During the Age of the City-Kingdoms. In: C. Smith, S. Pickup (eds), *Brill's Companion to Aphrodite*. Leiden–Boston, 167–193.
Ulbrich, A. 2011: Unpublished Sculptures from Ancient Idalion: The Earliest Provenanced Find-Assemblage in the Ashmolean Cypriot Collection. *Cahiers du Centre d'Études Chypriotes*. 41, 183–210.
Wilamowitz-Moellendorff, U. von. 1912: Neues von Kallimachos. *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*, 524–544.

TOWARDS THE IDENTIFICATION OF BERENICE II WITH ARTEMIS

Olga A. Davydova

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: davydova.olga96@mail.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 24-78-10152

The paper discusses a limestone female figurine with a bow and quiver on her back from the British Museum, found during excavations at the Temple of Apollo in Idalion (Cyprus) in 1873. Scholars attribute it to Berenice II like Artemis. However, the main motive in the cult of the queen was, first of all, motherhood and patronage of the family, which does not correspond to the image of the virgin goddess Artemis. At the moment, the figurine can be considered the only surviving evidence of the identification of Berenice II with Artemis. Therefore, either Cyprus had a unique version of veneration of the Ptolemaic queen that requires interpretation, or the figurine does not actually depict Berenice II.

Keywords: Ptolemies, Berenice II, Artemis, dynastic cult, Cyprus, Hellenistic period

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 56–76
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 56–76
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-56–76

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ ЗА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В АХЕМЕНИДСКОЙ ИМПЕРИИ

Э.В. Рунг

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: eduard_rung@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4200-4486

В статье исследуется система наказаний в Ахеменидской империи. Рассмотренный материал демонстрирует, что система наказаний за государственные преступления включала, с одной стороны, традиционные виды наказания, вызывающие как увечье (отрезание носа, ушей, вырывание глаза), так и смерть (сдирание кожи, помещение на кол, обезглавливание) приговоренного, а с другой стороны, наказания, применяемые, очевидно, исключительно в Персии (корытная пытка – «скафизм», бросание в тлеющую золу). Последние могли быть введены отдельными персидскими царями в определенных обстоятельствах. Так, например, «скафизм» упоминается впервые при Артаксерксе I и вторично – при Артаксерксе II. Однако бросание в тлеющую золу связывается только с правлением Дария II. Кроме того, можно определить эволюцию в позиции Ахеменидов в отношении системы наказаний. Так, например, Дарий I, Ксеркс I, Артаксеркс II придерживались традиционной системы наказаний. Артаксеркс I практиковал более гуманный подход, тогда как Артаксеркс III, напротив, был сторонником более жесткой системы наказаний. Дарий II, в свою очередь, пытался реформировать систему наказаний, вводя в нее новый вид смертной казни. Наказание за государственные преступления было не только юридическим, но и идеологическим фактором во внутренней и внешней политике Ахеменидов. Оно считалось наиболее эффективным способом вызвать страх как у врагов персидских царей, так и у подданных и предотвратить заговоры и восстания последних против царя.

Ключевые слова: Персия, Ахемениды, право, преступление, наказание

В источниках наиболее часто акцентируется внимание на государственных преступлениях, направленных против жизни или власти Великого царя Персии.

Данные об авторе. Эдуард Валерьевич Рунг – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира Института восточных культур и античности РГГУ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-28-01562 «Правовая система Персидской империи Ахеменидов»).

Редакция выражает искренние соболезнования в связи со скоропостижной кончиной нашего коллеги Э.В. Рунга.

В первом случае это покушение на царя, бывшее следствием заговора, во втором – неповиновение царю вплоть до открытого вооруженного мятежа. Причем следует иметь в виду, что в тех случаях, когда вина совершившего преступление была очевидна, решение о наказании принимает сам царь, без обращения к судебной инстанции; в тех случаях, когда вина не была столь очевидна и требовала сбора доказательств, царь делегировал судьям право решить в отношении виновности или невиновности обвиняемого, однако оставлял за собой право согласиться с решением суда или же отвергнуть его[1]. В данной статье не рассматриваются случаи, когда наказание осуществлял сам царь, как лично[2], так и через своих доверенных людей[3], поскольку такого рода действия носят волюнтаристический характер со стороны монарха и не вписываются в систему наказаний, существовавшую в Ахеменидской империи. Также тема политических судебных процессов в Персии заслуживает своего специального рассмотрения, потому не исследуется в рамках данной статьи.

Наказание за государственные преступления было не только юридическим, но и идеологическим фактором во внутренней и внешней политике Ахеменидов, связанным с нарушением закона царя (*dāta-*)[4]. Оно считалось эффективным способом вызвать страх как у врагов Персидской империи, так и у подданных и предотвратить заговоры или восстания последних против царя[5].

ПРАКТИКА НАКАЗАНИЙ ПРИ ДАРИИ I (ПО ДАННЫМ БЕХИСТУНСКОЙ НАДПИСИ)

В Бехистунской надписи заявляется, что награждение и наказание подданных является исключительной прерогативой царя. В надписи употребляется глагол *fraθ- / pṛsa-* в первичном значении «спрашивать, допрашивать»[6], но в соответствующем контексте может означать «наказывать»[7].

---

[1] О роли царских судей в Ахеменидской империи см.: Hdt. III. 31; VII. 194. Из упоминаемых в источниках судебных процессов следует назвать судебные разбирательства над египтянами при Камбисе (Hdt. III. 14), над сатрапом Тирибазом (Diod. XV. 10-11) и над Дарием, старшим сыном царя, при Артаксеркс II (Plut. *Art*. 29).

[2] Так, Плутарх (*Art*. 29) рассказывает, что, по одной из версий, Артаксеркс II в гневе зарубил своего сына Дария, уличенного в заговоре против него и представшего перед царскими судьями. Валерий Максим (IX. 2. 7) передает сведения о жестокости Артаксеркса III Оха по отношению к своей родне: он закопал заживо вниз головой Атоссу, сестру и одновременно тещу, и пронзил дротиками поставленного на открытом месте дядю по отцу с более чем сотней сыновей и внуков.

[3] Убийство Оройта по приказу Дария I (Hdt. III. 128-129), Тиссаферна по приказу Артаксеркса II (Xen. *Hell*. III. 4. 25; Diod. XIV. 80. 7; *Hell. Oxy.* XVI. 1–2; Polyaen. VII. 16. 1).

[4] См.: Isakova, Rung 2023.

[5] Rung 2024a, 31; 2025, 106.

[6] Kent 1950, 198, s. v. *fraθ-*: “ask, examine, investigate, punish”; Schmitt 2014, 177, s. v. *fraθ-*: “fragen, befragen”. На основании первичного значения глагола *fraθ-* Б. Линкольн замечает: «Хотя древнеперсидский глагол *fraθ-* обычно переводится как «наказывать», как в этих отрывках, внимательное его изучение открывает некоторые неожиданные тонкости. Для начала его когнаты во всех других индоиранских языках означают «спрашивать», и это все еще очевидно в древнеперсидском сложном слове *pati-fraθ-*, «читать», которое трактует чтение как процесс исследования, посредством которого человек узнает что-то ценное путем пристального и тщательного изучения. Если несложный глагол сохранил часть того же смысла, возможно, действие, которое он описывает, было не карательным, с причинением боли как его целью, а вопросительным, боль была только средством для другой цели: получения информации» (Lincoln 2007, 88).

[7] Такое значение может быть в сочетании *ufrastam / ufraštam apṛsam*, которое дословно может означать «хорошо допросив, наказал» (DB §8, 63; ср. 55, 64). Обычно исследователи дают другой перевод этому сочетанию: «строго / сурово наказывать» (Freiman 1925, 3, 11, 12; Abaev 1980, 24, 30, 31; Dandamaev 2002, 390, 395, 369], «to punish well» (Kent 1950, 119, 131, 132); «to punish severely»

«В этих странах человека, который верным был, того я хорошо вознаграждал, который враждебным был, того я, хорошо допросив, наказывал (*haya arīka āha, avam uf̣rastam apr̥sam*)» (*DB* §8)[8]; «человека, который сотрудничал с моим царским домом, того я хорошо вознаграждал, кто причинял вред, того, хорошо допросив, наказывал (*haya viyanāθaya, avam uf̣raštam apr̥sam*)» (*DB* §63).

О своем исключительном праве принимать решение в отношении награждения и наказания Дарий утверждает и в Накше-Рустамской надписи:

«Человека, которой сотрудничает, – согласно сделанному вознаграждаю; того, который вредит, – согласно вреду, допрашиваю (*haya vināθayati, anudim vinastahyā avaθā pr̥sāmi*); нет у меня желания, чтобы человек вредил (*naiį̈mā kāma, taya martiya vināθayaiį̈š*); также нет желания: если навредил, не был бы допрошен (*naipatimā ava kāma, yadi vināθayaiį̈š, naiį̈ fraθiyaiį̈š*)» (*DNb* §2c).

Далее сам царь выбирал и способ наказания, опираясь на опыт, принятый на древнем Ближнем Востоке, и комбинируя его с иранскими традициями.

В Бехистунской надписи приводятся подробности наказания только четырех из девяти так называемых «лже-царей» (мидийского мятежника Фравартиша и сагартийского Чисантахму, персидского Вахияздату и вавилонского Араху) (*DB* §32, 33, 43, 50; *DB* Akk. §25, 26, 35, 39; *DB* Elam. §25, 26, 35, 39; *DB* Aram. IV. §8). Так, в отношении Фравартиша, объявившего себя царем в Мидии, надпись от имени Дария сообщает (*DB* §32):

«Фравартиш был схвачен и приведен ко мне; я ему нос, уши и язык отрезал и ему один глаз я выколол (*adamšaį̈ utā nāham utā gauš̥ā utā hazānam frājanam utāšaį̈ 1 cašma avajam*); у ворот связанным держал его, чтобы народ видел его; затем его в Экбатанах я поместил на кол (*uzmayāpati akunavam*), и с людей, которые его близкими приверженцами были, в Экбатанах внутри крепости я содрал кожу (*frāhajam*)».

Вавилонская же версия надписи дает некоторые подробности в отношении казни приверженцев Фравартиша (*DB* Akk. §25): «Я казнил его знать, общим числом 47 чел. Я повесил их головы внутри Экбатан на зубчатых стенах крепости». Таким образом, наказание Фравартиша включало в себя, во-первых, то, что не предполагало лишение жизни (отрезание носа, ушей и языка, выкалывание глаза), а во-вторых, уже непосредственное лишение его жизни (пронзание колом). Эти две разновидности наказания разведены по времени, в течение которого Фравартиш, связанный и лишенный органов слуха, обоняния и зрения, перед воротами крепости в Экбатанах демонстрируется народу. Древнеперсидская версия надписи говорит о том, что со сторонников Фравартиша была содрана кожа, а вавилонская версия, – что они все были обезглавлены и их головы были повешены на зубчатых стенах крепости для всеобщего обозрения. При казни сагартийского мятежника Чисантахмы мы также видим аналогичные виды наказания: сначала отрезание носа и ушей и выкалывание глаза с последующей демонстрацией мя-

(Schmitt 1991, 50–69, 71). Ср.: Kent 1950, 178, s. v. *ufrašta- ufrasta-*: “well-punished”; Schmitt 2014, 262–263, s. v. *ufrasta, ufrašta-*: “streng bestraft”. Но такой перевод не учитывает грамматические особенности словосочетания *ufrastam / ufraštam apr̥sam,* в котором слова *ufrastam / ufraštam* являются производными от *fraθ-* (префикс u- (^{h}u-) переводится «хорошо») и являются причастием единственного числа; *apr̥sam* является имперфектом 1 л.ед.ч. от *pr̥sa* (когната от глагола *fraθ-*).

[8] В вавилонской версии данных строк Бехистунской надписи акцент на расследовании царем преступления даже более выражен: «Посреди этих стран человека благоразумного (преданного) я воистину многим вознаградил, человека же злого сердцем я допросил» (*DB Akk* §8). Ср. перводы: «*Within these lands the trustworthy man I fully protect. The man of evil intent I thoroughly investigate*» (Voigtlander, 1978, 54); «*Dans ces pays, je protège très fort celui qui est digne de confiance (et) je pourchasse très fort celui qui est mauvais de coeur*» (Malbran-Labat, 1994, 108).

тежника народу, а затем уже смертная казнь посредством помещения его на кол в Арбеле (*DB* §33).

Наказание еще двух «лже-царей» (персидского мятежника Вахияздаты и вавилонского Арахи) не предполагало причинение увечий (по крайней мере о них ничего не говорится в надписи), но только смерти традиционно путем помещения на кол (*DB* §43, 50; *DB* Akk. §35, 39; *DB* Elam. §35, 39). В случае же с Арахой Дарий издал письменное распоряжение, о чем говорят древнеперсидская и вавилонская версии текста надписи[9]:

> «Я постановил, [чтобы] этот Араха и люди, которые его близкими приверженцами были, в Вавилоне были помещены на кол (*niyaštāyam, haų Araxa utā martiyā, tayaišaį fratamā anušiyā āhantā, Bābiraų uzmayāpati akariyantā*)» (*DB* §50); «я выпустил указ такой: “Араху и знатных, которые были с ним, поместите на кол” (*a-na-ku ṭè-e-me al-ta-kan um-ma* ^{m}*a-ra-ḫu u* ^{lú}DUMU.DÙ.MEŠ *ša it-ti-šu šu-uk-na-*ʾ*-šu-nu-tu* [*ina*] *za-qi-pi*)» (*DB* Akk. §39)[10].

Других мятежников постигла различная судьба. Эламский мятежник Асина без военных действий был схвачен по приказу царя, в колодках приведен к нему и казнен (*DB* §17; *DB* Akk. §16; *DB* Elam. §16). Вавилонский мятежник Надинтабайра (Нидинту-Бел) после двух сражений был пленен Дарием в Вавилоне и там же был им убит (*DB* §20: *avam Nadintabaiṛam adam Babiraų avājanam*; *DB* Elam. §19); в вавилонской версии конкретизируется, что Дарий в Вавилоне поместил на кол его и 49 его последователей (*DB* Akk. §19: *al-ta-kan ina za-qi-*⌜*pi*⌝). Другой эламский мятежник Мартия был схвачен и умерщвлен самими эламитами из страха перед царем (*DB* §23; *DB* Akk. §21; *DB* Elam. §21). В древнеперсидской и эламской версиях Бехистунской надписи в соответствующих контекстах ничего не говорится о наказании маргианского мятежника Фрады (*DB* §38; *DB* Elam. §31), однако в вавилонской версии уточняется, что Дадаршиш, сатрап в Бактрии, посланный Дарием против восставших в Маргиане, захватил и убил Фраду и его знатных приверженцев (*DB* Akk. §31). Еще один эламский мятежник Асамайта (о нем говорится в пятом столбце Бехистунской надписи, известном только в древнеперсидской версии и добавленном к тексту уже после составления всех остальных столбцов) был приведен к Дарию и казнен им (*DB* §71). Также и Скунха, предводитель острошапочных скифов (*Sakā tigraxaudā*), был схвачен и приведен к Дарию в колодках (*DB* §74), однако о его дальнейшей судьбе ничего не сообщается в тексте.

ВИДЫ НАКАЗАНИЙ ПРИ ДАРИИ I И КСЕРКСЕ I

Изображение процессии связанных пленников на визуальных памятниках

Девять предводителей врагов царя изображены все вместе на Бехистунском рельефе со связанными за спиной руками и ведомые общей веревкой, накинутой на их шеи (рис. 1). Конечно, этот рельеф отражает пропаганду самого Дария, поскольку все эти люди были захвачены и умерщвлены в различных местах и потому

[9] Rung 2024b, 33–35.

[10] Издатель вавилонской версии надписи Э. Фойгтландер дает следующий перевод этого предложения: «Then I decreed, “As to Arakhu and the nobles who were with him, impale them”» (Voigtlander 1978, 60). Также и Ф. Мальбран-Лабат переводит: «alors je décrétai: “empalez Arahu et avec lui les seigneurs qui (etaient) de son parti”» (Malbran-Labat 1994, 118).

Рис. 1. Рельеф Бехистунской скалы с изображением процессии пленников

никогда не могли быть собраны вместе. Поэтому данный рельеф воспроизводит общепринятую на Ближнем Востоке практику изображения пленников со связанными за спиной руками и ведомыми за шею общей веревкой. Такие изображения связанных за шеи врагов появляются уже в Древнем Египте, в частности, на стене храма Рамсеса II в Абу-Симбеле (рис. 2–3) и, по мнению Дж. Мартина, являются реминисценцией выпаса скота[11].

В одной надписи Тиглатпаласара I говорится о том, что он подчинил 30 царей, подобно волам, привязал к их носам веревки и таким образом ввел их в свой город (Ашшур) (*RIMA* II, A.0.87.2, 26–27). Возможно, такой способ обращения с пленными также соотносится с идеей ярма как символа подчинения на Древнем Ближнем Востоке[12]. Однако прототипом для Бехистунского рельефа могли стать победная стела Нарам-Сина (рис. 4), а также наскальный рельеф царя лулубеев Анубанини (оба памятника из Ирана)[13]: на обоих царь изображен попирающим ногой поверженного врага, а на рельефе Анубанини два пленника перед царем представлены со связанными за спиной руками и ведомые общей веревкой, накинутой на шею, конец которой находится в руке местной богини (Инанны?) (рис. 5). Также о распространенности такого вида обращения с пленными в Ахеменидской империи свидетельствуют как цилиндрические печати, на которых символически представлена победа персидского царя над египетским (рис. 6)[14], так и Геродот

[11] Martin 1989, 72-78, figs. 44–45.

[12] Rung, Venidiktova 2023.

[13] Feldman 2007; Head 2010; Rollinger 2016; Eppihimer 2019, 82–88.

[14] На данный момент известно несколько таких печатей: одна находится в ГЭ (т. н. «Звенигородская печать»), другая – в ГМИИ (т. н. «Московская цилиндрическая печать Артаксеркса») (Strelkov, 1937); еще одна печать находится в Метрополитен-музее в Нью-Йорке.

(III. 14), который сообщает о наказании пленных в Египте: «Камбис послал затем на казнь сына Псамменита и 2000 его сверстников с петлей на шее и заткнутым удилами ртом»[15].

Рис. 2. Изображение нубийских пленников из храма Рамсеса II в Абу-Симбеле

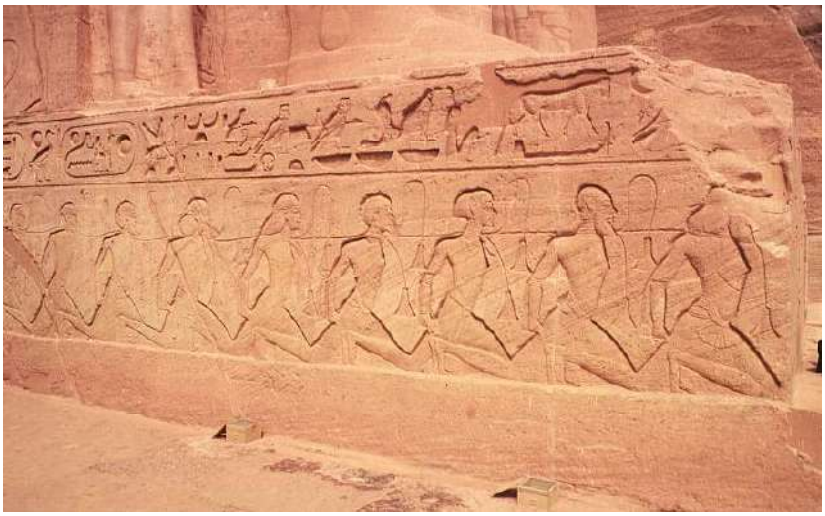

Рис. 3. Изображение азиатских пленников из храма Рамсеса II в Абу-Симбеле

[15] К. Маккеон обращает внимание, что Геродот описывает в отрывке с Псамменитом «персидскую модель наказания», особенно в том, что касается слов Геродота, что бывшего египетского царя «Камбис велел посадить в предместье на позор» (κατίσας ἐς τὸ προάστειον ἐπὶ λύμῃ), т. е. у городских ворот Мемфиса для всеобщего обозрения (McKeon, 2020). Д. Ашери полагает, что исторически «парад пленников», связанных за шею, по улицам Мемфиса напоминает другие сцены массовой депортации у Геродота и в восточной иконографии; согласно Ктесию (FGrH 688 F. 13.10), египетский царь был депортирован в Сузы вместе с 6000 чел., выбранных Камбисом (Asheri, Lloyd, Corcella 2007, 412). Однако в данном отрывке Геродота речь идет не о депортации пленников, а об их казни, что напоминает композицию Бехистунского рельефа, также изображающего казненных высокопоставленных пленников.

Рис. 4. Победная стела Нарам-Сина, музей Лувра

Рис. 5. Наскальный рельеф Анубанини, царя лулубеев

Рис. 6. Сцена победы персидского царя над египетским на оттиске печати (т. н. «Звенигородская печать»). Государственный Эрмитаж

Лишение органов чувств и коммуникации

Отрезание носа, ушей и языка, сдирание кожи, обезглавливание, сажание на кол, были способами наказания, которые уже практиковались на Древнем Ближнем Востоке задолго до персов[16]. Б. Линкольн считает, что отрезание ушей, возможно, наряду с другими органами чувств и коммуникации, должно было пометить тех, кто был осужден за ложь[17]. Намек на это содержится в Бехистунской надписи при обращении Дария к потенциальному наследнику:

> «О ты, который будешь со временем царем, крепко оберегай себя от лжи. Человека, который будет лжецом, того, хорошо допросив, наказывай (*martiya, haya draujana ahati, avam ufraštam pṛsā*), если хочешь, чтоб страна твоя была невредимой» (*DB* § 55); «О ты, который будешь со временем царем, человека, который будет лжецом и который преступником будет (*haya draujana ahati hayavā zūrakara ahati*), пусть тот не будет другом, хорошо допросив его, накажи (*ufraštādiš pṛsā*)» (*DB* § 64).

В Древнем Египте периода Нового царства отрезание ушей и носа и выкалывание глаза, в частности, было наказанием за лжесвидетельство в судебных делах[18]. В текстах Новоассирийской империи упоминается вырывание языка из глотки в качестве наказания тому, кто лжет царю (*SAA*, II, 160–161, no 205; XII, 92, no 82). В надписях Ашшурбанапала (669–627 гг. до н.э.) сообщается о вырывании языка и сдирании кожи внутри города Арбела у двух чиновников, которые «произносили тяжкие богохульства» в отношении царских богов (*RINAP* V/1: 3, vi 71–74; 4, vi 77–81a; 6, vii 29’–33’a; 7, vii 21–24).

Наряду с этим, надписи ассирийских царей упоминают различные способы нанесения увечий и умерщвления пленников, отчасти напоминающие

[16] Jacobs 2009, 134–137.
[17] Lincoln 2012, 222; 2015, 143.
[18] Loktionov 2017, 265; Matić 2019, 35.

те виды наказания, которые встречаются в Бехистунской надписи. Так, в надписи Ашшурнацирапала II (884–859 гг. до н.э.) сообщается о том, что у одних пленников он отрезал кисти и руки, у других – отрезал их носы, уши и конечности, а кроме того, у многих выколол глаза. Также царь приказал собрать и повесить головы обезглавленных пленников на деревьях вокруг города (*RIMA* II, A.0.101.1, 115–118) (рис. 7).

Рис. 7. Казнь пленников ассирийцами. Рельеф бронзовых ворот Балавата. Британский музей

Отрезание у пленников рук, носов, ушей и выкалывание глаз также упоминается в надписях Асархаддона (680–669 гг. до н.э.) (*RINAP* IV, 33.iii.25). Отрезание носов и ушей у персов также несколько раз упоминает Геродот (III.69; 118.2; 154–159; IX. 112):

1. По сведениям Геродота (III. 69), Камбис велел отрезать уши магу Смердису, который потом стал царем в Персии, за какую-то немалую вину (τὰ ὦτα ἀπέταμε ἐπ᾽ αἰτίῃ δή τινι οὐ σμικρῇ), однако, что это была за вина, историк не уточняет. В дальнейшем один из заговорщиков Гобрий, призывая к свержению Смердиса, как это отмечает «отец истории» (III. 73), в качестве аргумента говорил о том, что над персами правит «безухий» (ὦτα οὐκ ἔχοντος) мидянин-маг. Таким образом, это свидетельство историка предполагает, что отрезание ушей было предназначено, чтобы «пометить» преступника.

2. Далее упоминание Геродотом о подобном наказании двух служителей дворца, которое учинил знатный перс Интафрен, один из соратников Дария – семи персов, убивших мага Гаумату, поскольку эти служители отказались пропустить его в царские покои, может показывать, что отрезание носа и ушей могло быть наказанием за ослушание (Hdt. III. 118–119).

3. Третий эпизод (с Зопиром во время подавления Дарием I восстания Вавилона), приведенный историком, демонстрирует, что такое наказание было всецело прерогативой самого́ Великого царя (Hdt.III. 154–155); и потому, очевидно, своеволие, проявленное Интафреном (κατέλαβε ὑβρίσαντα), было воспринято царем

как попытка мятежа и привело к преданию смерти его и его родственников по мужской линии (Hdt. III. 119)[19].

4. Также отрезание носа, ушей, губ, вырывание языка стало способом мести Аместриды, супруги Ксеркса, жене Масиста, брата царя, по сведениям Геродота (IX. 111–112), за то, что Ксеркс изменял царице с дочерью Масиста.

Помещение на кол, сдирание кожи, обезглавливание

Помещение на кол в Бехистунской надписи описывается в надписях на древнеперсидском посредством выражения *uzmayāpati akunavam*, в котором слово *uzma-* означает то, что возвышается над землей, а само выражение, по мнению Бартоломео[20], является эвфемизмом для обозначения распятия. Р. Кент выводит слово *uzma-* от *ud-*, «верх» и *zma-*, восходящее к *zam-*, «земля». По мнению исследователя, в переносном смысле слово обозначает кол (stake)[21]. Р. Шмитт переводит выражение *uzmayā-pati kar* как «протыкать» (pfählen), в котором *uzmaya-* следует переводить как «высокий кол» (hochgeplantz[er Pflock])[22]. Однако такое значение не позволяет сделать заключение о технической стороне казни.

Вавилонская версия Бехистунской надписи также не проясняет точный способ казни, поскольку встречающееся там выражение *ina zaqīpi šakānu*, где *zaqīpu* является производным от глагола *zaqāpu*, «поднимать»[23], означает просто «помещать на кол»[24]. К. Раднер полагает, что по крайней мере для современного человека существует четкая разница между убийством посредством помещения на кол и тесно связанной, но тем не менее отличной от этого практикой демонстрации тел на шесте (рис. 8). По мнению исследовательницы, устройство, называемое *zaqīpu*, означает простой деревянный кол, который использовался для убийства, но также мог быть использован для выставления на показ мертвых тел. Как отмечает К. Раднер, согласно визуальным свидетельствам, обнаженный человек находился на верхушке длинного, вероятно, заостренного деревянного кола, вошедшего в нижнюю часть тела между ног, предположительно в области ректума (рис. 9). Это можно охарактеризовать как продольное пронзание. Смерть была неизбежным результатом этой процедуры, но наступление смерти было длительным, чрезвычайно мучительным процессом, которое потенциально могло бы длиться несколько часов, если не дней. Тот факт, что умирающих размещали высоко над землей и обычно на открытых площадках было призвано гарантировать хорошую видимость их для целевой аудитории. К. Раднер определяет пронзание как форму смертной казни, придающую большое значение зрелищности этого публичного убийства[25]. В Бехистунской надписи пронзание колом и сдирание кожи не представлено каким-либо взаимосвязанным процессом (Фравартиш был посажен на кол, а с его сторонников была содрана кожа с последующим их обезглавливанием). В Новоассирийской империи сдирание кожи с пленников не только представлено в визуальных источниках (рис. 10), но и описывается в текстуальных свидетельствах, большинство которых, как представляется, принад-

[19] Супруга Интафрена вымолила у Дария помилование для брата и старшего сына (Hdt. III. 119).
[20] Bartholomae 1904, 413.
[21] Kent 1950, 178.
[22] Schmitt 2014, 272.
[23] Radner 2015, 103.
[24] *CAD* XXI, Z, 58, s.v. *zaqīpu*; *CDA*, p. 348, s. v. *šakānu(m)*; p. 445, s. v. *zaqīpu*.
[25] Radner 2015, 103–104.

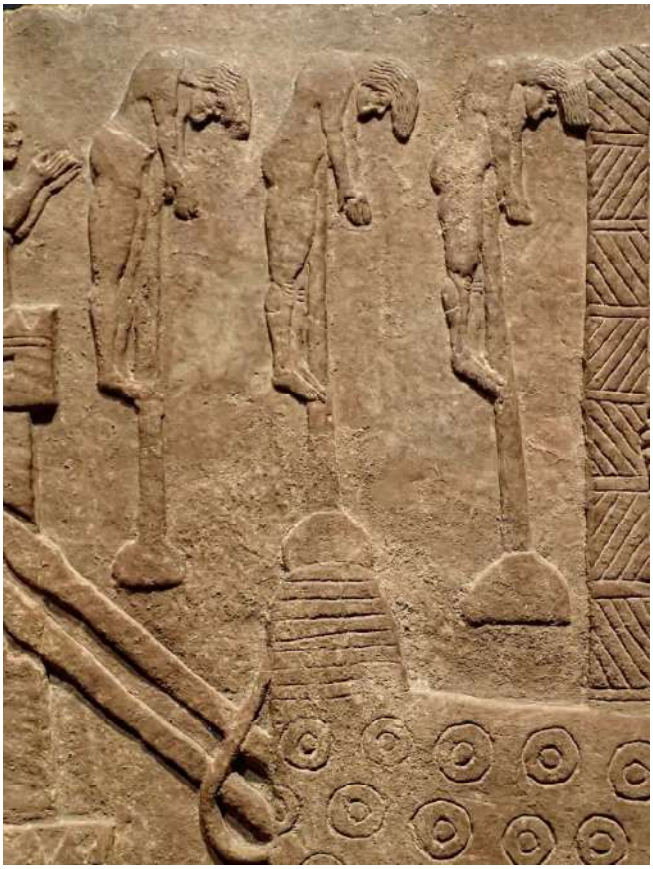

Рис. 8. Демонстрация тел на коле. Ассирийский рельеф из дворца Тиглатпаласара III в Кальху (Нимруде). Британский музей

Рис. 9. Помещение на кол. Рельеф бронзовых ворот Балавата. Британский музей

Рис. 10. Сдирание кожи на ассирийском рельефе со сценой осады Лахиша. Британский музей

лежит ко времени Ашшурбанапала[26]. Чаще всего сообщается не просто о сдирании кожи, но о последовательности действий по умерщвлению пленников и устрашению населения[27]. Так, царские надписи, в частности, говорят об умерщвлении восставших жителей городов Саиса, Мендеса и Пелузия в Египте – последователей Тахарки: «Я повесил их тела на колья, содрал с них кожу, и растянул их кожу на стены города» (*RINAP* VI/1: 3, i 91–ii 1a); «Они [воины Ашшурбанапала] повесили их тела на колья, содрали с них кожу, и растянули их кожу на стены города» (*RINAP* VI/1:7, ii 44″–49″; 11, i 134b–ii 4).

В античной традиции сажание на кол и сдирание кожи иногда описываются как две разновидности одного наказания. Здесь сажание на кол чаще всего обозначается глаголом ἀνασταυρόω, но иногда – ἀνασκολοπίζω[28]. Надо также отметить, что часто в античной традиции ответственными за наказание с одобрения царя являются царицы, что объясняется представлениями древнегреческих авторов о могущественных женщинах при царском дворе, хотя последнее не исключает достоверность их рассказов.

1. Так, согласно рассказу Ктесия Книдского (*FGrH* 688. F. 9a. 6), не находящего подтверждения у других античных авторов, Амитида Старшая, дочь Астиага и

[26] Minen 2020, 243–244.

[27] Наряду со сдиранием кожи, также упоминается вырывание языка (RINAP VI/1: 3, vi 71–74; 4, vi 77–81a; 6, vii 29′–33′a; 7, vii 21–24; 8, vii 1″–4″; 165, Rev. 9′–15′).

[28] Dvoretskiy 1958/I, 132, ст. ἀνασταυρόω: 1. Сажать на кол; 2. Распинать на кресте; 131, ст. ἀνασκολοπίζω: пригвождать к столбу, распинать или сажать на кол. CGL, I, 110, s v. ἀνασταυρόω: 1 put on a stake, impale – a person, corpse, parts of the body; pass, (of a person or body) be impaled; 2 fix up on a cross (ref. to the Roman form of execution), crucify; 109, s. v. ἀνασκολοπίζω [σκόλοψ] put on a stake, impale – a person; pass. be impaled; 1958/II, 1283–1284, s. v. σταυρός [reltd. στῦλος] 1 pl. upright poles, stakes; 2 pl. piles (supporting a platform); 3 stake (for impaling a body); 4 cross (as the instrument of crucifixion.

супруга Кира Великого[29], попросила у царя выдать ей евнуха Петисака, которому она за совершенное им преступление (Петисак по совету Ойбара отвез ее отца, бывшего мидийского царя Астиага, в пустынное место и оставил там его умирать от голода и жажды) приказала выколоть глаза, содрать кожу и посадить на кол (τὸ δέρμα περιδείρασα ἀνεσταύρισεν).

2. После захвата Вавилона Дарий I приказал повесить на кол (ἀνεσκολόπισε) около 3000 знатнейших граждан, что является примером массовой казни (Hdt. III. 159).

3. Дарий I приказал поместить на кол (ἀνεσταύρωσε) одного из царских судей Сандока за то, что, по мнению царя, он вынес несправедливый приговор. Однако уже вскоре царь изменил свое мнение и помиловал Сандока, посчитав, что его заслуги перед царским домом превышают тяжесть его вины (Hdt. VII. 194). Это единственный пример у «отца истории» незавершенной казни, хотя представляется все же маловероятным, что человек, через некоторое время снятый с кола, имел шансы выжить[30]. Однако, рассказ Геродота предполагает, что Сандок не был пронзен колом, но только повешен на кол, как о том можно судить по глаголу ἀνακρεμάννυμι[31].

4. По рассказу Геродота (IV. 43), Ксеркс первоначально приказал повесить на кол (ἀνασκολοπιεῖσθαι ὑπὸ Ξέρξεω βασιλέος,) Сатаспа из рода Ахеменидов за то, что он оскорбил насилием дочь Зопира, сына Мегабиза, но был отговорен от этого матерью преступника, сестрой Дария; однако впоследствии Ксеркс повесил Сатаспа на коле (ἀνεσκολόπισε), формально за невыполнение своего приказа совершить на корабле плавание вокруг Ливии.

5. Амитида Младшая, дочь Ксеркса, по сведениям того же Ктесия (*FGrH* 688. F. 14. 39), выпросила у Артаксеркса I разрешение предать казни предводителя египетских мятежников ливийца Инара, которого она посчитала виновным в гибели своего сына Ахемена в Египте; она приказала повесить Инара на трех шестах (ἀνεσταύρισεν μὲν ἐπὶ τρισὶ σταυροῖς). Вероятно, для казни Инара было сооружено нечто подобное кресту. Кроме того, подобный вид казни встречается еще раз в Ахеменидской истории (Plut. *Art.* 17).

6. Аместрида, супруга Ксеркса, посадила на кол (ἀνεσταύρισεν) кавнийца Алкида, который убил ее внука Зопира, сына Мегабиза, во время попытки захвата тем города Кавна при поддержке афинян (Ctes. *FGrH* 688. F. 14. 45).

7. Геродот (VII. 238) также описывает один случай обезглавливания и помещения на кол по приказу царя мертвого тела для его публичной демонстрации перед своим войском. После битвы при Фермопилах Ксеркс среди мертвых нашел тело Леонида, приказал отрубить ему голову и поместить на кол (ἐκέλευσε ἀποταμόντας τὴν κεφαλὴν ἀνασταυρῶσαι)[32].

---

[29] О ней сообщает только Ктесий (Balcer 1993, 57).

[30] Наказание Сандока изначально было менее травмирующим, так он избежал сдирания кожи, обычно применяемое для казни провинившихся царских судей (Hdt. V. 25).

[31] Dvoretskiy, 1958, т. 1, 120, s. v. ἀνακρεμάννυμι: 1. подвешивать, вешать; 3. казнить через повешение, вешать; 4. соединять, связывать.

[32] Другой пример – обезглавливание Гистиея, одного из вдохновителей Ионийского восстания, и помещение мертвого тела на коле, предпринятое по приказу Артафрена и Гарпага, что вызвало неудовольствие Дария (Hdt. VI. 30). Об этом см: Klinkott 2017, 66–67.

СМЯГЧЕНИЕ НАКАЗАНИЙ ПРИ АРТАКСЕРКСЕ I

Относительное смягчение системы наказаний в Ахеменидской империи произошло в правление Артаксеркса I Макрохира (465–424 гг. до н.э.), что античная традиция объясняет мягким нравом самого царя. Так, Плутарх (*Art.* 1) сообщает: «Артаксеркс Первый, всех, кто царствовал в Персии, превосходивший милосердием и величием духа, носил прозвище Долгорукого, потому что правая рука у него была длиннее левой. Он был сыном Ксеркса». Далее Плутарх (*Art.* 4), сравнивая Артаксеркса II с Артаксерксом I, замечает: «А в начале его правления казалось даже, будто он горячо подражает милосердию Артаксеркса, своего соименника, – так дружелюбно беседовал он с просителями, так щедро преступал меру заслуженного в наградах и почестях, так решительно изымал из наказаний все, что было похоже на издевательство или злорадство».

Аммиан Марцеллин (XXX. 8. 4; пер. В.Ю. Кулаковского) говорит о мягкости нрава Артаксеркса I, аргументируя это тем, что он воздерживался от отрезания голов и ушей:

> «Артаксеркс, могущественный царь персов, который вследствие длины одной из частей тела, имел прозвание Долгорукий, многократно, по врожденному своему добросердечию, смягчал нередкие у дикого народа смертные казни тем, что отсекал у иных преступников тиары вместо голов; а чтобы не отрезать ушей за проступки, как это принято у персов, отсекал свешивавшиеся с головного убора шнурки. Эта мягкость его нрава принесла ему такое расположение и уважение, что он при всеобщем сочувствии к себе мог совершить много дивных деяний, которые прославлены греческими писателями».

Плутарх (*Mor*. 173D) добавляет еще ряд деталей по поводу смягчения наказаний Артаксерком I: «Он первый распорядился, чтобы в наказание за проступки какого-нибудь из вельмож (πρῶτος δὲ τοῖς ἁμαρτάνουσι τῶν ἡγεμονικῶν τιμωρίαν ἔταξεν) не бичевать тело и вырывать волосы виновному, а бичевать сброшенное им платье и вырывать нити из снятой с него тиары».

Вообще же смягчение наказания, если и имело место, могло касаться преимущественно высокопоставленных персов. Так, царь дважды помиловал сатрапа Мегабиза, один раз за мятеж против себя, а второй – за проступок во время царской охоты (Ctes. *FGrH* 688. F. 14. 42–43), хотя существуют основания думать, что такая милость была скорее обусловлена заслугами Мегабиза, одним из первых поддержавшего Артаксеркса I во время борьбы последнего за царский престол (Ctes. *FGrH* 688. F. 14. 34)[33]. На представителей неперсидского этноса и людей низкого социального статуса милость царя могла не распространяться. И хотя, по данным Ктесия Книдского (*FGrH* 688. F. 14. 39), Артаксеркс I пять лет не давал своего согласия на казнь предводителя египетских мятежников Инара и военнопленных греков, воевавших в Египте против персов, в итоге Инар все же был помещен на кол, а 50 греков были обезглавлены. Также по приказу Аместриды, матери Артаксеркса I, и с одобрения самого царя, был сожжен заживо придворный медик Аполлонид с о. Коса, обвиненный в смерти царской сестры Амитиды (Ctes. *FGrH* 688. F. 14. 44)[34].

[33] Д. Бэкман особый акцент делает на вмешательстве семьи при помиловании царем Мегабиза (Beckman 2020, 136).

[34] К сожжению людей заживо прибегали уже ассирийцы, однако сохранившиеся в надписях примеры показывают, что сожжение было одним из разновидностей карательных действий асси-

Здесь следует упомянуть также жестокую расправу Артаксеркса I над евнухом Аспамитрой (он был подвергнут смертельной корытной пытке «скафизму» – σκαφεύεται)[35], который принимал участие в убийстве Ксеркса (Ctes. *FGrH* 688. F. 14. 34). Сущность этой «корытной пытки» (τὸ σκαφευθῆναι) обстоятельно описывает Плутарх (*Art*. 16.2; пер. С.П. Маркиша):

> «Казнь эта заключается в следующем. Берут два в точности пригнанных друг к другу корыта и в одно из них навзничь укладывают осужденного, а сверху накрывают вторым корытом, так что снаружи остаются голова и ноги, а все туловище скрыто внутри. Потом человеку дают есть и, если он отказывается, колют иголкой в глаза и так заставляют глотать. Когда он поест, в рот ему вливают молоко, смешанное с медом, и эту же смесь размазывают по всему лицу. Корыто все время повертывают так, чтобы солнце постоянно светило пытаемому в глаза, и неисчислимое множество мух облепляет ему лицо. А так как сам он делает все то, что неизбежно делать человеку, который ест и пьет, в гниющих нечистотах скоро заводятся черви, которые заползают в кишки и принимаются грызть живое тело. Когда же наконец приходит смерть и верхнее корыто снимают, все мясо оказывается уже съеденным, а внутренности так и кишат этими тварями, неутомимо пожирающими свою добычу».

Подвергнутый такой пытке по приказу Артаксеркса II Мнемона евнух Митридат, по словам Плутарха (*Art*. 16.2), мучился 17 дней, а на 18 умер. Поскольку такой способ умерщвления кажется не засвидетельствован в других государствах Древнего Ближнего Востока, думается, что он мог быть изобретением Ахеменидов, не исключено, даже самого Артаксеркса I.

БРОСАНИЕ В ТЛЕЮЩУЮ ЗОЛУ: ПРАКТИКА НАКАЗАНИЙ ПРИ ДАРИИ II

Артаксеркс I имел лишь единственного законного сына Ксеркса, который после смерти отца и унаследовал престол в 424 г. до н.э. (Ctes. *FGrH*. 688. F. 15. 48)[36]. Когда Ксеркс II был убит во дворце заговорщиками во главе с Секиндианом (Согдианом/Согдием) после 45 дней царствования, началась борьба за власть между «гаремными» сыновьями Артаксеркса I, в которой в итоге одержал победу Ох, короновавшись под именем Дария II (Ctes. *FGrH*. 688. F. 15. 49–50)[37]. С именем Дария II (424–404 гг. до н.э.) связано появление новой разновидности смертной казни – бросания в тлеющую золу (εἰς τὴν σποδόν)[38]. Впервые, как можно судить по Ктесию, такой вид казни был применен к узурпатору Секиндиану, свергнутому Дарием II: «Став царем, Ох принял имя Дарий, затем попытался призвать к

рийских царей по отношению к плененному населению в ходе военных кампаний и что сожжение всегда носило массовый характер (Dewar 2021, 71–72).

[35] Б. Линкольн считает, что это наказание в виде «испытания корытом» (ordeal of troughs) «очищает всех людей от их грехов и скверны» (Lincoln 2007, 67).

[36] Ктесий (FGrH. 688. F. 15.47) особо подчеркивает, что Ксеркс II был единственным законным сыном от царицы Дамаспии (μόνος ἦν γνήσιος ἐκ Δαμασπίας).

[37] Об этом подробнее см.: Rung 2023, 158.

[38] Dvoretskiy 1958/II, 1495, ст. σποδός: 1. неостывшая зола, тлеющий пепел; 2. сожженные останки, прах; 3. пыль, песок, прах; CGL II, 1280, s. v. σποδός: ashes, embers (of burnt wood). Л. Ллевеллин-Джоунз полагает, что казнь заключалась в удушении холодным пеплом, куда бросали приговоренного к смерти, однако, это мнение не учитывает семантику греческого существительного σποδός (Llewellyn-Jones 2024, 319).

себе Секиндиана и по совету Парисатиды использовал для достижения своей цели всевозможные уловки, даже дав клятвенные заверения. Секиндиан, хотя и предупреждаемый Меностаном не доверять этим вероломным людям, все же был убежден. Он был схвачен и брошен в золу (εἰς τὴν σποδὸν ἐμβάλλεται), где и погиб, процарствовав в течение шести месяцев и пятнадцати дней» (Ctes. *FGrH.* 688. F. 15. 50). Собственно, об этих событиях может рассказывать Валерий Максим, источником которого мог быть Ктесий (IX. ii. 2. ext.6. Пер. А.М.Сморчкова; Ctes. FGrH. 688. F.*15c):

> «Ох, названный затем Дарием, был связан священнейшей у персов клятвой, что никого из заговорщиков, которые вместе с ним сокрушили семь магов, не убьет ни ядом, ни железом, никаким насилием или лишением пищи. Поэтому он придумал более жестокий способ смерти, с помощью которого устранял тех, кто был ему тягостен, без нарушения религиозных обязательств. А именно, он наполнил золой огражденное высокими стенами место и положил сверху торчащую балку, на которой помещал свои [жертвы] после щедрого угощения едой и питьем. Сморенные сном, они падали с нее в эту таящую опасность кучу».

Очевидно, что упоминание в данном контексте семи магов представляет собой явный анахронизм и отсылает ко времени прихода к власти Дария I. В остальном же исторический контекст выглядит достоверным и соотносится с тем, что повествует Ктесий о заговоре Дария II Оха против Секиндиана.

В дальнейшем аналогичным образом были умерщвлены и другие враги Дария II – высокопоставленные персы: поднявшие мятежи против царя его родной брат Арсит, Артифий, сын Мегабиза, и сатрап Писсуфн, сын Гистаспа, были захвачены и брошены в тлеющую золу (Ctes. FGrH. 688. F. 15. 52–53).

ОТ АРТАКСЕРКСА II ДО АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО: УЖЕСТОЧЕНИЕ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ

Артаксеркс II Мнемон (404–360 гг. до н.э.), кажется, придерживался традиционной системы наказаний. В первые годы его правления на него оказывала большое влияние царица-мать Парисатида. По словам Плутарха (Art. 14–17), из-за происков матери царя пострадали те, кто так или иначе был повинен в смерти ее любимого сына Кира в битве при Кунаксе в 401 г. до н.э: некий кариец, который ранил царевича под колено и свалил его с ног, затем евнух Митридат, что нанес ему первую рану, и, наконец, евнух Месабат, который отсек Киру голову и руку. Парисатида приказала палачам пытать карийца десять дней подряд, а потом выколоть ему глаза и вливать в глотку расплавленную медь (Plur. *Art*. 14); затем «корытной пытке» (*скафизму*), по настоянию Парисатиды, был подвергнут евнух Митридат (Plut. *Art*. 16). Наконец, мать царя, как говорит Плутарх (*Art*. 17), выиграла у Артаксеркса II в кости евнуха Месабата, а потом содрала с него живьем кожу, тело приказала повесить на трех шестах, а кожу распялить отдельно (προσέταξεν ἐκδεῖραι ζῶντα, καὶ τὸ μὲν σῶμα πλάγιον διὰ τριῶν σταυρῶν ἀναπῆξαι, τὸ δὲ δέρμα χωρὶς διαπατταλεῦσαι).

В биографии Артаксеркса Плутарх рассказывает историю об отравлении супруги царя Статиры матерью царя Парисатидой. Плутарх (*Art.* 19), который основывал свой рассказ на сообщениях Ктесия Книдского (Ctes. *FGrH.* 688. F. 27. 70) и

Динона Колофонского (D(e)inon. *FGrH.* 690. F. 15), описывает, как птица «ринтак» была подана к столу, причем разрезалась ножом, с одной стороны, смоченным ядом. Эту отравленную половину птицы Парисатида дала Статире, и та умерла в жестоких муках.

В музее Лувра находится оттиск с печати ахеменидского времени, на котором изображена женщина в царском одеянии, восседающая на троне, а перед ней служанка, приносящая птицу. Немного в стороне в царской короне стоит молодая женщина, вероятно, супруга царя (рис. 11). Если изображение на печати относится к теме отравления Статиры, то служанка, несомненно, это Гигида/Гингида, которая подала кушание к столу. По словам Плутарха (*Art*. 19), впоследствии царь осудил ее на смерть: «Отравителей у персов казнят по закону так. Голову осужденного кладут на плоский камень и давят и бьют другим камнем до тех пор, пока не расплющат и череп, и лицо. Вот какою смертью умерла Гигия». Пожалуй, это единственное свидетельство в античной традиции о наказании за уголовное преступление в Ахеменидской империи.

Обезглавливание в период правления Артаксеркса II, которое также было одним из способов умерщвления в Ассирии (рис. 12), применялось и в Персии в качестве разновидности смертной казни. Обезглавливание Дария, сына царя, по решению царских судей, признавших царевича виновным в заговоре против царя, подробно описывает Плутарх (*Art*.29; пер. С.П. Маркиша):

> «Прислужники взяли его и отвели в темницу по соседству с дворцом. На зов их явился палач с острым как бритва ножом, которым отрезают головы осужденным, однако ж, увидев Дария, в ужасе отступил, оглядываясь на дверь и словно не имея ни сил, ни мужества наложить руку на царя. Но судьи снаружи грозно приказывали ему делать свое дело, и тогда, отвернувшись, он схватил Дария за волосы, запрокинул ему голову и перерезал ножом горло».

Что касается Артаксеркса III Оха (360–338 гг. до н.э.), то античная традиция повествует о его особой жестокости. Плутарх (*Art*. 30) замечает, что Артаксеркс III Ох «всех превзошел кровожадностью и страстью к убийствам» (ὠμότητι καὶ μιαιφονίᾳ πάντας ὑπερβαλόμενον). О жестокости Артаксеркса III Оха сообщает Клавдий Элиан, согласно которому маги на основе предсказания определили его правление обильным на урожаи и жестоким на казни (Ael. *VH.* II. 17). Валерий Максим (IX. 2. ext. 6) приводит сообщение о расправе над родственниками в царствование Артаксеркса III. Некоторые латиноязычные авторы говорят о жестокости «другого Артаксеркса по прозвищу “Ох”», таким образом сравнивания его с предшествующими царями – носителями этого имени (Val. Max. 9. 2 ext. §7: *alterius Ochi cognomina Artaxerxis crudelitas*; St. Jerom. *Chron*. P. 120. 19–20). Диодор (XVII. 5. 3), в частности, видит причину убийства Артаксеркса III Оха, которое предпринял евнух Багой в 338 г. до н.э., в том, что царь «обращался с подданными грубо и безжалостно (ὠμῶς καὶ βιαίως) и стал ненавистным вследствие его очень жестокого нрава»[39].

Демонизированный в античной традиции образ Оха подверг критике Л. Милденберг, который считает, что Артаксеркс III был оклеветан и, напротив, являлся успешным и эффективным Великим царем. Исследователь пытался опровергнуть мнение Плутарха (*Art*. 30), что Ох «всех превзошел кровожадностью и страстью

[39] Rung, Orlov 2021, 599.

к убийствам»[40]. Однако аргументы, приведенные Милденбергом в пользу успешной внутренней и внешней политики Артаксеркса III, а также наличия у него качеств администратора, военачальника и дипломата, отнюдь не исключают достоверность представлений об Охе как самом жестоком из всех предыдущих царей династии Ахеменидов.

Последнее по времени применение традиционной персидской системы наказаний, наиболее приближенное к тому, что описывается в Бехистунской надписи[41], отмечено при Александре Великом в случае казни Бесса, сатрапа Бактрии, обвиненного в убийстве Дария III. По словам Арриана (*Anab*. IV. 7. 3), Александр собрал совет из присутствующих и велел ввести Бесса. Он обвинил его в измене Дарию, приказал отрубить нос и кончики ушей, отвести его в Экбатану и там казнить перед толпой мидян и персов (καὶ κατηγορήσας τὴν Δαρείου προδοσίαν τήν τε ῥῖνα Βήσσου ἀποτμηθῆναι καὶ τὰ ὦτα ἄκρα ἐκέλευσεν, αὐτὸν δὲ ἐς Ἐκβάτανα ἄγεσθαι, ὡς ἐκεῖ ἐν τῷ Μήδων τε καὶ Περσῶν ξυλλόγῳ ἀποθανούμενον). Правда, о способе казни Бесса Арриан умалчивает. Однако Курций (VII. 5. 40) уточняет сведения историка. Он пишет, что Александр передал Бесса Оксатру, брату Дария, чтобы варвары, распяв его на кресте и отрубив уши и нос (*cruci adfixum mutilatis auribus naribusque*), пронзили его стрелами, а потом сохранили труп, не позволяя садиться на него птицам. Несомненно, что слово *crux* в данном контексте подразумевает не крест, а кол[42].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный материал демонстрирует, что система наказаний за государственные преступления в Ахеменидской империи включала, с одной стороны, традиционные виды наказания, вызывающие как увечье (отрезание носа, ушей, вырывание глаза), так и смерть (сдирание кожи, помещение на кол, обезглавливание) приговоренного, а с другой стороны, наказания, применяемые, очевидно, исключительно в Персии (корытная пытка – «скафизм», бросание в тлеющую золу). Последние могли быть введены отдельными персидскими царями в определенных обстоятельствах. Так, например, «скафизм» упоминается впервые при Артаксеркссе I и вторично – при Артаксеркссе II. Однако бросание в тлеющую золу связывается только с правлением Дария II. Кроме того, можно определить эволюцию в позиции Ахеменидов в отношении системы наказаний. Так, Дарий I, Ксеркс I, Артаксеркс II придерживались традиционной системы наказаний. Артаксеркс I практиковал более гуманный подход, тогда как Артаксеркс III, напротив, был сторонником более жесткой системы наказаний. Дарий II пытался реформировать систему наказаний, введя в нее новый вид смертной казни. Итак, как уже было отмечено в начале статьи, наказание за государственные преступления было не только юридическим, но и идеологическим фактором в политике Ахеменидов. Оно считалось эффективным способом вызвать страх как у врагов царя, так и у подданных.

[40] Mildenberg 1999, 202.

[41] Bosworth 1995/II, 44–45.

[42] Dvoretskiy 1976, 274, ст. crux, ucis, f: 1. крест, орудие пыток и казни. Диодор (XVII. 82. 9), однако, сообщает совсем недостоверную версию гибели Бесса. Он говорит, что Александр передал Бесса на казнь брату Дарию и другим его родственникам; они всячески издевались над ним и увечили его: разрубали тело на маленькие куски и стреляли кусками из пращей.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Abaev, V.I. 1980: Bekhistunskaya nadpis' Dariya I [The Behistun Inscription of Darius I]. In: *Khrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka* [*Reader on the History of the Ancient East*]. Vol. 2. Moscow, 24–32.
Абаев, В.И. 1980: Бехистунская надпись Дария I. В кн.: *Хрестоматия по истории Древнего Востока.* Ч.2. М., 24–32.

Asheri, D., Lloyd, L., Corcella, A. 2007: *A Commentary on Herodotus*. *Book I–IV*. Oxford.

Bartholomae, C. 1904: *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg.

Beckman, D. 2020: Law, Mercy, and Reconciliation in the Achaemenid Empire. *Journal of Ancient History* 8 (2), 127–151.

Bosworth, A.B. 1995: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander.* Vol. 2: *Commentary on Books IV-V.* Oxford.

Dandamaev, M.A. 2002: Bekhistunskaya nadpis' Dariya I [The Behistun Inscription of Darius I]. In.: *Istoriya Drevnego Vostoka: teksty i dokumenty* [*History of the Ancient East: Texts and Documents*]. Moscow, 389–399.
Дандамаев, М.А. 2002: Бехистунская надпись Дария I. В кн.: *История Древнего Востока: тексты и документы.* М., 389–399.

Dewar, B. 2021: The Burning of Captives in the Assyrian Royal Inscriptions, and Early Neo-Assyrian Conceptions of the Other. *Studia Orientalia Electronica*, 67–81.

Dvoretskiy, I.H. 1958: *Drevnegrechesko-russkiy slovar'* [*Ancient Greek-Russian Dictionary*]. Vol. I–II. Moscow.
Дворецкий, И.Х. 1958: *Древнегреческо-русский словарь*. Т. I–II. М.

Dvoretskiy, I.H. 1976: *Latinsko-russkiy slovar'* [*Latin-Russian Dictionary*]. Moscow.
Дворецкий, И.Х. 1976: *Латинско-русский словарь*. М.

Eppihimer, M. 2019: *Exemplars of Kingship. Art, Tradition, and the Legacy of the Akkadians.* Oxford.

Feldman, M.H. 2007: Darius I and the Heroes of Akkad: Affect and Agency in the Bisitun Relief. In: J. Cheng, M.H. Feldman (eds.), *Ancient Near Eastern Art in Context Studies in Honor of Irene J. Winter by Her Students.* Leiden, 265–293.

Freiman, A.A. 1925: Drevne-persidskie klinoobraznye nadpisi [Old Persian Cuneiform Inscriptions]. In.: *Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva* [*Journal of Literature, Science and Art*]. Vol.5. Moscow–Leningrad, 3–15.
Фрейман, А.А. 1925: Древне-персидские клинообразные надписи. В кн.: *Восток. Журнал литературы, науки и искусства.* Кн. 5. М.–Л., 3–15.

Head, R. 2010: Assyria at Bisitun and the Universal Kingship of Darius I of Persia. In: H.D. Baker, E. Robson, G. Zólyomim (eds.), *Your Praise is Sweet: A Memorial Volume for Jeremy Black from Students, Colleagues and Friends.* London, 117–124.

Isakova, A.S., Rung, E.V. 2023: «Ya postavil tsarstvo na svoe mesto»: ideya zakonoporyadka v Akhemenidskoy imperii ["I Put the Kingdom in its Place": the Idea of Law and Order in the Achaemenid Empire]. *Vostok* (*Oriens*) 3, 45–59.
Исакова, А.С., Рунг, Э.В. 2023: «Я поставил царство на свое место»: идея законопорядка в Ахеменидской империи. *Восток* (*Oriens*) 3, 45–59.

Jacobs, B. 2009: Grausame Hinrichtungen – friedliche Bilder. Zum Verhältnis der politischen Realität zu den Darstellungsszenarien der achämenidischen Kunst. In: M. Zimmermann (ed.), *Extreme Formen von Gewalt in Bild und Text des Altertums*. München, 121–153.

Kent, R.G. 1950: *Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon*. New Haven.

Klinkott, H. 2017: Xerxes und der Kopf des Leonidas. Handlungszwänge und Rollenverständnis eines persischen Großkönigs. In: H. Klinkott, N. Kramer (eds.), *Zwischen Assur und Athen. Altorientalisches in den Historien Herodots.* Stuttgart, 61–81.

Lincoln, B. 2007: *Religion, Empire, and Torture: The Case of Achaemenian Persia, with a Postscript on Abu Ghraib*. Chicago.

Lincoln, B. 2012: *Happiness for Mankind. Achaemenid Religion and the Imperial Project*. Leuven.

Lincoln, B. 2015: Representing the Lie in Achaemenian Persia. In: P. Swennen (ed.). *Démons iraniens. Actes du colloque international organisé à l'Université de Liège les 5 et 6 février 2009 à l'occasion des 65 ans de Jean Kellens.* Liége, 135–144.

Llewellyn-Jones, L. 2024: *Persia. Rozhdenie i krah drevnej sverhderzhavy* [*Persia: The Rise and Fall of an Ancient Superpower*]. Moscow, 2024.

Абаев, В.И. 1980: Бехистунская надпись Дария I. В кн.: *Хрестоматия по истории Древнего Востока.* Ч.2. М., 24–32.

Ллевеллин-Джонс, Л. 2024: *Персия. Рождение и крах древней сверхдержавы*. М.

Loktionov, A.A. 2017: May my nose and ears be cut off: Practical and "supra-practical" Aspects of Mutilation in the Egyptian New Kingdom. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 60, 263–291.

Malbran-Labat, F., 1994: *La version akkadienne de l'inscription trilingue de Darius à Behistun* (Documenta Asiana I). Roma.

Martin, G.T. 1989: *The Memphite Tomb of Horemheb Commander-in Chief of Tut'ankhamun I: The Reliefs, Inscriptions, and Commentary*. London.

Matić, U. 2019: *Body and Frames of War in New Kingdom Egypt: Violent treatment of enemies and prisoners.* Wiesbaden.

McKeon, K.P.J. 2020: Barbarians at the Gate: Herodotus, Bisotun, and a Persian Punishment in Egypt. *American Journal of Philology* 141 (3), 349–380.

Mildenberg, L. 1999: Artaxerxes III Ochus (358–338 B.C.): a note on the maligned king. *Zeitschrift des Deutschen Palästina–Vereins* 115/2, 201–227.

Minen, F. 2020: Flaying the Enemy in Assyria. A Brief Study on Neo-Assyrian Archaeological and Textual Evidence. In: A. Otto, M. Herles, K. Kaniuth (eds.), *Proceedings of the 11th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East.* Vol. 1. Wiesbaden, 233–244.

Schmitt, R. 1991: *The Bisitun Inscriptions of Darius the Great. Old Persian Text.* London.

Schmitt, R. 2014: *Wörterbuch der altpersischen Königsinschriften*. Wiesbaden.

Radner, K. 2015: High Visibility Punishment and Deterrent: Impalement in Assyrian Warfare and Legal Practice. *Zeitschrift für Altorientalische und Biblische Rechtsgeschichte* 21, 103–128.

Rollinger, R. 2016: The relief at Bisitun and its Ancient Near Eastern Setting: Contextualizing the visual vocabulary of Darius' triumph over Gaumata. In: C. Binder, H. Börm, A. Luther (eds.), *Diwan. Studies in the History and Culture of the Ancient Near East and the Eastern Mediterranean: Festschrift für Josef Wiesehöfer zum 65. Geburtstag*. Duisburg, 82–88.

Rung, E. 2023: On *Metonomasia* in the Achaemenid Dynasty. *Iranica antiqua* 58, 149–171.

Rung, E.V. 2024a: Ideya zavoevaniya, mira i stabil'osti v Akhemenidskoy imperii [The Idea of Conquest, Peace and Stability in the Achaemenid Empire]. In: A.V. Makhlayuk (ed.). *Imperskiy opyt antichnogo Sredizemnomor'ya: istoricheskie osobennosti, retseptsiya, istoriografiya* [*Imperial Experience of the Ancient Mediterranean: Historical Features, Reception, Historiography*]. Nizhniy Novgorod, 17–39.

Рунг, Э.В. 2024a: Идея завоевания, мира и стабильности в Ахеменидской империи. В кн.: А.В. Махлаюк (ред.). *Имперский опыт античного Средиземноморья: исторические особенности, рецепция, историография*. Н. Новгород, 17–39.

Rung, E.V. 2024b: Poveleniya Dariya I i Kserksa v korpuse tzarskikh nadpisey Akhemenidov [The Orders of Darius I and Xerxes in the Corpus of the Achaemenid Royal Inscriptions]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 84 (1), 27–46.

Рунг, Э.В. 2024b: Повеления Дария I и Ксеркса в корпусе царских надписей Ахеменидов. *ВДИ* 84.1, 27–46.

Rung, E. 2025: War and Ideology in Achaemenid Persia. In: J. Hyland, Kh. Rezakhani (eds.), *Brill's Companion to War in the Ancient Iranian Empires*. Leiden–Boston, 84–119.

Rung, E.V., Orlov, V.P. 2021: «Poluderzhavnyy vlastelin»: evnukh Bagoy v istorii Akhemenidskoy imperii ["The Mighty, Quasi-Sovereign": Eunuch Bagoas in the History of the Achaemenid Empire]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 81.3, 590–614.
Рунг, Э.В., Орлов, В.П. «Полудержавный властелин»: евнух Багой в истории Ахеменидской империи. *Вестник древней истории* 81.3, 590–614.

Rung, E.V., Venidiktova, E.A. 2023: Metafora yarma v Drevnem mire: ot simvola imperskogo gospodstva do simvola podchineniya [The Yoke as a Metaphor in the Ancient World: From Symbolizing Imperial Domination to Signifying Subjugation]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta Seriya Gumanitarnye Nauki* [*Proceedings of Kazan University. Series Humanities*] 165 (4–5), 54–65.
Рунг, Э.В., Венидиктова, Е.А. 2023: Метафора ярма в Древнем мире: от символа имперского господства до символа подчинения. *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки* 165 (4–5), 54–65.

Strelkov, A.S. 1937: The Moscow Artaxerxes Cylinder Seal. *Bulletin of the American Institute for Iranian Art and Archaeology* 5 (1), 17–21.

Voigtlander, E. 1978: *The Bisitun Inscription of Darius the Great. Babylonian Version.* London.

THE SYSTEM OF PUNISHMENT FOR STATE CRIMES IN THE ACHEMENID EMPIRE

Eduard V. Rung

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: eduard_rung@mail.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. № 23-28-01562

The article examines the system of punishments in the Achaemenid Empire. The material examined demonstrates that the system of punishments for state crimes included, on the one hand, traditional types of punishment causing both mutilation (cutting off the nose, ears, gouging out an eye) and death (flaying, impaling, beheading) of the condemned, and, on the other hand, punishments obviously used exclusively in Persia (trough torture – "scaphism", throwing into smoldering ashes). The latter could have been introduced by individual Persian kings in certain circumstances. For example, *scaphism* is mentioned for the first time under Artaxerxes I, and again - under Artaxerxes II. However, throwing into smoldering ashes is associated only with the reign of Darius II. In addition, it is possible to determine the evolution in the Achaemenids attitude towards the system of punishments. For example, Darius I, Xerxes I, Artaxerxes II adhered to the traditional system of punishments. Artaxerxes I practiced a more humane approach, while Artaxerxes III, on the contrary, was introducing a harsher system of punishments. Darius II, in turn, tried to reform the system of punishments, introducing a new type of execution. Punishment for state crimes was not only a legal, but also an ideological factor in the domestic and foreign policies of the Achaemenids. It was considered the most effective way to cause fear in both the enemies of the Persian Kings and its subjects, and to prevent the latter from conspiring or rebelling against the king.

Keywords: Persia, Achaemenids, law, crime, punishment

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 77–93
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 77–93
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-77–93

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА АХЕМЕНИДСКОЙ ИМПЕРИИ В ИСТОРИОГРАФИИ XX–XXI вв.

В.П. Орлов

Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Россия

E-mail: vasiliy_orlov_historian@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7451-3325

В статье рассматриваются основные историографические тенденции, отражающие ход изучения правовой системы Ахеменидской империи. Это концепции А.Т. Олмстеда о едином своде законов, введенном Дарием I, а также П. Фрея о т.н. механизме Reichsautorisation («имперского согласия»), с помощью которого центральная власть одобряла местные законодательные практики и традиции. Также рассматривается изучение правовой системы Ахеменидской державы в различных компендиумах и изданиях обобщающего и сводного характера. Делается вывод о том, что в настоящее время данная проблема не нашла обобщенного осмысления в науке. Это объясняется тем, что исследователи обычно ограничивают свои изыскания отдельно взятыми частями империи (в первую очередь Вавилонией), при этом не пытаясь предпринять попытку комплексного анализа в рамках уже сформировавшихся в науке о Древнем Ближнем Востоке ахеменидоведческих исследований (Achaemenid studies).

Ключевые слова: Ахемениды, Держава Ахеменидов, Персидская империя, правовая система, Achaemenid studies, dāta, Reichsautorisation

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы становления и функционирования правовых норм государств и народов Древнего Востока активно изучались и изучаются не только историками, но и юристами по всему миру. Законы шумерских городов-государств, свод Хаммурапи, среднеассирийские и хеттские законы не раз становились объектом пристального внимания со стороны исследователей и давно вошли в перечень текстов, обязательных для изучения на некоторых гуманитарных специальностях. Однако в данной статье речь пойдет о том, как изучались правовые реалии Ахеменидской империи, где подобного рода правовые своды найдены не были, что серьезно затрудняет работу исследователей, пытавшихся понять устройство правовой системы в столь обширной империи, и какую роль в этой системе играл Великий царь,

Данные об авторе. Василий Павлович Орлов – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей и публичной истории Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-28-01562 «Правовая система Персидской империи Ахеменидов»).

сатрапы и другие представители новой персидской администрации, которая получила власть на значительной территории Африки и Евразии, где до этого на протяжении нескольких тысячелетий развивались крупные городские цивилизации, правовая мысль и происходила письменная фиксация законодательных норм, судебных процессов и других общественно-правовых реалий, возникающих между отдельными людьми, коллективами и государством.

В настоящее время не существует какой-либо обобщающей работы, посвященной правовой системе Ахеменидской империи, поэтому нами будет рассмотрено то, какое отражение нашла искомая проблематика в трудах отдельно взятых авторов из числа специалистов по истории ахеменидского Ирана и Ближнего Древнего Востока[1]. В первую очередь речь пойдет об идее А.Т. Олмстеда о наличии в Ахеменидской державе единого свода законов наподобие того, что был найден в эпоху Хаммурапи, и о критике этой идеи со стороны как современников американского исследователя, так и в новейших работах. Именно данная идея долгое время была своеобразным камнем преткновения для тех, кто обращался к изучению особенностей устройства правовой системы в державе Ахеменидов. Кроме того, нужно будет остановиться на концепции П. Фрея о функционировании в Персидской империи так называемого принципа *Reichsautorisation,* который, по его мнению, позволял осмыслять и санкционировать аппаратом центральной власти правовые нормы и законодательные традиции завоеванных стран и народов. Затем мы обратимся к различным обобщающим трудам по типу компендиумов и сводных изданий, посвященных развитию правовой мысли на Древнем Ближнем Востоке в целом и Ахеменидской империи в частности, так как в подобных работах находят свое отражение промежуточные консенсусы между исследователями, демонстрирующие ход развития мысли по той или иной проблеме.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОБ ИДЕЕ ЕДИНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СВОДА В АХЕМЕНИДСКОЙ ИМПЕРИИ

Одной из ранних работ, посвященных законам в древней Персии, стала книга С. Бульсара, представляющая собой, по-видимому, первый полный перевод на английский язык сасанидского судебника «Книга тысячи судеб»[2].

---

[1] Соответственно мы намерено не будем учитывать различные небольшие работы, которые хоть и посвящены теме нашего рассмотрения, но носят сугубо компилятивный или справочный характер, не претендуя на формирование новых исследовательских интерпретаций. К такого рода материалам можно отнести статью П.А. Матвеева и С.В. Тарасова «История права персидской империи» (Матвеев, Тарасов 2013), где авторы в достаточно вольной манере обобщают сведения из отечественной и переводной зарубежной историографии, не претендуя на самостоятельный критический анализ источников или мнений исследователей. Схожим образом выстроена статья И.И. Аминова (Аминов 2020), посвященная развитию государственности в Центральной Азии времен Ахеменидов и содержащая краткое описание системы судопроизводства и особенностей судебно-правовой системы при Дарии I.

[2] Работа С. Бульсара (Bulsara 1937, 43) неоднократно критиковалась, и, как отмечала А.Г. Периханян, данный перевод не отвечает самым элементарным научным требованиям и справедливо игнорируется иранистами. (Периханян 1983, 27).

В этой работе исследователь лишь вскользь касается более древнего периода иранской истории, отмечая[3], что еще со времен Ахеменидов в Иране применялись суровые наказания по отношению к судьям, которые нарушали принципы правосудия и допускали судебные ошибки. По-видимому, здесь идет намек на пассаж Геродота о суде Камбиза над Сисамном. Несмотря на тенденциозность и, как замечал М.М. Дьяконов, наивность комментариев, С. Бульсар закладывает идею сопоставления авестийского материала[4] и древнеперсидского при изучении правовых реалий Ахеменидской державы[5] как источника для формирования государственно-правовых норм.

Наиболее важный поворот в осмыслении правой системы Ахеменидской Персии осуществил А.Т. Олмстед. В небольшой заметке 1935 г. о Дарии как законодателе он последовательно доказывает[6] тезис о существовании во времена Ахеменидов законодательного свода, якобы созданного при Дарии I на основе месопотамского права и, в частности, текстов царя Хаммурапи. В дальнейшем А.Т. Олмстед разовьет эту идею в монографии 1948 г., заявив[7], что Дарий I и его советники видели стелу с законами Хаммурапи[8] и вдохновлялись ее текстом и иконографией при составлении нового общеимперского законодательного свода. С этой позицией согласится целый ряд ученых того времени. К примеру, У. Куликан считал, что Дарий I установил принцип господства права, в основе которого лежит кодификация Вавилонского прецедентного законодательства[9]. В советской историографии похожую точку зрения высказывал М.М. Дьяконов. Ссылаясь на В.В. Струве, он не исключал, что для контроля над обширными территориями Ахемениды могли ввести новое законодательство[10]. Однако сам В.В. Струве не

[3] Bulsara 1937, 43.

[4] Судя по всему, эта идея вдохновила исследователя из Таджикистана А.Г. Халикова на проведение исследования, в рамках которого он предпринял попытку доказать существование у иранских народов в древности своей отдельной зороастрийской правовой семьи (Халиков 2004, 4), которая просуществовала до прихода ислама. Эта концепция в дальнейшем вдохновит целую плеяду исследователей из Таджикистана, которые по настоящее время ведут свои изыскания в области древнеиранских правовых реалий. В данную работу эти исследования не включены, так как их первичный анализ показал необходимость рассмотреть этот историографический феномен отдельно, что будет сделано в будущем.

[5] Из современных исследователей в этом же ключе можно отметить работу П.О. Шерве, где исследователь на основе сравнения авестийских, древнеперсидских и сасанидских текстов любопытным образом выделяет порядок трех символических действий, которые монарху как блюстителю закона и справедливости необходимо предпринять по отношению к лжецу или нарушителю закона: он должен его «схватить» (garbāya-), «связать» (basta) и «привести» (ā-naya-) туда, где над преступником будет совершено правосудие. Подробнее см.: Skjærvø 2005, 52–84.

[6] Olmstead 1935, 247–249.

[7] Olmstead 1948, 127–128.

[8] Мы сознательно не называем законы Хаммурапи кодексом, руководствуясь здесь блестящими замечаниями И.М. Дьяконова, озвученными в 1952 г. на страницах «Вестника древней истории». Согласно И.М. Дьяконову, кодекс должен удовлетворять двум условиям: он должен регулировать только одну отрасль права, а также отменять предыдущие законодательные акты (по силе действия). См.: Дьяконов 1952, 204–205. Спустя почти 50 лет эти же два пункта обозначит Р. Вестбрук, доказывая, что законы Хаммурапи – это не кодекс, а судебник, который не может претендовать на некий универсальный юридический характер в силу того, что, по его мнению, в Месопотамии ещё не было правоведов (или скорее юристов) как отдельной профессиональной группы. Подробнее см: Westbrook 2000, 33–47.

[9] Culican 1965, 169–170.

высказывался по этой проблеме, а только напоминал о законодательной деятельности Дария I, опираясь при этом в основном на античные, а не на древневосточные источники[11].

Критика позиции А.Т. Олмстеда появилась далеко не сразу. На неубедительность выводов американского исследователя начали активно указывать примерно с 1980-х гг. По вполне резонному замечанию Дж.М. Кук, фраза Дария I из Бехистунской надписи о почитании странами его закона (*tyanā manā dātā apariyāya* – DB I.23) не является убедительным аргументом, доказывающим интенции новоиспеченного монарха по созданию и внедрению на территории всей империи некоего единого свода законов[12]. Британский исследователь полагал, что законы Хаммурапи, с которыми А.Т. Олмстед сравнивает т.н. кодекс Дария, не имеют свидетельств реального использования в правоприменительной практике[13], однако теперь известно, что это не так[14]. Куда больший вопрос вызывает уникальность и конечность свода Хаммурапи как законодательного памятника древности от имени конкретного царя[15]. Безусловно, в нашем распоряжении имеются более поздние законодательные своды, доставшиеся нам от хеттов и ассирийцев, но ни в одном из них не фигурируют имена конкретных составителей из числа царей. Также возникает вопрос, почему нечто подобное законам Хаммурапи не создали цари Элама, у которых стела с текстом аморейского правителя была действительно перед глазами после ее захвата царем Шутрук-Наххунте I в XII в. до н.э.? По-видимому, в подобной форме кодификации законов уже в эпоху осевого времени[16] не нуждались ни эламиты, ни ассирийцы[17], ни персы и уж тем более египтяне[18], чья правовая культура развивалась вполне самобытно[19] и, похоже, не испытала столь ощутимого влияния клинописной законодательной традиции, как культуры народов Передней Азии.

---

[11] Струве 1952, 43–44.

[12] Cook 1983, 72–73.

[13] Cook 1983, 72–73.

[14] Шарпен 2013, 269–270.

[15] В.А. Якобсон отмечал, что «Законы Хаммурапи – первый в истории человечества чисто законодательный памятник, т. е. начало писаного права». Подробнее см.: Якобсон 1981, 18.

[16] Подробнее о произошедших изменениях в сознании людей древности I тыс. до н.э. см.: Дьяконов, Якобсон 1998, 22–30.

[17] Возможно, среднеассирийский свод законов был в ходу и в I тыс. до н.э.

[18] Хотя и полноценный свод египетских законов не найден, исследователи считают его существование вполне реальным, в том числе в эпоху персидского владычества. Такое мнение можно встретить в следующих работах: Редер 1976, 280; Эдаков 1988, 113. При этом уже Е.А. Кокина называет «Демотический правовой свод», изучением которого занимался А.В. Эдаков, единственным известным сводом законов (Кокина 2014, 186).

[19] И.М. Лурье считал, что законодательные памятники древнего Египта имеют внешние стилистические сходства с теми же статьями из законов Хаммурапи, но, по его словам, «основные положения древнеегипетского права, зародившиеся при появлении имущественного неравенства, классов и государства, должны быть самобытными». Подробнее см.: Лурье 1960, 123–125.

С другой стороны, возможно, эти народы в отличие от жителей Южной Месопотамии не успели поэтапно пройти процесс оформления привычного нам писаного права в виде законодательных сводов, становление которых, как писал В.А. Якобсон, «генетически связано с более древним жанром – царской надписью»[20]. Здесь, на наш взгляд, уместно вовсе поставить большой исследовательский вопрос о формировании правовой культуры и правового сознания народов древности, исходя из их имманентных особенностей, определяющих представления о праве и справедливости. Безусловно, решение данного вопроса – дело серьезного исследования будущего. По поводу же истоков древнеперсидской правовой культуры следует привести мнение Р. Фрая, согласно которому ахеменидское законодательство могло восходить к родовым или племенным установкам еще времен арийской общности[21]. То есть речь идет о том, что в основе персидской правовой мысли однозначно лежали понятия, присущие индоиранским общностям, например, термины *arta*[22] и *rasta*[23], обозначавшие порядок и правильность соответственно.

Но вернемся к идее А.Т. Олмстеда. Даже при банальной постановке указанных выше вопросов его теория видится не слишком состоятельной, хотя и опирается на историко-филологический метод при сравнении надписей Дария I и текста законов Хаммурапи. Впрочем, критику данной позиции высказывали и другие исследователи. Так, М.А. Дандамаев и В.Г. Луконин, комментируя аккадское выражение *dātu ša šarri*[24] *(«Закон царя»)*, полагали, что под ним подразумевается «общий правовой порядок, установленный Ахеменидами, а не единый общегосударственный кодекс законов»[25]. При этом исследователи не отрицали проведение Дарием I интенсивной работы по кодификации законов покоренных народов[26]. Отметим, что взгляды М.А. Дандамаева по поводу интерпретации выражения *dātu ša šarri* не сильно изменились спустя десятилетия. Так, в 2013 г. под его авторством была издана монография «Ахеменидская империя. Социально-административное устройство и культурные достижения», где есть раздел «Правовые системы»[27], посвященный ахеменидским правовым реалиям. Книга представляет собой переработку совместной с В.Г. Лукониным классической советской монографии «Культура и экономика древнего Ирана», где был аналогичный раздел, на который мы ссылались ранее. В переизданной работе в данном разделе практически не было добавлено ничего нового. Исследователь, с одной стороны, кратко касается основных проблем правовой системы Ахеменидов (значение терминов *dāta*, *dāta*bara, анализ механизмов судебного регулирования общественной жизни), а с другой – описывает основные особенности правовых реалий Ирана, Вавилонии, Египта, отдельно – иудеев Элефантины и очень кратко – финикийских городов. Безусловно, отсутствие значимых дополнений, с одной

[20] Якобсон 1981, 18.
[21] Фрай 2002, 147–149.
[22] Бенвенист 1995, 300.
[23] Бенвенист 1995, 252.
[24] Подробнее о выражение dātu ša šarri см.: Kleber 2010, 49–75.
[25] Дандамаев, Луконин 1980, 128. Дандамаев, Луконин 1980, 128.
[26] Дандамаев, Луконин 1980, 128.
[27] Дандамаев 2013, 74–87.

стороны, связано с тем, что это очень фундированный с историографической и источниковедческой точек зрения обзор правовых систем Ахеменидской державы, а с другой – с тем, что каких-то фундаментальных исследований по данной проблематике за три десятилетия так не было сделано.

Возвращаясь к анализу *«закона царя»,* отметим мнение Дж. Макгинниса. По его словам, под *dātu ša šarri* могут подразумеваться постановления царя, которые, в частности, дополняли законодательство покоренных народов нормами прецедентного права, имеющего специфику для каждой отдельно взятой сатрапии, и имели локальный характер применения[28]. К похожим выводам приходит и Э.В. Рунг в ходе анализа ахеменидских царских надписей Дария I и Ксеркса I, говоря о том, что в Персидской державе средствами социально-политического и экономического регулирования, наряду с местными политико-правовыми традициями, были еще царские распоряжения, исходившие от самого царя и его канцелярии[29]. Он делит эти царские распоряжения на три группы: царские указы, царские приказы и прокламации[30]. Под царскими указами он разумеет, к примеру, указ Дария I о казни вавилонского мятежника Арахи или его же указ о постройке канала в Египте; под приказами – устные или письменные распоряжения Дария I своим командирам, подавлявшим восстания.

Тут стоит отметить, что выделение Э.В. Рунгом указов и приказов как отдельных видов царских распоряжений убедительно подтверждается на египетском материале. К примеру, на наофорной статуе Уджахорреснета содержится сразу несколько приказов, которые египетский чиновник получил от Дария I, в том числе приказ вернуться в Египет[31]. А в качестве царского указа можно вполне идентифицировать распоряжение Камбиса II о сокращении финансирования египетских храмов[32]. Также в этом контексте интересен вавилонский материал, рассмотренный в статье уже упомянутого Дж. Макгинниса. Автор анализирует две таблички, и в каждой из них упоминаются постановления Дария I по поводу судебных споров. В частности, одна из тяжб была между храмовыми администраторами и персидской аристократией, где Дарий ожидаемо встал на сторону последних[33]. Что касается прокламации, то она содержится в Антидэвовской надписи Ксеркса I и выражена имперфектом *patiyazbayam*, который является гапаксом[34] в корпусе древнеперсидских текстов и, по мнению К. Таплина, может иметь особые коннотации[35]. В любом случае, на наш взгляд, элементы прокламации можно найти не только в Антидэвовской надписи Ксеркса I, но и в Бехистунской надписи Дария I, где он просит защитить представителей знатных родов (DB. IV, 80–86), что, по сути, является письменной фиксацией их протекции со стороны Великого царя и имеет юридический статус, так как монарх однозначно является источником права. Говоря о протекции по отношению к

[28] MacGinnis 2008, 97.
[29] Рунг 2024, 27.
[30] Рунг 2024, 43–44.
[31] Posener 1936, 21.
[32] Agut-Labordère 2006, 353–358.
[33] MacGinnis 2008, 97.
[34] Хотя были идеи о том, что слово patiyazbayam может встречаться в недавно найденной Фанагорийской надписи. Подробнее см.: Shavarebi 2019, 10.
[35] Tuplin 2017, 98.

персидской элите, уместно вспомнить статью Д. Бекмана, в которой рассматриваются механизмы помилования персидских аристократов, замешанных в мятеже против центральной власти. Автор приходит к выводу о том, что для знатных особ существовал исключительный порядок вынесения приговора, который учитывал родственные связи с царем, социальный статус мятежника, а также политическую целесообразность его физического устранения или, наоборот, помилования[36]. По мнению Д. Бекмана, нередко вынесенные решения по таким политическим делам, в которых была замешана ахеменидская элита, противоречили принципам правосудия и понятиям о справедливости, нашедшим отражение в царских надписях и других источниках, содержащих законодательные нормы[37].

Идеи А.Т. Олмстеда также критиковал О. Буччи, который является правоведом и автором ряда знаковых и оригинальных работ по истории права древнего Ирана[38]. Согласно рассуждениям итальянского исследователя, введение подобного писаного кодекса стало бы своеобразным самоограничением монарха, выступавшего источником непрерывно действовавших законодательных актов[39]. О. Буччи также посредством латинских юридических понятий описывает правовую систему Ахеменидов как *jus commune Persarum* («Персидское общее право»), подразумевая под этим *dāta* и характеризуя как право, основанное на персидском понятии о справедливости (*Arta*), а также формирующегося посредством активного и непосредственного вмешательства персидского царя в процесс легитимации и протекции законодательных норм покоренных народов[40]. Любопытным также выглядит определение О. Буччи для сатрапии. Для него сатрапия – это административно-юридическая единица («юридическое лицо» или «субъект права» – *è un'entita giuridica*) в форме посредника между центральным аппаратом империи и более мелкими административными единицами[41] среди которых могут быть полисы, конфедерации городов, различные общины и другие виды политий, имеющие свои правовые практики и законодательные традиции. Здесь уместно вспомнить замечание М.А. Дандамаева, сделанное на основе анализа месопотамского материала. Он указывал, что при Дарии I высшая судебная власть в стране находилась у сатрапа, а решения по наиболее важным делам выносились царскими судьями[42]. При этом «многовековая борьба между царским судом и народными собраниями вавилонских городов при Ахеменидах окончилась поражением народных собраний, и теперь только имущественные споры и преступления местного масштаба оставались в их юрисдикции»[43]. Таким образом, получается, что сатрап не просто посредник, как указывает О. Буччи, а все же представитель царской администрации, имеющий куда более широкий спектр полномочий[44].

[36] Beckman 2020, 127–151.
[37] Beckman 2020, 127.
[38] Bucci 1972, 157–172; 1975, 11–25; 1978, 11–93.
[39] Bucci 1983, 112.
[40] Bucci 1983, 101–116.
[41] Bucci 1983, 92-96.
[42] Дандамаев 2004, 110.
[43] Дандамаев 2004, 110.
[44] Однако следует отметить, что на примере анализа материала из Ниппура времен Ахеменидов М.А. Дандамаев приходит к следующему выводу: «термин обозначал чиновников различных рангов, начиная с наместников крупных стран и кончая старшинами государственных служащих низших рангов». Подробнее см.: Дандамаев М.А. 2009, 88.

Судя по всему, идеями О. Буччи о *jus commune Persarum* вдохновился П. Фрей. На основе достаточно глубокого анализа ветхозаветных текстов[45], малоазийского материала и ряда других источников он вводит понятие *Reichsautorisation* (т.н. «имперское согласие»[46]). Под ним исследователь понимает механизм инкорпорации в общеимперскую правовую систему актуальных для низовых органов власти местных законодательных норм, которые в итоге могут стать обязательными для всех подданных той или иной административной единицы[47]. Таким образом, получается, что персидский закон (*dāta*) учитывал множество правовых норм и судебных прецедентов подчиненных народов, которые после изучения со стороны Великого царя и его канцелярии оценивались для дальнейшего получения разрешения стать юридической нормой, имеющей более высокий и строгий статус на конкретной территории. Эта территория могла ограничиваться как целой сатрапией, так и только городом. Подобная интерпретация *dāta* наряду с концепцией *Reichsautorisation* нашла отражение в Оксфордском руководстве о библейском праве, в котором говорится, что при персах не было единого свода законов, а деятельность царей по упорядочиванию и «кодификации» законодательных норм различных народов была направлена на получение лояльности со стороны элиты этих народов[48].

Идея П. Фрея подверглась серьезной критике со стороны многих исследователей[49], полагающих, что все вмешательства царя зачастую носили сугубо прагматический характер и касались только фискальных и административных вопросов, но никогда не учитывали проблем частного права. Одним из заметных критиков П. Фрея до недавнего времени выступал Й. Визихефер, однако в своей книге 2022 г. он вновь посвящает рассмотрению концепции *Reichsautorisation* небольшой раздел, в начале которого хотя и заявляет о несогласии с ней, но уже в гораздо менее категоричной форме[50]. В любом случае теория П. Фрея о механизме формирования новой законодательной культуры на Древнем Востоке в эпоху Ахеменидской державы остается, пожалуй, с одной стороны, наиболее резонансной, а с другой – достаточно хорошо разработанной, чтобы продолжать ее учитывать исследователями при анализе данной проблематики.

Отрицательное отношение к идее существования некоего общего для всей империи царского свода законов высказывает и П. Бриан. По его мнению, термин *dāta* в Бехистунской надписи отражает политико-религиозную идеологию, а не аспекты юридической организации империи[51]. С утверждениями П. Бриана согла-

---

[45] Справедливости ради отметим, что работе П. Фрея предшествовала важная диссертация Л.В. Хенсли, посвященная выявлению официальных персидских документов в книге Ездры, но в ней практически не поднимается проблематика персидского законодательства. Подробнее см.: Hensley, 1977.

[46] Заметим, что эту теорию в 2007 году К. Шмидт называет одной из наиболее значимых для исследователей Ветхого завета за последние 20 лет. В его же работе дается обстоятельный разбор того, как идеи П. Фрея были изначально не поняты многими иранистами и вызвали необоснованную критику. Подробнее см.: Schmid 2007, 22–38.

[47] Повторно П. Фрей публиковал свою уже переработанную работу 1984 г. с учетом критики в 1996 г. Подробнее см.: Frei, Koch 1996.

[48] Botta, Brandon 2019, 362–363.

[49] Kleber 2010, 51.

[50] Wiesehöfer 2022, 217.

[51] Briant 2002, 510–511.

шается Л. Ллевеллин-Джонс, отмечая, что соблюдение *dāta* выражает в первую очередь лояльность Великому царю, а сам термин используется для обозначения как божественного, так и царского закона[52]. Правда, относительно наличия или отсутствия единого законодательного свода исследователь не высказывает четкой позиции. В отличие, к примеру, от А.В. Эдакова, полагавшего, что положения текста DNb были повторены и возведены в ранг государственного закона (*dāta*) в правление Ксеркса I[53]. По его утверждению, Накш-и Рустамская надпись Ксеркса (XDNb) является программным документом, содержащим «государственный закон всей державы Ахеменидов»[54]. К. Тапплин в своей достаточно пространной статье с размышлениями о правовом устройстве Ахеменидской державы считает, что термин *dāta* отражает изменения юридических норм в связи с наступлением персидского господства, которые отныне должны учитывать участники различных судебных процессов и договорных отношений[55]. К проблеме интерпретации термина *dāta* обращается и Э.В. Рунг. Он сравнивает его с идеологическим концептом «порядка», метафорически выраженного словом *gāϑu-*[56], приходя к выводу о том, что «важной характеристикой “порядка”, обозначенного через метафору *gāϑu-*, было установление и поддержание законности, выраженной словом *dāta-*, которая мыслилась как соблюдение принципов справедливости, завещанных Дарию непосредственно Ахурамаздой»[57]. В этом же исследовании говорится, что религия в Персии является непосредственным источником права, а понятие *dāta* не только используется в судебно-административной сфере, но и «отражает религиозные и политико-идеологические представления Ахеменидов, в том числе, и связанные с восприятием ими идеи справедливости»[58].

Возможно, поэтому термин *dāta* в какой-то момент ахеменидской истории становится непереводным, а входит в письменную традицию других древних языков, не имевших адекватного аналога для перевода столь специфического абстрактного понятия, под которым, по мнению авторов, подразумевался общий правовой порядок, «восстановление и поддержание которого мыслилось как “возвращение на прежнее место” и “пребывание на месте”»[59]. Таким образом, можно констатировать по большей части несогласие большинства современных исследователей с идеей А.Т. Олмстеда о наличии в Ахеменидской империи некоего единого свода законов, обозначенного при помощи термина *dāta.*

---

[52] Llewellyn-Jones 2022, 139.
[53] Эдаков 2008, 10.
[54] Эдаков 1979, 113–114.
[55] Tuplin 2015, 86-87.
[56] Исакова, Рунг 2023, 45–59.
[57] Исакова, Рунг 2023, 56.
[58] Исакова, Рунг 2023, 55.
[59] Исакова, Рунг 2023, 54.

ОТРАЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ АХЕМЕНИДОВ В ИЗДАНИЯХ СПРАВОЧНОГО И СВОДНОГО ХАРАКТЕРА

Далее в рамках анализа историографических тенденций резонно подробнее остановиться на мнениях, озвученных по поводу древнеперсидского законодательства в некоторых изданиях справочного[60] и сводного характера, так как они нередко отражают развитие мнений исследователей по той или иной научной проблеме на определенном этапе развития науки. Так, во втором томе «Кембриджской истории Ирана» о законах Персидской державы вскользь пишет Дж.М. Кук, который уже тогда однозначно утверждает, что Дарий I не создавал никакого свода законов ни для персов, ни для Персидской империи, но был заинтересован в некоем упорядочивании правовых норм покоренных народов[61]. В свою очередь, в энциклопедии Iranica говорится, что при Ахеменидах на территории империи имела место преемственность с предшествующими древними правовыми традициями, но с введением ряда инноваций, среди которых наиболее важные следующие: достижения в области административного права[62], выраженные в более глубокой дифференциации полномочий царских и храмовых чиновников; усложнение правового регулирования экономических отношений; улучшение правового положения женщин[63]. В «Кембриджской истории Древнего Мира» сказано, что, с одной стороны, под термином *dāta* мог подразумеваться свод законов, утверждающий процессуальную основу, которая регулирует поведение судей и механизм подачи судебных исков, либо, с другой, это мог быть лишь некий царский эдикт (*dictum*, авторитетное заявление, наделенное силой предписания)[64]. При этом в целом высказываются сомнения по поводу того, что Дарий I мог ввести в действие новый свод имперского персидского права, который должен был функционировать параллельно с традиционными правовыми системами и судебными практикам покоренных народов[65]. Аналогичная точка зрения озвучивается у Ш. Шахбази. Он полагает, что все народы империи в целом жили по своим законам, но с учетом царских указов и кодификаций[66]. Схожая позиция отражена в вышедшем в 2021 г. объемном компендиуме по истории Ахеменидской империи. В очерке Р. Пирнгруберг резюмирует[67], что современные исследователи в большинстве своем отвергли идею А.Т. Олмстеда о наличии в Ахеменидской империи единого царского

[60] Необходимо оговориться о том, что в 1975 году под редакцией Дж. Д. Пирсона вышел справочник, в котором выдающимися иранистами того времени были собраны библиографические сведения о научных работах, посвященных истории Ирана доисламского периода. В данном издании имеется раздел «Право», где размещены статьи в основном о Сасанидском Иране. Что касается работ про Ахеменидский период, то они нам, к сожалению, остались недоступны. Однако их объем и названия свидетельствуют о том, что искомые материалы в основном были посвящены месопотамским источникам времен Ахеменидов. Подробнее см.: Pearson 1975, 146–149.

[61] Cook 1985, 221.

[62] Речь идет, по сути, об утверждении того, что при Ахеменидах административное право впервые в истории Древнего Востока формируется как самостоятельная отрасль права.

[63] Magdalene 2011, 174–177.

[64] Кайлер Янг-мл 2011, 122.

[65] Кайлер Янг-мл 2011, 123.

[66] Shahbazi 2102, 134–135.

[67] Pirngruber 2021, 1088.

свода законов, но значение термина *dāta* продолжает вызывать дискуссии. Говоря о термине *dāta,* он выводит две основные не взаимоисключающие друг друга интерпретации: *dāta* как своеобразный базовый всеобщий принцип, который поддерживает земной и космический порядок, и *dāta* как конкретные предписания и указы Великого царя[68]. При этом с историографической точки зрения опус Р. Пирнгрубера сформирован по лекалам, использованным еще М.А. Дандамаевым и В.Г. Лукониным. Речь идет о том, что исследователи в целом достаточно мало говорят непосредственно о древнеперсидских источниках, а выводят свои умозаключения, в первую очередь, из анализа вавилонских юридических текстов ахеменидского периода[69], что, безусловно, несет негативные издержки ввиду экстраполяции и обобщения выводов, полученных на выборочном источниковом материале. Такая же тенденция наблюдается в справочнике по праву на Древнем Ближнем Востоке, где вовсе нет отдельного раздела, посвященного правовой системе древних иранских народов, в целом, и Ахеменидской державе, в частности. При этом проблема интерпретации термина *dāta* рассматривается вскользь в разделе, посвященном Месопотамии в Нововавилонский период[70].

В «Оксфордской истории Древнего Ближнего Востока» 2023 г. не нашлось места для хотя бы краткого рассмотрения законодательной системы времен Ахеменидов. Авторы лишь ограничились упоминанием того, что при Кире Великом в источниках появились чиновники, обозначенные термином *dātabāra*, а их главная задача заключалась в соблюдении «царского закона» (*dāta ša šarri*[71]).

Похожая ситуация, кстати, наблюдается и в отечественных обобщающих работах, посвященных правовым учениям различных эпох, в том числе Древнего Востока. Зачастую Ирану времен Ахеменидов посвящается несколько абзацев[72] или же он не упоминается вовсе[73]. Своеобразным исключением является академический курс по истории политических и правовых учений Древнего Востока С.Ф. Ударцева, в котором политико-правовым учениям и мифам Древнего Ирана отводится целый параграф, однако в нем идет речь об изложении правопонимания и политико-правовых идей в авестийских текстах[74].

В завершение этого обзора стоит выделить мнение Э.А. Грантовского, озвученное в важном для отечественного востоковедения о древности обобщающем сборнике «Государство на Древнем Востоке», где он пишет о том, что ахеменидские цари декларировали верность «божественному и земному “закону” (*dāta*)»[75], а также пытались распространить общие нормы судопроизводства и, собственно,

---

[68] Mitchell 2015, 363–380.

[69] Безусловно, это объясняется скудностью источниковой базы. Как отмечала А.Г. Периханян, из Ирана ахеменидского времени нам неизвестен ни один судебный или юридический документ, поэтому мы не знаем, на каких принципах строилась организация иранских судов. (Периханян 1983, 264).

[70] Oelsner, Wells, Wunsch 2003, 912–913, 915–916, 961.

[71] Heller 2023, 673.

[72] Нересянц 2004, 21; Графский 2022, 114–116.

[73] Рассолов 210.

[74] Ударцев 2007, 129–141.

[75] Грантовский 2004, 43.

dāta на территории всей империи. Он подчеркивает, что Ахемениды имели множество предшественников в лице различных царей в «сфере, направленной на упрочение и последовательное применение норм права, закона и единого судопроизводства, а в дальнейшем уже по следам иранского права следовало римское право, и, таким образом, ахеменидская эпоха сыграла большую роль в распространении единых правовых норм на обширных территориях Ближнего Востока». То есть Э.А. Грантовский говорил о том, что ахеменидские правовые практики в дальнейшем были восприняты в эпоху развитой Античности и, следовательно, имели глобальные последствия для развития правовой мысли всего человечества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом же из всего вышесказанного следует, что вопрос о правовой системе в державе Ахеменидов на данный момент не получил какой бы то ни было попытки подытоживающего осмысления как в работах отдельно взятых исследователей, так и в трудах обобщающего характера, где данная тематика рассматривается крайне фрагментарно или не рассматривается вовсе. Это связано не только с недостаточной изученностью правовой проблематики в отличие, например, от тем, связанных с экономикой, религией, политической сферой и культурными достижениями Ахеменидской державы, но и с тем, что в исторической науке о Древнем Ближнем Востоке совсем недавно окончательно оформилось такое понятие как ахеменидоведческие исследования (Achaemenid Studies)[76], в рамках которых Держава Ахеменидов рассматривается как целостное историко-культурное пространство, которое нужно изучать в совокупности всех ее составных частей, используя междисциплинарные подходы и избегая не только эвристически ограниченного европоцентризма, но и своеобразного эллиноцентризма, который в настоящее время нельзя оправдать отсутствием аутентичных древневосточных источников времен господства персов на Древнем Востоке. Теперь в нашем распоряжении есть огромное количество различных письменных и археологических свидетельств с непосредственной территорией Персидской державы, позволяющих не только перепроверить свидетельства античных авторов, но и существенно их дополнить, а зачастую и вовсе опровергнуть.

Таким образом, исследователям еще только предстоит досконально изучить феномен правовой системы Ахеменидской империи во всей его сложности и многообразии, учитывая, что на самом деле на этом поприще уже сделано многое. Во-первых, в целом можно говорить об опровержении теории А.Т. Олмстеда о наличии в Ахеменидской державе единого свода законов, скорее всего речь идет именно о неких отдельных указах и приказах персидских царей, регулировавших правовое поле всей империи. Во-вторых, на наш взгляд, иранистам нужно все-таки пересмотреть в позитивную сторону идею П. Фрея о концепции *Reichsautorisation,* так как она, пожалуй, видится перспективной и требует переосмысления на более обширном источниковом материале и может использоваться в качестве теоретической основы для дальнейшего изучения правовой системы

[76] Подробнее см.: Degen, Manning 2021,1575–77.

Ахеменидской державы. Принимая во внимание эти положения, крайне важно при исследовании данной проблематики дополнительно учитывать религиозно-этические аспекты древних иранских общностей, которые, безусловно инспирированы как минимум маздеизмом, а как максимум – протозороастризмом, которые имеют ощутимо иные нравственные основания, чем большая часть древних политеистических религий классического Востока I тысячелетия до н.э.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Agut-Labordère, D. 2009–2010: Darius législateur et les sages de l'Égypte: un addendum au Livre des Ordonnances. In: J.C. Moreno Garcia (ed.), *Élites et pouvoir en Égypte Ancienne. (Cahiers de recherches de l'Institut de papyrologie et égyptologie de Lille 28)*. Lille, 353–358.

Aminov, I.I. 2020: Razvitie gosudarstvennosti v Tsentral'noj Azii v akhemenidskij period (VI–IV vv. do n.e.) [Development of Statehood in Central Asia during the Achaemenid Period (6th–4th cc. BC)]. *Lex russica* 73(5), 73–82.
Аминов, И.И. 2020: Развитие государственности в Центральной Азии в ахеменидский период (VI—IV вв. до н.э.). *Lex russica* 73(5), 73-82.

Beckman, D. 2020: Law, Mercy, and Reconciliation in the Achaemenid Empire, *Journal of Ancient History* 8.2, 127–151.

Benvenist, E. 1995: *Slovar' indoevropejskikh sotsialnykh terminov* [*Dictionary of Indo-European Social Terms*] Moscow.
Бенвенист, Э. 1995: *Словарь индоевропейских социальных терминов* М.

Botta, A.F., Brandon, J.S., 2019: Law in the Persian Period. In: P. Barmash (ed.), *The Oxford Handbook of Biblical Law* Oxford, 353–364.

Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake.

Bucci, O. 1972: Giustizia e Legge nel diritto persiano antico, *Apollinaris* XLV, 157–172.

Bucci, O. 1975: Elementi processuali nell antico diritto iranico, *Revue Internationale des Droits de l'Antiquité* 22, 11–25.

Bucci, O. 1983: L'Impero achemenide come ordinamento giuridico sovrannazionale e arta come principio ispiratore di uno «jus commune Persarum» (data). *Forme di Contatto e Processi di Transformazione nelle Società anticha. Atti del Convegno di Cortona (24-30 maggio 1981)*, Pisa–Roma, 89–122.

Bucci, O. L'attivita legislativa del sovrano achemenide e gli Archivi reali persiani, *RIDA* 3/25, 11–93.

Bulsara, S.J.1937: *The Laws of the Ancient Persians.* Bombay.

Cook, J.M. 1983: *The Persian Empire*. London.

Cook, J.M. 1985: The Rise of the Achaemenids and Establishment of Their Empire. In: I. Gershevitch (ed.), *The Cambridge History of Iran.* Vol. 2. *The Median and Achaemenian Periods*. Cambridge, 200–291.

Culican, W. 1965: *The Medes and the Persians.* London.

Dandamaev, M.A. 2004: Mesopotamiya v akhemenidskiy period: simbioz tysyacheletnikh i novykh gosudarstvennykh institutov [Mesopotamia in the Achaemenid Period: a Symbiosis of Millennial and New State Institutions] In: E.A. Grantovskiy, T.V. Stepugina (eds.), *Gosudarstvo na Drevnem Vostoke* [*State in the Ancient East*]. Moscow, 104–123.
Дандамаев, М.А. 2004: Месопотамия в ахеменидский период: симбиоз тысячелетних и новых государственных институтов. В сб.: Э.А. Грантовский, Т.В. Степугина (отв. ред.), *Государство на Древнем Востоке.* М., 104–123.

Dandamaev, M.A. 2009: *Mesopotamiya i Iran v VII–IV vv. do n. e.: Sotsial'nye instituty i ideologiya* [*Mesopotamia and Iran in the 7th–4th cc. BC: Social Structure and Ideology*]. St. Petersburg.

Дандамаев, М.А. 2009: *Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н. э.: Социальные институты и идеология*. СПб.

Dandamaev, M.A. Lukonin, V.G. 1980: Kul'tura i ekonomika Drevnego Irana [*Culture and Economy of Ancient Iran*]. Moscow.

Дандамаев, М.А. Луконин, В.Г. 1980: *Культура и экономика Древнего Ирана.* М.

Degen, J., Manning, S. 2021: Western Europe. In: B. Jacobs, R. Rollinger (eds.), *A companion to the Achaemenid Persian Empire.* 2 vols. Hoboken, 1563–1608.

Dyakonov, I.M. 1952: Zakony Vavilonii, Assirii i Khettskogo Tsarstva [Laws of Babylonia, Assyria and the Hittite Kingdom] *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 199–210.

Дьяконов, И.М. 1952: Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. *ВДИ* 3, 199–210.

Dyakonov, I.M., Yakobson, V.A. 1998: Grazhdanskoe obshchestvo v drevnosti [Civil Society in Antiquity]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 22–30.

Дьяконов, И.М., Якобсон, В.А. 1998: Гражданское общество в древности. *ВДИ* 1, 22–30.

Dyakonov, M.M. 1961: *Ocherk istorii Drevnego Irana*. [*Essay on the History of Ancient Iran*]. Moscow.

Дьяконов, М.М. 1961: *Очерк истории Древнего Ирана.* М.

Edakov, A.V. 1979: Novye nakhodki nadpisey Akhemenidov [Recently Discovered Achaemenid Inscriptions]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 104–114.

Эдаков, А.В. 1979: Новые находки надписей Ахеменидов. *ВДИ* 3, 104–114.

Edakov, A.V. 1988: Reformy Amasisa i ikh sud'ba v pozdnesaisskoe vremya [Amasis' Reforms and Their Fate in the Late Saissian Era]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History]* 1, 112–126.

Эдаков, А.В. 1988: Реформы Амасиса и их судьба в позднесаисское время. *ВДИ* 1, 112–126.

Edakov, A.V. 2008: *Obshchestvo i gosudarstvo Drevnego Egipta VII–IV vv. do n.e. (politicheskaya struktura, problemy ekonomiki i sotsial'naya organizatsiya obshchestva)* [*Society and State of Ancient Egypt 7th–4th cc. BC (Political Structure, Economic Problems and Social Organization of Society)*]. *PhD Thesis*. Moscow.

Эдаков, А.В. 2008: *Общество и государство Древнего Египта VII–IV вв. до н.э. (политическая структура, проблемы экономики и социальная организация общества). Автореф. дисс. … д-ра ист. наук.* М.

Fraj, R. 2002: *Nasledie Irana*. [*The Heritage of Iran*]. Moscow.

Фрай, Р. 2002: *Наследие Ирана*. М.

Frei, P., Koch K., 1996: *Reichsidee und Reichsorganisation im Perserreich. Zweite, bearbeitete und stark erweiterte Auflage*. Freiburg.

Grafskiy, V.G. 2022: *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [*History of Political and Legal Doctrines*]. Moscow.

Графский, В.Г. 2022: *История политических и правовых учений*. М.

Grantovskiy, E.A. 2004: Gosudarstvo i obshchestvo v stranakh Drevnego Vostoka [State and Society in the Countries of the Ancient East] In: E.A. Grantovskiy, T.V. Stepugina (eds.), *Gosudarstvo na Drevnem Vostoke* [*State in the Ancient East*]. Moscow, 6–56.

Грантовский, Э.А. 2004: Государство и общество в странах Древнего Востока. В сб.: Э.А. Грантовский, Т.В. Степугина (отв. ред.), *Государство на Древнем Востоке.* М., 6–56.

Heller, A. 2023: The Satrapies of the Persian Empire: Babylonia and Assyria. In: K. Radner, N. Moeller, D.T. Potts (eds.), *The Oxford History of the Ancient Near East.* Vol. 5: *The Age of Persia.* Oxford, 649–688.

Hensley, C. 1977: *The Official Persian Documents in the Book of Ezra*. *Ph.D. Diss.* Liverpool. [https://livrepository.liverpool.ac.uk/3174769/1/458920.pdf].

Isakova, A.S., Rung, E.V. 2023: «Ya postavil tsarstvo na svoye mesto»: ideya zakonoporyadka v Akhemenidskoj imperii ["I Put the Kingdom in Its Place": The Idea of Law and Order in the Achaemenid Empire]. *Vostok (Oriens)* 3, 45–59.
Исакова, А.С., Рунг, Э.В. 2023: «Я поставил царство на свое место»: идея законопорядка в Ахеменидской империи *Восток (Oriens)* 3, 45–59.

Kajler Yang-ml, T. 2011: Ukreplenie derzhavy i dostizhenie predelov ee rosta pri Darii i Kserkse [Consolidation of the Empire and Its Limits of Growth under Darius and Xerxes]. In: J. Boardman, N.G.L. Hammond, D.M. Lewis, M. Ostwald (eds.), *Kembridzhskaya Istoriya Drevnego Mira*. T. IV: *Persiya, Gretsiya i Zapadnoe Sredizemnomor'e ok. 525–479 gg. do n.e.* [*Cambridge Ancient History*. Vol. IV. *Persia, Greece and the Western Mediterranean c. 525 to 479 BC*]. Moscow, 72–142.
Кайлер Янг-мл, Т. 2011: Укрепление державы и достижение пределов ее роста при Дарии и Ксерксе. В кн.: Дж. Бордмэн, Н.-Дж.Л. Хэммонд, Д.-М. Льюис, М. Оствальд (ред.), *Кембриджская История Древнего Мира.* Т. IV: *Персия, Греция и Западное Средиземноморье ок. 525–479 гг. до н.э*. М., 72–142.

Kleber, K. 2010: dātu ša šarri: Gesetzgebung in Babylonien unter den Achämeniden. *Zeitschrift für Altorientalische und Biblische Rechtsgeschichte / Journal for Ancient Near Eastern and Biblical Law* 16*,* 49–75.

Kokina, E.A. 2014: *Pravovye aspekty vladeniya vel'mozheskimi grobnitsami v Egipte epokhi Drevnego tsarstva. Dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [*Legal Aspects of Ownership of Private Tombs in Egypt during the Old Kingdom. PhD Thesis*]. Moscow.
Кокина, Е.А. 2014: *Правовые аспекты владения вельможескими гробницами в Египте эпохи Древнего царства. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук*. М.

Llewellyn-Jones, L. 2022: *Persians: The Age of the Great Kings*. New York.

Lurye, I.M. 1960: *Ocherki drevneegipetskogo prava XVI–X vekov do n.e.* [*Essays on Ancient Egyptian Law in the 16th–10th Centuries BC*]. Leningrad.
Лурье, И.М. 1960: *Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э.* Л.

MacGinnis, J. 2008: A Judgment of Darius the King. *Journal of Cuneiform Studies* 60, 87–99.

Magdalene, F.R. 2011: Judicial and Legal Systems i: Achaemenid Judicial and Legal Systems. In: E. Yarshater (ed.), *Encyclopaedia Iranica* XV. New York, 174–177.

Matveev, P.A., Tarasova, S.V. 2013: Istoriya prava persidskoy imperii [History of the Law of the Persian Empire]. *Ekonomika i sotsium* [*Economy and society*] 4(9), 55–63.
Матвеев, П.А., Тарасова, С.В. 2013: История права персидской империи. *Экономика и социум* 4(9), 55–63.

Mitchell, C. 2015: The Testament of Darius (DNa/DNb) and Constructions of Kings and Kingship in 1–2 Chronicles. In J.M. Silverman (ed.), *Political Memory in and after the Persian Empire* (SBL Ancient Near East Monographs 13). Atlanta, 363–380.

Neresyants, V.S. 2004: *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [*History of Political and Legal Doctrines*]. Moscow.
Нересянц, В.С. 2004: *История политических и правовых учений*. М.

Oelsner, J., Wells, B., Wunsch C. 2003: Mesopotamia: Neo-Babylonian Period. In R. Westbrook (ed.), *A History of Ancient Near Eastern Law*. 2 vols. Leiden, 911–974.

Olmstead, A.T. 1935: Darius as Lawgiver. *American Journal of Semitic Languages and Literatures* 51*,* 247–249.

Olmstead, A.T. 1948: *History of Persian Empire* Chicago.

Pearson, J.D. 1975: *A bibliography of pre-Islamic Persia*. London.

Perikhanyan, A.G. 1983: *Obshchestvo i pravo Irana v parfyanskiy i sasanidskiy periody* [*Society and Law in the Parthian and Sasanian Periods*]. Moscow.

Периханян, А.Г. 1983: *Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды*. М.

Pirngruber, R. 2021: Jurisdiction. In: B. Jacobs, R. Rollinger (eds.), *A Companion to the Achaemenid Persian Empire.* 2 vols. Hoboken, 1087–1096.

Posener, G. 1936: *La première domination perse en Egypte*. Le Caire.

Rassolov, M.M. 2010: *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [*The History of Political and Legal Doctrines*]. Moscow.

Рассолов, М.М. 2010: История *политических и правовых учений.* М.

Rung, E.V. 2024: Poveleniya Dariya i Kserksa v korpuse tsarskikh nadpisey Akhemenidov [Orders of Darius I and Xerxes in the Corpus of the Achaemenid Royal Inscriptions]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 27–46.

Рунг, Э.В. 2024: Повеления Дария и Ксеркса в корпусе царских надписей Ахеменидов. *ВДИ* 1, 27–46.

Schmid, K. 2007: The Persian Imperial Authorization as Historical Problem and as Biblical Construct: A Plea for Differentiations in the Current Debate. In: G.N. Knoppers, B.M. Levinson (eds.), *The Pentateuch as Torah: New Models for Understanding Its Promulgation and Acceptance*. Winona Lake, 22–38.

Shahbazi, A.S. 2012: The Achaemenid Persian Empire (550–330 BCE). In: T. Daryaee (ed.) *The Oxford Handbook of Iranian History.* Oxford, 120–141.

Sharpen, D. 2013: *Khammurapi, tsar' Vavilona* [*Hammurabi, King of Babylon*]. Moscow.

Шарпен, Д. 2013: *Хаммурапи, царь Вавилона.* М.

Shavarebi, E. 2019: An Inscription of Darius I from Phanagoria (DFa): Preliminary Report of a Work in Progress. *Arta* 005, 1–16.

Skjærvø, P.O. 2005: The Achaemenids and the Avesta. In: J. Curtis, S. Stewart (eds.), *The Birth of the Persian Empire*. London–New York, 52–84.

Struve, V.V. 1952: Datirovka Bekhistunskoy nadpisi [Dating of the Behistun Inscription] *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 26–48.

Струве, В.В. 1952: Датировка Бехистунской надписи. *ВДИ* 1, 26–48.

Tuplin, C.J. 2017: The Great King, His God(s) and Intimations of Divinity. The Achaemenid Hinterland of Ruler Cult? *Ancient History Bulletin* 31, 92–111.

Tuplin, C.J. 2015: The Justice of Darius: Some Reflections on the Achaemenid Empire as a Rule-bound Environment. In: A. Fitzpatrick-McKinley (ed.), *Assessing Biblical and Classical Sources for the Reconstruction of Persian Influence, History and Culture.* Wiesbaden, 73–126.

Udartsev, S.V. 2007: *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy. Drevniy Vostok: Akademicheskiy kurs* [*History of Political and Legal Doctrines. Ancient East: Academic Course*]. St. Petersburg.

Ударцев, С.В. 2007: *История политических и правовых учений. Древний Восток: Академический курс.* СПб.

Westbrook, R. 2000: Codification and Canonization. In: E. Lévy (ed.), *La codification des lois dans l'antiquité: Actes du Colloque de Strasbourg, 27–29 Novembre 1997* (Travaux du Centre de Recherche sur le Proche-Orient et la Grèce antiques, 16). Paris, 33–47.

Wiesehöfer, J. 2022: Reichsgesetz‘ oder ‚Einzelfallgerechtigkeit‘? Bemerkungen zu P. Freis These von der achaimenidischen ‚Reichsautorisation. In: R. Rollinger, K. Ruffing (Hrsg.), *Iran – Zentralasien – Mittelmeer. Gesammelte Schriften Teil I: Studien zur Geschichte der Achaimeniden, herausgegeben von Robert Rollinger und Kai Ruffing* (Philippika 159). Wiesbaden.

Yakobson, V.A. 1981: Vozniknovenie pisanogo prava v Drevney Mesopotamii [Emergence of Written Law in Ancient Mesopotamia]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 9–20.

Якобсон, В.А. 1981: Возникновение писаного права в Древней Месопотамии. *ВДИ* 4, 9–20.

THE LEGAL SYSTEM OF THE AC.HAEMENID EMPIRE IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE 20th–21th CENTURIES

Vasiliy P. Orlov

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

E-mail: vasiliy_orlov_historian@mail.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 23-28-01562

The article discusses the main historiographical trends reflecting the course of studying the legal system of the Achaemenid Empire. These are the concept of A.T. Olmsted about the single code of laws introduced by Darius I, as well as P. Frey's concept about the so-called mechanism of Reichsautorisation ("imperial consent"), with the help of which the central government approved local legislative practices and traditions. It also examines the study of the legal system of the Achaemenid Empire in various compendiums and publications of a generalizing and consolidated nature. It is concluded that at present this problem has not found a generalized understanding in science. This is explained by the fact that researchers usually limit their research to individual parts of the empire (primarily Babylonia), without attempting to undertake a comprehensive analysis within the framework of Achaemenid studies already formed in the science of the Ancient Near East.

Keywords: Achaemenids, Achaemenid Empire, Persian Empire, legal system, Achaemenid studies, *dāta*, Reichsautorisation

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 94–114
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 94–114
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-94–114

ИЗ ИСТОРИИ АФИНСКИХ ОЛИГАРХИЧЕСКИХ ПЕРЕВОРОТОВ КОНЦА V в. до н.э. III. ОЛИГАРХИ НАЧИНАЮТ И ПРОИГРЫВАЮТ… САМИМ СЕБЕ (СОБЫТИЯ 411–410 гг. до н.э.)

И.Е. Суриков

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Данная работа продолжает цикл статей, посвященных антидемократическим переворотам в Афинах конца V в. до н.э. и их историческому значению. Рассматриваются следующие вопросы: основные свидетельства источников об олигархическом режиме 411 г. до н.э. и их сравнительная ценность; суть замыслов олигархов и место Алкивиада в них; легкость учреждения олигархии Четырехсот и легкость ее падения; динамика политической эволюции в переходный период (411–410 гг. до н.э.). Обращается внимание на отсутствие единства в среде противников радикальной демократии, фатально ослаблявшее их лагерь.

Ключевые слова: классическая Греция, Афины, олигархия, демократия, перевороты, Пелопоннесская война, Фукидид, Алкивиад

Переворот 411 г. до н.э. и установившийся в его результате олигархический режим Четырехсот неплохо освещены как в источниках, так и в специальной литературе; они исследовались даже в монографическом формате[1]. Естественно, в рамках статьи все детали и нюансы этих событий не могут быть рассмотрены, и мы остановимся на отдельных аспектах происходившего тогда в Афинах и вокруг них (чрезвычайно важной была, в частности, позиция афинского флота на Самосе).

Прежде всего – несколько слов о сообщениях античных авторов по интересующей нас тематике. Из двух основных нарративов, повествующих о Пелопоннесской войне, – «Истории» Фукидида и «Исторической библиотеки» Диодора Сици-

---

Данные об авторе. Игорь Евгеньевич Суриков – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-28-00024, https://rscf.ru/project/23-28-00024/.

[1] Heftner 2001.

лийского – второй применительно к этому ее периоду практически бесполезен[2]. Диодор – автор очень неровный. Во-первых, качество его свидетельств в каждом конкретном случае определяется качеством использованных им источников, а в их подборе он был не слишком разборчив. Во-вторых, он часто еще и неудачно компилирует данные, почерпнутые им из трудов разных писателей, и в результате у него случаются редупликации. Одна из них имеет место как раз в связи с переворотом Четырехсот, о котором Диодор говорит дважды, как будто бы о двух разных фактах: вначале более кратко (Diod. XIII. 34. 2–3), второй раз – несколько подробнее (Diod. XIII. 36. 2–4), но и в этом случае не привносит ничего нового (кроме ошибок) к тому, что мы знаем из Фукидида.

Обратимся поэтому к последнему. В VIII книге «Истории» весьма много информации об олигархическом движении в Афинах в 413–411 гг. до н.э., но она дана не компактно, а разбросана отдельными пассажами по этой части его труда. В результате читателю трудно следить за тем, как развивались события, и всё представляется необыкновенно запутанным. Необходимо держать в памяти еще несколько значимых моментов. Во-первых, в это время Фукидид давно уже не жил на родине, а находился в изгнании. Стало быть, очевидцем переворота он быть не мог, а опирался на показания какого-то информатора. Был ли тот объективен – большой вопрос. Скажем прямо: в те годы свидетелям и участникам событий трудно, практически невозможно было сохранять объективность, настолько большого накала достигло кипение страстей.

Во-вторых, надлежит учитывать знаменитую иронию Фукидида, которая дает о себе знать и в его рассказе о победе олигархов. Ранее мы указывали на это в краткой форме[3], а теперь позволим себе задержаться на вопросе несколько дольше. У Фукидида выделяют иронию вербальную и структурную[4]. Первую видят в повторении одной и той же лексической темы в радикально различающихся обстоятельствах, вторую же – в контрастных сопоставлениях ситуаций, вызывающих у читателя едва ли не противоположную реакцию. Например, за Надгробной речью, в которой дается идеальный образ благородных Афин, следует описание чумы, разгул которой сопровождался полной моральной деградацией жителей полиса; описание в высшей степени пышной отправки флота на Сицилию, когда среди граждан царил оптимизм относительно результатов экспедиции, не может не напомнить о катастрофическом провале всего предприятия.

На наш взгляд, несколько проявлений структурной иронии налицо в рассказе историка о перевороте Четырехсот. Фукидид пишет, что он «удался, хотя и не без труда (οὐκ ἀπεικότως καίπερ μέγα ὂν προυχώρησεν). Ведь нелегко было лишить свободы афинский народ (χαλεπὸν γὰρ ἦν τὸν Ἀθηναίων δῆμον… ἐλευθερίας παῦσαι), который уже около ста лет после низвержения тирании не только сам был свободен, но и привык свыше половины этого времени сам властвовать над другими» (Thuc. VIII. 68. 4)[5].

Однако сам рассказ автора о ходе переворота, в общем-то, опровергает этот априорный тезис. Сторонники олигархии созвали заседание экклесии и внесли

[2] Buck 1994, XV–XVI.
[3] Surikov 2022, 55–56.
[4] Greenwood 2015, 105.
[5] Фукидид цитируется в переводе Г.А. Стратановского.

предложения, совокупность которых вела к ликвидации демократического правления. «Как только народное собрание *без возражений* (курсив наш – И.С.) утвердило эти предложения, оно было распущено (ἡ ἐκκλησία οὐδενὸς ἀντειπόντος, ἀλλὰ κυρώσασα ταῦτα διελύθη)» (Thuc. VIII. 69. 1). Олигархи опасались сопротивления со стороны Совета Пятисот. Но, когда они явились в булевтерий, члены Совета безропотно разошлись (ἥ τε βουλὴ οὐδὲν ἀντειποῦσα ὑπεξῆλθε), не отказавшись, между прочим, получить не заработанное ими жалованье за срок до конца года. «Остальные граждане также не оказывали сопротивления и хранили полное спокойствие (οἱ ἄλλοι πολῖται οὐδὲν ἐνεωτέριζον, ἀλλ' ἡσύχαζον)» (Thuc. VIII. 70. 1). Таким образом, ликвидировать демократию на деле оказалось очень даже нетрудно[6].

Рассмотрим еще несколько релевантных пассажей. Об одном из лидеров Четырехсот – Писандре – Фукидид говорит, что он, «по-видимому, и раньше был рьяным и откровенным противником демократии (καὶ τἆλλα ἐκ τοῦ προφανοῦς προθυμότατα ξυγκαταλύσας τὸν δῆμον)» (Thuc. VIII. 68. 1). В действительности же Писандр на тот момент являлся еще новичком в олигархическом лагере, а незадолго до того он входил в число наиболее радикальных демагогов. Оратор Андокид, рассказывая о судебных процессах 415 г. до н.э. (дело о повреждении герм и дело о профанации мистерий), так характеризует Писандра и Харикла (другого демагога, тоже потом перешедшего на сторону олигархов и в 404–403 гг. до н.э. бывшего одним из ближайших сподвижников Крития: «Писандр и Харикл, бывшие следователями и считавшиеся в то время людьми, в высшей степени преданными народу (δοκοῦντες δ' ἐν ἐκείνῳ τῷ χρόνῳ εὐνούστατοι εἶναι τῷ δήμῳ)…» (Andoc. I. 36)[7].

Стремясь всячески продемонстрировать свою преданность демократии, Писандр в ходе следствия внес предложение об огромной (10 тысяч драхм) награде доносчикам (Andoc. I. 27), после чего доносы самого сомнительного свойства (как, например, заведомо лживый, сделанный в корыстных целях донос Диоклида, Andoc. I. 37–43) стали поступать в изобилии. А чуть позже тот же Писандр выступил с совершенно беспрецедентной инициативой – *пытать* (!) свободных людей, афинских граждан, даже членов Совета Пятисот (Andoc. I. 43). Всё это делалось под предлогом будто бы существующего антидемократического заговора (Thuc. VI. 27. 3; VI. 60. 1; VI. 61. 1; Andoc. I. 36), подозрения относительно которого Питер Родс справедливо называет безосновательными[8].

Если параллельно читать Андокида и Фукидида, поневоле сложится впечатление, что перед нами два разных, даже полярно противоположных Писандра. Кстати, Фукидид вполне мог читать I речь Андокида или, скорее, даже лично слушать ее, произнесенную в 399 г. до н.э., незадолго до смерти историка, который как раз тогда работал над VIII книгой, которая осталась ввиду этой самой смерти незавершенной и не вполне обработанной. Можно предположить, что смысл иронии Фукидида (представить недавнего радикальнейшего демократа давним сторонником олигархии) заключается здесь в том, что он «между строк»

[6] Taylor 2002.

[7] Андокид цитируется в переводе Э.Д. Фролова. Возможно, в данном случае выражение оригинала лучше было бы передать через «в высшей степени преданными демократии». О том, что одним из главных значений употребленной здесь лексемы δῆμος является «демократия», см.: Hansen 2010, 502.

[8] Rhodes 2015, 30.

предложил своей аудитории (разумеется, помнившей о позиции Писандра в 415 г. до н.э.) следующую идею: своим экстремистским поведением этот демагог тогда нанес демократии не меньший ущерб, чем любой олигарх. Так не был ли он уже тогда тайным противником демократического строя, намеренно компрометировавшим его?

Нам представляется, что структурную иронию можно также видеть в суждениях Фукидида по вопросу о том, имел ли режим Четырехсот репрессивный характер. Из одного места «Истории» вроде бы можно сделать вывод, что историк считал его таковым: «Некоторых из своих противников они (Четыреста – И.С.) предпочли устранить и казнили, других бросили в темницу, третьих, наконец, отправили в изгнание (καὶ ἄνδρας τέ τινας ἀπέκτειναν οὐ πολλούς, οἳ ἐδόκουν ἐπιτήδειοι εἶναι ὑπεξαιρεθῆναι, καὶ ἄλλους ἔδησαν, τοὺς δὲ καὶ μετεστήσαντο)» (Thuc. VIII. 70. 2). Следует оговорить, между прочим, что язык оригинала более мягок, чем о том можно вынести впечатление из перевода Г.А. Стратановского. Так, о казненных сказано, что их было немного (οὐ πολλούς), по отношению же к изгнанным употреблен глагол μεθίστημαι (буквально «переселять»), а не более сильный φυγαδεύω.

В дальнейшем, однако, мы узнаём из Фукидида, что репрессии Четырехсот были преувеличены одним из афинян, по имени Херей. Дело обстояло так: с Самоса, от флота, в Афины прибыл государственный корабль «Парал», причем его экипаж еще не знал о недавно свершившемся перевороте. По приказу правящей коллегии двое или трое моряков с «Парала» были арестованы, а остальные переведены на другое судно. Но один из них – тот самый Херей – скрылся и добрался до Самоса, где «сообщил войску новости из Афин, расписав события в преувеличенно мрачных красках (ἐπὶ τὸ μεῖζον πάντα δεινώσας): будто бы там подвергают граждан телесным наказаниям (πληγαῖς), никто не смеет сказать и слова против правительства; жен и детей насилуют (γυναῖκες καὶ παῖδες ὑβρίζονται), у властей будто бы есть план схватить и бросить в оковы всех родственников воинов на Самосе, не сочувствующих их партии, и казнить их, если воины откажут в подчинении. Ко всему этому Херей прибавил еще множество других выдумок (ἄλλα πολλὰ ἐπικαταψευδόμενος)» (Thuc. VIII. 74. 3).

Позже к флоту прибыли послы от Четырехсот и прилагали все усилия, чтобы развеять эти мрачные мифы о якобы творящихся беззакониях: «Родственники воинов и матросов вовсе не подвергаются насилиям (οὔθ' ὑβρίζονται), как об этом клеветнически сообщил Херей (ὥσπερ Χαιρέας διαβάλλων ἀπήγγειλεν), и им не причиняют никакого вреда: все они спокойно живут у себя дома, владея своим имуществом» (Thuc. VIII. 86. 3). Но ровно никакого успеха представители олигархов не имели: общественное мнение уже было соответствующим образом сформировано. «Воины, негодуя, больше не желали слушать (οὐδὲν μᾶλλον ἐσήκουον, ἀλλ' ἐχαλέπαινον)» (Thuc. VIII. 86. 4). Кстати, когда Фукидид писал эти строки, афиняне уже пережили опыт по-настоящему репрессивного, даже кровавого режима (речь идет, разумеется, о Тридцати). На фоне учиненного им государственного террора не могли не померкнуть воспоминания о тех нескольких казнях, которые имели место при первой олигархии (а ведь, в конце концов, совсем без казней не обходился, наверное, ни один политический режим античного мира, даже самый гуманный).

А вот образчик вербальной иронии. Речь идет о команде уже упоминавшегося выше корабля «Парал». Она, по утверждению Фукидида, состояла «полностью из свободнорожденных афинян, которые всегда, даже до переворота, были противниками олигархии (ἄνδρας ᾿Αθηναίους τε καὶ ἐλευ θέρους πάντας… καὶ αἰεὶ δήποτε ὀλιγαρχίᾳ καὶ μὴ παρούση ἐπικειμένους)» (Thuc. VIII. 73. 5). Интересное заключение можно из этого суждения сделать о тех лицах, которые являлись *сторонниками* олигархии. Получается, ее поддерживали какие-то несвободнорожденные, нечистокровные люди, то есть выходцы из низких социальных слоев? Это входит в полное противоречие со всегдашней практикой олигархов, которые как раз в таких людях видели своих противников и старались удалить их из гражданского коллектива.

Но достаточно о Фукидиде. Еще одним весьма важным источником о перевороте 411 г. до н.э. является, разумеется, «Афинская полития» Аристотеля. Ее открытие в конце XIX в. до н.э. дало немало ценных сведений (Arist. Ath. pol. 29–34), – прежде всего в связи с конституционным аспектом смены режимов, но и не только. В этом трактате мы, в частности, встречаем несколько имен деятелей переворота, которых не упоминает Фукидид, таких, как Мелобий (Arist. Ath. pol. 29. 1), Пифодор (Arist. Ath. pol. 29. 2), Клитофонт (Arist. Ath. pol. 29. 3), Аристомах (Arist. Ath. pol. 32. 1). Впрочем, в качестве главных организаторов ликвидации демократии в «Афинской политии» фигурируют в основном те же политики, что и у Фукидида: Писандр, Антифонт и Ферамен (Arist. Ath. pol. 32. 2); Фукидид называет еще Фриниха (Thuc. VIII. 68. 3). В целом мы сказали бы, что свидетельства Фукидида и Аристотеля удачно дополняют друг друга.

Данные об олигархии Четырехсот можно найти также у некоторых ораторов. Больше всего таких данных содержалось, безусловно, у Антифонта, который сам был одним из лидеров олигархического режима. Но, к огромному сожалению, все сохранившиеся речи Антифонта были написаны раньше 411 г. до н.э. и по определению не могут содержать никакой информации о событиях этого года. Целиком им была посвящена самая знаменитая речь этого оратора – «О перевороте»[9] (Фукидид считает ее вообще «лучшей из всех вплоть до нашего времени», Thuc. VIII. 68. 2), произнесенная после свержения Четырехсот, когда Антифонт предстал перед судом и защищался. Но, опять же к огромному сожалению, эта речь не сохранилась; в нашем распоряжении имеются только несколько фрагментов из нее, к тому же почти все они не слишком содержательны. Большей информативностью по сравнению с остальными отличается следующий фрагмент, открытый на папирусе (Antiph. fr. 1a Blass – Thalheim, в квадратных скобках – конъектуры издателей):

> «[Что же, я был избран] исполнять государственную должность, распоряжался большими деньгами, и мне предстоял отчет, которого я боялся? Или я был лишен гражданских прав? Или сделал вам что-нибудь дурное? Или боялся грозящего мне суда? Отнюдь нет, поскольку ничего подобного со мной не было. А, может быть, вы отобрали у меня деньги? А, может быть, мои предки сделали что-то дурное, [и вы за это меня наказали?.. А многие для того] стремятся к свержению существующего государственного устройства и установлению какого-то иного, чтобы или за свои преступления ответ не держать, или за то, что сами претерпели, отомстить и притом никак не пострадать. Но и это всё ко мне не имело никакого отношения. Однако вот, обвинители говорят, что я и судебные речи составлял для других, и прибыль от того полу-

[9] О ней см.: Gagarin 2002, 161–164.

чал[10]. Так ведь при олигархии-то я бы так делать не мог! При [нашей] же демократии именно я – власть имущий, поскольку [владею] искусством слова. При олигархии я не мог рассчитывать ни на что достойное, а при демократии – на многое. Ну так пристало ли мне стремиться к олигархии? Что же, я, по-вашему, не способен это всё продумать, или я – единственный из афинян – не знаю, что для меня полезно?».

Антифонт не мог не понимать, что защищаться ему будет чрезвычайно трудно (и он действительно был приговорен к смерти[11]), поскольку всем известный факт его активнейшего участия в организации олигархического переворота отрицать было никак нельзя. Тем не менее, как видим, он все-таки старается объяснить и оправдать свою позицию. Во фрагменте оратор, используя аргумент «от правдоподобного и неправдоподобного», демонстрирует, что у него не было никаких причин присоединяться к антидемократическому движению: демократия ничего дурного ему не сделала, более того, при этой политической системе у него, ввиду его риторической образованности, было больше возможностей процветать, чем при олигархии.

Дальше, как мы полагаем, следовал вот какой ход мысли: чтобы человеку, которого демократия вполне устраивала, войти в число заговорщиков против нее, нужны были какие-то особо веские причины. И такие причины были: государство оказалось на пороге гибели, для его спасения требовались экстренные меры. Именно такой экстренной мерой, причем сугубо временной, и стало введение режима Четырехсот.

Из ораторов современниками событий, о которых здесь идет речь, являются также Андокид и Лисий. У них, однако, мы мало что можем найти о перевороте 411 г. до н.э., поскольку основная тематика их речей совсем иная. Мы бы всё же привлекли внимание читателей к одному, как представляется, немаловажному (и притом малоизвестному) свидетельству, которое некоторые нюансы освещает в новом ракурсе. В корпусе Лисия есть речь XX «В защиту Полистрата». Ее обычно помещают в число spuria, поскольку, исходя из содержания, она произносится в первой половине 410-х гг. до н.э. (еще идет Пелопоннесская война), а начало ораторской деятельности Лисия, как правило, относят ко времени после 403 г. до н.э.[12] А к поддельному тексту и отношение бывает пренебрежительным, однако в данном случае пренебрежение вряд ли основательно. Во-первых, нельзя все-таки совершено исключать авторство Лисия. Последний занимался написанием речей еще заведомо до окончания войны. Достаточно напомнить, что вся сюжетная линия «Федра» Платона завязана вокруг Лисиевой речи[13], а действие этого диалога мыслится происходящим на хронологическом отрезке 418–416 гг. до н.э.[14] Во-вторых, даже если автор – не Лисий, это, в сущности, не имеет принципиального значения; главное в том, что достаточно точно определяется время создания речи. Кто бы ее ни составил, в ней отразились реалии эпохи, совсем недалеко отстоящей от переворота 411 г. до н.э.

Полистрат, клиент логографа, коллегией Четырехсот был назначен на должность составителя (καταλογεύς) списка пяти тысяч лиц, которые должны были

[10] Имеется в виду занятие Антифонта ремеслом логографа.
[11] Ferguson 1932.
[12] Kennedy 2003, 506; Montanari 2022, 602.
[13] Usher 2007, 28–29.
[14] Nails 2002, 314.

остаться полноправными гражданами полиса. И вот теперь, чтобы доказать, что он тогда проявил себя как хороший, а не дурной человек, его сын (защитительную речь говорит он, – видимо, из-за преклонного возраста отца) указывает: «Кто же может быть в большей степени другом народа, как не тот, кто, несмотря на ваше постановление передать правление пяти тысячам граждан, тем не менее, занимая должность составителя списков, внес в списки девять тысяч человек (ὑμῶν ψηφισαμένων πεντακισχιλίοις παραδοῦναι τὰ πράγματα καταλογεὺς ὢν ἐνακισχιλίους κατέλεξεν), чтобы никто из бедных граждан не относился к нему враждебно, но чтобы ему можно было вносить всех, кто захочет, а кому нельзя, тем доставить удовольствие. Однако демократию уничтожает не тот, кто увеличивает число граждан, а тот, кто уменьшает» (Lys. XX. 13)[15].

Возможно, здесь и есть некая доля хвастливого преувеличения, однако вряд ли говоривший прибегнул бы к прямой и грубой лжи, которая немедленно была бы изобличена присутствующими. Но если καταλογεύς (или, скорее, καταλογεῖς – надо полагать, что Полистрат исполнял свои обязанности не в одиночку, а в составе специально созданной комиссии), составляя список, вносил в него большее количество лиц, чем запланированные пять тысяч, а всесильная коллегия Четырехсот никак ему в этом не препятствовала, – стало быть, задачи препятствовать и не ставилось.

Рассмотренное нами свидетельство важно тем, что в его свете можно посмотреть на одно серьезное разногласие, существующее между Фукидидом и Аристотелем. Приведем соответствующие пассажи. «Заговорщики внесли в народное собрание предложение, чтобы… в государственных делах участвовало не более пяти тысяч граждан, именно тех, кто лучше всего может служить городу в силу своих личных качеств или своим имуществом (οὔτε μεθεκτέον τῶν πραγμάτων πλέοσιν ἢ πεντακισχιλίοις, καὶ τούτοις οἳ ἂν μάλιστα τοῖς τε χρήμασι καὶ τοῖς σώμασιν ὠφελεῖν οἷοί τε ὦσιν)» (Thuc. VIII. 65. 3). «Всё вообще политическое управление поручается тем из афинян, кто оказывается наиболее способным служить государству как лично, так и материально, в количестве не менее пяти тысяч человек (᾽Αθηναίων τοῖς δυνατωτάτοις καὶ τοῖς σώμασιν καὶ τοῖς χρήμασιν λητουργεῖν, μὴ ἔλαττον ἢ πεντακισχιλίοις)» (Arist. Ath. pol. 29. 5)[16].

Итак, у Фукидида утверждается, что, согласно предложению олигархов, полноправных граждан должно было быть *не более* пяти тысяч, а в «Афинской политии», – наоборот, что *не менее* пяти тысяч. Какому из двух авторов отдать предпочтение? На первый взгляд, такового заслуживает Фукидид как современник событий. Однако выше уже говорилось, что он не был свидетелем переворота, а сведения о нем получил от тенденциозного информатора, преувеличившего жестокий, насильственный характер режима Четырехсот. Аристотель же опирался на литературу, созданную в Афинах непосредственно в период переворотов[17]. А теперь вот мы видим, что сообщение Лисия куда больше соответствует той трактовке рассматриваемой меры, которая содержится в «Афинской политии», а не у Фукидида. Опять же получается, что режим Четырехсот был мягче, чем о нем обычно думают.

* * *

[15] Лисий цитируется в переводе С.И. Соболевского.
[16] «Афинская полития» Аристотеля цитируется в переводе С.И. Радцига.
[17] Rhodes 1985, 368.

Фукидид придает значительную роль в установлении олигархии Алкивиаду (хотя он при Четырехстах был в Афинах отнюдь не в фаворе), в то время Аристотель даже не упоминает его в связи с этими событиями. У него просто сказано: «Пока в военных действиях не было перевеса ни на той, ни на другой стороне, афиняне сохраняли свой демократический строй (διεφύλαττον τὴν δημοκρατίαν). Но когда после несчастья, случившегося в Сицилии, на стороне лакедемонян получилось преимущество благодаря союзу с царем, афиняне вынуждены были отменить демократию и установить государственный строй под главенством Четырехсот (ἠναγκάσθησαν κινήσαντες τὴν δημοκρατίαν καταστῆσαι τὴν ἐπὶ τῶν τετρακοσίων πολιτείαν)» (Arist. Ath. pol. 29. 1). Таким образом, о причинах личного характера в «Афинской политии» речь вообще не идет. Указывается прежде всего на то, что демократия утратила популярность тогда, когда перестала быть эффективной (что выразилось в военных поражениях); этот фактор отмечали и мы в первой статье данного цикла.

У Фукидида же именно Алкивиад в 412 г. до н.э. оказывается первым, кто поднимает вопрос о смене режима: находясь в тот момент при сатрапе Тиссаферне, он связывается с лидерами флота на Самосе, чтобы «дать им понять, что он готов вернуться на родину… и вместе с ними управлять государством на основе олигархии, а не охлократии[18], которая его изгнала (ἐπ᾽ ὀλιγαρχίᾳ… καὶ οὐ πονηρίᾳ οὐδὲ δημοκρατίᾳ τῇ αὐτὸν ἐκβαλούσῃ)» (Thuc. VIII. 47. 2). Однако тут же историк оговаривает, что предложение Алкивиада, подобно семени, упало на уже подготовленную почву: «Вместе с тем и независимо от Алкивиада триерархи и наиболее влиятельные афиняне у Самоса стремились ниспровергнуть демократию. Антидемократическое брожение началось первоначально в войске под Самосом и лишь позднее оттуда перекинулось в город (Thuc. VIII. 47. 2 – 48. 1).

Итак, парадоксальным образом источником олигархических настроений Фукидид называет флот на самосской базе – тот самый флот, который впоследствии настолько решительно противостал олигархии, что даже, по сути, провозгласил себя независимым полисом, отделившись от Афин (точнее, признав именно себя Афинами). На конкретные имена участников движения историк в этом месте своего труда скуп. Из таких имен появляются только два: Фриних и Писандр. Оба принадлежат лицам, которые позже входили в самую верхушку Четырехсот и действовали рука об руку; но пока, в самом начале процесса смены режима, эти двое в изображении Фукидида оказываются друг другу противниками.

Фриних решительно возражает против инициативы Алкивиада, приводя следующие аргументы (Thuc. VIII. 48. 4–7): 1) Сам Алкивиад движим отнюдь не идейными, а личными побуждениями (своим желанием возвратиться в Афины из изгнания). 2) Совершенно не факт, что установление олигархии побудит персидского царя принять сторону Афин, спартанцы все равно останутся ему намного ближе. 3) Беспочвенны и надежды на то, что после ликвидации демократии отпавшие союзники вернутся в афинский лагерь: уже вкусив свободы, они не захотят вновь влачить ярмо зависимости, к тому же олигархические Афины для них опаснее, чем демократические, поскольку в меньшей степени будут считаться с тре-

[18] Г.А. Стратановский допускает в переводе анахронизм. Лексема «охлократия» еще не употреблялась во времена Пелопоннесской войны. Мы не встретим ее и у Аристотеля. См. в скобках формулировку оригинала.

бованиями законности. Фриних со своей точкой зрения, однако, в меньшинстве, и участники заговора (ξυνωμοσία) решают «отправить в Афины послами Писандра и других хлопотать о возвращении Алкивиада, уничтожить демократию (ἐς τὰς Ἀθήνας πρέσβεις Πείσανδρον καὶ ἄλλους… πέμπειν, ὅπως περί τε τῆς τοῦ Ἀλκιβιάδου καθόδου πράσσοιεν καὶ τῆς τοῦ ἐκεῖ δήμου καταλύσεως)…» (Thuc. VIII. 49). Таким образом, Писандр (коль скоро он согласился принять участие в посольстве) был тогда среди тех, кто поддерживал план Алкивиада.

Итак, на этой стадии пока еще вопрос об олигархии и вопрос об Алкивиаде предстают тесно связанными один с другим. Далее Фукидид сообщает об интригах Фриниха против Алкивиада, которые несколько подорвали репутацию последнего в глазах моряков (Thuc. VIII. 50–51), и переходит к миссии Писандра в Афинах. Этот политик вел активную агитацию в пользу того, чтобы в порядке своеобразного эксперимента отказаться от радикальной демократии. В качестве веского довода он приводил следующее соображение: если новая форма правления не понравится афинянам, ее ведь можно будет потом и вновь изменить (ὕστερον γὰρ ἐξέσται ἡμῖν καὶ μεταθέσθαι, ἢν μή τι ἀρέσκῃ, Thuc. VIII. 53. 3), то есть вернуться к демократическому строю. И, как мантру, повторял Писандр: если не изменить форму правления – на сторону афинян не перейдет Алкивиад, «который один из всех людей (μόνος τῶν νῦν) только и может сделать то, что ныне необходимо» (Thuc. VIII. 53. 3).

Если верить Фукидиду, именно этот момент стал ключевым в подготовке переворота, когда его успех был предрешен. «Раздраженный народ (ὁ δὲ δῆμος) вначале, однако, и слышать не хотел об олигархии. Когда же Писандр дал ясно понять, что нет другого пути спасения, то народ уступил (ἐνέδωκεν), и устрашенный и вместе с тем обнадеженный возможностью будущих перемен» (Thuc. VIII. 54. 1). Обратим здесь внимание на то, что речь здесь идет именно о народе, о демосе. Судя по всему, вопрос обсуждался на заседании экклесии. Это вытекает и из того, что тогда же (ἅμα) было принято решение сместить Фриниха с поста стратега (Thuc. VIII. 54. 3); такое постановление могло быть принято *только* народным собранием. За отстранение Фриниха активно ратовал Писандр, то есть, как видим, пока оставался его противником.

Итак, демос уже тогда (шел еще 412 г. до н.э.) принял предварительное решение об установлении олигархического строя. Интересно, что в следующем году, когда это решение было реализовано (знаменитое народное собрание в Колоне), имя Алкивиада уже не звучало ни в какой связи, олигархи перестали добиваться восстановления его в правах. Нечто изменилось на протекшем хронологическом отрезке. Но что именно? Фукидид говорит об этом так: «…Афинские заговорщики на Самосе, договорившись между собой, решили оставить Алкивиада в стороне, так как тот не желал присоединиться к ним, да и вообще был не из числа людей, подходящих для олигархии (οἱ ἐν τῇ Σάμῳ τῶν Ἀθηναίων κοινολογούμενοι ἐσκέψαντο Ἀλκιβιάδην μέν, ἐπειδήπερ οὐ βούλεται, ἐᾶν· καὶ γὰρ οὐκ ἐπιτήδειον αὐτὸν εἶναι ἐς ὀλιγαρχίαν ἐλθεῖν)» (Thuc. VIII. 63. 4).

Получается, Алкивиад, на которого еще столь недавно уповали олигархи, теперь был признан ими неподходящим для олигархии. Вопрос о политической позиции этого лидера, вообще говоря, весьма непрост. Демократом его трудно назвать: хотя он нередко действовал в качестве такового, но всегда принадлежал не

к убежденным сторонникам демократии, а скорее к их «попутчикам». Достаточно вспомнить его известные слова о Перикле: «А не лучше ли было бы ему подумать о том, как вообще не давать отчетов?» (Plut. Alc. 7). А ведь отчетность была одним из краеугольных камней демократического афинского полиса. Но приходится признать, что Алкивиад со своей харизмой точно так же плохо вписывался и в олигархическую модель, и сторонники последней имели резон отказаться от его услуг. Иная модель была ближе людям такого склада, как он, – модель тираническая. Во всяком случае, так считали афиняне. Алкивиада упорно подозревали в стремлении стать тираном. Р. Сигер в свое время посвятил этому вопросу специальную статью, в которой, тщательно проанализировав источники, пришел к выводу: нет ни малейшего намека на то, что он в своей жизни совершил хоть какое-то действие, могущее быть трактованным как попытка установить тиранию[19], – даже тогда, когда имел все возможности для таких действий.

Примерно в то же время, что Алкивиад в Афинах, в Сиракузах возвысился Дионисий Старший. До поры до времени карьера этих двух политиков складывалась в определенном отношении схожим образом. В частности, оба были в обстановке тяжелейшего положения на фронтах избраны стратегами-автократорами, – иными словами, получили единоличное верховное командование всеми вооруженными силами полиса. Но как разительно различаются линии их поведения после этого! Дионисий тут же развил бешеную активность и с помощью ряда хитроумных ходов (включавших инсценировку покушения на самого себя) в том же году захватил тираническую власть[20]. Алкивиад же остался вполне законопослушным и, когда он уже вскоре был лишен своей должности, не предпринял ни малейшей попытки удержать ее в своих руках.

Но вернемся к событиям 412–411 гг. до н.э. Как нам представляется, именно решение снять вопрос об Алкивиаде позволило олигархам достичь консенсуса, ранее отсутствовавшего. Как мы видели, в этом вопросе противостояли мнения Фриниха и Писандра и из-за этого серьезно враждовали. Что делал Фриних после того, как перестал быть стратегом? Мы не знаем. У Фукидида после сообщения о его отстранении (Thuc. VIII. 54. 3) он как бы выпадает из нарратива и появляется вновь лишь в рассказе о самом перевороте, в ходе которого Фриних «выказал величайшее рвение (παρέσχε… ἑαυτὸν πάντων διαφερόντως προθυμότατον)» (Thuc. VIII. 68. 3).

Итак, где же был Фриних в промежутке? По существовавшим нормам он должен был тут же явиться на родину для сдачи отчета. Но так бывало в спокойной обстановке, а в Афинах в тот момент царила атмосфера полнейшей неразберихи (см. эмоциональное описание: Thuc. VIII. 66). Вполне можно допустить, что Фриних, пользуясь всеобщим смятением, не поехал домой. Или, по крайней мере, поехал не сразу, а какое-то время оставался на Самосе и продолжал принимать участие в совещаниях олигархов. Результатом этих совещаний, как было сказано выше, явилось исключение «темы Алкивиада». Фриниха это более чем устраивало, а Писандра, который ранее эту тему, наоборот, активно развивал, видимо,

[19] Seager 1967, 15.

[20] И поныне сохраняет свое значение тщательный анализ процесса его прихода к власти, проделанный в: Frolov 2001, 346 ff. (в цитируемую книгу целиком вошло известное исследование Э.Д. Фролова о Дионисии).

удалось убедить в том, что важен не столь Алкивиад, сколь смена режима. Не исключаем, что для примирения Писандра и Фриниха поработал Антифонт – этот воистину «мозговой центр» заговора (Thuc. VIII. 68. 1).

Итак, разногласия и даже какой-то «раздрай» с самого начала подготовки переворота пронизывали олигархическое движение, его участники лишь с трудом находили общий язык между собой. И тем не менее, как отмечалось выше, им без особенного труда удалось свершить задуманное. Из Фукидида следует, напомним, что принципиально ликвидация демократического устройства была решена народом еще в ходе первого визита Писандра в Афины. Теперь предстояло реализовать это на деле, что и было осуществлено, когда Писандр прибыл туда вторично, на собрании в Колоне. На нем первым делом было внесено предложение отменить γραφὴ παρανόμων (Thuc. VIII. 67. 2) – тип судебного иска против политиков, вносящих противоречащие законам предложения[21], один из «краеугольных камней» классической демократии. Когда это было сделано, перешли к существу вопроса: смена режима выразилась в двух мерах – ограничении коллектива полноправных граждан до пяти тысяч человек и создании наделенной автократорскими (то есть неограниченными) полномочиями коллегии Четырехсот, которая должна была составить список нового гражданского коллектива.

Из каких принципов исходили при его формировании? Выше приводились относящиеся к этому пассажи Фукидида и Аристотеля, но тогда мы остановились на разногласии между ними (не больше или не меньше пяти тысяч граждан должно было быть теперь в Афинах?), но не менее важным представляется нам то общее, что имеют между собой оба свидетельства. А общим является то, какие требования предъявлялись гражданам, и здесь доходит даже до предельного лексического сходства (Фукидид – τοῖς τε χρήμασι καὶ τοῖς σώμασιν, Аристотель – καὶ τοῖς σώμασιν καὶ τοῖς χρήμασιν).

В обоих случаях речь идет о том, что граждане должны быть полезны государству. Именно поэтому они и должны иметь определенное состояние – не ради богатства как такового, не потому, что оно само по себе превращает то или иное лицо в человека какого-то особого, более высокого сорта, а потому, что человек не бедный и должности сможет исполнять, не требуя жалованья (вопрос об отмене оплаты службы должностных лиц был одним из самых насущных во время переворота 411 г. до н.э.), и, с другой стороны, сам в трудную годину будет, наоборот, помогать полису денежными взносами, добросовестным исполнением литургий и пр.

Здесь мы коснемся одного терминологического вопроса, рассмотренного М. Оствальдом в монографии об олигархии как конституционной форме в античной Греции[22]. Как справедливо замечает исследователь, об этом типе государственного устройства (и как о теоретическом понятии, и как об исторической реальности) больше, чем любой другой античный автор, сообщает нам Аристотель

[21] Наиболее подробно об этой юридической категории см.: Hansen 1974.

[22] Ostwald 2000. Теоретический анализ понятия, предпринятый Оствальдом, и поныне остается лучшим из существующих. В более новых монографиях об олигархических режимах в античной Греции (Shear 2011; Simonton 2017) этот круг вопросов почти не рассматриваются, поскольку указанные работы посвящены преимущественно перипетиям практической политики, а не политической теории.

в «Политике»[23]. Оствальд указывает[24], что в этом трактате при сравнительном анализе олигархии и демократии встречаются две пары противопоставленных лексем: πλούσιος – πένης и εὔπορος – ἄπορος. По замечанию ученого, в данном случае нельзя говорить о полной синонимии, хотя по большей части переводчики и комментаторы пренебрегают различием[25]. Что касается первой пары («богатый» – «бедный») – с ней всё ясно: она взята из повседневного речевого обихода. Вторая сложнее; тщательно разобрав все ее нюансы, Оствальд приходит к выводу: «Вкратце говоря, корни εὐπορ- и ἀπορ-, особенно тогда, когда за ними следует слово в родительном падеже, указывают на наличие или отсутствие факторов, требуемых для выполнения данной функции. В большинстве случаев родительный падеж относится к таким материальным ресурсам, как деньги, доходы, монета и заработок, но им могут описываться вещи, необходимые для жизни, достаточный урожай или достаточное же количество населения. Обладание этими условиями ни в коем случае еще не делает автоматически человека или государство богатым (πλούσιος)…»[26].

Подчеркнем эту коннотацию термина εὔπορος («состоятельный») с необходимостью выполнения определенных функций; как нам представляется, она позволяет уяснить кое-что в функционировании если не любой древнегреческой олигархии, то, во всяком случае, конкретного олигархического режима 411 г. до н.э. Для М. Оствальда εὔπορος – тот, кто имеет достаточные средства (подразумеваются средства прежде всего материальные) для выполнения определенной функции. В данном случае это функция полноценного служения государству, которое только и делает человека достойным гражданином, бедняк же такими средствами не располагает, потому и должен быть ущемлен в правах. По сути дела, афинские олигархи в Колоне говорили именно об этом.

Мы не знаем в точности, насколько последовательно этот принцип (в основе своей вполне рациональный и конструктивный) проводился при формировании списка Пяти тысяч в 411 г. до н.э. (за то немногое время, которое было судьбой на это отпущено). Сам список, естественно, не сохранился. Но вот что показательно. Когда Четыреста были низложены и власть в свои руки реально взяли эти самые Пять тысяч (на самом деле их, как мы видели из Лисия, было больше и они достаточно репрезентативно представляли афинское гражданство, тем более что бедняки-феты в массе своей тогда в Афинах отсутствовали, находясь в качестве гребцов при флоте на Самосе), их правление, хотя и краткое, произвело большое, причем весьма позитивное впечатление на греческую политическую мысль[27]. Оно удостоилось небывало высоких похвал со стороны как Фукидида (Thuc. VIII. 97. 2), так и Аристотеля (Arist. Ath. pol. 33. 2), рассматривалось как едва ли не первый реализованный на деле образчик «смешанного государственного устройства»[28].

[23] Ostwald 2000, 12.

[24] Ostwald 2000, 44–56.

[25] Отметим, впрочем, что С.А. Жебелев, переводивший у нас «Политику» (в дальнейшем она будет цитироваться, естественно, именно в его переводе), проводил это различие довольно последовательно, передавая πλούσιοι через «богатые», εὔποροι через «состоятельные».

[26] Ostwald 2000, 56.

[27] Lintott 2000, 165.

[28] Об идее такого устройства и ее отражении у эллинских мыслителей см. Lintott 2000; Hahm 2009; Saldutti 2022.

Уже Фукидид, современник событий, именно так его и характеризует: «…это было благоразумное смешение олигархии и демократии (μετρία γὰρ ἥ τε ἐς τοὺς ὀλίγους καὶ τοὺς πολλοὺς ξύγκρασις ἐγένετο)» (Thuc. VIII. 97. 2).

Именно в этот период всерьез ставится вопрос о необходимости соблюдения законности в политической жизни, начинается известная афинская законодательная реформа, шедшая затем на протяжении целого десятилетия[29]. Инициатором запущенного процесса, несомненно, выступил тот человек, который стал и творцом самого режима Пяти тысяч, – Ферамен, этот воистину фанатик закона. Данному политику, получившему крайне неоднозначную оценку в традиции, в «Афинской политии» Аристотеля посвящен настоящий энкомий. Притом, как указывается в литературе[30], Ферамен мил мыслителю не чем иным, как тем, что для него высшей ценностью была законность (Arist. Ath. pol. 28. 5: «…он не только не ниспровергал, как его обвиняют, все виды государственного строя, а наоборот, направлял всякий строй, пока в нем соблюдалась законность (ἀλλὰ πάσας προάγειν ἕως μηδὲν παρανομοῖεν)»). Было ли вообще правление Пяти тысяч олигархией? В литературе высказывалась мысль, что это устройство, пожалуй, больше напоминает умеренную демократию[31]. Во всяком случае, власть взяли в свои руки действительно ответственные люди[32].

Коснемся, для контраста, того, как действовали лидеры олигархии 403 г. до н.э. Они при составлении списка трех тысяч граждан явно руководствовались не такого рода высокими мотивами, а вполне циничными политико-идеологическими соображениями: за единственный критерий включения в него принималась потенциальная лояльность режиму. Гражданами делали либо открытых его сторонников, либо тех, от кого, по крайней мере, не приходилось ожидать сопротивления. Потому в их число не попал богач Фрасибул, чья стойкая приверженность демократическим принципам была давно известна (он доказал ее на деле, возглавив те силы во флоте, которые не признали переворот Четырехсот), но вошел Сократ. Про последнего знали, что он – учитель Крития и жесткий критик демократии[33], а

[29] Начало этой реформы, имевшей чрезвычайно большое значение для дальнейшей эволюции афинской демократии (представлявшей собой переход от «власти народа» к «власти закона»), как правило, связывают с полным восстановлением демократического устройства в 410 г. до н.э. Однако М. Финли справедливо подчеркнул, что в действительности процесс начался чуть раньше – именно тогда, когда у власти находились Пять тысяч (Finley 1971, 10).

[30] Например: Frank, Monoson 2009, 255.

[31] Marcaccini 2013.

[32] Ср. концепцию, изложенную в Strauss 1993: период 450–413 гг. до н.э. характеризуется преобладанием в политической жизни молодежи («час сына»), получившей софистическую выучку (знаковая фигура эпохи – Алкивиад), лица старших поколений несколько отодвинуты на второй план. Период после 413 г. до н.э. этот ученый обозначает как «возвращение отца». Иными словами, оттесненные пожилые вновь принимают на себя ответственность за судьбы государства.

[33] Оппозиционность Сократа по отношению к античной демократии в современной литературе часто пытаются затушевать, пишут, что он в целом был доброжелательно расположен к этому строю и лишь подвергал дружеской «критике изнутри» отдельные его черты. Такой точки зрения, в частности, придерживался Г. Властос – автор одной из лучших книг об этом философе (Vlastos 1991, 48–49). Справедливо указывает на уязвимость такой позиции Р. Уотерфилд в чрезвычайно ценной статье о суде над Сократом (Waterfield 2012, 293), констатируя, что последний, напротив, жестко критиковал фундаментальные принципы античной прямой демократии, такие, как широкое применение жребия. Совсем недавно появилась монография (Malkin, Blok 2024), в которой более детально, чем когда-либо ранее, проанализировано применение жеребьевок в античной Греции и показано, насколько глубоко идея жребия пронизывала все ее общество. Идея эта исходит из представления о

того, что он и по отношению к новой власти займет столь же нонконформистскую позицию, заранее, естественно, никто предсказать не мог.

Вернемся к установлению олигархии 411 г. до н.э. Как нам представляется, основными причинами того, что переворот не встретил особо серьезных препятствий, являлись следующие. Во-первых, (тут мы не скажем ничего нового) демократия, переродившаяся в «эру демагогов», действительно скомпрометировала себя; ее свержение было обусловлено реально созревшими внутренними причинами[34]. Во-вторых, следует помнить о том, что в рассматриваемый момент афинский флот отсутствовал на родине, находясь на Самосе, а самых стойких и убежденных демократов (таких, как Фрасибул, Фрасилл и им подобных), которые, возможно, и не позволили бы свершиться смене режима, можно было встретить именно среди моряков.

Это тоже хорошо известно и неоднократно отмечалось. Зато меньше уделялось внимание еще одному фактору, который мы обозначили бы как «тень Алкивиада». В 412 г. до н.э. Писандр, ведя в афинской экклесии агитацию в пользу олигархии, подчеркивал, что в демократические Афины Алкивиад не вернется, и это соображение сыграло едва ли не решающую роль для «поворота в умах». Позже, как мы отмечали, олигархи устранили Алкивиада из своих планов, но это их решение было принято кулуарно. Несомненно, масса граждан не была о нем оповещена. Кстати, чуть позже выяснилось, что сама исходная посылка Писандра была ошибочной: Алкивиад оказался вполне в состоянии ужиться с демократией и несколько лет верно служил ей (служил бы и дольше, если бы она не подвергла его очередной опале).

* * *

Перейдем теперь к вопросу о том, почему режим Четырехсот, который, казалось бы, имел перспективы, оказался таким недолговечным и просуществовал лишь несколько месяцев. Здесь опять же в совокупности и во взаимной связи действовало несколько факторов. Во-первых, флот не принял переворота; моряки постоянно порывались плыть на Афины, дабы восстановить демократию, и немало усилий приложили их вожди для того, чтобы убедить их в том, что продолжение военных действий против спартанцев – задача более приоритетная (Thuc. VIII. 75. 1; 82. 1–2). Во-вторых, именно на стороне «второго афинского полиса на Самосе» оказался Алкивиад, популярность которого росла.

В-третьих, и после переворота ситуация на фронтах не улучшилась и даже не стабилизировалась, поражения продолжались: уже при новом режиме было проиграно морское сражение при Эретрии (Thuc. VIII. 95. 5), и вследствие этого из Архэ вышла Эвбея, ранее сохранявшая лояльность Афинам. Это была по-настоящему болезненная потеря: по суждению Аристотеля, «афиняне были удручены этим несчастьем более, чем всеми прежними: надо иметь в виду, что в это

том, что все граждане равны, что каждый из них в той же мере, как и любой другой, может управлять государством. Иными словами, речь идет о подчеркнуто эгалитарной установке. Сократ принять ее не мог, поскольку выступал за то, что власть должна принадлежать специалистам.

[34] А не внешними, как антидемократические перевороты конца IV в. до н.э., ставшие следствием македонского диктата (различие прослежено в: Lehmann 1995).

время с Эвбеи они получали больше доходов, чем из Аттики» (πλείω γὰρ ἐκ τῆς Εὐβοίας ἢ τῆς Ἀττικῆς ἐτύγχανον ὠφελούμενοι, *Arist.* Ath. pol. 33. 1). Фукидид, рассказывая о тех же событиях, берет даже еще более трагическую ноту: «… Там (в Афинах – И.С.) началось сильнейшее смятение, какого никогда прежде не бывало. Ни сицилийская катастрофа (сколь ужасной она ни казалась), ни другое несчастье так не устрашило афинян… Новое страшное несчастье повлекло за собой не только потерю флота, но (что было страшнее всего) также и Эвбеи, от которой зависело снабжение Афин в большей степени, чем от Аттики (καὶ τὸ μέγιστον Εὔβοιαν ἀπωλωλέκεσαν, ἐξ ἧς πλείω ἢ τῆς Ἀττικῆς ὠφελοῦντο)» (Thuc. VIII. 96. 1–2)[35].

Но, пожалуй, главной причиной непрочности «первой олигархии» стал конфликт, очень быстро развернувшийся внутри правящей коллегии. Это было противостояние между умеренным и крайним ее крыльями. В качестве лидеров первого Фукидид называет Ферамена и Аристократа (Thuc. VIII. 89. 2). Ферамен – фигура, можно сказать, знаменитая, и вряд ли имеет смысл здесь подробно о нем говорить (тем более что в свое время нами была рассмотрена его биография[36]). Второе же упомянутое здесь лицо куда менее известно. Вот краткая просопографическая информация об этом человеке (о политических взглядах семьи, из которой он происходил, достаточное понятие дает имя, данное ему при рождении[37]).

Аристократ, сын Скеллия, в 421 г. до н.э. входил в число афинских послов, которые в Спарте подписывали Никиев мир (Thuc. V. 19), а вскоре после этого – договор о союзе между афинянами и спартанцами (Thuc. V. 24). В 413/412 г. до н.э. он был стратегом (Thuc. VIII. 9. 2), действовал на Хиосе. В 411 г. до н.э. он вошел в состав коллегии Четырехсот, но затем сам же активно участвовал (вместе с Ферамеом) в ее свержении (Thuc. VIII. 89. 2; VIII. 92. 2–4). Соответственно, после восстановления демократии Аристократ не утратил доверия народа, и в 410/409 г. до н.э. мы вновь встречаем его на посту стратега (зафиксировано эпиграфическим источником: IG. I³. 375. 35). Когда в 407/406 г. до н.э. Алкивиада сделали стратегом-автократором, в дополнение к нему было избрано несколько ординарных стратегов, и Аристократ был одним из них (Xen. Hell. I. 4. 21). Согласно Диодору, этих стратегов рекомендовал лично Алкивиад (Diod. XIII. 69. 3), из чего можно заключить, что Аристократ находился с ним в дружественных отношениях. Наконец, Аристократ был стратегом и в 406/405 г. до н.э. (Xen. Hell. I. 5. 16), – иными словами, входил в состав той знаменитой коллегии, которая выиграла морское сражение при Аргинусских островах. Соответственно, он был потом казнен в Афинах в числе этих полководцев-победителей.

Вождями же крайних олигархов у Фукидида выступают Фриних, Писандр, Антифонт, Аристарх (Thuc. VIII. 90. 1); ниже историк добавляет еще одно имя –

[35] По некоторым оценкам, богатейшая Эвбея в V в. до н.э. играла для Афин роль главной «житницы», которая в следующем столетии перешла к региону Боспора Киммерийского (Moreno 2007, 77–143).

[36] Surikov 2011, 210–288.

[37] С.Г. Карпюк занимался имянаречением в классических Афинах с точки зрения его политической мотивации (Karpuyk 2003, 198–253). В целом мы считаем, что он несколько преувеличил значимость этого ономастического фактора и, напротив, недооценил роль семейных традиций. Однако в некоторые конкретные периоды, когда политизация гражданского коллектива достигала большой интенсивности (а у нас речь идет как раз об одном из таких периодов), «идеологические» имена, в принципе, могли встречаться, и здесь перед нами, похоже, именно один из подобных случаев.

Алексикл (Thuc. VIII. 92. 4). Каковы же были главные разногласия между этими двумя крыльями? Мы бы выделили два – одно внутриполитического, а другое внешнеполитического характера. С одной стороны, группировка Ферамена постоянно напоминала о том, что режим изменяли под лозунгом перехода власти к Пяти тысячам, в действительности же все полномочия узурпировала коллегия Четырехсот, то есть функционировала крайняя олигархия вместо ожидавшейся умеренной. Сторонники последней «настаивали на том, что следует на деле, а не только на словах установить правление Пяти тысяч и более соблюдать исономию[38] (τὴν πολιτείαν ἰσαιτέραν καθιστάναι)» (Thuc. VIII. 89. 2).

Составление списка Пяти тысяч, как казалось умеренным олигархам, затягивалось, и они видели в этом проявление сознательного желания крайних, которые, по их мнению, просто не желали делиться властью. Впрочем, дело было, возможно, и не только в этом. Коллегия Четырехсот создавалась как своего рода «временное правительство», которое должно было, во-первых, создать новый гражданский коллектив и, во-вторых, пока его создание не завершилось, само исполнять властные функции. В периоды, когда конфликтные настроения в гоплитской массе достигали особой остроты, представители Четырехсот обещали гражданам, «что Пять тысяч в скором времени будут непременно назначены и имена их обнародованы (τούς τε πεντακισχιλίους ἀποφανεῖν) и затем из их среды будут по очереди избираться (по усмотрению самих Пяти тысяч) Четыреста» (Thuc. VIII. 93. 2).

Имел ли действительно место со стороны крайних олигархов саботаж при работе над списком? Известно, во всяком случае, что список, безусловно, составлялся. Выше мы приводили свидетельство из речи Лисия (там же оговаривалась проблематичность ее авторства, но и указывалось, что вопрос об авторе не принципиален), из которого ясно видно, что работа над ним шла, причем гражданство раздавалось довольно щедро. Известно, далее то, что буквально через несколько дней после того, как прозвучали слова, процитированные в предыдущем абзаце, Пять тысяч взяли власть в свои руки (Thuc. VIII. 97. 1). Значит, было-таки определено, кто должен войти в их число. Может быть, и не следует считать некоторое промедление со списком следствием какой-то злой воли Четырехсот. В конце концов, дело это было действительно нелегким и ответственным, требовало времени (которого, повторим, Четыремстам было отведено очень мало), и спешка тут была неуместна.

Коллизия же внешнеполитического характера заключалась в том, что умеренные олигархи позиционировали себя как патриотов, а крайнему крылу приписывали готовность ради удержания власти идти даже на коллаборационизм со Спартой. На этом фоне разразился известный «эетионийский кризис». На Эетионии, скалистой косе в северной части пирейской гавани Канфар, по распоряжению Четырехсот было начато возведение нового укрепления (Thuc. VIII. 90. 1), стены которого должны были включить в себя также находившийся на берегу портик, служивший крупнейшим в афинском полисе продовольственным складом (Thuc. VIII. 90. 5). Работы велись пирейскими гоплитами под руководством стратега Алексикла (Thuc. VIII. 92. 4). Умеренные (прежде всего Ферамен) стали высказывать подозрения, что эетионийское укрепление создается в действительности не для защиты от внешнего врага или от находившегося в оппозиции афинского

[38] Неточность переводчика. У Фукидида нет здесь термина «исономия». См. в скобках формулировку оригинала.

флота, а для того, чтобы с его помощью по договоренности впустить спартанцев в Пирей (Thuc. VIII. 90. 3). Опасения усугублялись тем, что неподалеку курсировала пелопоннесская эскадра из 42 кораблей под командованием спартиата Агесандрида (Thuc. VIII. 92. 3); это давало основания подозревать, что сговор с противниками уже состоялся (Thuc. VIII. 91. 2), тем более что незадолго до того вожди крайних олигархов Фриних и Антифонт посетили Спарту с посольством (Thuc. VIII. 91. 1).

В конце концов гоплиты, ведшие строительство в Пирее, по призыву Аристократа, сторонника Ферамена, самочинно арестовали Алексикла (*Thuc.* VIII. 92. 4). Для разбора происшествия коллегия Четырехсот направила на его место комиссию, в составе которой был сам Ферамен (Thuc. VIII. 92. 6). Последний, прибыв к Этионии, фактически дал гоплитам санкцию на разрушение укрепления (Thuc. VIII. 92. 10), что и было сделано (Thuc. VIII. 92. 11). На следующий день Алексикл был освобожден пирейцами, однако в целом их поведение оставалось мятежным, и они даже в полном вооружении явились в Афины, готовые дать горожанам бой (Thuc. VIII. 93. 1). Коллегии Четырехсот удалось разрядить напряженность посредством переговоров (Thuc. VIII. 93. 2); урегулирование конфликта было вынесено на очередное заседание экклесии (Thuc. VIII. 93. 3).

Но при самом начале этого мероприятия пришло известие о том, что эскадра Агесандрида находится совсем близко, у Саламина (Thuc. VIII. 94. 1). Отложив собрание, все граждане поспешили в Пирей, дабы защищать порт (Thuc. VIII. 94. 2). Однако Агесандрид не предпринял попытки проникнуть в него, а проследовал к берегам Эвбеи (Thuc. VIII. 95. 1). Для его преследования афиняне отрядили эскадру из 36 кораблей (с плохо обученными экипажами) под командованием стратега Фимохара (Thuc. VIII. 95. 2–3). Состоялось упоминавшееся выше морское сражение при Эретрии, в котором победу одержали пелопоннесцы (Thuc. VIII. 95. 5); сразу после этого почти все эвбейские полисы перешли на сторону Спарты (Thuc. VIII. 95. 7).

В тот момент в Пирее отсутствовали афинские военные корабли (Thuc. VIII. 96. 3), и опасность потерять его (что было бы для Афин гибельным) являлась более реальной, чем когда-либо (Thuc. VIII. 96. 4), но спартанцы – далеко не в первый уже раз за время войны – проявили нерешительность и не стали его атаковать (Thuc. VIII. 96. 5). А в Афинах под влиянием происшедшего буквально сразу же состоялось заседание экклесии, низложившее коллегию Четырехсот (Thuc. VIII. 97. 1). В обстоятельствах «этионийского кризиса» и поныне много неясного, прежде всего – имел ли все-таки место сговор крайних олигархов со спартанцами.

Прямых данных в пользу его реальности нет, и сам Фукидид, похоже, в него не слишком-то верит. Рассказав об обвинениях Ферамена с его сторонниками по адресу крайних – в том, что они не передают власть Пяти тысячам и хотят предать город Спарте, – историк далее дает следующий комментарий: «Это были, однако, лишь пустые слова (σχῆμα πολιτικὸν τοῦ λόγου), когда они так ревностно хлопотали о правах граждан, на деле же большинство этих людей руководствовались личным честолюбием (κατ᾽ ἰδίας δὲ φιλοτιμίας) и корыстными побуждениями[39] отчего обычно и гибнет олигархический режим, вышедший из

[39] В этом месте перевод Стратановского особенно сильно отступает от оригинала, в котором нет ничего ни о «правах граждан» (это выражение вообще не из древнегреческого политического лексикона), ни о «корыстных побуждениях» (говорится только о честолюбии, см. выше в скобках).

демократии (ὀλιγαρχία ἐκ δημοκρατίας γενομένη ἀπόλλυται). Ведь подобные люди с первого же дня установления олигархии не только не желают равенства с прочими, но каждый сам хочет безусловно первенствовать. Напротив, при демократическом строе человек легче переносит неудачу на выборах, потому что не испытывает умаления от равных себе. Решающим мотивом их действий, однако, было могущественное положение Алкивиада на Самосе и уверенность, что олигархия не будет прочной (αὐτοῖς οὐκ ἐδόκει μόνιμον τὸ τῆς ὀλιγαρχίας ἔσεσθαι). Таким образом, каждый из них стремился после восстановления демократии стать первым представителем народа (πρῶτος προστάτης τοῦ δήμου) в городе» (Thuc. VIII. 89. 3–4).

Итак, для Фукидида непрочна олигархия, выросшая из демократии. Позже Аристотель распространил это суждение на все олигархии вообще: «…Демократический строй представляет бóльшую безопасность и реже влечет за собой внутренние распри (ἀστασίαστος μᾶλλον), нежели строй олигархический. В олигархиях таятся зародыши двоякого рода неурядиц: раздоры друг с другом и с народом (ἥ τε πρὸς ἀλλήλους στάσις καὶ ἔτι ἡ πρὸς τὸν δῆμον); в демократиях же – только с олигархией; сам против себя народ – и это следует подчеркнуть – бунтовать не станет (Arist. Pol. V. 1302a8–13).

* * *

Итак, пресловутая непрочность олигархических режимов для Стагирита, как и для Фукидида, порождается расколом и внутренними раздорами в среде самих лидеров олигархов. В 411 г. до н.э. именно это и имело место. Создается впечатление, что умеренные в некоторой степени проявляли чрезмерное нетерпение и даже торопливость (если они действительно были искренни, в чем Фукидид сомневается), сетуя на то, что желательные для них перемены не происходят так быстро, как им хотелось бы. А между тем и механизм перехода власти к Пяти тысячам не мог быть реализован моментально, и положение на фронтах не могло наладиться сразу же, особенно учитывая отпадение флота.

Осталось рассмотреть динамику политической эволюции после свержения Четырехсот, а тут перед нами большая загадка. Если установление умеренной олигархии Пяти тысяч в том же 411 г. до н.э. достаточно детально описал Фукидид, то очень многое неясно с событиями 410 г. до н.э., когда была восстановлена полная демократия прежнего образца. Фукидид не довел изложение до этого времени, иначе, несомненно, мы были бы гораздо лучше осведомлены о деталях событий, но продолжатель великого историка Ксенофонт на них совершенно не остановился.

Аристотель в «Афинской политии» только кратко говорит о Пяти тысячах: «Вскоре у этого правительства народ отнял власть (τούτους μὲν οὖν ἀφείλετο τὴν πολιτείαν ὁ δῆμος διὰ τάχους)» (Arist. Ath. pol. 34. 1). Диодор вообще проявляет полную неосведомленность, заявляя: «В это время афиняне уничтожили олигархию Четырехсот и предоставили управление государством гражданам (τὸ σύστημα τῆς πολιτείας ἐκ τῶν πολιτῶν συνεστήσαντο)» (Diod. XIII. 38. 1). Сицилийский автор выражается так, что можно подумать, будто за ликвидацией режима Четырехсот сразу последовало восстановление демократии, а никакой

переходной фазы не было.

Из некоторых косвенных данных, содержащихся у Ксенофонта, все-таки можно сделать некоторые выводы относительно того, как всё происходило. В 410 г. до н.э. в Афины от флота прибыл на время стратег Фрасилл[40] (Xen. Hell. I. 1. 8). На должность стратега он был избран в предыдущем году не в Афинах, а на Самосе моряками и отличался подчеркнутой приверженностью демократическим убеждениям (Thuc. VIII. 75. 2). Мы предположили в свое время[41], что это он инициировал восстановление демократии или, по крайней мере, сыграл в этом немалую роль. Как раз в это время спартанский царь Агид II, находившийся с гарнизоном в Декелее, совершил оттуда вылазку на Афины и подошел к самым городским стенам, но был отбит Фрасиллом (Xen. Hell. I. 1. 33–34), в результате чего авторитет последнего должен был еще сильнее возрасти. В технически-организационном плане новая смена режима, по всей видимости, произошла тоже через заседание экклесии, которая приняла соответствующее постановление.

Таким образом, дела пошли именно так, как в свое время предсказывал Писандр, о чем мы писали выше: афиняне поэкспериментировали с олигархией (как крайней, так и умеренной), убедились в том, что опыт оказался неудовлетворительным, и вернулись к прежнему демократическому устройству. Не удовлетворил же их олигархический режим потому, что перемен к лучшему он не принес – однако напомним: прошло слишком мало времени, чтобы какие-то позитивные эффекты от переворота начали проявляться. Что же касается олигархов, они продемонстрировали полную неспособность к совместным действиям. Их пестрые, разнородные силы объединились лишь на основе «негативного консенсуса» против охлократии и демагогов; воли к единству хватило на то, чтобы прийти к власти, но практически непосредственно затем единство это начало давать трещины. Деятели умеренного крыла олигархического движения вообще были уверены в том, что новый строй не упрочится и вскоре вновь уступит место демократическому, так что они заранее готовили себе «пути к отступлению» (Thuc. VIII. 89. 4). Можно ли было при подобном пессимистическом настрое ожидать каких-то благоприятных перспектив? Парадоксальным образом можно сказать, что олигархи, придя к власти, развязали войну друг против друга, то есть против самих себя; в этой войне они сами себя победили и, соответственно, сами себе проиграли.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Buck, R.J. 1994: *Boiotia and the Boiotian League, 432–371 B.C.* Edmonton.

Ferguson, W.S. 1932: The Condemnation of Antiphon. In: F.E. Adcock et al. (eds.), *Mélanges Gustave Glotz.* Vol. 1. Paris, 349–366.

Finley, M.I. 1971: *The Ancestral Constitution.* Cambridge.

Frank, J., Monoson, S.S. 2009: Lived Excellence in Aristotle's *Constitution of Athens*: Why the Encomium of Theramenes Matters. In: S. Salkever (ed.), *The Cambridge Companion to Ancient Greek Political Thought.* Cambridge, 243–270.

Frolov E.D. *Gretsiya v epokhu pozdney klassiki (Obshchestvo. Lichnost'. Vlast')* [*Greece in the Late Classical Period (Society. Personality. Power)*]. St. Petersburg.

[40] О нем см.: McCoy 1977.

[41] Surikov 2011, 252.

Фролов, Э.Д. 2001: *Греция в эпоху поздней классики (Общество. Личность. Власть).* СПб.

Gagarin, M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists.* Austin.

Greenwood, E. 2015: On Translating Thucydides. In: C. Lee, N. Morley (eds.), *A Handbook to the Reception of Thucydides.* Oxford, 91–121.

ahm, D.E. 2009: The Mixed Constitution in Greek Thought. In: R.K. Balot (ed.), *A Companion to Greek and Roman Political Thought.* Oxford, 178–198.

Hansen, M.H. 1974: *The Sovereignty of the People's Court in Athens in the Fourth Century B.C. and the Public Action against Unconstitutional Proposals.* Odense.

Hansen, M.H. 2010: The Concepts of *Demos*, *Ekklesia*, and *Dikasterion* in Classical Athens. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 50, 499–536.

Heftner, H. 2001: *Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v.Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen.* Frankfurt am Main.

Kennedy, G.A. 2003: Oratory. In: P.E. Easterling, B.M.W. Knox (eds.), *The Cambridge History of Classical Literature. I. Greek Literature.* Cambridge, 498–526.

Karpyuk, S.G. *Obshchestvo, politika i ideologiya klassicheskikh Afin* [*Society, Politics and Ideology of the Classical Athens*]. Moscow.
Карпюк, С.Г. 2003: *Общество, политика и идеология классических Афин.* М.

Lehmann, G.A. 1995: Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. In: W. Eder (ed.), *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform?* Stuttgart, 139–150.

Lintott, A. 2000: Aristotle and the Mixed Constitution. In: R. Brock, S. Hodkinson (eds.), *Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece.* Oxford, 152–166.

McCoy, W.J. 1977: Thrasyllus. *American Journal of Philology* 98, 264–289.

Malkin, I., Blok, J. 2024: *Drawing Lots: From Egalitarianism to Democracy in Ancient Greece.* Oxford.

Marcaccini, C. 2013: Rivoluzione oligarchica o restaurazione della democrazia? I Cinquemilia, la προκρισις e la patrios politeia. *Klio* 95/2, 405–428.

Montanari, F. 2022: *History of Ancient Greek Literature. Vol. 1: The Archaic and Classical Ages.* Berlin; Boston.

Moreno, A. 2007: *Feeding the Democracy: The Athenian Grain Supply in the Fifth and Fourth Centuries BC.* Oxford.

Nails, D. 2002: *The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics.* Indianapolis.

Ostwald, M. 2000: *Oligarchia: The Development of a Constitutional Form in Ancient Greece.* Stuttgart.

Rhodes, P.J. 1985: *A Commentary on the Aristotelian Athenaion Politeia.* Oxford.

Rhodes, P.J. 2015: Instability in the Greek Cities. In: V. Gouščhin, P.J. Rhodes (eds.), *Deformations and Crises of Ancient Civil Communities.* Stuttgart, 27–47.

Saldutti, V. 2022: The Mixed Constitution of Demetrius Phalereus. *Klio* 104/1, 159–190.

Seager, R. 1967: Alcibiades and the Charge of Aiming at Tyranny. *Historia* 16/1, 6–18.

Shear, J.L. 2011: *Polis and Revolution: Responding to Oligarchy in Classical Athens.* Cambridge.

Simonton, M. 2017: *Classical Greek Oligarchy: A Political History.* Princeton.

Strauss, B.S. 1993: *Fathers and Sons in Athens: Ideology and Society in the Era of the Peloponnesian War.* London.

Surikov, I.E. 2011: *Anticnaya Gretsiya: politiki v kontexte epokhi. Godina mezhdousobitz* [*Ancient Greece: Politicians in the Context of Epoch. The Time of Intestine Dissention*]. Moscow.
Суриков, И.Е. 2011: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц.* М.

Surikov, I.E. 2022: Afinskie magistraty i ironiya Fukidida [Athenian officials and Thucydides' irony]. In: E.S. Danilov, R.M. Frolov, O.G. Tsymbal (eds.), *Tsari. Magistraty. Imperatory: sbornik statey po istorii gosudarstvenno-pravovogo ustroystva i politicheskoy kul'tury drevnikh obshchestv, posvyashchennyy iubileyu V.V. Dement'evoy* [*Kings. Magistrates. Emperors: A Collection of Articles on the History of State and Legal Systems and Political Culture in Ancient Societies Devoted to V.V. Dementyeva's Anniversary*]. Yaroslavl, 45–59. Суриков, И.Е. 2022: Афинские магистраты и ирония Фукидида. В кн.: Е.С. Данилов, Р.М. Фролов, О.Г. Цымбал (ред.), *Цари. Магистраты. Императоры: сборник статей по истории государственно-правового устройства и политической культуры древних обществ, посвященный юбилею В.В. Дементьевой.* Ярославль, 45–59.

Taylor, M.C. 2002: Implicating the *Demos*: A Reading of Thucydides on the Rise of the Four Hundred. *Journal of Hellenic Studies* 122, 91–108.

Usher, S. 2007: Lysias and his Clients. In: E. Carawan (ed.), *Oxford Readings in the Attic Orators.* Oxford, 27–36.

Vlastos, G. 1991: *Socrates, Ironist and Moral Philosopher.* Ithaca.

Waterfield, R. 2012: Xenophon on Socrates' Trial and Death. In: F. Hobden, C. Tuplin (eds.), *Xenophon: Ethical Principles and Historical Enquiry.* Leiden; Boston, 269–305.

FROM THE HISTORY OF ATHENIAN OLIGARCHIC COUPS D'ÉTAT OF LATE 5th CENTURY BC. III. THE OLIGARCHS START AND LOSE… TO THEMSELVES (THE EVENTS OF 411–410 BC)

Igor E. Surikov

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: isurikov@mail.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 23-28-00024

This study continues a series of articles dealing with antidemocratic coups d'état in Athens in the end of the 5th century BC and their historical significance. The following problems are considered: principal pieces of evidence on the oligarchic regime of 411 BC and their comparative value; the essence of the oligarchs' plans and Alcibiades' place in them; easiness of the establishment of the oligarchy of Four Hundred and easiness of its fall; dynamics of the political evolution during the transitional period (411–410 BC). Notice is taken of the absence of unity in milieu of the antagonists of radical democracy, which weakened their camp.

Keywords: Classical Greece, Athens, oligarchy, democracy, coups d'état, Peloponnesian War, Thucydides, Alcibiades

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 115–134
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 115–134
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-115–134

ИМПЕРИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО: САТРАПИИ И ЗАВИСИМЫЕ ТЕРРИТОРИИ (ЧАСТЬ IV)

М.М. Холод

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия;
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

E-mail: mmkholod@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6834-2010

Настоящий очерк является четвертой частью в серии публикаций автора, посвященных региональному управлению в державе Александра на уровне сатрапий, а также его отношениям с зависимыми территориями на Востоке. В нем речь идет о следующей группе сатрапий Александра в Азии – от Арии до Бактрии и Согдианы.

Ключевые слова: Александр Великий, империя, держава Ахеменидов, сатрапия, сатрап, администрация, Восточный Иран, Средняя Азия

Настоящий очерк продолжает серию публикаций в *ПИФК*, посвященных региональному управлению в державе Александра на уровне сатрапий, а также его отношениям с зависимыми территориями на Востоке. Тогда как в предыдущих частях, изданных в *ПИФК* 2 (2022), 1 и 4 (2024), был рассмотрен материал, связанный с сатрапиями Александра вплоть до Тапурии[1], в части IV речь пойдет о следующей их группе – от Арии до Бактрии и Согдианы[2].

19. АРИЯ

Первым сатрапом Арии при Александре стал ее прежний сатрап Сатибарзан, который, когда он лично сдался македонскому царю после вступления того в гра-

Данные об авторе. Максим Михайлович Холод – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древней Греции и Рима Института истории СПбГУ, старший научный сотрудник кафедры истории древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории ННГУ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-18-00374-П, выполняемый на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

[1] Холод 2022; 2024а; 2024б.

[2] Сохраняем общую нумерацию разделов с ПИФК 2 (2022), 1 и 4 (2024) и продолжаем с раздела 19.

ницы этой области (лето 330 г. до н.э.)[3], был сохранен на своем посту (Arr. Anab. III. 25. 1–2; Curt. VI. 6. 13)[4]. Вместе с Сатибарзаном Александр послал вперед небольшой отряд – из 40 всадников – под командованием гетайра Анаксиппа, чтобы, по словам Арриана, с их помощью уберечь от насилия жителей провинции во время прохождения по ее землям македонской армии (Anab. III. 25. 2).

Тогда как Александр двинулся с армией дальше, Анаксипп со своим отрядом остался в Арии. Каковым было здесь его положение, неясно. Но, думается, едва ли он был назначен Александром на пост «наблюдателя» (ἐπίσκοπος) при Сатибарзане (подобно Тлеполему при сатрапе Парфии и Гиркании, а также Нилоксену при сатрапе Парапамисад), как нередко считают[5]: очевидно, что эта точка зрения ничем не подтверждается. Поскольку Александр прибегал к назначению «наблюдателей», по всей вероятности, весьма редко[6], похоже, что Анаксиппу было предписано остаться в провинции Сатибарзана, чтобы возглавить в ней оккупационные войска, которые македонский царь, как и в других своих сатрапиях, наверняка намеревался тут разместить (не исключено, что Арриан просто опустил соответствующую информацию)[7]. И если так, понятно, что в распоряжении Анаксиппа должны были находиться в дальнейшем бóльшие воинские силы, чем столь малочисленный отряд, который уже был поставлен под его командование. И потому следует полагать, что Александр собирался послать их к нему несколько позднее, не предвидя пока какой-то угрозы для македонской власти в этой области.

Того мнения, что Анаксипп должен был командовать в Арии оккупационными войсками, придерживается и Б. Босуорт. Правда, он в то же самое время допускает, что Анаксипп был оставлен при Сатибарзане в качестве именно «наблюдателя»: как в этом, так и в других случаях (т.е. в Парфии и Гиркании, а также Парапамисадах) ученый, по сути дела, ставит знак равенства между «наблюдателями» и главами оккупационных войск, хотя и указывает, что первые должны были играть роль независимых «сторожевых псов» Александра при сатрапах восточного происхождения, к которым они были приставлены[8].

На наш взгляд, согласиться с Б. Босуортом в данной связи сложно. Помимо того что, повторим это еще раз, нет ничего, что давало бы нам возможность говорить о сходстве положения Анаксиппа с положением обоих известных нам «наблюдателей» – Тлеполема и Нилоксена, разница между постом «наблюдателя» и постом главы оккупационных войск в той или иной сатрапии Александра, кажется, очевидна. Действительно, в то время как командующий оккупационными войсками официально подчинялся сатрапу, в том числе и восточного происхождения (хотя в последнем случае – как это видно из материала, рассмотренного в предыдущих частях нашего исследования, – он мог поступать на деле и вполне самостоятельно), «наблюдатель» был от него полностью независим, отвечая на-

[3] Все даты дальше – до н.э.

[4] О Сатибарзане: Berve 1926/II, 350–351 (№ 697); Heckel 2006, 245; Shayegan 2007, 120.

[5] Berve 1926/II, 37, Anm. 3 (№ 72); Olbrycht 2004, 269; Heckel 2020, 173, n. 10 (ср.: Heckel 2006, 27–28). Относительно Тлеполема см.: Холод 2024b, 97–98; относительно Нилоксена см. ниже.

[6] Суждение М. Ольбрыхта, что «наблюдатели» – начиная с административных назначений Александра в Парфии и Гиркании – стали назначаться им регулярно в сатрапиях Восточного Ирана (Olbrycht 2004, 271), не находит опоры в наших источниках.

[7] Ср.: Bosworth 1980, 355.

[8] Bosworth 1980, 346, 354–355.

прямую перед Александром. К тому же, в отличие от главы оккупационных войск, функции которого ограничивались (по крайней мере, формально) лишь военной сферой, задача «наблюдателя» по контролю за деятельностью сатрапа явно предполагала наличие у него больших полномочий, нежели только военные. «Наблюдатель» не только осуществлял командование оккупационными войсками, размещенными в сатрапии (показательно, что при описании Аррианом соответствующих назначений Тлеполема и Нилоксена главы оккупационных войск вместе с ними не упоминаются – Anab. III. 25. 2; 28. 4), но и, судя по всему, имел право вмешиваться в дела провинции вообще, когда находил, что действия ее сатрапа несут вред македонской власти. Тот же факт, что не «наблюдатель», а сатрап, к которому он был приставлен, считался ответственным за ведение военных операций в своей провинции или где-то поблизости[9], не должен смущать: понятно, что именно сатрап нес ответственность за все, что происходило на вверенной ему территории, тогда как «наблюдатель», выступая гарантом обеспечения здесь македонских интересов, был обязан оказывать ему (если, конечно, тот не занимал враждебной позиции) всяческую помощь, включая и поддержку во время боевых действий войсками, находившимися под его командованием[10].

Вернемся, однако, к Анаксиппу. Судьба его оказалась печальной: отряд, который он возглавлял, был полностью перебит по приказу Сатибарзана. После этого Сатибарзан собрал войско из местных жителей в Артакоане, столице провинции, и, таким образом, поднял мятеж против Александра (Diod. XVII. 78. 1; Arr. Anab. III. 25. 5; Curt. VI. 6. 20). Узнав о случившемся, македонский царь, находившийся тогда на пути в Среднюю Азию, вернулся с армией обратно. Сатибарзан, не решившись вступить с ним в сражение, бежал со своими сторонниками в Бактрию к Бессу (см. ниже), а остальное войско мятежников было разбито (Diod. XVII. 78. 2–4; Arr. Anab. III. 25. 6–7; Curt. VI. 6. 21–34).

Вместо Сатибарзана сатрапом Арии македонский монарх назначил перса Арсака (Arr. Anab. III. 25. 7; ср.: Curt. VII. 3. 1)[11]. Спустя некоторое время Сатибар-

[9] По поводу Фратаферна, сатрапа Парфии и Гиркании, в данной связи см.: Холод 2024b, 98–99; по поводу Тириеспа, сатрапа Парапамисад, см. ниже.

[10] То, что в круг полномочий «наблюдателей» обыкновенно входила и обязанность управления городами, основанными Александром в сатрапиях их пребывания, – такая гипотеза М. Ольбрыхта (Olbrycht 2004, 270–271) не имеет под собой прочной основы, ибо полностью зависит от весьма спорной идентификации «наблюдателя» Нилоксена в Парапамисадах с неким – не названным Арианом по имени – «гиппархом» Александрии Кавказской, который был снят македонским царем с поста за плохое управление ею (см. ниже). (При этом совершенно ясно, что приводимый Ольбрыхтом в поддержку своей гипотезы пассаж их «Индии» Арриана [12. 5], не относится к делу: в нем говорится не о том, что «наблюдатели» у индийцев управляли городами, а о том, что они следили за происходящим в их области и городах и доносили об этом своему царю.) К тому же вес данной гипотезы ослабляется тем обстоятельством, что обязанность управления новыми городами, предполагаемая Ольбрыхтом для «наблюдателей», выглядит стоящей особняком от главной их задачи (и, соответственно, от подчиненных ей их функций) – осуществления контроля за деятельностью сатрапов, к которым они были приставлены. Таким образом, в свете сказанного гипотеза Ольбрыхта представляется недостаточно убедительной. Думается, предпочтительнее считать, что управлением городами, основанными Александром, занимались не «наблюдатели», а особые должностные лица, всякий раз специально им для этого назначаемые.

[11] Berve 1926/II, 80–81 (№ 146); Heckel 2006, 53 [1]; Shayegan 2007, 100–101. По вопросу идентификации этого Арсака с Арсамом, сыном Артабаза, и Арсамом, сатрапом Дрангианы, см. ниже. В свою очередь, см. интересное суждение Б. Босуорта относительно сообщения Юстина о назначении Александром во главе Парфии Андрагора (XII. 4. 12). Согласно Босуорту, Юстин здесь допустил

зан, однако, снова появился в Арии и, действуя как агент Бесса, смог поднять там новое восстание (весна 329 г.). На борьбу с ним Александр теперь направил отдельный воинский корпус под командованием перса Артабаза, а также македонских полководцев Эригия и Карана. Помощь им при этом должен был оказывать Фратаферн, сатрап Парфии и Гиркании[12]. В состоявшейся битве войско Сатибарзана потерпело поражение, а сам он погиб в единоборстве с Эригием (Diod. XVII. 83. 4–6; Arr. Anab. III. 28. 2–3; Curt. VII. 4. 32–38)[13], который привез его голову македонскому царю (Curt. VII. 4. 40).

Когда Александр достиг Окса (лето 329 г.), он направил в Арию Стасанора из Сол Кипрских[14], одного из гетайров, приказав ему арестовать Арсака и занять его место, ибо усомнился в его лояльности (Arr. Anab. III. 29. 5). Почему Александр утратил доверие к Арсаку, неясно. Но, учитывая тот факт, что на момент отправки Стасанора Арсак все еще занимал свой пост, следует исключить возможность, во всяком случае, прямой поддержки им недавнего восстания[15]. Скорее всего, Александр посчитал (похоже, основываясь на донесении его полководцев, прибывших к нему из Арии после победы над Сатибарзаном), что Арсак не проявил себя должным образом в борьбе с мятежниками, заняв тогда нарочито пассивную – предположительно из-за симпатий к ним – позицию[16]. Как бы то ни было, понятно, что македонский монарх теперь отказался от идеи видеть во главе неспокойной Арии кого-то еще из числа персов, поставив ее сатрапом грека-киприота из своего окружения.

путаницу: в оригинальном тексте Помпея Трога могло на самом деле говориться другое – о назначении главой Арии Арсака, предка того Арсака, который позднее выступил против Андрагора (сатрапа Антиоха II Теоса) и основал Парфянскую державу (Bosworth 1980, 357–358).

[12] Об Артабазе см. ниже. Об Эригии: Berve 1926/II, 151–152 (№ 302); Heckel 2006, 119. О Каране: Berve 1926/II, 200–201 (№ 412); Heckel 2006, 78 [2]. Относительно того, что Фратаферн, возможно, так и не принял участие в борьбе с Сатибарзаном, поскольку столкнулся в то время с вторжением в его сатрапию Бразана, еще одного сторонника Бесса, см.: Холод 2024b, 95, прим. 49. Вместе с тем отметим, что, по Диодору (XVII. 81. 3), во главе войск, посланных Александром против Сатибарзана, находились Эригий и Стасанор из Сол (о нем см. ниже). В случае Стасанора это представляется, однако, крайне сомнительным, так как ни Арриан, ни Курций, сравнительно подробно рассказывающие о данной кампании, его не упоминают. Скорее всего, путаница у Диодора произошла в этой связи из-за того, что Стасанор был вскоре назначен Александром сатрапом Арии вместо Арсака, которого к тому же ему было приказано арестовать (см. ниже). Ср.: Berve 1926/II, 361 (№ 719); Heckel 2006, 341, n. 694; 2020, 173, n. 7; Mendoza Sanahuja 2017, 47, n. 29.

[13] Толкование этого единоборства как проявления весьма древнего обычая схватки двух героев-вождей, которая должна была определить исход сражения между противоборствующими войсками, см.: Tumans 2019, 1306.

[14] Обычно считается, что Стасанор принадлежал к царскому дому Сол (более того, иногда предполагают – как, например, Г. Берве, – что он являлся младшим братом Пасикрата, царя Сол). Несмотря на то что это всего лишь гипотеза, под которую невозможно подвести прочное основание (Стоянов 2016a), принадлежность Стасанора к кругу солийской знати бесспорна. О нем и его деятельности на службе у Александра см.: Berve 1926/II, 361–362 (№ 719); Heckel 2006, 255; Mendoza Sanahuja 2017, 47–48. Об отношениях Александра и царств Кипра см. в одной из следующих частей.

[15] Иначе (и, по нашему мнению, ошибочно): Berve 1926/II, 81 (№ 146); Heckel 2020, 174, n. 12. К этому см. также следующее прим.

[16] Очень может быть, что как раз на такую позицию Арсака и указывает Арриан, используя в своем сообщении о том, почему Александр решил снять того с его поста, глагол ἐθελοκακεῖν (Bosworth 1980, 374; 1981, 20–21). Ср. со случаем Оксидата, сатрапа Мидии (Холод 2024b, 96), когда в связи с объяснением смещения его македонским царем Арриан употребляет тот же самый глагол (Anab. IV. 18. 3).

И надо сказать, что на этот раз выбор Александра оказался удачным. Действительно, Стасанор смог удержать за собой полученный пост вплоть до смерти македонского царя (Diod. XVIII. 3. 3; к этому см. также: Dexipp. FGrHist. 100 F 8.6; Just. XIII. 4. 23), не только не допустив более восстаний во вверенной ему сатрапии, но и с успехом выполняя возлагавшиеся на него поручения: когда Александр находился либо в Бактрах (зима 329/328 г.), либо в Наутаке (зима 328/327 г.), он привел к нему в цепях Арсака (Arr. Anab. IV. 7. 1; 18. 1)[17]; по распоряжению македонского царя, отданному в Наутаке (зима 328/327 г.), Стасанор сменил Арсама, сатрапа Дрангианы, получив теперь управление и над этой областью (см. ниже); по возвращении македонского царя в Карманию (конец 325 г.) он – во исполнение приказа, который Александр во время похода через пустынную часть Гедросии направил ему и ряду других сатрапов, – доставил провиант для армии, верблюдов и вьючных животных (Arr. Anab. VI. 27. 3, 6; ср.: Curt. IX. 10. 18)[18]; кроме того, в числе тех сатрапов, которые прибыли к македонскому царю в Сузы (весна 324 г.) (Arr. Anab. VII. 6. 1), вполне мог быть и Стасанор, который, если так, сопровождал пополнения для армии Александра, набранные в его провинции – Арии и Дрангиане (ср.: Arr. Anab. VII. 6. 3)[19].

Территория сатрапии Ария была расширена Александром: зимой 328/327 г. к ней была присоединена Дрангиана (см. ниже). О македонских оккупационных войсках в этой провинции ничего не известно. Но вполне возможно, что после событий, связанных с борьбой против Сатибарзана, какие-то формирования такого рода были там все же размещены. Кроме того, надо полагать, что некоторое количество воинов – если не полностью, то, по крайней мере, в большинстве своем из числа греческих наемников на службе македонского царя – должно было остаться в качестве колонистов и в основанной им Александрии в Арии[20].

20. ДРАНГИАНА

Известно, что накануне македонского завоевания Дрангиана образовывала вместе с Арахосией единую сатрапию (Arr. Anab. III. 8. 4; 21. 1; 25. 8; Curt. VI. 6. 36), а потом была присоединена Александром к Арии (Arr. Anab. VI. 27. 3; Diod. XVIII. 3. 3; к этому см. также: Dexipp. FGrHist. 100 F 8. 6; Just. XIII. 4. 22). Остается, однако, неясным, когда именно такое присоединение произошло.

Ключевым для решения данного вопроса является пассаж из рассказа Курция об изменениях административного характера, произведенных македонским царем зимой 328/327 г. в Наутаке. В этом пассаже говорится: «На место Арсама, префек-

[17] Согласно Б. Босуорту, это должно было произойти не в Бактрах, а именно в Наутаке (Bosworth 1981, 19–23; 1995, 38–39). По поводу данного суждения Босуорта см.: Холод 2024b, 99, прим. 50.

[18] Как и Фарисман, сын Фратаферна, или же сам Фратаферн вместе с сыном (Холод 2024b, 99).

[19] Ср.: Bosworth 1995, 276.

[20] Об Александрии в Арии см.: Кошеленко 1979, 136–137; Fraser 1996, 109–116; Olbrycht 2004, 222–231; Cohen 2013, 260–261; Lerner 2018, 113; Giangiulio 2020, 182, 185, 191–192. Кроме того, как полагает М. Ольбрыхт, Александр основал в Арии еще один город – Гераклею (Olbrycht 2004, 231–232; между тем ср.: Cohen 2013, 274–276). Что же касается состава колонистов в городах и поселениях, основанных Александром на Востоке, включая Александрию в Арии, то об этом в общем позволяют судить соответствующие сообщения, время от времени встречающиеся в наших источниках, к примеру, в связи с Александрией Кавказской и Александрией Эсхатой (относительно этих двух городов – ниже). По данному вопросу см. теперь: Olbrycht 2004, 265–268; 2006–2007, 163–164; 2015.

та дрангов, был назначен Стасанор…» (VIII. 3. 17: *Arsami, Drangarum praefecto, substitutus est Stasanor*…)[21]. О назначении тогда Стасанора главой Дрангианы сообщает и Арриан, который при этом, правда, не упоминает Арсама (либо кого-то другого, кого Стасанор должен был здесь заместить): «Стасанора же он посылает к дрангам сатрапом…» (Anab. IV. 18. 3: Στασάνορα δέ ἐς Δράγγας σατράπην ἐκπέμπει…). Поскольку Стасанор на тот момент уже являлся сатрапом Арии (с лета 329 г.) (см. выше), казалось бы, получается, что Дрангиана была присоединена к ней только сейчас, а до того существовала как отдельная сатрапия (логично считать, что со времени ее перехода под власть македонского царя, т.е. с конца 330 г.), во главе которой стоял перс Арсам[22]. (Заметим, что возможность ее нахождения в ту пору все еще в составе Арахосии следует исключить: помимо того что на это ничего не указывает, показательны упоминания в наших источниках данной сатрапии после ее завоевания Александром, в том числе и до зимы 328/327 г., только лишь как Арахосии/арахосиев; см. ниже.)

С такой трактовкой свидетельств Курция и Арриана о Дрангиане, правда, возникает некоторая трудность. Дело в том, что у Курция сразу же вслед за сообщением о назначении македонским царем Стасанора на место Арсама говорится (ошибочно) об отправке им в Мидию Арсака, чтобы он сменил там сатрапа Оксидата (Ibid.), тогда как у Арриана в данной связи фигурирует (и это свидетельство соответствует действительности) не Арсак, а Атропат (Ibid.)[23]. Отсюда можно сделать вывод, что текст Курция в приведенном выше пассаже, где упоминается Арсам, испорчен и требует исправления: Курцию следовало здесь назвать Арсака, но он, допустив по какой-то причине путаницу, вначале неточно передал его имя, а дальше привел его – на этот раз в корректной форме – вместо Атропата. И если так, то у Курция в этом пассаже речь должна идти о назначении Стасанора на место именно Арсака, причем в качестве сатрапа Арии и Дрангианы, уже объединенных вместе (со времени покорения македонянами последней) в одну провинцию[24].

Позволим себе не согласиться с этой точкой зрения. Думается, что исправлять имя «Арсам» на «Арсак» в данном месте текста Курция нет никакой необходимости (в отличие от следующей его фразы, где под Арсаком нужно подразумевать Атропата), как и нет необходимости считать, что в сатрапию, вверенную теперь в управление Стасанору, Дрангиана уже входила[25].

---

[21] Присутствие здесь слова «префект» не должно смущать, поскольку Курций время от времени использует и это слово для обозначения того или иного сатрапа (см., к примеру: V. 8. 5; IX. 10. 20; X. 1. 20).

[22] К этому также см.: Curt. VII. 3. 1, с исправлением сильно испорченного здесь текста, предложенным Э. Хедике в его издании сочинения Курция: … Arsame Drangarum satrape constituto… Необходимо, однако, учитывать, что подобная конъектура далеко не бесспорна, а потому существенной ценности для восстановления реальной картины событий не представляет.

[23] Относительно замещения в Мидии сатрапа Оксидата Атропатом см.: Холод 2024b, 96–97.

[24] См., в частности: Jacobs 1994, 75; Heckel 2006, 53; 2020, 173–174; Shayegan 2007, 100–101; Nawotka 2010, 268; Wheatley, Heckel 2011, 113. Непонятной при этом остается точка зрения Г. Берве: отрицая историчность Арсама как сатрапа Дрангианы, он вместе с тем считает, что эта область была присоединена к Арии только лишь при Стасаноре, сразу после замещения им Арсака (Berve 1926/I, 266; 1926/II, 81, Anm. 1 [№ 146], 361–362 [№ 719]). Получается ли тогда, что, по мысли Берве, Дрангиана до тех пор оставалась по-прежнему объединенной в одну сатрапию с Арахосией? Но, если так, с этим явно нельзя согласиться (см. выше).

[25] Подчеркнем, что до нас сходной позиции придерживался уже Б. Босуорт (Bosworth 1980, 367; 1981, 22–23; 1988, 237; 1995, 123; вероятно, вслед за ним кратко: Olbrycht 2004, 239; Mendoza

Во-первых, не видится ничего подозрительного в одновременном нахождении во главе двух соседних провинций людей со сходными именами (Арсака в Арии и Арсама в Дрангиане). В самом деле, помимо того, что имена «Арсак» и «Арсам» – разные (хотя и однокоренные), оба они вовсе не редкие, причем их носители встречаются в том числе и в истории Александра[26]. К тому же к случаю с Арсаком и Арсамом имеется и параллель в решениях о распределении сатрапий в Трипарадисе, когда две провинции, находившиеся поблизости друг от друга, были переданы под власть лиц с похожими именами – Стасанора (Бактрия и Согдиана) и Стасандра (Ария и Дрангиана) (Diod. XVIII. 39. 6; Arr. Succ. 1. 36)[27].

Во-вторых, обращает на себя внимание то, что, как и у Курция, у Арриана в соответствующем пассаже речь идет о назначении Стасанора главой именно Дрангианы. И это представляется совсем не случайным, учитывая, что ранее как Арсак, так и Стасанор назывались Аррианом исключительно сатрапами Арии (без упоминания Дрангианы) (Anab. III. 25. 7; 29. 5; IV. 18. 1; ср.: IV. 7. 1), а после того Стасанор именуется им уже сатрапом Арии и Дрангианы (Anab. VI. 27. 3)[28]. Конечно, и от Арриана, и от Курция отнюдь не всегда стоит ожидать точности в обозначении сатрапий, состоящих из двух основных областей. Но, думается, не в данной связи. Если еще у Курция здесь, в принципе, позволительно допустить приведение анахроничной информации о замещении Арсака Стасанором, ибо прежде об этом он ничего не сообщал, то никак не у Арриана. Действительно, он до того уже не только четко засвидетельствовал назначение Стасанора на место Арсака (Anab. III. 29. 5), но и вдобавок сообщил об аресте и приводе им последнего к Александру то ли еще в Бактры (зима 329/328 г.) (Anab. IV. 7. 1), то ли теперь в Наутаку (зима 328/327 г.) (Anab. IV. 18. 1, 3)[29]. Очевидно, что указывать повторно факт передачи Стасанору в управление сатрапии Арсака (и тем самым как бы перечеркивать сказанное им в данной связи ранее) было бы для Арриана совершенно бессмысленно. Правда, можно предположить, что в источнике Арриана, который он использовал для описания административных распоряжений Александра, сделанных в Наутаке, говорилось все же как раз о таком назначении Стасанора (судя по сходности этого описания с тем, которое представлено в дан-

Sanahuja 2017, 47; ср.: Schmitt 1995). Кроме того, см.: Heckel 2018, 104, 107, где ученый отходит от своего прежнего суждения на этот счет (см. предыдущее прим). Между тем ту аргументацию, которая была приведена Босуортом в данной связи, на наш взгляд, нельзя назвать достаточно полной. Поэтому ниже она будет нами расширена (и отчасти скорректирована).

[26] Об этих именах см.: Justi 1895, 27–29; и теперь: Mayrhofer 1979, 12; Schmitt 2011, 94–95. Для времени Александра: Berve 1926/II, 80–81 (№ 146–149); Heckel 2006, 53–54; Shayegan 2007, 100–101.

[27] О Стасаноре как сатрапе Бактрии и Согдианы см. подробно: Mendoza Sanahuja 2017, 48–67. О Стасандре: Heckel 2006, 255 (то, что киприот Стасандр был родственником Стасанора, – это возможно, но отнюдь не обязательно; см.: Стоянов 2016а, 106–107).

[28] Интересно, что долгое время издатели «Анабасиса» Арриана (вслед за Н. Бланкаром) исправляли везде в его тексте имя сатрапа Арии с «Арсак» на «Арсам», полагая, что здесь имеется в виду сын Артабаза Арсам (о нем см.: Berve 1926/II, 81 [№ 148]; Heckel 2006, 54 [2]; Shayegan 2007, 101). Отсюда, к примеру: Droysen 1877 I/2, 8, 34, 39, 64; Niese 1893, 110, 114, 121, Anm. 2; Julien 1914, 38; ср.: Jacobs 1994, 75. К своему первоначальному виду текст был возвращен в данном случае (и совершенно справедливо) только лишь А. Роосом в его издании «Анабасиса» Арриана. Действительно, трудно представить, чтобы Арриан, незадолго до того упоминавший Арсама, сына Артабаза (Anab. III. 23. 7), дальше назвал его просто «мужем персом» (Anab. III. 25. 7: ἄνδρα Πέρσην), не указав, к чьей семье он принадлежал (Berve 1926/II, 81 [№ 146]; Heckel 2006, 53 [1]; 2018, 107, n. 55).

[29] Относительно того, куда именно был приведен Стасанором Арсак – в Бактры или Наутаку, см. выше.

ной связи у Курция, у них здесь, кажется, был общий источник). И если так, то выходит, что Арриан, чтобы данная информация не противоречила его прежним сообщениям о Стасаноре, взятым им из другого источника, несколько ее изменил, опустив у себя имя Арсака, а Курций допустил неаккуратность, назвав его Арсамом. Впрочем, надо признать, что подобное предположение – чисто умозрительное, к тому же допускающее неточную в данной связи передачу текста одного источника сразу и Аррианом, и Курцием. Кроме того, оно ослабляется и следующим обстоятельством: оба наши автора говорят здесь о назначении Александром Стасанора сатрапом Дрангианы, а не Арии, т.е. главной в административно-политическом отношении области провинции, что не совсем обычно даже при допущении усеченного в данном случае ее описания.

Таким образом, на наш взгляд, есть все основания считать, что присоединение Дрангианы к Арии имело место не раньше зимы 328/327 г., когда Александр в Наутаке передал ее в управление Стасанору, а до тех пор, с конца 330 г., она, оторгнутая македонским царем от провинции Арахосия, являлась самостоятельной сатрапией, главой которой был некий перс Арсам[30].

Почему Александр сделал Дрангиану отдельной провинцией, думается, в общем понятно. Надо полагать, что после мятежа Сатибарзана в Арии (см. выше) македонский монарх не решился присоединить к ней Дрангиану, как и не решился сохранить ее в составе Арахосии, найдя, скорее всего, рискованным в тогдашней ситуации оставлять эту крупную персидскую сатрапию целиком в руках одного человека (к тому же у Александра пока не могло быть уверенности насчет того, примет ли население собственно Арахосии благожелательно его власть или нет, в том числе и из-за антимакедонской позиции ее прежнего сатрапа Барсаента)[31]. Поэтому Дрангиана была поставлена под управление перса Арсама, а Арахосия – немногим позднее – македонянина Менона, снабженного для обеспечения ее большей безопасности (а также в случае необходимости наверняка и соседних земель, включая Дрангиану) значительными воинскими силами (см. ниже). Что же касается последующего решения Александра об упразднении Дрангианы как самостоятельной сатрапии, то оно, насколько можно судить, было продиктовано не только общим соображением об отсутствии в ней теперь, когда весь этот регион, к которому она относилась, был замирен, особой необходимости, но и вполне конкретной причиной – недовольством македонского царя тем, как ею управлял Арсам (иначе у Александра, разумеется, не появилось бы намерения его сменить). При этом очень похоже, что выбор македонского царя в качестве преемника Арсама именно Стасанора был обусловлен недавними успехами последнего по наведению порядка в своей провинции, о чем он сообщил Александру как раз в Наутаке (Arr. Anab. IV. 18. 1)[32]: подобного рода успехи Стасанора должны были сделать

[30] Являлся ли он сыном Артабаза, как теперь допускает В. Хэкел (Heckel 2018, 104, 107; 2020, 170, n. 55; иначе: Berve 1926/II, 81 [№ 148]; Heckel 2006, 54 [2]; Shayegan 2007, 101), либо каким-то иным персидским вельможей, носившим то же имя, неясно: при нынешнем состоянии наших источников ответить на этот вопрос сколько-нибудь однозначно не представляется возможным.

[31] О нем: Berve 1926/II, 102 (№ 205); Heckel 2006, 69; Shayegan 2007, 104–105.

[32] Даже если Стасанор привел арестованного им Арсака к Александру все-таки не сюда, а еще в Бактры (см. по этому вопросу выше), очевидно, что именно в Наутаке он должен был дать окончательный отчет об успешном выполнении им распоряжений македонского царя относительно урегулирования дел в Арии. См. в данной связи слова Арриана о том, что к македонскому царю в Наутаку

его в глазах македонского монарха наиболее подходящим лицом для управления теперь не только Арией, но и Дрангианой, способным впредь поддерживать прочный контроль уже над обеими этими областями[33].

Были ли в Дрангиане размещены Александром какие-то оккупационные войска, неизвестно. Однако поскольку стоит полагать, что македонский царь основал на месте ее столицы Фрады/Фра Александрию/Профтасию, реорганизовав прежний город, то в нем в качестве поселенцев, по всей вероятности, должно было остаться и некоторое количество ветеранов Александра – то ли преимущественно, то ли исключительно из числа его греческих наемников[34].

21. АРАХОСИЯ

Когда Александр подчинил Арахосию (зима 330/329 г.), он не стал присоединять к ней обратно уже завоеванную Дрангиану, сделав ту поначалу отдельной сатрапией (см. выше). Во главе Арахосии Александр назначил македонянина Менона (Arr. Anab. III. 28. 1; Curt. VII. 3. 5)[35] и оставил здесь крупные оккупационные войска – 4 тыс. пехотинцев и 600 всадников (Curt. VII. 3. 5).

Причина назначения сатрапом Арахосии македонянина (вразрез с уже четко обозначившейся к тому времени у Александра тенденцией к тому, чтобы ставить во главе новозахваченных провинций представителей восточной/персидской знати), а равно и размещения здесь такого количества войск, на наш взгляд, ясна. Это – стремление Александра установить над Арахосией насколько можно более надежный контроль ввиду ее важного стратегического положения[36], – обстоятельства, которое македонскому царю, направлявшемуся на покорение Бактрии, приходилось учитывать тогда особенно. К тому же после мятежа Сатибарзана (см. выше) у Александра не могло быть уверенности в прочности его власти не только в тех областях, которые лежали непосредственно к западу от Арахосии, т.е. в Арии и Дрангиане, но и в ней самой.

И, как оказалось, не напрасно. Есть основания полагать, что в числе тех восточноиранских сатрапий державы Александра, в которых вскоре – по инициативе Бесса – были предприняты попытки ликвидировать македонское присутствие[37], была и Арахосия. В данной связи обращают на себя внимание слова Курция, в которых он называет ее прежнего сатрапа Барсаента «виновником отпадения у арахосиев» (VIII. 13. 3: *defectionis Arachosiis auctor*). Отсюда можно заключить, что Барсаент, нашедший убежище при вступлении Александра в Арахосию в индийских землях, позднее, скорее всего, уже весной 329 г., вернулся обратно и попытался поднять здесь восстание. Однако в итоге – явно из-за противодействия ему войск Менона – он потерпел неудачу, после чего был вынужден снова бежать к

прибыл ряд лиц, включая и Стасанора, «после того, как все, что было приказано Александром, было ими исполнено» (Anab. IV. 18. 1: πεπραγμένων σφίσι πάντων ὅσα ἐξ Ἀλεξάνδρου ἐτέτακτο).

[33] Насчет причин выделения Дрангианы вначале в самостоятельную сатрапию, а позднее ее присоединения Александром к Арии ср.: Bosworth 1981, 22–23.

[34] Об Александрии/Профтасии см.: Кошеленко 1979, 137–138; Fraser 1996, 123–130; Olbrycht 2004, 233–239; Cohen 2013, 283–286; Lerner 2018, 113; Giangiulio 2020, 182, 185–186, 191.

[35] Berve 1926/II, 259 (№ 515); Heckel 2006, 166 [2].

[36] Помимо пути в Бактрию, через нее шел основной путь, связывающий Иранское плато и Индию. Об этом особенно: Vogelsang 1992, 47–51; кроме того, см.: Bernard 2005, 13, 17; Mairs 2011, 182.

[37] В связи с Парфией и Гирканией см.: Холод 2024b, 98; в связи с Арией см. выше.

индийцам[38]. Не исключено, что под командованием Менона во время его борьбы с Барсаентом находился и воинский контингент, сформированный им из местных жителей. Во всяком случае, известно, что всадники арахосии принимали участие в индийской кампании Александра (Arr. Anab. V. 11. 3), а значит, были набраны и посланы Мененом к македонскому царю еще до ее начала.

Пост сатрапа оставался за Мененом, пока тот не умер от болезни (конец 325 – начало 324 гг.) (Curt. IX. 10. 20). После этого Арахосия была передана Александром в управление македонянину Сибиртию, на тот момент ставшему сатрапом Гедросии (конец 325 – начало 324 гг.) (см. в следующей части)[39], и он возглавлял обе эти области уже вплоть до смерти Александра (Diod. XVIII. 3. 3; к этому см. также: Dexipp. FGrHist. 100 F 8.6; Just. XIII. 4. 22). О деятельности Сибиртия в качестве главы Арахосии и Гедросии, объединенных в одну сатрапию, информации нет. Но очень может быть, что в числе тех сатрапов, которые прибыли к Александру в Сузы (весна 324 г.) (Arr. Anab. VII. 6. 1), приведя к нему туда пополнения из своих провинций, был и он (ср.: Arr. Anab. VII. 6. 3)[40].

Какой город являлся тогда столицей провинции, неизвестно. Однако не исключено, что им стала основанная македонским царем в Арахосии Александрия/Александрополь. Вероятно, что поселенцами в этом новом городе были воины, оставленные в сатрапии вместе с Мененом (скорее всего, часть его греческих наемников)[41].

22. ПАРАПАМИСАДЫ

Находясь в области этого дикого племени (по-видимому, фактически неподконтрольного ранее Ахеменидам)[42], Александр выделил ее – из-за ее особого стратегического положения[43] – в отдельную сатрапию и назначил управлять ею перса Проекса (весна 329 г.)[44]. К Проексу был приставлен в качестве «наблюда-

[38] О его бегстве в Индию: Arr. Anab. III. 25. 8; Curt. VI. 6. 36; VIII. 13. 3–4, где, по-видимому, два его бегства слиты в одно. Интересно отметить, что приведенные выше слова Курция учеными игнорируются (см., к примеру: Berve 1926/II, 102 [№ 205]; Heckel 2006, 69; Shayegan 2007, 104–105). То, что выступление Барсаента в Арахосии логичнее связывать именно с попытками Бесса по организации антимакедонских восстаний в ряде других восточноиранских сатрапий державы Александра, – это кажется очевидным. Тогда, помимо прочего, можно легко понять, почему Барсаент не остался вместе с Бессом в Бактрии (Diod. XVII. 74. 1), но поспешил отбыть в свою сатрапию, а также и тот факт, что Менон с его крупным воинским контингентом не был привлечен к борьбе против Сатибарзана в Арии (см. выше).

[39] Укажем вместе с тем, что до того, как Сибиртий получил назначение в Гедросию, он короткое время занимал пост сатрапа Кармании (Холод 2024b, 93). О нем: Berve 1926/II, 353 (№ 703); Heckel 2006, 248–249.

[40] Ср.: Bosworth 1995, 276.

[41] Seibert 1985, 213; ср.: Bernard 2005, 17. Об Александрии/Александрополе в Арахосии см.: Кошеленко 1979, 138–141; Fraser 1996, 132–140; Olbrycht 2004, 244–250; Cohen 2013, 255–260; Lerner 2018, 118; Giangiulio 2020, 182–183, 186, 191. Основал ли македонский царь в этом регионе еще один город, так называемую Александрию в Сакастане, – вопрос, остающийся спорным. В данной связи см.: Кошеленко 1979, 141–142; Fraser 1996, 125–128, 136–139; Olbrycht 2004, 239–244; Cohen 2013, 244–245; Lerner 2018, 111, n. 12.

[42] См., в частности: Julien 1914, 41–42; Wheatley, Heckel 2011, 111.

[43] Здесь проходил горный отрезок путей, ведущих с Иранского плато в Бактрию и Индию, а также из Бактрии в Индию. Подробнее: Vogelsang 1992, 51–52.

[44] Berve 1926/II, 327 (№ 658); Heckel 2006, 232; Shayegan 2007, 118–119.

теля» (ἐπίσκοπος) Нилоксен, сын Сатира, один из гетайров, главной задачей которого, насколько можно судить, было осуществление надзора за деятельностью сатрапа (Arr. Anab. III. 28. 4)[45].

С ними – а точнее, явно под прямым командованием Нилоксена – в этой провинции были размещены оккупационные войска (Ibid.), о численности которых, правда, нет никакой информации. Более того, довольно значительное количество воинов было поселено македонским монархом в основанной им здесь Александрии Кавказской: вначале это были македоняне и, скорее всего, греческие наемники, пожелавшие в ней остаться (Curt. VII. 3. 23)[46], а в 327 г. – еще и негодные к службе воины (Arr. Anab. IV. 22. 5). В свою очередь, какое-то число греческих наемников было оставлено Александром в качестве поселенцев и в другом – не известном нам по названию – поселении, заложенном им в 329 г. неподалеку от этой Александрии (Diod. XVII. 83. 2)[47], а кроме того, по всей вероятности, в Никее, которая (если только она не идентична безымянному поселению, упомянутому Диодором) была основана им в то же самое время (Arr. Anab. IV. 22. 6)[48].

Когда Александр снова проходил через эту область (лето 327 г.), он назначил в ней нового сатрапа – Тириеспа, предположительно тоже перса (Arr. Anab. IV. 22. 5)[49]. Судьба Проекса неизвестна. Неясно и то, что случилось с Нилоксеном. Его идентификация с неким «гипархом», который, согласно Арриану, был прежде поставлен македонским царем над Александрией Кавказской, а теперь был им снят с поста, ибо плохо справлялся со своими делами (Anab. IV. 22. 4), спорна[50]. Поэтому сказать однозначно, перешли ли тогда все полномочия Нилоксена к гетайру Никанору, который сменил отставленного Александром «гипарха» (Arr. Anab. IV. 22. 5), нельзя[51]. Так или иначе, Никанор вскоре получил новое назначение, став сатрапом земель к западу от Инда (см. ниже). Что же касается Тириеспа, то

[45] О Нилоксене: Berve 1926/II, 272–273 (№ 545); Heckel 2006, 174. Относительно его функций «наблюдателя» при сатрапе см. выше.

[46] Насчет того, что сообщение Курция о составе поселенцев Александрии Кавказской, представленное в традиционном тексте его сочинения, испорчено, а также предлагаемых его исправлениях см.: Olbrycht 2004, 261–262. Об Александрии Кавказской см.: Кошеленко 1979, 142–145; Fraser 1996, 140–151; Olbrycht 2004, 250–255; Cohen 2013, 263–269; Lerner 2018, 117; Giangiulio 2020, 183, 186–187, 193.

[47] Критику точки зрения, что у Диодора в данном случае речь идет о том же самом городе, что и у Курция (VII. 3. 23), т.е. об Александрии Кавказской, см.: Olbrycht 2004, 262–263. Относительно этого поселения, название которого не приводится Диодором, см.: Кошеленко 1979, 145–146; Fraser 1996, 146; Cohen 2013, 265–266; Lerner 2018, 117. Согласно М. Ольбрыхту, возможно, что это – Картана (Olbrycht 2004, 255–257; однако ср.: Cohen 2013, 287).

[48] О Никее см.: Кошеленко 1979, 147–148; Fraser 1996, 145–146; Olbrycht 2004, 259; Cohen 2013, 282–283; Giangiulio 2020, 183–184, 187–188.

[49] Berve 1926/II, 376 (№ 758); Heckel 2006, 269; Shayegan 2007, 125–126. Курций называет его Териольтом.

[50] Точку зрения, что Нилоксен и «гипарх» Александрии Кавказской – один и тот же человек, см.: Berve 1926/II, 272–273 (№ 545); Jacobs 1994, 76–77; Olbrycht 2004, 270; Heckel 2006, 174; Shayegan 2007, 119; два разных: Bosworth 1995, 145. Ответить определенно на данный вопрос, к сожалению, не представляется возможным. Имея, однако, в виду, что управление новым городом, как кажется, трудно согласуется с функциями Нилоксена в качестве «наблюдателя» при сатрапе (см. выше) (если, конечно, Арриан не акцентирует здесь внимание на специальном поручении, данном ему ранее, неудовлетворительное исполнение которого и вызвало недовольство македонского царя), мнение о «гипархе» Александрии Кавказской как особом должностном лице выглядит, на наш взгляд, более состоятельным.

[51] То, что Никанор сменил именно Нилоксена, – этого суждения придерживаются: Berve 1926/II, 275–276 (№ 556); Jacobs 1994, 77; Olbrycht 2004, 270; Heckel 2006, 177 [6]. О том, что он занял место все-таки некого «гипарха» Александрии Кавказской, см.: Bosworth 1995, 145.

он упоминается далее в связи со следующим событием: когда ассакены, убив, по словам Арриана, «их гипарха» (τόν τε ὕπαρχον σφῶν) (которого, как правило, отождествляют с Никанором), подняли восстание против Александра (326 г.), в его подавлении участвовал не только Филипп, сатрап земель к востоку от Инда (см. ниже), но и Тириесп (Arr. Anab. V. 20. 7)[52]. Не исключено, что в этой военной экспедиции в распоряжении Тириеспа, помимо македонских войск, оставленных в его провинции, был и отряд, набранный из парапамисадов. Впрочем, если так, то он навряд ли был большим, в том числе потому, что некоторое количество всадников парапамисадов было уже привлечено в армию Александра для участия в его индийской кампании (Arr. Anab. V. 11. 3).

Тириесп оставался во главе своей сатрапии сравнительно недолго: в конце зимы – начале весны 325 г. из-за неспособности должным образом управлять ею, а также жалоб на него местных жителей он был смещен Александром и затем, после произведенного разбирательства, казнен (Arr. Anab. VI. 15. 3; Curt. IX. 8. 9). Его место тогда занял представитель бактрийской или согдийской знати Оксиарт, тесть македонского царя (Arr. Anab. VI. 15. 3; ср.: Curt. IX. 8. 10; Arr. Anab. VI. 15. 4)[53]. И он возглавлял эту провинцию уже вплоть до смерти Александра (Diod. XVIII. 3. 3; к этому см. также: Dexipp. FGrHist. 100 F 8.5; Just. XIII. 4. 21; ср.: Curt. X. 10. 4). Столица сатрапии неизвестна (очень может быть, что ею стала Александрия Кавказская)[54].

[52] Насчет того, что Арриан использует слова «гипарх» и «сатрап» подчас синонимично, см. теперь: Kholod 2021a, 519–520, 525–526; 2021b, 228–229, 233–234. Отождествление «гипарха», убитого ассакенами, с Никанором см., к примеру: Berve 1926/II, 276 (№ 556); Jacobs 1994, 78; Heckel 2006, 177 [6]. Попытка Б. Босуорта доказать, что этот «гипарх» – собственный правитель ассакенов, убитый ими из-за их недовольства его сотрудничеством с македонянами (Bosworth 1995, 321–322; ср.: 1983, 37–38), выглядит явно надуманной. Против такого суждения достаточно привести всего лишь один аргумент: восстание ассакенов, чьи земли относились к сатрапии Никанора, подавлялось не им, а Тириеспом и Филиппом, т.е. главами соседних провинций, из чего логично заключить, что он был на тот момент мертв, скорее всего, как раз и убит ассакенами (учитывая, что, кроме данного восстания, ни о каких других подходящих для этого событиях в его сатрапии, нам более не известно). То же, что Никанор мог быть тогда – из-за его поведения, вызвавшего сомнения Александра в его способности решить дело с успехом, – просто не привлечен к командованию войсками, подобно Арсаку во время борьбы против Сатибарзана в Арии (см. выше), – такое объяснение Босуортом отсутствия упоминания Никанора в связи с подавлением восстания ассакенов выглядит малоубедительным. Действительно, случай с Арсаком – совершенно иной, а следовательно, привлекать его в качестве параллели в данном отношении некорректно: Арсак был персом, и именно поэтому для Александра в той трудной ситуации, которая сложилась в Арии в начале 329 г., было целесообразнее отдать командование войсками в руки тех, кому он доверял, т.е. прежде всего македонских полководцев, судя по всему, фактически и руководивших военными действиями против Сатибарзана. Кроме того, не известно ни одного случая, чтобы Александр отстранял кого-то из своих сатрапов македонского/греческого происхождения от командования региональными контингентами, когда возникала необходимость вести боевые действия или непосредственно во вверенных им провинциях, или где-то поблизости.

[53] Об Оксиарте в общем: Berve 1926/II, 292–293 (№ 587); Heckel 2006, 187–188; Shayegan 2007, 115. В том, что в сообщении Курция (IX. 8. 10) присутствует значительная путаница (хотя и проглядывается факт назначения Оксиарта на пост Тириеспа), сомневаться не приходится. Относительно явной порчи текста Арриана в месте (Anab. VI. 15. 4), из которого следует (вопреки VI. 15. 3), что Оксиарту совместно с Пифоном, сыном Агенора, были переданы в управление земли по нижнему течению Инда (об этой сатрапии – в следующей части), см. прежде всего: Anspach 1903, 115–116, n. 365 (далее отражено в издании «Анабасиса» Арриана, подготовленном А. Роосом). Сходную позицию (с признанием ошибочности присутствующего здесь свидетельства) см., в частности: Berve 1926/II, 293, Anm. 1 (№ 587); Heckel 2006, 187; Wheatley, Heckel 2011, 110.

[54] Seibert 1985, 213; Lerner 2018, 117, n. 80.

23. БАКТРИЯ И СОГДИАНА

По вступлении македонян в Бактрию главой этой области, а вслед за занятием ими Согдианы и сатрапии в целом Александр назначил Артабаза, сына Фарнабаза, одного из наиболее именитых персидских вельмож (лето 329 г.) (Arr. Anab. III. 29. 1; IV. 15. 5), сдавшегося македонскому царю (вместе с членами своей семьи) в Гиркании вскоре после гибели Дария (Arr. Anab. III. 23. 7; Curt. VI. 5. 1–5)[55].

Чтобы относиться с доверием к Артабазу у Александра, насколько можно судить, были все основания. Помимо того что в свое время Артабаз с семьей нашел убежище и долгое время пребывал в изгнании при дворе Филиппа II (ок. 352 – конец 340-х гг.) (Diod. XVI . 52. 3; Curt. V. 9. 1; VI. 5. 2), а потому должен был сохранять чувство благодарности к представителям дома Аргеадов, включая Александра[56], он до самого конца оставался предан своему суверену Дарию, и это македонский царь, конечно, не мог не оценить по достоинству. К тому же при назначении Артабаза сатрапом Александр должен был учитывать и его враждебное отношение к главному организатору убийства Дария Бессу, которое в основном и привело к тому, что он предпочел сдаться македонскому монарху, а не уходить с Бессом в его сатрапию Бактрию и Согдиану, откуда тот намеревался продолжать борьбу (и где даже провозгласил себя – под именем Артаксеркс [V] – новым персидским царем)[57]. При этом Александр, вероятно, рассчитывал на то, что с помощью Артабаза ему удастся легче выстроить отношения со знатью из вверяемого тому в управление региона и в итоге привлечь ее на свою сторону – как против узурпатора Бесса, так и вообще. Кроме того, на тот момент Александр все еще находился в любовной связи с дочерью Артабаза Барсиной, захваченной в Дамаске после битвы при Иссе, что, кажется, также должно было оказывать влияние на отношение македонского царя к этому вельможе[58]. Наконец, Артабаз успел зарекомендовать себя уже и на службе нового монарха: вместе с Эригием и Караном

[55] Общую информацию об Артабазе см.: Berve 1926/II, 82–84 (№ 152); Heckel 2006, 55; Shayegan 2007, 101–102. Из недавних работ о нем и его клане: Heckel 2018; Müller 2019; 2021; 2023; кроме того, см.: Kholod 2018, 179–182; Hyland 2022.

[56] Конечно, значение этого чувства для Артабаза и членов его клана не следует преувеличивать: до недавних пор оно отнюдь не мешало им самым активным образом участвовать в борьбе против македонян (Müller 2019, 291; 2021, 85; 2023, 390). Но, думается, и совершенно сбрасывать его со щитов тоже не стоит.

[57] О Бессе в общем: Berve 1926/II, 105–108 (№ 212); Heckel 2006, 71–72; Shayegan 2007, 105–107. Насчет провозглашения им себя царем: Diod. XVII. 74. 2; 83. 7; Arr. Anab. III. 25. 3; Curt. VI. 6. 13. Предположение, что в одном из документов (на арамейском языке) из Бактрии (Naveh, Shaked 2006, C 1), датируемом первым годом правления Артаксеркса (стк. 1), под этим именем подразумевается Бесс, фигурирующий дальше как bys (по-видимому, Bayasa) (стк. 2, 51) (Naveh, Shaked 2006, 19, 180; поддержано, к примеру: Shayegan 2007, 106; Mairs 2014, 43; 2016, 2042–2043), кажется маловероятным: то, чтобы Бесс назывался здесь двумя разными именами (тем более что оба эти его имени стоят поблизости друг от друга: стк. 1–2), сомнительно. Скорее всего, речь в данном документе идет о разных людях: вначале об Артаксеркссе IV (Арсесе), сыне Артаксеркса III Оха, а затем действительно о Бессе, по-видимому, уже тогда ставшем сатрапом Бактрии и Согдианы (сходно: Rung 2024, 168). Относительно враждебного отношения Артабаза к Бессу см.: Heckel 2018, 100–104; Müller 2019, 291; 2021, 90; 2023, 388.

[58] Позднее, ок. 327/6 г. (либо – менее вероятно – ок. 325/4 г.) Барсина даже родила от Александра сына, названного Гераклом. О ней см., в частности: Berve 1926/II, 102–104 (№ 206); Ogden 1999, 42–43; Heckel 2006, 70; Müller 2021, 81–96 (где личное расположение Александра к Барсине, думается, излишне принижено).

он с успехом участвовал в борьбе в Арии против мятежного Сатибарзана (хотя очевидно, что участие Артабаза в этой кампании и являлось скорее номинальным, поскольку фактическое руководство боевыми действиями в ней находилось, судя по всему, в руках его македонских «коллег») (см. выше).

Как бы то ни было, но примерно через год после того, как Артабаз стал сатрапом, он попросил Александра освободить его от этой должности якобы из-за возраста (лето 328 г.) (Arr. Anab. IV. 17. 3; Curt. VIII. 1. 19). Очень похоже, что ссылка на возраст выступала в данном случае всего лишь предлогом, так как на тот момент Артабаз был отнюдь не стар (ему было ок. 60 лет)[59]. Стоит предположить, что в действительности эта отставка была обусловлена, с одной стороны, нежеланием Артабаза дальше управлять сатрапией, ставшей теперь крайне беспокойной, а с другой, пониманием самим Александром того, что при сложившемся положении дел, а равно и в перспективе будет гораздо выгоднее, чтобы главенство в ней принадлежало одному из македонских военачальников, т.е. тому, кто, в отличие от сатрапа-перса, пользовался среди воинов его армии неоспоримым авторитетом. Действительно, когда расчет Александра на мирное урегулирование отношений с местной знатью, в том числе с помощью Артабаза, провалился (в случае последнего, насколько можно судить, из-за, как оказалось, отсутствия у него должного влияния в этой части державы Ахеменидов), для македонского царя, думается, стало понятно следующее: чтобы добиться, а затем сохранять прочный контроль над данным регионом, необходимо опираться здесь прежде всего на собственную военную силу[60].

Неудивительно поэтому, что новым главой провинции македонский царь поставил своего видного полководца Клита Черного, сын Дропида (Curt. VIII. 1. 19, 35; 2. 14). Впрочем, Клит занимал этот пост совсем короткое время: как известно, спустя некоторое время он был убит Александром во время ссоры на пиру в Мараканде, главном городе Согдианы (осень 328 г.)[61]. И на этот раз управление сатрапией было отдано в руки македонянина Аминты, сына Николая (Arr. Anab. IV. 17. 3; Curt. VIII. 2. 14, 16)[62].

---

[59] Заявление Курция (VI. 5. 3) о его весьма пожилом возрасте (94 года в 330 г.) ошибочно. О времени рождения Артабаза см. в работах, указанных выше, в прим. 55.

[60] Из этого, однако, вовсе не следует, что Александр с тех пор вообще отбросил попытки договориться с местной знатью мирным образом. Шаги македонского царя в этом направлении четко фиксируются снова где-то с конца 328 г.: его свадьба на Роксане (начало 327 г.), дочери Оксиарта (о нем см. выше), самое наглядное тому доказательство. См., в частности: Holt 1988, 67–70; 2005, 84–93. И все же представляется ясным, что после отставки Артабаза (или даже несколько раньше) приоритет македонским царем был отдан опоре в данном регионе на военную силу. Относительно причин отставки Артабаза ср.: Bosworth 1988, 237; 1995, 118; Holt 2005, 74–75; Heckel 2018, 105–107; Müller 2019, 292.

[61] О Клите Черном в общем: Berve 1926/II, 206–208 (№ 427); Heckel 2006, 86–87. Хотя Курций единственный говорит о назначении Клита сатрапом Бактрии и Согдианы, в этой его информации, на наш взгляд, нет нужды сомневаться. По всей видимости, именно краткостью нахождения Клита на данном посту и объясняется отсутствие упоминания об этом у Арриана (и, кроме Курция, у других античных авторов). Возможно, что Арриан, сфокусировавшись на трагедии на пиру в Мараканде, просто пропустил данный факт (а кто-то из античных авторов счел его неважным). Очень похоже, что такое назначение Клита было результатом намерения Александра под благовидным предлогом удалить еще одного представителя «старой гвардии», как ранее Пармениона (Холод 2024b, 95), от двора. Причем, если так, этого не мог не понимать и сам Клит, что отчасти также должно было подтолкнуть его к выступлению против македонского царя на том злополучном пиру. Ср., в частности: Bosworth 1995, 56; Heckel 2003, 221; Müller 2003, 115; Carney 2015, 141–142.

[62] Berve 1926/II, 30 (№ 60); Heckel 2006, 26 [9].

В наших источниках сохранилась информация лишь о выполнении сатрапами Бактрии и Согдианы военных функций: они были активно задействованы Александром в борьбе с мятежными бактрийцами и согдийцами, т.е. непосредственно участвовали в замирении вверенной им в управление провинции (Артабаз: Arr. Anab. IV. 16. 2–3; Curt. VII. 11. 4, 29; VIII. 1. 10; Аминта: Arr. Anab. IV. 17. 3; Curt. VIII. 2. 16)[63]. При этом известно, что под их командованием находились не только македонские воинские контингенты, но и местные (Arr. Anab. IV. 17. 3)[64], ответственность за формирование которых лежала, несомненно, на все тех же сатрапах.

Когда после усмирения Бактрии и Согдианы Александр покинул регион, направляясь в Индию (конец весны 327 г.), он предоставил в распоряжение Аминты весьма крупные оккупационные войска – 10 000 пехотинцев и 3 500 всадников (Arr. Anab. IV. 22. 3), состоявшие, по всей вероятности, главным образом из греческих наемников. К ним добавлялись еще и колонисты – македоняне, более негодные к службе в армии, но, насколько можно судить, преимущественно опять-таки греческие наемники, – оставленные как в старых, так и в основанных Александром в этой провинции городах и поселениях, в том числе в Александрии Эсхате (Arr. Anab. IV. 4. 1; ср.: Curt. VII. 6. 27; Just. XII. 5. 12)[65], а также воины гарнизонов, установленных в целом ряде здешних укрепленных пунктов[66]. Очевидно, что

[63] Из-за краткости нахождения Клита на посту сатрапа Бактрии и Согдианы у нас не сохранилось сведений о его военной деятельности в этот период. Но то, что он ее осуществлял тогда (и если бы не был убит, то осуществлял бы и дальше), – в этом нет никаких сомнений.

[64] К этому см.: Bosworth 1995, 119.

[65] О ней см.: Кошеленко 1979, 156–158; Fraser 1996, 151–153; Olbrycht 2004, 263–264; Cohen 2013, 252–255; Lerner 2018, 114–116; Giangiulio 2020, 184, 188, 192. Сколько всего городов было основано Александром в Бактрии и Согдиане, сказать трудно: очевидно, что на цифры, приводимые на данный счет некоторыми древними авторами (Strab. XI. 11. 4. 517; Just. XII. 5. 13; ср.: Plut. De fort. Alex. I. 5. 328f), полагаться не следует. Не менее трудно решается вопрос и о достоверности свидетельств нашей традиции относительно каждого из тех городов в этом регионе, основание которых в ней приписывается Александру, не говоря уже проблеме их локализации. Отсюда – непрекращающиеся в науке споры по данному поводу. В этой связи об Александрии на Оксе см.: Кошеленко 1979, 153–156; Fraser 1996, 153–156; Cohen 2013, 269–271; Lerner 2018, 114; об Александрии у Бактр (κατὰ Βάκτρα): Кошеленко 1979, 148–149; Fraser 1996, 153–156; Cohen 2013, 262–263; Lerner 2018, 116–117; об Александрии в Маргиане: Кошеленко 1979, 150–153; Fraser 1996, 116–118; Olbrycht 2004, 211–222; Cohen 2013, 245–250. К этому также см.: Ртвеладзе 2002; Leriche 2007.

[66] Замечание Юстина, что в городах Бактрии и Согдианы Александр поселил тех из своих воинов, кого считал наиболее склонными к мятежу (XII. 5. 13), если и может быть признано верным, то, конечно, только лишь отчасти. Но то, что многие воины были оставлены им здесь, как и в других его городах, против их воли, – это несомненно (Plut. Alex. 57. 3; Arr. Anab. V. 27. 5; насчет восстания греко-македонских колонистов в Бактрии в 325 г. см. ниже). Об этом: Olbrycht 2004, 265–268; 2015, 429–431, 435–436; кроме того: Billows 1994, 157–160. Что же касается гарнизонов Александра, то их нахождение во время его пребывания в Бактрии и Согдиане зафиксировано в наших источниках в следующих местах: в цитаделях Аорна Бактрийского (Arr. Anab. III. 29. 1; ср.: Curt. VII. 5. 1), Бактр (Arr. Anab. IV. 16. 6–7) и Мараканды (Arr. Anab. IV. 3. 6; 5. 2; Curt. VII. 6. 10, 24), в городах Согдианы (Arr. Anab. IV. 17. 4; ср.: IV. 16. 3), в поселениях-крепостях, заложенных македонянами в Маргиане (либо Маргании/Маргинии) (Curt. VII. 10. 15–16, с учетом рукописной традиции) и, по-видимому, на скале Аримаза (Curt. VII. 11. 29). К тому же известно, что македонские гарнизоны находились в городах на Танаисе/Яксарте (Сырдарье) (Arr. Anab. IV. 1. 4) и в какой-то крепости в Бактрии (Arr. Anab. IV. 16. 4–5). И хотя они были перебиты уже в 329 г. восставшими бактрийцами и согдийцами, не исключено, что затем Александр вернул свои гарнизоны в некоторые из этих мест снова (если, конечно, они все не были стерты с лица земли полностью). После ухода македонского царя из Бактрии и Согдианы в наших источниках упоминается только один его гарнизон в данной сатрапии, а именно в цитадели Бактр (Curt. IX. 7. 1–2). Но едва ли приходится сомневаться в том, что

столь внушительное македонское военное присутствие в Бактрии и Согдиане, не имевшее аналога ни в одной другой провинции державы Александра, было призвано впредь обеспечивать прочный контроль над регионом, покорение которого было достигнуто с очень большим трудом. Тому же явно должно было способствовать и привлечение Александром в армию конных отрядов бактрийцев и согдийцев для участия в его начинавшемся индийском походе (Arr. Anab. V. 12. 2): они не только выполняли воинскую службу, но и, бесспорно, являлись своего рода заложниками верности своих семей македонскому царю.

О дальнейшей судьбе Аминты нам ничего не известно. Полагать[67], что он был убит в 325 г., во время восстания, поднятого из-за слухов о гибели Александра в Индии частью греко-македонских колонистов сатрапии, которым тогда даже удалось захватить Бактры, столицу Бактрии (Diod. XVII. 99. 5–6; Curt. IX. 7. 1–11), едва ли стоит[68]. В самом деле, представляется маловероятным, чтобы такой факт не нашел отражения в имеющихся у нас сообщениях об этом восстании. К тому же если бы Аминта действительно был тогда убит мятежниками, то совершенно очевидно, что Александр не преминул бы наказать их за это самым решительным образом. Но наши источники по данному восстанию, Диодор и Курций, не говорят вообще о каких-то последующих репрессиях против мятежников со стороны македонского царя. Поэтому, на наш взгляд, лучше считать, что, когда это восстание произошло, Аминта либо отсутствовал в Бактрах, находясь где-то в другой части своей сатрапии, либо просто умер еще до него (от болезни?). Как бы то ни было, но на момент распределения провинций в Вавилоне в 323 г. сатрапом Бактрии и Согдианы являлся уже македонянин Филипп[69], за которым его пост был тогда сохранен (Diod. XVIII. 3. 3; к этому см. также: Dexipp. FGrHist. 100 F 8. 6; ср.: Curt. X. 10. 4; Just. XIII. 4. 23). И если так, то, может быть, именно он находился среди тех сатрапов, которые прибыли к македонскому царю в Сузы (весна 324 г.) (Arr. Anab. VII. 6. 1), сопровождая пополнения для его армии, набранные в их провинциях (ср.: Arr. Anab. VII. 6. 3)[70].

гарнизоны, размещенные им до того, продолжали оставаться здесь – по крайней мере, в наиболее важных стратегических пунктах – и позднее. К этому см. также: Plut. Alex. 57. 3, где указанная крепость находилась явно или в Бактрии, или в Согдиане. Вместе с тем археологические исследования (особенно недавнего времени) на правобережье Окса (Амударьи) на юге Узбекистана показывают, что в сатрапии Бактрия и Согдиана Александр использовал для своих гарнизонов не только ранее существовавшие укрепления, но и возводил новые. Действительно, есть все основания полагать, что цитадель Кампыртепа была заложена именно при Александре (Болелов 2013; Ilyasov 2023; ср.: Ртвеладзе 2002, 46–53), как и небольшая крепость, раскопанная сейчас в Курганзоле (Сверчков 2013; Sverchkov, Boroffka 2023). О том, что из себя представляли места, в которых располагались гарнизоны Александра в этом регионе, можно судить также по раскопкам горной крепости Узундара (опять-таки на юге Узбекистана), построенной, правда, немногим позднее, в конце IV – начале III вв. до н.э. (о ней см., в частности: Dvurechenskaya 2019; 2023; Двуреченская и др. 2023, с библиографией).

[67] Как, к примеру: Julien 1914, 43; Berve 1926/II, 30 (№ 60); Holt 1988, 84; Heckel 2006, 26 [9]; ср.: Bosworth 1995, 143; Wheatley, Heckel 2011, 114.

[68] Подробно об этом восстании (и о последующем, случившемся в 323 г.): Кошеленко 1972; 1979, 181–221; Holt 1988, 82–91; 2005, 111–114, 116–117; Iliakis 2013; к тому же см.: Стоянов 2016b.

[69] Berve 1926/II, 387 (№ 785); Heckel 2006, 214 [10].

[70] Ср.: Bosworth 1995, 276.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Anspach, A.E. 1903: *De Alexandri Magni expeditione indica*. Leipzig.
Bernard, P. 2005: Hellenistic Arachosia. A Greek Melting Pot in Action. *East and West* 55, 13–34.
Berve, H. 1926: *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd. I–II. München.
Billows, R. A. 1994: *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden.
Bolelov, S.B. 2013: Kampyrtepa – antichnaya krepost na Okse: stratigraphiya, periodizatsiya, khronologiya [Kampyrtepa, the Ancient Fortress on the Oxus: Stratigraphy, Periodization, Chronology]. *Scripta Antiqua* 3, 75–132.
Болелов, С.Б. 2013: Кампыртепа – античная крепость на Оксе: стратиграфия, периодизация, хронология. *Scripta antiqua* 3, 75–132.
Bosworth, A.B. 1980: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. I. Oxford.
Bosworth, A.B. 1981: A Missing Year in the History of Alexander the Great. *Journal of Hellenic Studies* 101, 17–39.
Bosworth, A.B. 1983: The Indian Satrapies under Alexander the Great. *Antichthon* 17, 37–46.
Bosworth, A.B. 1988: *Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great*. Cambridge.
Bosworth, A.B. 1995: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Vol. II. Oxford.
Carney, E.D. 2015: *King and Court in Ancient Macedonia: Rivalry, Treason and Conspiracy*. Swansea.
Cohen, G.M. 2013: *The Hellenistic Settlements in the East from Armenia and Mesopotamia to Bactria and India*. Berkeley.
Droysen, J.G. 1877: *Geschichte des Hellenismus*. Bd. I. Gotha.
Dvurechenskaya, N.D. 2019: The Hellenistic Fortress of Uzundara. In: C. Baumer, M. Novak (eds.), *Urban Cultures of Central Asia from the Bronze Age to the Karakhanids*. Wiesbaden, 153–162.
Dvurechenskaya, N. 2023: Die hellenistische Festung Uzundara. In: M. Nawroth, M. Wemhoff (Hrsg.), *Archäologische Schätze aus Uzbekistan. Von Alexander dem Großen bis zum Reich der Kuschan*. Berlin, 79–86.
Dvurechenskaya, N.D. et al. (eds.) 2023: *Baktriya.* T. I: *Materialy arkheologicheskikh issledovaniy ellinisticheskoy kreposti Uzundara v 2021 godu* [*Bactria.* Vol. I: *The Materials of Archaeological Investigations of the Hellenistic Fortress of Uzundara in 2021*]. Moscow.
Двуреченская, Н.Д. и др. (ред.) 2023: *Бактрия. Т. I: Материалы археологических исследований эллинистической крепости Узундара в 2021 году*. М.
Fraser, P.M. 1996: *Cities of Alexander the Great*. Oxford.
Giangiulio, M. 2020: Shaping the New World: Once More on the Cities of Alexander. In: K. Trampedach, A. Meeus (eds.), *The Legitimation of Conquest. Monarchical Representation and the Art of Government in the Empire of Alexander the Great*. Stuttgart, 179–194.
Heckel, W. 2003: King and "Companions": Observations on the Nature of Power in the Reign of Alexander. In: J. Roisman (ed.), *Brill's Companion to Alexander the Great*. Leiden, 197–225.
Heckel, W. 2006: *Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire*. Oxford.
Heckel, W. 2018: Artabazos in the Lands Beyond the Caspian. *Anabasis* 9, 93–109.
Heckel, W. 2020: *In the Path of Conquest. Resistance to Alexander the Great*. Oxford.
Holt, F.L. 1988: *Alexander the Great and Bactria. The Formation of a Greek Frontier in Central Asia*. Leiden.
Holt, F.L. 2005: *Into the Land of Bones. Alexander the Great in Afghanistan*. Berkeley.
Hyland, J.O. 2022: Artabazos and the Rhodians. Marriage Alliance and Satrapal Politics in the Late Achaemenid Aegean. *Ktèma* 47, 121–134.
Iliakis, M. 2013: Greek Mercenary Revolts in Bactria: A Re-Appraisal. *Historia* 62, 182–195.

Ilyasov, D. 2023: Kampyrtepa in hellenistischer Zeit. In: M. Nawroth, M. Wemhoff (eds.), *Archäologische Schätze aus Uzbekistan. Von Alexander dem Großen bis zum Reich der Kuschan*. Berlin, 93–98.

Jacobs, B. 1994: *Die Satrapienverwaltung im Perserreich zur Zeit Darius' III*. Wiesbaden.

Julien, P. 1914: *Zur Verwaltung der Satrapien unter Alexander dem Großen*. *Diss. Weida i. Th*.

Justi, F. 1895: *Iranisches Namenbuch*. Marburg.

Kholod, M.M. 2018: Achaemenid Grants of Cities and Lands to Greeks: The Case of Mentor and Memnon of Rhodes. *Greek, Roman and Byzantine Studies* 58, 177–197.

Kholod, M.M. 2021a: The Administration of Syria under Alexander the Great. *Klio. Beiträge zur Alten Geschichte* 103, 505–537.

Kholod, M.M. 2021b: Siriya pri Aleksandre Velikom: problemy administratsii [Syria under Alexander the Great: The Problems of Administration]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 3, 216–244.
Холод, М.М. 2021b: Сирия при Александре Великом: проблемы администрации. *ПИФК* 3, 216–244.

Kholod, M.M. 2022: Imperiya Aleksandra Velikogo: satrapii i zavisimye territorii (chast' I) [Alexander the Great's Empire: Satrapies and Dependent Territories (Part 1)]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 2, 108–126.
Холод, М.М. 2022: Империя Александра Великого: сатрапии и зависимые территории (часть I). *ПИФК* 2, 108–126.

Kholod, M.M. 2024a: Imperiya Aleksandra Velikogo: satrapii i zavisimye territorii (chast' II) [Alexander the Great's Empire: Satrapies and Dependent Territories (Part 2)]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 1, 177–197.
Холод, М.М. 2024a: Империя Александра Великого: сатрапии и зависимые территории (часть II). *ПИФК* 1, 177–197.

Kholod, M.M. 2024b: Imperiya Aleksandra Velikogo: satrapii i zavisimye territorii (chast' III) [Alexander the Great's Empire: Satrapies and Dependent Territories (Part 3)]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 4, 89–102.
Холод, М.М. 2024b: Империя Александра Великого: сатрапии и зависимые территории (часть III). *ПИФК* 4, 89–102.

Koshelenko, G.A. 1972: Vosstanie grekov v Baktrii i Sogdiane 323 g. do n.e. i nekotorye aspekty grecheskoy politicheskoy mysli IV v. do n.e. [The Greek Revolt in Bactria and Sogdiana in 323 BC and Some Aspects of the Greek Poltical Thought in the 4th Century BC]. *Vestnik drevney istorii* [*Jornal of Ancient History*] 1, 59–78.
Кошеленко, Г.А. 1972: Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н.э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н.э. *ВДИ* 1, 59–78.

Koshelenko, G.A. 1979: *Grecheskiy polis na ellinisticheskom Vostoke* [*The Greek Polis in the Hellenistic East*]. Moscow.
Кошеленко, Г.А. 1979: *Греческий полис на эллинистическом Востоке*. М.

Leriche, P. 2007: Bactria, Land of a Thousand Cities. In: J. Cribb, G. Herrmann (eds.), *After Alexander. Central Asia Before Islam*. Oxford, 121–153.

Lerner, J. D. 2018: Alexander's Settlement of the Upper Satrapies in Policy and Practice. *Anabasis* 9, 110–128.

Mairs, R. 2011: The Places in Between: Model and Metaphor in the Archaeology of Hellenistic Arachosia. In: A. Kouremenos, S. Chandrasekaran, R. Rossi (eds.), *From Pella to Gandhara. Hybridisation and Identity in the Art and Architecture of the Hellenistic East*. Oxford, 177–189.

Mairs, R. 2014: *The Hellenistic Far East. Archaeology, Language, and Identity in Greek Central Asia*. California.

Mairs, R. 2016: New Discoveries of Documentary Texts from Bactria: Political and Cultural Change, Administrative Continuity. In: T. Derda, A. Łajtar, J. Urbanik (eds.), *Proceedings*

of the 27th International Congress of Papyrology, Warsaw, 29 July – 3 August 2013. Vol. II. Warsaw, 2037–2061.

Mayrhofer, M. 1979: *Iranisches Personennamenbuch.* Bd. I: *Die Altiranischen Namen.* Wien.

Mendoza Sanahuja, M. 2017: Stasanor of Soloi and the Government of Bactria During the Wars of the Diadochi. *Anabasis* 8, 44–70.

Müller, S. 2003: *Maßnahmen der Herrschaftssicherung gegenüber der makedonischen Opposition bei Alexander dem Großen.* Frankfurt am Main.

Müller, S. 2019: Persia in Defense, the Athenian Connection, and the Family of Pharnabazos. *Anabasis* 10, 283–308.

Müller, S. 2021: Barsine, Antigone, and the Macedonian War. In: M. D'Agostini, E.M. Anson, F. Pownall (eds.), *Affective Relations and Personal Bonds in Hellenistic Antiquity. Studies in Honor of Elizabeth D. Carney*. Oxford, 81–96.

Müller, S. 2023: Blood Runs in the Family. Artabazos and the Resistance to the Macedonian Invasion. In: M.B. Garrison, W. Henkelman (eds.), *The Persian World and Beyond. Achaemenid and Arsacid Studies in Honour of Bruno Jacobs*. Münster, 385–401.

Naveh, J., Shaked, S. 2006: *The Khalili Collection. Ancient Aramaic Documents from Bactria (Fourth Century B.C.E.)*. London.

Nawotka, K. 2010: *Alexander the Great*. Cambridge.

Niese, B. 1893: *Geschichte der griechischen und makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea*. Tl. I. Gotha.

Ogden, D. 1999: *Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties*. London.

Olbrycht, M.J. 2004: *Aleksander Wielki i świat irański*. Rzeszów.

Olbrycht, M.J. 2006–2007: Alexander the Great versus the Iranians – An Alternative Perspective. *Folia Orientalia* 42–43, 159–172.

Olbrycht, M.J. 2015: Poselentsy v koloniyakh Aleksandra Makedonskogo v Irane i Sredney Azii: proiskhozhdenie i status [Settlers in the Colonies of Alexander of Macedon in Iran and Middle Asia: Origins and Status]. In: V.P. Nikonorov, V.A. Alyoshkin (eds.), *Akademicheskoe vostokovedenie v Rossii i stranakh blizhnego zarubezhya (2007–2015). Arkheologiya, istoriya, kultura*. St. Petersburg, 425–438.

Ольбрыхт, М.Я. 2015: Поселенцы в колониях Александра Македонского в Иране и Средней Азии: происхождение и статус. В кн.: В.П. Никоноров, В.А. Алешкин (ред.), *Академическое востоковедение в России и странах ближнего зарубежья (2007–2015). Археология, история, культура*. СПб., 425–438.

Rtveladze, E.V. 2002: *Aleksandr Makedonskiy v Baktrii i Sogdiane* [*Alexander of Macedon in Bactria and Sogdiana*]. Tashkent.

Ртвеладзе, Э.В. 2002: *Александр Македонский в Бактрии и Согдиане*. Ташкент.

Rung, E.V. 2024: On Metonomasia in the Achaemenid Dynasty. *Iranica Antiqua* 58, 149–171.

Schmitt, R. 1995: Drangiana. In: *Encyclopaedia Iranica* (https://www.iranicaonline.org/articles/drangiana, последнее посещение 16.04.2024).

Schmitt, R. 2011: *Iranisches Personennamenbuch.* Bd. V: *Iranische Namen in nebenüberlieferungen indogermanischer Sprachen.* Fasz. 5A: *Iranische Personennamen in der Griechischen Literatur vor Alexander d. Gr*. Wien.

Seibert, J. 1985: *Die Eroberung des Perserreiches durch Alexander den Großen auf kartographischer Grundlage*. Wiesbaden.

Shayegan, M.R. 2007: Prosopographical Notes: The Iranian Nobility During and After the Macedonian Conquest. *Bulletin of the Asia Institute* 21, 97–126.

Stoyanov, E.O. 2016a: K voprosu o proiskhozhdenii Stasanora Soliyskogo [On the Descent of Stasanor of Soloi]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 2, 100–110.

Стоянов, Е. О. 2016а: К вопросу о происхождении Стасанора Солийского. *ПИФК* 2, 100–110.

Stoyanov, E.O. 2016b: Vosstanie grekov-kolonistov v Baktrii v 325 g. do n.e.: nekotorye problemy politicheskoy istorii [The Greek Colonists' Revolt in Bactria in 325 BC: Some Problems of Political History]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* 4 (92), 213–217. Стоянов, Е.О. 2016b: Восстание греков-колонистов в Бактрии в 325 г. до н.э.: некоторые проблемы политической истории. *Известия Алтайского государственного университета* 4 (92), 213–217.

Sverchkov, L.M. 2013: *Kurganzol – krepost Aleksandra na yuge Uzbekistana* [*Kurganzol – Alexander's Fortress in Southern Uzbekistan*]. Tashkent.

Сверчков, Л.М. 2013: *Курганзол – крепость Александра на юге Узбексистана*. Ташкент.

Sverchkov, L., Boroffka, N. 2013: Alexander der Große in Asien: die Festung von Kurganzol. In: M. Nawroth, M. Wemhoff (eds.), *Archäologische Schätze aus Uzbekistan. Von Alexander dem Großen bis zum Reich der Kuschan*. Berlin, 70–77.

Tumans, H. 2019: Alexander the Great and Three Examples of Upholding Mythological Tradition. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [*Bulletin of St. Petersburg University. History*] 64, 1301–1316.

Vogelsang, W. J. 1992: *The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire. The Eastern Iranian Evidence*. Leiden.

Wheatley, P., Heckel, W. 2011: *Justin. Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus. Vol. II. Books 13–15: The Successors to Alexander the Great.* Oxford.

ALEXANDER THE GREAT'S EMPIRE: SATRAPIES AND DEPENDENT TERRITORIES (PART 4)

Maksim M. Kholod

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: mmkholod@yandex.ru

Acknowlegements: Russian Science Foundation, project no. 20-18-00374-П

This essay is the fourth part of a series of the author's publications dealing with the regional administration of Alexander the Great's Empire at the satrapal level, as well as the relationships between him and the dependent territories in the East. This work focuses on the next group of Alexander's satrapies in Asia – from Areia to Bactria and Sogdiana.

Keywords: Alexander the Great, Empire, Achaemenid Power, satrapy, satrap, administration, Eastern Iran, Central Asia

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 135–142
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 135–142
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-135–142

ὙΠΟΧΡΗΣΤΗΣ И ЕГО РОЛЬ В ДИДИМЕЙСКОМ КУЛЬТЕ

Д.Б. Меркин

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

E-mail: dimamerkin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6906-7938

В статье анализируются различные подходы к пониманию роли «гипохреста» (Ὑποχρήστης) в святилище Аполлона в Дидимах, а также на основании эпиграфических данных делается попытка самостоятельной реконструкции. Учитывая тот факт, что в надписях указывались имена носителей должности, которые, скорее всего, происходили из полисной элиты, автор предполагает, что гипохрест был одним из значимых служителей культа. В нескольких надписях I в. н.э. гипохрест упоминается в датировочной формуле вместо профета. Автор полагает, что гипохрест был его заместителем в случае, если в данный год профета не избирали.

Ключевые слова: гипохрест (ὑποχρήστης), профет (προφήτης), Дидимы, Милет, оракул, жрецы

Организация культовых практик представляет собой важный объект для изучения, поскольку это дает понимание не только многих аспектов повседневной религиозности в древности, но и позволяет проследить связь религии с другими сферами жизни, например, с политической жизнью в полисе. Языческое жречество относительно недавно стало объектом изучения историков как в контексте самих греческих культов, так и в сравнении с иудейским жречеством и христианским клиром[1].

Примером храма со сложноустроенным жречеством может послужить святилище Аполлона в Дидимах. Этот культ был одним из важнейших в древнем Милете и имел развитую административную структуру в эллинистическую и римскую эпохи. Руководство святилищем принадлежало жрецу профету (προφήτης), которого чаще всего избирали по жребию на один год. Его можно назвать «эпонимным» жрецом в святилище, подобно эпонимным жрецам стефанефорам в самом Милете. Помимо руководства над жертвоприношениями в его функции должно было входить толкование прорицаний, изрекаемых пророчицей (προφῆτις)[2]. Руководство над культом Артемиды Пифийской в Дидимах осуществляла женщина

Данные об авторе. Дмитрий Борисович Меркин – младший научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН.

[1] Например: Lane Fox 1986, 48–83; Frézouls 1987, 3–26; Van Haeperen, 2003, 137–159.

[2] Про жертвоприношения см.: Milet I 3, 134; о значении слова προφήτης см.: Приходько 1999, 111–138.

гидрофора, или «водоноска» (ὑδροφόρος), храмовым имуществом заведовали казначеи (ταμίαι)[3]. Это ключевые роли в святилище. Однако, помимо вышеупомянутых должностей, в эпиграфических документах упоминается многочисленный второстепенный храмовый персонал, а также должности, чья деятельность была связана с храмовым строительством. К первым относятся, например, секретари (γραμματεῖς), смотрители храма (νεωκόροι), храмовый сторож (παραφύλαξ) и др. Ко вторым, например, эпистат (ἐπιστάτης) и эклогисты (ἐκλογισταί)[4].

Жречеству Дидим посвящено несколько довольно подробных очерков[5]. Однако в каждом из них одной должности почти не уделяется внимания – это «ὑποχρήστης». Из-за скудности источниковой базы исследователи никак не затрагивают его роли в культе. В настоящей статье мы попытаемся суммировать все сохранившиеся сведения, выдвинув гипотезу о том, какое значение имел гипохрест в святилище Аполлона.

Слово ὑποχρήστης встречается исключительно в надписях Милета, поэтому сопоставить эту должность с подобной в других святилищах невозможно. Χρήστης – понятие более распространенное, определяемое словарем Лидделла–Скотта–Джонса как «prophet». Оно входит в довольно многочисленную группу слов производную от χράω[6]. У Гесихия, например, встречается среди прочих значений слова χρήστης – «ὁ μάντις», т.е. также вдохновленный богом прорицатель (Hesych. s.v. χρήστης). Исходя из значения приставки «ὑπο-», можно предположить, что ὑποχρήστης – это помощник прорицателя. Из-за отсутствия свидетельств можно полагать, что он был помощником как пророчицы, изрекающей предсказание, так и жреца-профета. Второй вариант нам кажется более вероятным, учитывая особое положение пророчицы в святилище, а также тот факт, что она исключительно выполняла роль медиума, как это описывает Ямвлих (Jambl. De myst. 3.11)[7].

На основании этих свидетельств, а также того факта, что большинство оракулов постклассической эпохи записаны гекзаметром, А. Рем, издатель надписей Дидим, предположил, что гипохрест мог быть ответственным за переложение оракула в стихотворную форму[8].

А. Лампинен выдвинул гипотезу о том, что ὑποχρήστης как-то был связан с передачей оракула вопрошающим. Рассматривая роль жрецов в оракульных святилищах и других храмовых служителей, он предположил, что этот помощник относился к группе οἱ περὶ τὸ μαντεῖον πάντες, упоминаемой в надписях Дидим, и каким-то образом был связан с χρησμογράφιον – местом, где записывались оракулы[9]. Последнее до сих пор не было обнаружено, но А. Лампинен вслед за Дж. Фонтенроузом связывает его с описанием Дидим Страбоном, в котором тот разделяет храм и «τὸ μαντεῖον» (Strabo. 14. 1. 5). Не отрицая такую возможность, отметим, что

---

[3] См. например: IDidyma 312; 424.

[4] См. например: IDidyma 394; 417; 34; 40.

[5] Fontenrose 1988, 45–62; Busine 2006, 275–316; Lampinen 2013; 49–88; Nawotka 2023; 203–206.

[6] LSJ s.v. χρήστης; Приходько 1999, 405–411.

[7] О проблеме интерпретации сведений Ямвлиха см.: Busine 2002, 187–198.

[8] Rehm 1958, 324B.

[9] Οἱ περὶ τὸ μαντεῖον πάντες упоминаются в надписях Дидим наряду с οἱ τὸ ἱερὸν κατοικοῦντες καὶ οἱ πρόσχωροι (см.: IDidyma 395; 396): так как к I в. до н.э. вокруг святилища образовался полноценный поселок в официальных документах служителей храма стали отделять от просто живущих неподалеку; про χρησμογράφιον подробнее см.: Fontenrose 1988, 43.

никаких весомых аргументов, подтверждающих ни эту, ни первую гипотезу, нет[10]. Так, например, эти же функции могли выполнять секретари храма, упоминаемые в надписях. Такое предположение выдвинул В. Гюнтер, и оно не менее вероятно[11].

Дж. Фонтенроуз указывает на то, что во время ритуала прорицания гипохрест помогал профету[12]. Еще до него Б. Оссуллье предполагал, что гипохрест мог быть среди тех, кто встречал консультирующихся и провожал их в специальное помещение над адитоном[13]. Эти указания встроены в реконструкции ритуала прорицания, подтверждений подобной роли гипохреста в надписях не найдено[14]. Дж. Фонтенроуз, ссылаясь на фрагментарно сохранившуюся надпись римского времени, а также на упоминание этого слова в Илиаде Гомера (Iliad. 16. 234–235), также предположил, что поэтическим вариантом ὑποχρήστης могло быть слово ὑποφήτης:

> Хладной Додоны, где селлы, пророки твои, обитают,
> Кои не моют ног и спят на земле обнаженной![15]
>
> (пер. Н.И. Гнедича)

Такая версия хотя и выглядит многообещающей, но не имеет под собой весомых оснований. Во-первых, из-за фрагментарной сохранности надписи восстановить ее содержание нельзя, а с точки зрения размера оба слова равнозначны, поэтому использовать аргумент *metri causa* невозможно. Упоминание же селлов, древних жрецов из Додоны, ничего не проясняет, поскольку, как мы уже говорили выше, в Дидимах культовый персонал был многочисленный. Остается вопросом: почему мы должны сопоставлять их с гипохрестом, а не с профетом или предсказательницей?

О. Бюзин в своем очерке о жрецах в святилищах Малой Азии в отношении гипохреста ограничивается лишь небольшим замечанием: «While the name of the ὑποχρήστης, who could have been the prophet's assistant, has sometimes been recorded, other secondary priestly officials are quoted in list of honours, without any quotation of their names…»[16].

Таким образом, мы видим, что в историографии существует консенсус исключительно о том, что гипохрест был помощником профета, но ни о его роли в святилище, ни о тех, кто занимал эту должность, единого мнения нет.

При анализе сохранившихся эпиграфических свидетельств важно отметить, что гипохрест упоминается в небольшом количестве надписей (всего их около 11, однако в 4 надписях слово восстановлено в лакуне), которые относятся к первой половине I в. до н.э. – рубежу II–III вв. н.э.[17] Такой хронологический диапазон позволяет предполагать, что должность гипохреста не была создана вместе с возрождением святилища после долгого периода запустения V в. до н.э., а появилась

---

[10] Fontenrose 1988, 43, n. 25; Lampinen 2013, 77.

[11] Günther 1971, 117.

[12] Fontenrose 1988, 78.

[13] Haussoullier 1920, 270.

[14] Подробнее о реконструциях см.: Mayer 1932, 1653; Günther 1971, 119–123; Parke 1985, 1–69.

[15] Δωδώνης μεδέων δυσχειμέρου, ἀμφὶ δὲ Σελλοὶ | σοὶ ναίουσ' ὑποφῆται ἀνιπτόποδες χαμαιεῦναι; надпись: [—]σας καὶ [— | —]νηὸν εσ.[— | —]ησεσιτη[— | —]ναις καχα[— | —]ορωιαγα[— | —]αις ἀγα.αις κο[— | —]δε χορηγὸν ἐτ[είμα — | —]δροφόρον παμ[— | —] πισύρεσσι μο[— | —] τειμὴν ἐνθ[— | —] υτης ὑποφή[της — | — γε]νέθλης νη.[— | —]ίδωρος ιθ[— | —].ο.[—] (IDidyma 587); комментарий см.: Fontenrose 1988, 59, n. 27.

[16] Busine 2006, 282.

[17] Надписи, где гипохрест восстановлен в лакунах: IDidyma 393, 398, 400, 422.

позднее, когда его популярность возросла. Никаких прямых доказательств этому нет, однако ряд косвенных свидетельств позволяет прийти к этому заключению. Помимо довольно позднего появления гипохреста в надписях Дидим и Милета можно отметить то, что организационная структура святилища была довольно подвижной и уже в предыдущие эпохи происходят изменения в составе его служащих. Так, например, изначально в святилище одновременно было шесть казначеев, занимающихся храмовым имуществом, чьи имена фиксировались в документах, однако после разграбления Дидим галатами их количество сократилось до двух[18]. Помимо этого, гипохрест начинает встречаться в надписях в тот период, когда появляются и многие другие должности, не упоминавшиеся ранее, например, храмовые секретари и неокоры. Так, надпись в честь казначея Мусея, сына Диогнета, содержит следующее упоминание:

> «В год, стефанефора Мольпагора, сына Докима, и профета Сополия, сына Мосха, профет и гидрофора Менесфо, дочь Сополия, гипохрест Филопоймен, сын Андроника, секретари, неокоры, живущие святилище и по соседству, наградили венком и почтили изображением, расписанным позолотой, Мусейя Диогнета, занимавшего должность казначея благочестиво, и управлявшего честно и справедливо. При котором богу был послан дар царем Птолемеем Неосом Дионисом (XII): 34 бивня слонов, имеющие вес в 24 таланта 20 мин, а послами были…»[19].

Как следует из содержания надписи, гипохрест стоит в ряду со служителями, упомянутыми поименно, чем выделяется его особое положение по отношению к представителям второстепенного персонала храма, чьи имена не названы. Это одна из древнейших надписей с упоминанием гипохреста, датируемая 54 г. до н.э. Несколько других, одна из которых более древняя (83/2 г. до н.э.), а две другие более поздние (34/3 г. до н.э.), также посвящены казначеям храма, однако они сохранились более фрагментарно[20]. Еще одна фрагментарная надпись относится к 101/2 г. н.э., а другая не датирована вовсе[21]. Однако, исходя из этого, можно предположить, что в истории святилища гипохрест появляется достаточно поздно. При этом такая гипотеза исключает предположение А. Рема о том, что гипохрест отвечал за переложение прорицаний в стихотворную форму, поскольку оракулы в Дидимах записывались гекзаметром начиная с возрождения в эпоху эллинизма[22].

Помимо этого типа надписей, должность гипохреста также упоминается в нескольких почетных надписях. В одной из них некий Марк Аврелий Ульпий помимо должности гипохреста выполнял должности агонофета на играх в Дидимах, панегириарха, а по версии некоторых исследователей, и стефанефора[23]. Возможно, речь идет о римском всаднике Марке Аврелии Ульпии Аристенете, который занимал должность профета около 200 г. н.э., или о каком-то его близ-

[18] IDidyma 424–432; Fontenrose 1988, 18–19; Nawotka 2023, 84–87.

[19] [ἐ]πὶ στεφανηφόρ[ου Μολ]παγόρου | τοῦ Δοκίμου, προ[φ]ητεύοντος δὲ | Σωπόλιος τοῦ Μόσχου ὁ προφή|της καὶ ἡ ὑδροφόρος [Μ]ενεσθὼ Σ[ω]|πόλιος καὶ ὁ ὑποχρήστης Φιλο|ποίμην Ἀνδρονίκου καὶ οἱ γραμμα|τεῖς καὶ οἱ νεωκόροι καὶ οἱ κατοι|κοῦντες ἐν τῶι ἱερῶι καὶ οἱ π[ρόσ]|χωροι ἐστεφάνωσαν καὶ ἐτε[ίμη]|σαν εἰκόνι γρα[πτῆι] ἐπιχρύσωι [Μου]|σαῖον Διογνήτου ταμιεύσαντ[α] | εὐσεβῶς καὶ ἄρξαντα ἴσως καὶ [δι]|καίως. ἐφ’ οὗ καὶ ἀπεστάλη | τῶι θεῶι δωρεὰ ὑπὸ βασιλέως | Πτολεμαίου Θεοῦ Νέου Διονύσο[υ] | ὀδόντες ἐλεφάντων ν λδ΄ ἄγο[ν|τες] σταθμὸν τάλαντα ν κδ΄ | [μνᾶ]ς κ΄ πρεσβευσάντων [–] (IDidyma 394).

[20] IDidyma 393, 397, 398.

[21] IDidyma 407, 400.

[22] См. например, Milet I, 3 33; I, 3 37.

[23] Milet VI, 3 1145 = CIG 2883.

ком родственнике[24]. В другой почетной надписи неизвестный стефанефор, в честь которого была воздвигнута стела, по ходу своей административной карьеры занимал должности гипохреста, агонофета и руководителя (ἀγωγεύς) на Дидимеях, магистрата, отвечавшего за порядок (εἰρήναρχος), ситона, агоранома и, возможно, какие-то другие[25]. Упоминание карьерного пути в почетных надписях Милета в римское время было довольно распространенным явлением, и попадание в данный список гипохреста говорит о значимости этой должности[26].

О. Бюзин резонно заметила, что, в отличие от остального второстепенного персонала храма, имена гипохрестов фиксировались в документах, что также подтверждает их значимый статус в святилище. Имена заставляют привлечь просопографический метод, который, к сожалению, дает немного сведений. Из упомянутых в надписях имен выделяются следующие: Φιλοποίμην Ἀνδρονίκου, предположительно был сыном профета Андроника и племянником стефанефора Филопоймена, своего полного тезки[27]. Тиберий Клавдий Теодот занимал должность архипритана в 103/4 г. и примерно в это же время был профетом, а до того должен был занимать должность гипохреста. Его имя свидетельствует о наличии римского гражданства, полученного им или его семьей в целом еще в I в. н.э., что говорит о его высоком статусе в городе[28]. Флавий Зосим, также наделенный римским гражданством, упоминается лишь в одной надписи, однако мог также быть родственником Тиберия Флавия Зосима, отца гидрофоры Флавии Нонианы Бугении[29]. К сожалению, это все имена гипохрестов, известные на данный момент. Однако если мы сопоставим их происхождение с происхождением профетов и гидрофор, то общая ситуация выглядит закономерной. В римскую эпоху большинство лиц, занимавших эти должности, происходили из семей городской элиты[30]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что и должность гипохреста могли получать преимущественно выходцы из элиты.

Помимо вышеназванных надписей, два текста I в. н.э. представляют для нас особый интерес. Это надписи гидрофор, связанные с упомянутыми ранее Тиберием Клавдием Теодотом и Флавием Зосимой. В них мы сталкиваемся с редким явлением: в датировочной формуле имя гипохреста употребляется вместо профета. Первая из них сообщает:

> «Гидрофора Артемиды Пифийской Флавия Нонниана Бугения Феодота, из рода Лайандриадов, отец (которой) – Тит Флавий Зопир, мать – Эмилия Нониана Артемия, брат – Публий Самиарий Нониан, (происходит) от родителей, дедов и предков служителей города; (исполнила обязанности), совершив раздачи совету, девам и женщинам и сделав все установленные по обычаю жертвоприношения и возлияния благочестиво и в изобилии. В год стефанефора Аполлония сына Дионисия и гипохреста Флавия сына Зосимы»[31].

[24] Μᾶρκος Αὐρήλιος Οὔλπιος Ἀρισταίνετος: IDidyma 181; Günther 2017, 131.

[25] Milet I 7, 263.

[26] См. например: IDidyma 84.

[27] См.: IDidyma 394, 215BI, Milet I 3, 125; Günther 2017, 615; Б. Оссулье отождествлял двух человек с именем Φιλοποίμην Ἀνδρονίκου, однако В. Гюнтер считает, что разница в 20 лет между должностью стефанефора и гипохреста слишком велика для такой карьеры (см.: Haussoullier 1921, 54).

[28] Τιβερίος Κλαυδίος Θεοδότος: Günther 2017, 374; Milet I 7, 226; IDidyma 360, 381.

[29] Φλαβίος Ζωσίμος: Günther 2017, 621; IDidyma 353.

[30] Busine 2006, 298–300.

[31] ὑδροφόρος Ἀρτέμιδος Πυθίης | Φλαβία Νωνιανὴ Βουγένεια | Θεοδότη, πατριᾶς Λαιανδρια|δῶν, πατρὸς Τίτου Φλαβίου | Ζωπύρου, μητρὸς δὲ Αἰμιλί/ας Νωνιανῆς Ἀρτεμοῦς ἀδελφοῦ · Π(οπλίου) · Σαμιαρίου Νω|νιανοῦ, γονέων καὶ πάππων | καὶ προγόνων λειτουργῶν | τῆς πόλεως, δοῦσα διανομὰς | τῆι

Отметим, что надпись сохранилась целиком и в трактовке ее содержания не может быть сомнений. В датировочной формуле в конце упоминается только эпонимный магистрат города стефанефор и гипохрест, но при этом не упоминается ни профет, ни казначей святилища, хотя обычно их фиксировали в таких надписях I–II вв. н.э. А. Рем, также обратив внимание на это обстоятельство, не дает ему никакого объяснения[32].

Другая подобная надпись сохранилась фрагментарно, она состоит из двух частей, одна из которых была опубликована в Corpus Inscriptionum Graecarum А. Бёком, вторая – Б. Оссулье в 1890-е гг. Скол надписи проходил ровно по датировочной формуле, и CIG предлагает восстановление как «[προφητε]ύοντος». А. Бёк, опираясь на аналогичные известные надписи гидрофор, предположил, что в датировочной формуле должно быть указано имя профета в форме *genetivus absolutus*[33]. Однако позднейшие находки показали, что в тексте упомянут гипохрест. Текст данной надписи гласит:

> «… исполнила должности и литургии, и отслужила гидрофорой достойно рода и со рвением и конечно мистерии исполнила прилежно, совершила раздачи совету, девам и женщинам, и посвятила из своих средств медные двери храма Артемиды и каменный отвес с притолокой и порогом; за это все (она) была почтена советом и народом посвящением изображений и статуй в год гипохреста Тиберия Клавдия Феодота»[34].

Нарушение традиционной датировочной формулы в данный период требует объяснения. На основании этих текстов можно предположить, что такая замена профета гипохрестом была если не регулярным явлением, то возможно, ординарным. На наш взгляд, объяснение может быть следующим: гипохрест был не просто помощником профета, но и его полным заместителем, перенимая часть его функций, связанных с предсказаниями. Однако возможна ли была такая ситуация, когда в какой-то год профет не был избран и святилище оказалось бы перед необходимостью заменить его каким-либо другим жрецом? Сохранилось свидетельство об одном таком случае. Надпись в честь профета Тиберия Клавдия Дама 60-х гг. н.э. содержит упоминание о том, что до него на протяжении какого-то промежутка времени профеты не выбирались:

> «Профет Клавдий Дам, получил вдобавок к должности стратега должность профета даром и все совершил, что делали (профеты) до него. Профет во второй раз тот же Клавдий восстановил отеческие (обычаи), так как год до него был годом без профета»[35].

τε βουλῆι καὶ ταῖς παρθέ|νοις καὶ ταῖς γυναιξὶ, ποιή|σασα δὲ καὶ τὰς νομιζομέ|νας πάσας θυσίας τε καὶ | σπονδὰς εὐσεβῶς καὶ δαψι|λῶς ἐπὶ στεφανηφόρου Ἀπολλωνίου τοῦ Διονυσίου, ὑποχρηστεύοντος Φλαβίου Ζωσίμου (IDidyma 353).

[32] Упоминание профетов и казначеев см., например: IDidyma 346, 352, 360; А. Рем пишет буквально следующее: «Auffällig ist, daß weder der Prophet noch die Tamiai, dafür aber mit dem ὑποχρήστης ein untergeordneter Funktionär genannt wird. Ist er etwa ein Verwandter?» (Rehm 1958, 223B). Однако такое упоминание не может быть связано с родственными связями, поскольку все родственники упоминались сразу за именем самой гидрофоры, а в датировочной формуле всегда указывались ключевые магистраты этого года.

[33] CIG 2885d.

[34] [– προγόνων ἀρ]|χὰς καὶ λειτουργίας τε[τελεκότων,] | πληρώσασα δὲ καὶ τὴν ὑδροφορίαν ἀξ[ί]|ως τοῦ γένους φιλοτείμως καὶ τὰ μὲν | μυστήρια ἐκτενῶς τελέσασα, δοῦσα | [δ]ὲ καὶ διανομὰς τῇ βουλῇ καὶ ταῖς παρ/[θέν]οις καὶ ταῖς γυναιξίν, ἀναθεῖσα δὲ | [ἐκ τῶ]ν ἰδίων καὶ τὰς χαλκᾶς θύρας τοῦ | [ναοῦ τ]ῆς Ἀρτέμιδος καὶ τὰ λίθινα | σταθμὰ |[σ]ὺν ὑπερθύρῳ καὶ ὁδῷ ἐπί | τε τούτοις | πᾶσιν τειμηθεῖσα | ὑπὸ τῆς βουλῆ|ς καὶ τοῦ δήμου | εἰκόνων ἀναθέ|σι καὶ ἀνδριάν|των· ὑποχρηστε|ύοντος Τι(βερίου?) Κλαυδίο<υ> Θεο|δότου (IDidyma 381).

[35] προφήτης | Κλαύδιος Δαμᾶς | ὑπὲρ στρατηγίας | λαβὼν τὴν προφητ[εί]|αν δωρεὰν καὶ πάντα πο[ι]|ήσας ὅσα καὶ οἱ πρὸ αὐτο[ῦ.] | <πρ>(οφήτης) · τὸ β΄ · ὁ αὐτὸς Κλαύδι[ος] | ἀνενεώσατο τὰ πάτρι[α] |

Сам Клавдий Дам, явно происходивший из элиты, впоследствии повторно займет должность профета в возрасте 81 года[36]. Однако важно то, что, во-первых, в тексте есть указание на возобновление традиции выборов профета, а также то, что надпись относится приблизительно к тому же периоду, что и предыдущие две. Разумеется, нельзя утверждать, что они связаны, тем не менее они отражают одну тенденцию: в Дидимах временно отсутствовал профет и гипохрест должен был его заменить для того, чтобы деятельность оракула не прерывалась.

Отдельный вопрос: почему профета могли не избрать в тот или иной год? К I в. до н.э. относится декрет, по которому профет и стефанефор должны были организовывать пиры для коллегий космов и мольпов, также в римское время профеты организовывали пиры и раздачу средств для жителей поселения вокруг храма[37]. Все это делало должность обременительной в финансовом плане даже для зажиточных милетян, поэтому могла сложиться ситуация, в которой ни один дем не выдвигал своего кандидата. При этом оракул продолжал давать пророчества, а во время ритуала дивинации функции профета выполнял гипохрест, на которого не распространялись внешние обязанности первого. Косвенно это подтверждает то, что должность профета занимали три римских императора: Траян, Адриан и Юлиан Отступник[38]. Очевидно, что для них эта должность была исключительно почетной, но кто-то должен был руководить святилищем и дивинацией в эти годы. Такая реконструкция требует подтверждения большим количеством источников. Однако, исходя из имеющихся свидетельств, она кажется нам наиболее логичной.

Таким образом, несмотря на небольшое количество упоминаний о гипохресте, мы можем сделать следующие выводы: это была одна из престижных должностей в святилище, носитель которой выступал помощником профета, часто ее занимали представители элиты. Учитывая поздний характер свидетельств, эта жреческая должность, вероятно, появилась не вместе с восстановлением храма, а была введена позднее – около I в. до н.э. Ключевой же задачей гипохреста было не просто помогать профету во время предсказания, но и заменять его в случаях, если тот по каким-то причинам отсутствовал или не мог исполнять свои обязанности. Возможно, будущие находки позволят пролить свет на этот уникальный феномен греческой религиозной жизни и скорректировать наши представления. Но в любом случае исследование таких частностей религиозной жизни позволяет полнее понять как духовные представления древних греков, так и основные принципы функционирования административной машины.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Busine, A. 2002: La consultation de l'oracle d'Apollon dans le discours de Jamblique. *Kernos* 15, 187–198.

Busine, A. 2006: The Officials of Oracular Sanctuaries in Roman Asia Minor. In: J. Assmann, F. Graf, T. Hölscher, L. Koenen, J. Scheid (Hrsg.), *Archiv für Religionsgeschichte*. Leipzig, 275–316.

τοῦ πρὸ αὐτοῦ ἐνιαυτο[ῦ] | ἀπροφητεύτου γενομ[έ]|νου (IDidyma 237II = GIBM 922).

[36] Günther 2017, 374.

[37] δεδόχθαι τοὺς | προφήτας καὶ τοὺς στεφανηφόρους | ἐπάναγκες ἐπιτελεῖν τὰς εὐωχίας τῶν | τε κόσμων καὶ τῶν μολπῶν κατὰ τὰ π[ά]|τρια ἔθη «Постановлено, что профеты и стефанефоры обязаны совершать пиршества космов и мольпов по обычаям предков» (Milet I 3, 134, ll. 13–17); о раздачах см. подробнее: Fontenrose 1988, 53.

[38] Fontenrose 1988, 51.

Fontenrose, J. 1988: *Didyma: Apollo's Oracle, Cult and Companions*. Berkley.
Frézouls, E. 1987: Les sacerodoces païens traditionnels au IIIe siècle: un dossier épigrqphiaue. In: B. Vogler (ed.), *Miscellanea historiae ecclesiasticae.* Vol. VIII. *Colloque de Strasbourg. Septembre 1983*. Bruxelles–Louvain, 3–26.
Günther, W. 1971: *Das Orakel von Didyma in hellenistischer Zeit*. Tübingen.
Günther, W. 2017: *Inschriften von Milet.* Tl. 4. *Eine Prosopographie*. Berlin–Boston.
Haussoulier, B 1920: Comment avait lieu la consultation de l'oracle. *Revue de philologie* 44, 268–277.
Haussoullier, B. 1921: Inscriptions de Didymes. Didymes au Ier siècle avant Jésus-Christ. *Revue de philologie* 45, 45–62.
Lampinen, A. 2013: Θεῷ μεμελημένε Φοίβῳ. Oracular Functionaries at Claros and Didyma in the Imperial Period. M. Kajava (ed.), *Studies in Ancient Oracles and Divination*. Roma, 49–88.
Lane Fox, R. 1986: *Pagans and Christians in the Mediterranean World from the Second Century AD to the Conversion of Constantine*. London–New York.
Mayer, M. 1932: Miletos G. Didyma. *RE* 15/2, 1649–1653.
Nawotka, K. 2023: *The Nourisher of Apollo: Miletos from Xerxes to Diocletian*. Wiesbaden.
Parke, H.W. 1985: *The Oracles of Apollo in Asia Minor*. London–Sydney–Dover.
Prikhodko, E.V. 1999: *Dvoynoe sokrovishche. Iskusstvo proritsaniya v Drevney Gretsii*. [*The Double Treasure. The Art of Divination in Ancient Greece*]. Moscow.
Приходько, Е.В. 1999: *Двойное сокровище. Искусство прорицания в Древней Греции: мантика в терминах*. М.
Rehm, A. 1958: *Theodor Wiegand. Didyma: Zweiter Teil. Die Inschriften. Herausgegeben von Richard Harder*. Berlin.
Van Haeperen, F. 2003: Des pontifes païens aux pontifes chrétiens. Transformations d'un titre: entre pouvoirs et representations. *Revue belge de Philologie et d'Histoire* 81/1, 137–159.

΄ΥΠΟΧΡΗΣΤΗΣ AND HIS ROLE IN THE DIDYMEAN CULT

Dmitriy B. Merkin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: dimamerkin@mail.ru

This article discusses various approaches to understanding the role of the "hypochrestes" in the sanctuary of Apollo in Didyma, and also suggests an independent reconstruction based on epigraphic data. Considering the fact that the names of the office holders were mentioned in inscriptions, and those known to us likely came from the polis elite, it can be assumed that the hypochrestes was one of the significant cult officials. The hypochrestes is mentioned in the dating formula instead of the prophet in several inscriptions from the 1st century AD. The author assumes that hypochrestes acted as a deputy in cases where the prophet was not elected for that year.

Keywords: hypochrestes (ὑποχρήστης), prophet (προφήτης), Didyma, Miletus, oracle, priests

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 143–155
© The Author(s) 2025
Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 143–155
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-143–155

ГАСТРОЛИРУЮЩАЯ ПОЭТЕССА ИЗ СМИРНЫ ИОНИЙСКОЙ

А.Б. Шарнина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ariadna@setname.co

ORCID: 0000-0001-7261-4368

В статье рассматриваются тексты двух надписей II в. до н.э., посвященных Аристодаме, поэтессе из Смирны, выступавшей в городах Ламии и Халейоне; исследуются привилегии, которые она получила от этих городов, их реальное значение. Высказывается предположение, что Аристодама могла участвовать в посольстве Смирны к Этолийскому союзу и полисам, которые были членами Пилейско-Дельфийской амфиктионии, с просьбой о подтверждении асилии Смирны и ее святилища.

Ключевые слова: Древняя Греция, Аристодама, поэтесса, проксен, евергет, энктесис, гражданство, асилия, асфалия, этоляне, посольство, святилище

В общегреческих святилищах, как, например, Дельфы и Олимпия, на стенах общественных зданий и отдельно стоящих стелах в древнегреческих городах вырезаны многочисленные почетные постановления в честь полисов, сообществ и частных лиц. Однако в этом потоке надписей редко встречаются женские имена. Тем более ценными являются две надписи, посвященные, с большой степенью вероятности, одной и той же женщине Аристодаме, дочери Аминты из Смирны Ионийской, поэтессе эпоса, как она называется в надписях. Одна надпись найдена в Ламии (SGDI II 1440[1]), вторая в Дельфах. Она является копией постановления города Халейона (FD III 3:145). Эти надписи дают возможность судить о реальном положении женщин в эллинистическую эпоху.

Имя восстанавливается из сопоставления этих двух надписей. Надпись из Халейона начинается словами: [ἔδοξε] τᾶι πόλει τῶν [Χαλειῶ]ν [Ἀριστοδ]άμ[α Ἀμ]ύντα Ζμυρναί[α] ἀπ' Ἰωνίας [ἐπέωμ] ποιήτρι[α] (FD III 3:145, l. 3). В надписи из Ламии читается: Ἀριστο[δ]άμα Ἀμύντα Ζμυρναία ἀπ' Ἰω[νίας] ποιήτρια ἐπ[έ]ω[μ] (IG IX, 2, 62, l. 3–4).

К сожалению, обе надписи имеют лакуны и обычные для эпиграфических памятников недостатки – формализованный язык, краткое изложение, отсутствие

Данные об авторе. Ариадна Борисовна Шарнина – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена.

[1] Это первое издание надписи. Она затем переиздавалась несколько раз, в том числе: Syll3 532. В статье используется текст, представленный в IG IX, 2, 62.

контекста. Обе надписи сейчас датируют 218/7 г. до н.э.[2] Надпись из Халейона содержит 37 строк, из Ламии – 15.

В постановлении граждан города Ламии говорится, что Аристодама, дочь Аминты из Смирны Ионийской, приехав в их город, устраивала многократные чтения (πλείονας ἐ[πιδείξεις) своих поэм (τῶν ἰδίωμ ποιημάτων), в которых достойно напомнила о народе (ἔθνος) этолян и о предках «демоса» (δάμου) (IG IX, 2, 62, l. 5–6). Скорее всего, под «демосом» в данном случае имеются в виду граждане Ламии. В надписи из Халейона после лакуны также сообщается, что Аристодама, «поэтесса эпоса, оказавшись в городе», «напомнила о предках [нашего города]»:

καὶ τῶν προγόνων τῶν τᾶ[ς]
[πόλιος ἁμῶν] μν[άμ]αν ἐποιήσατο·
(FD III 3:145, l. 9–10).

Можно предположить, что поэтесса написала и исполнила поэмы, в которых рассказывалось как об истории этолян, так и об истории городов, которые она посетила.

Аристодаму сопровождал брат. В надписи из Ламии его имя не читается: Ο….νει τῶι ἀδελφεῶι αὐτᾶς (IG IX, 2, 62, l. 12), но в тексте Халейона сохранилась часть имени: Διον[υσίωι τῶι] vacat ἀδελφεῶι αὐτᾶς (FD III 3:145, l. 29–30). Возможно, его звали Дионисий.

Граждане Халейона решают воздать почести Аристодаме, вероятно, в святилище Аполлона Пифийского (κατὰ τὸ ποθῖκον), в частности, похвалить её за благочестие к богу (очевидно, к Аполлону) и за благорасположение к городу и наградить венком из священного лавра (FD III 3:145, l. 12 – 14). Священный глашатай должен объявить об этом на празднике Пойтропии, а от жертвы Аполлону часть мяса послать на алтарь Смирны:

ἐκ τᾶς θυσίας μερί[δ]α [κρεῶν ἐπὶ τὰν ἑστίαν ἐν]
Ζμύρναν·
(FD III 3:145, l. 16–20).

В конце постановления предписывается поставить стелы с этим решением в святилище около храма Аполлона Насиота и в Дельфах (FD III 3:145, l. 35–37). В Халейоне и выступление Аристодамы, и церемония ее чествования, очевидно, проходили в городском святилище Аполлона и были связаны с обрядами. Но даются также и «светские» почести, и привилегии, как и другим благодетелям города.

Оба города провозглашают Аристодаму проксеном и благодетельницей (евергетом). В постановлении Халейона эти слова восстанавливаются: εἶμεν δὲ αὐτὰν [πρόξενον καὶ εὐεργέτιν] (FD III 3:145, l. 21). В надписи из Ламии слово «проксен» восстанавливается, но «благодетельница» (εὐεργέτιν) читается ясно: ε[ἶ]μ[ε]ν αὐτὰμ πρό[ξενον] τᾶς πόλιος καὶ εὐεργέτιν (IG IX, 2, 62, l. 7–8).

Как проксен, поэтесса получила соответствующие этому статусу привилегии. Так, оба полиса дают ей энктесис – право владеть землей и домом в их городе[3]. В надписи Халейона читаются четко слова «потомкам» и «энктесис»:

[2] Rutherford 2009, 237.

[3] Об энктесис см., например: Pecirka 1966; Leavo 2012, 141–144; Никитский 1901, 56 –58; Глускина 1975, 40–42.

δεδόσθαι δὲ αὐ[τᾶι παρὰ τᾶς πόλιος]
καὶ τοῖς ἐγγόνοις αὐτᾶς [κ]αὶ γ[ᾶς καὶ οἰκίας]
ἔγκτησιν (FD III 3:145, l.22–24).

В постановлении Ламии право энктесис соединяется с гражданством и правом взаимного выпаса: κ]αὶ πολιτείαν καὶ γᾶς κα[ὶ οἰκίας] ἔγκτησιν καὶ ἐπ[ι]νομίαν (IG IX, 2, 62, l. 8–9). Граждане Халейона до такой щедрости не дошли. Оба города дают ей асилию (ἀσυλία) и асфалейю (ἀσφάλεια) – неприкосновенность и безопасность во время войны и мира на суше и на море[4]. В надписи Халейона слова «асилия», «асфалейя», а также «на суше» восстанавливаются исследователями:

κα[ὶ ἀσυλίαν καὶ ἀσφάλειαν]
καὶ πολέμου καὶ εἰράνας κατὰ [γᾶν καὶ κατὰ]
θάλασσαν (FD III 3:145, l. 24–26)

В надписи из Ламии «асилия и асфалейя» хорошо читаются. Кроме того, добавлено, что эти привилегии даются не только поэтессе, но и ее потомкам: «асилию и асфалейю на суше и на море во время войны и мира ей и ее потомкам» (καὶ ἀσυλίαν καὶ ἀσφάλειαν κατὰ γᾶν καὶ κατὰ θ[άλασσαν] πολέμου καὶ εἰρά[νας καὶ] α[ὐ]τᾶι καὶ ἐκγόνοις αὐτᾶς) (IG IX, 2, 62, l. 9–10). Халейцы даровали еще и освобождение от налогов и других повинностей (ἀτέλεια) (FD III 3:145, l. 24) и решают послать ей подарок в сто драхм (FD III 3:145, l. 28–29).

Сопровождающему поэтессу брату граждане Халейона дают проксению, гражданство и освобождение от повинностей (προξενία, πο[λιτεία, ἀ]τέλεια) (FD III 3:145, l. 30). Правда, от πο[λιτεία читаются только две буквы πο. В Ламии ему дают проксению, политейю и асилию: προξενί[α] πολιτεία [ἀσυλί(?)]α (IG IX, 2, 62, l. 12–13). Но поскольку слово [ἀσυλί(?)]α восстанавливается, это может быть и ἀτέλεια.

Перечисление привилегий как будто следует шаблону. Если просмотреть подряд тексты из Собрания диалектных надписей (SGDI II, 1424–1504) разных городов Центральной Греции, в том числе из Ламии (SGDI II, 1439–1447), то можно увидеть, что привилегии в них повторяются почти дословно. И именно из-за этой стандартности кажется, что они были только формальными[5]. Но вряд ли стоит полностью отвергать их практическую значимость. В эллинистическую эпоху проксен и эвергет – это почетные звания, за которые давались все остальные привилегии[6]. Они связаны с оказанием взаимного гостеприимства и благотворительностью. Например, проксены могли играть важную роль в дипломатических отношениях, помогать гражданам полиса, проксеном которого они были в том числе и в суде, и за это получать разные привилегии и дары от этого полиса[7]. Следовательно, и город, и поэтесса в случае необходимости могли воспользоваться помощью друг друга.

К сожалению, нет точных сведений, что вкладывали в небольших полисах эллинистической Греции в понятие «политейя» (πολιτεία–гражданство) как привилегии. Более-менее подробные сведения о гражданстве в основном относятся к

[4] Об асилии см.: Rigsby 1996; Дэвис 2023а, 333–334.

[5] Обзор дискуссии о проксении, была ли она только почетной или имела практическое значение, см.: Mack 2015, 6–8.

[6] Шарнина 2014, 129–142; Herman 1987, 130–142; Mack 2015.

[7] Шарнина 2014, 134–138.

Афинам и Спарте VI–IV вв. до н.э.[8] Но насколько правомерно распространять эти данные на другие полисы и на другие исторические периоды? Особый интерес представляет энктесис, право владеть землей и домом, дававшееся человеку, не являвшемуся гражданином этого полиса. В классический период право владеть землей и домом, по крайней мере, в Афинах, было исключительным правом гражданина[9]. Чужеземцам оно даровалось в редких случаях, обычно за какие-нибудь заслуги перед государством и без получения гражданства. Часто оно имело лишь символический характер[10]. В эпоху эллинизма, возможно, уже не было такой жесткой регламентации гражданских прав. Интересно, что в эллинистических надписях энктесис соединяется с гражданством. Не очень понятно, зачем давать отдельно право владеть землей и домом, если человек, получив гражданство, вроде бы и так его имел. Возможно, почетное дарование гражданства не предполагало права владеть землей и домом, его нужно было оговаривать особо. Интересно, что брату Аристодамы, в отличие от неё, оба города дали гражданство, но не дали права владеть землей и домом.

О процедуре дарования гражданства содержатся сведения в пространном (в общей сложности больше 200 строк) документе из эолийских Ким, который датируют 170 или 130 гг. до н.э. (IK Kyme 13)[11]. Он включает несколько постановлений в честь щедрой благотворительницы Архиппы, дочери Дикеогена, гражданки города. В частности, благодарные граждане полиса согласились, чтобы, «как просит Архиппа, её управляющий Геликон, сын Аполлония из Дафны, предместья Антиохии стал нашим гражданином» (IK Kyme 13. B VI. 1039. l. 5–7). Стратег должен по жребию назначить Аполлония и в филу, и во фратрию, и дать предписание писцу и скопировать его. После этого «пусть он участвует во всем, как и остальные граждане» (IK Kyme 13. B VI. 1039. l. 77). Как видно из этого текста, для включения в гражданский коллектив человек должен быть приписан к определенной филе и фратрии, и это оговаривается в постановлении о гражданстве. В многочисленных почетных декретах, о которых шла речь выше, нет указаний, что должностные лица города должны включить тех, кому даровали гражданство, в определенную филу, чтобы они могли реализовать свои политические права. Таким образом, очевидно, эти постановления были только декларациями. Но, возможно, если человек решил поселиться в городе, он мог обратиться с просьбой к властям, чтобы его включили в какую-нибудь филу.

Дарование гражданства и права энктесис, хотя и было, видимо, в какой-то степени формальным, тем не менее облегчало людям, по крайней мере, ведение своих дел в этом городе. Понятно, что не все из посетивших маленький город благодетелей захотят получить здесь землю и осесть навсегда, но наверняка были люди, кому это право было нужно.

Очевидно, что право энктесис, например, могло иметь смысл для Метродора из Пеллены – врачевателя лошадей (ἱππίατρος), который, приехав в Ламию, усердно занимался своим ремеслом и безвозмездно помогал гражданам. В благодарность полис дарует ему «проксению, политию, исотелию, энктесис земли и

[8] Дэвис 2004, 23.

[9] Глускина 1975, 20; Leavo 2012, 142.

[10] Глускина 1975, 41–42.

[11] Выражаю искреннюю благодарность Александру Александровичу Антонову, приславшему мне эту надпись.

дома, асфалейю и асилию во время войны и мира на суше и на море на всё время и другие почести, какие даются проксенам и эвергетам» (SGDI II 1447). Вполне вероятно, что он переселился в Ламию и ему важно было иметь право владеть здесь домом и землей.

Почти одновременно с Аристодамой граждане Ламии приняли постановление в честь поэта эпоса Полита из Гипаты (недалеко от Ламии). Он также провозглашается проксеном и эвергетом и получает привилегии: «политейю на всё время и энктесис земли и дома, эпиномию и асфалейю на суше и на море, во время войны и мира ему, потомкам и деньгам (имуществу) на всё время» (SGDI II 1441). Обычно понимается, что в понятие ἀσφάλεια – «безопасность» уже включается запрет грабежа имущества, однако здесь это ещё и уточняется.

Надписи Ламии о почестях Метродора, Полита и Аристодамы содержат почти совпадающий перечень привилегий. Постановление в честь Аристодамы написано как будто на стандартном бланке, куда только нужно вписать имя и указать заслуги.

Но это постановление необычно прежде всего потому, что привилегии даются женщине. Распространено мнение, что женщина в Греции была весьма ограничена в правах, где-то больше, как в Афинах, где-то меньше. В частности, в Афинах она не могла распоряжаться своим имуществом, ее интересы во всех делах должен был представлять мужчина-опекун: отец, брат или муж[12]. Аристодама же, вероятно, была не замужем, во всяком случае муж в надписях не упоминается. В путешествии ее сопровождает брат, однако не говорится, что он является ее опекуном. Таким образом, Аристодама выступает совершенно самостоятельно, привилегии даются именно ей и ее потомкам. Имея право энктесис, она сама может распоряжаться своим имуществом. И это кажется удивительным. Но ещё более удивительно, что Аристодама объявляется проксеном. Проксен мог выступать в народном собрании или суде и защищать тех, кто к нему обратился за помощью[13]. Могла ли это делать женщина? В приведенной выше надписи из эолийских Ким Архипа, дочь Дикеогена, просит полис дать гражданство её управляющему, но где она выступила с такой просьбой, из текста не видно. К тому же она не чужестранка, а гражданка полиса.

Однако Архиппа опровергает стереотипное представление о положении женщин в греческих полисах. Обладая большим состоянием, вероятно, доставшимся ей от отца, она щедро тратит его на благодеяния: на завершение строительства булевтерия, на жертвоприношения для фил (IK Kyme 13. A. 1036, 21, l. 40–50). Благодарные граждане решили поставить на одном пьедестале бронзовые статуи ее и ее отца и увенчивать их золотым венком, о котором объявлять каждый год на Дионисиях и других полисных праздниках (IK Kyme 13. A. 1035, l. 1–10). Ей дается много и других привилегий. Правда, статуи и другие памятники в ее честь оплачивала она сама: «Чтобы исполнить золотое изображение и колонну, призвать Архиппу взять на себя эти расходы, как она и прежде на такое давала» (IK Kyme 13. B VI. 1039. L. 39–40). Это показывает, что женщина, по крайней мере, в Кимах, могла распоряжаться своим имуществом и не была настолько ограничена в правах, как это обычно считается. Архиппа была не единственной богатой и независимой женщиной эллинистической эпохи. Историки еще в нача-

[12] Глускина 1994, 418–421; Кудрявцева 2022, 172; Pomeroy 1994, 52; Osborne 1997, 20.
[13] Шарнина 2014, 135.

ле XX в. обратили внимание на то, что богатство часто стало концентрироваться в руках женщин и, благодаря обладанию большим имуществом, они стали играть важную роль в Этолии, Центральной и Северной Греции[14]. Как верно заметила А. Билман, «в Греции деньги не имеют пола (In Greece, money had no gender)»[15]. Такое отношение к женщинам в этих областях может быть одним из объяснений столь щедрого дарования привилегий Аристодаме.

Известны еще несколько свидетельств о даровании полисами привилегий женщинам. Когда Афины отправили в 106/5 г. до н.э. в Дельфы большую процессию, так называемую Пифаиду[16], среди участников была жрица богини Афины Хрисида (Χρυσίς), дочь Никета. Она удостоилась особого постановления от дельфийского полиса. Власти города прислали в Афины его текст: решение о почестях «вашей гражданке» (πολίτιδι). Дельфийцы ей дали все привилегии, которые они давали своим благодетелям в городе: венок бога, т.е. лавровый, проксению, прорантейю (право обращаться к оракулу вне очереди), продикию (право первоочередности в суде), асилию, проедрию (право сидеть в первом ряду) на всех агонах, которые проводит город, и энктесис земли и дома (Syll^3 711 K 15–20). Эти привилегии, включая энктесис, Хрисида получила как жрица и официальный представитель полиса.

Известно о даровании таких же привилегий, в том числе энктесис, женщине, кажется, более близкой по статусу Аристодаме. В 1892 г. в Дельфах была найдена надпись, датируемая II в. до н. э., с текстом постановления в честь арфистки (χοροψάλτρια), имя её не сохранилось, дочери Аристократа из Ким (Ἀριστοκράτεος Κυμαία), которая достойно выступила в состязаниях на Пифийских играх. Дельфы дали, кроме венка и угощения, «ей и потомкам проксению, прорантейю, продикию, ателейю (освобождение) от всего (πάντων), проедрию на всех агонах, которые проводит город, и пусть будет ей и потомкам право (энктесис) владеть землей и домом (очевидно, в Дельфах) и все остальные почести, какие всем проксенам и эвергетам города» (BCH, 1894, 18, 82–83). Таким образом, дельфийцы арфистке даровали такие же почести, как и афинской жрице. Александр Никитский предположил, что арфистка из Ким, «если судить по количеству дельфийских почестей, очевидно, произвела сильное впечатление на дельфийцев»[17].

Вообще женщины-певицы и женщины-музыканты не были редкостью. Но в классическую эпоху, как правило, это были гетеры. Они играли обычно на пирах. Так, например, во время пира у богача Каллия «приходит на попойку один сиракузянин с хорошей флейтисткой, с танцовщицей, одной из таких, которые умеют выделывать удивительные штуки, и с мальчиком, очень красивым, превосходно игравшим на кифаре и танцевавшим. Их искусство он показывал как чудо и брал за это деньги» (Xen. Symp. 2, 1 – пер. С.И. Соболевского). В «Пире» Платона (176 e – пер. С.К. Апта) также появляется флейтистка, которую пирующие решают отпустить. «Пускай играет для себя самой или, если ей угодно, для женщин во

[14] Flacelière 1937, 270.

[15] Bielman 2015, 247.

[16] Об этом афинском обычае рассказывает Страбон (IX. 2. 11 – пер. здесь и далее Г.А. Стратановского): «так называемые пифаисты смотрели по указанию оракула как бы в направлении Гармы и подмечали как примету всякое сверкание молнии в этом направлении; и когда видели блеск молнии, они отправляли жертву в Дельфы».

[17] Никитский 1901, 73.

внутренних покоях дома». Аристотель сообщает, что в Афинах астиномы («градоначальники») среди прочего «следят за флейтистками (αὐλητρίδας), арфистками (ψαλτρίας) и кифаристками (κιθαριστρίας), чтобы нанимались (μισθωθήσονται) не дороже двух драхм, и, если одной и той же станут добиваться несколько человек сразу, они кидают между ними жребий и отдают ее внаймы тому, кому выпадет жребий» (Arist. Athen. polit. 50, 2 – пер. С.И. Радцига). Страдательный залог глагола μισθωθήσονται («будут сданы в наём») говорит о том, что они не были свободными. В надписи III в. до н. э. с острова Самофраки упоминается кифаристка Ейренэ (Ирина), которая сопровождает (ἀκόλουθος) благочестивую (εὐσεβής) участницу мистерий Мениллу, дочь Гиппострата (IG XII, 8, 178).

Считается, что свободные женщины, если даже они писали стихи и музицировали, как Сапфо, не покидали пределы родного полиса[18]. Однако Я. Ратфорд пишет, что в эпоху эллинизма «некоторые поэтессы обладали межполисной мобильностью». Он называет Алкиною из Трония в Локриде, Главку с Хиоса, Аристомаху из Эритр, Аниту из Тегеи, которые получали награды за свои выступления[19].

Составить представление о поэтессах и об отношении к ним в это время дает возможность сценка в XV Идиллии Феокрита (ок. 310–250 гг. до н.э.) «Сиракузянки или женщины на празднике Адониса». Две сиракузянки, Праксиноя и Горго, оказавшиеся в толпе, собравшейся на праздник Адониса во дворце Птолемея Филадельфа, ведут непринужденный разговор. Но Горго попросила подругу замолчать, так как сейчас будет петь «дочь Арголиды» (в переводе – «уроженка Аргоса»), «искусная в пенье (πολύιδρις ἀοιδός), та, что и в прошлом году погребальную песню всех лучше спела (ἰάλεμον ἀρίστευσε)» (Theocr. Id. XV, 96–98 – пер. М. Грабарь-Пассек). Прилагательное πολύιδρις буквально означает «многознающая», и после окончания пения Горго хвалит певицу за то, что она много знает (ὅσσα ἴσατι) (Theocr. Id. XV, 146). Действительно, в гимне, который аргивянка исполнила в честь Адониса, помимо восхваления царицы Арсинои и описания роскоши дворца, излагается миф об Адонисе, перечисляются эпитеты Афродиты, географические названия и имена многочисленных мифологических героев. Аорист глагола ἀρίστευσε указывает, что «дочь Арголиды» и раньше участвовала в состязаниях поэтов и всех превзошла. Подруги восхищаются ею, считая вполне естественным, что известная поэтесса и певица – женщина, к тому же приехавшая из далекого Аргоса в Александрию, и что женщина участвует в состязаниях наравне с мужчинами. Аристодама очень похожа на эту литературную героиню (может и реальную), как и аргивянка, она гастролирует по городам, сведуща в истории и мифологии. И, вероятно, в ее поэмах также переплетаются реальные сюжеты и предания.

В отличие от «дочери Арголиды», ее литературного прообраза, смелая Аристодама, отправившись в далекие края из Ионии, выступила в двух небольших полисах, которые не могли сравниться с богатой и многолюдной Александрией. Однако нельзя исключить, что она выступала и в других городах, но свидетельств об этом не сохранилось. Почему же Аристодама оставила родной дом, спокойную жизнь и отважилась на таящее опасности путешествие, отправившись в эти города, а не в крупные центры, славившиеся своими праздниками общегреческого или регионального значения? Из текста не видно, что она участвовала в каких-то

[18] Rutherford 2009, 240–241.
[19] Rutherford 2009, 241.

мусических состязаниях или гастролировала ради заработка. Правда, Халейон дарит ей сто драхм.

В статье Я. Ратфорда среди прочих высказывается предположение, что она приехала с дипломатической миссией, и приводятся примеры, когда поэты выполняли дипломатические поручения или представляли, например, полис в Дельфийской амфиктионии[20]. Но об этом обычно прямо пишется в постановлении. В данном случае в текстах нет никакого намека на такую деятельность Аристодамы. Да и странно, что выполнение дипломатической миссии поручили бы женщине. Я. Ратфорд выдвигает также гипотезу, что этоляне поручили нескольким поэтам, в том числе и Аристодаме, написать поэмы об Этолии с целью создания панэтолийской поэтической традиции в связи с притязаниями Этолийского союза на расширение своего влияния в Греции в конце III в. до н.э.[21] Эта версия выглядит вполне вероятной, но доказательств ее нет.

Можно подойти с другой стороны к поискам ответа на поставленный вопрос и, прежде всего, посмотреть, что известно о городах Смирне, Ламии и Халейоне в эту эпоху.

Смирна – родина Аристодамы. Я. Ратфорд высказывает предположение, что она могла не обладать гражданскими правами в Смирне и отправилась за границу, чтобы получить такой статус в других общинах[22]. Однако представляется маловероятным, чтобы жительница Смирны вдруг решила отправиться в рискованное путешествие только в надежде получить эфемерные гражданские права.

Смирна – совр. Измир – город на побережье Малой Азии. По мнению Элиаса Бикермана, «жители Смирны, по-видимому, первые в Азии добились распространения неприкосновенности их главного храма на весь город и его территорию»[23]. Кент Риксби также писал о важности Смирны в истории асилии, так как это первая асилия скорее городу, чем святилищу[24]. Примерно в 245 г. до н.э. Селевк II признал «неприкосновенность святилища Стратоникиды Афродиты и священный и неприкосновенный характер Смирны» (OGIS, 228) и просил «царей, династов, города и народы признать и святилище Афродиты Стратоникиды неприкосновенным, и наш город священным и неприкосновенным» (ἀποδέξασθαι τό τε ἱερὸν τῆς Στρατονίκιδος Ἀφροδίτης ἄσυλον εἶναι καὶ τὴν πόλιν ἡμῶν ἱερὰν καὶ ἄσυλον – OGIS, 229, 11).

Спустя 25 лет Смирна получает похвалы за преданность уже пергамскому царю Атталу[25]. Полибий (V. 77 – пер. Ф. Мищенко), рассказывая о событиях 218 г. до н.э., пишет, что Смирна была в числе первых городов, которые покорились Атталу. И Аттал «наиболее благосклонно обращался с послами от смирнян, потому что они постояннее всех блюли верность ему». Надпись в честь Аристодамы относится именно к этому времени.

Ламия расположена на территории Фтиотиды в Центральной Греции, недалеко от Малийского залива. Малийцы были в числе двенадцати племен – основателей Пилейско-Дельфийской амфиктионии – и имели в ней двух своих представителей –

[20] Rutherford 2009, 244–245.
[21] Rutherford 2009, 248.
[22] Rutherford 2009, 238.
[23] Бикерман 1985, 145.
[24] Rigsby 1996, 95.
[25] Климов 2010, 68.

гиеромнемонов[26] В IV в. до н.э. Ламия представляла малийцев в совете амфиктионов[27]. Именно этот город дал название Ламийской войне (323–322 гг. до н.э.), окончательно уничтожившей надежды греков на освобождение от власти Македонии. Как видно из надписи в честь Аристодамы, в 218 г. до н.э. Ламия была под контролем Этолийского союза. Документ датируется по стратегу Этолийского союза:

τῶν Αἰτωλῶν·
στραταγέοντος Ἀγήτα Καλλ{λ}ιπολίτα (IG IX, 2, 62, l. 1–2).

Халейон (Халайон или Халей) – современный Галаксиди – находился на северном побережье Коринфского залива и входил в состав Фокиды. Его населяли локры озольские. Город, видимо, был связан с Дельфами, о чем может говорить и близкое соседство и то, что главным богом его был Аполлон. Как и Ламия в III в. до н.э., город, скорее всего, был под властью этолян, так как они уже в 277 г. до н.э. контролировали голос озольских локров в Амфиктионии[28]. Однако, в отличие от постановления Ламии, в сохранившемся тексте надписи Халейона этоляне не упоминаются. Но, возможно, они были названы в испорченной части надписи.

Итак, в конце III в. до н.э. Ламия и Халейон были под контролем Этолийского союза, который сложился около 326 г. до н.э. Его влияние в Элладе усилилось после того, как в 278 г. до н.э. он внес большой вклад в борьбу с нашествием галлов и победу над ними около Дельф. После их изгнания этоляне получили два голоса в Дельфийской амфиктионии[29]. Документы 268 г. до н.э. показывают, что в это время у них уже было шесть голосов. Этолийский союз теперь контролировал территории до Малийского залива[30]. С давних времен основным источником доходов этолян было пиратство, о чем часто говорит Полибий, акцентируя внимание на их жестокости, творимых беззакониях и даже оскорблении богов[31]. Например, он рассказывает, что Доримах и Скопас (предводители этолян) «отправили на море пиратов, которые подле Кифер встретили царское македонское судно, доставили его с командою в Этолию и там продали начальников корабля, солдат и самый корабль. Пираты опустошали побережье Эпира» (Polyb. IV. 6. 1–2). Правда, Полибий может быть пристрастен, так как он был членом Ахейского союза – конкурента и врага этолян.

Желая себя обезопасить от нападений этолийских пиратов, полисы добивались получения от Этолийского союза признания асилии своих святилищ или всего города[32]. Примерно в те же годы, когда отправилась в свое путешествие Аристодама, послы Магнесии на Меандре просили у «полисов, народов и царей» признания своего святилища Артемиды Левкофриены и всего города «священным и неприкосновенным»[33]. Между 221 и 217 гг. они отправили посольство и к Этолийскому союзу[34]. Вероятно, к нему магнеты обратились раньше, чем к другим, так как хотели заручиться гарантиями от набегов пиратов на земли города и от

[26] Flacelière 1937, 183; Roux 1979, 3.
[27] Roux 1979, 21.
[28] Уолбэнк 2023, 268.
[29] Flacelière 1937, 93–94.
[30] Уолбэнк 2023, 268.
[31] Polyb. IV. 3. 1; 8–10; 16. 4; 18. 5–12; 62. 1–5; 67. 4; 79. 3; IX. 34, 5–11 etc.
[32] Дэвис 2023а, 331–332.
[33] Шарнина 2021,176–192.
[34] О датировке надписи см.: Rigsby 1996, 191–192.

нападений на участников праздника[35]. В постановлении этолян[36] говорится, что они признают город священным и неприкосновенным и запрещают этолянам захватывать людей с территории магнетов (Rigsby 67, 12–20[37]).

Возможно, Смирна, асилия которой была признана еще при Селевкидах, теперь по каким-то причинам решила вновь ее подтвердить и присоединиться к движению греческих полисов, боровшихся за признание своих праздников общегреческими и в связи с этим добивавшихся асилии святилища и города.

Может быть, за 25 лет асилия Смирны была подзабыта, к тому же город теперь был под властью Пергама. А Аттал I около 219 г. до н.э. установил дружественные отношения с Этолийским союзом[38]. И Смирна, пользуясь покровительством Аттала и его дружбой с этолянами, отправила посольство к городам, которые не только были под контролем Этолийского союза, но и издавна были связаны с Дельфами и Пилейско-Дельфийской амфиктионией, игравшей особую роль в признании асилии полисов и их святилищ.

Аристодаме могли заранее поручить написать поэмы об истории этолян и тех общин, которые посольство собиралось посетить, чтобы склонить их на свою сторону. То, что в межэллинских переговорах привлекали исторические сочинения и произведения поэтов, видно, например, из надписи Эпидамна. В постановлении о признании асилии святилища Артемиды Левкофриены и города Магнесии на Меандре народ Эпидамна хвалит ее послов в том числе за то, что они привели «оракулов бога, и поэтов, и историков» (Rigsby 96, 14–15).

Решения о признании асилии Смирны городами не сохранились. Аристодама же была удостоена отдельного постановления, так как произвела большое впечатление на слушателей. Почему именно ей сограждане поручили написать поэмы? Возможно потому, что она была известной в родном городе поэтессой, а также славилась своей ученостью. Ведь Аристодама должна была изучить не только историю Этолийского союза, но и не очень известных общин, сведения о которых, их предания и мифы нужно было искать, собирать по крупицам. Таким образом, Аристодама отправилась в это путешествие в составе делегации и была под надежной защитой.

К сожалению, доказать эту гипотезу нет возможности из-за отсутствия источников. Остается только надеяться, что когда-нибудь найдут подтверждающие ее надписи.

В любом случае, если даже эта гипотеза не верна, в этих двух надписях перед нами предстает необыкновенная для того времени женщина, свободная и образованная, к тому же смелая, бросающая вызов традиции. Ее пример показывает, что женщина в III–II вв. до н.э. не была совершенно бесправной и могла играть гораздо большую роль в общественной жизни полисов, чем обычно считается.

Кроме того, эти надписи являются еще одним свидетельством того, что в эллинистическую эпоху в греческих городах не было жестких границ между разными группами населения. В постановлениях о привилегиях, дававшихся полисами

---

[35] Шарнина 2021, 182.

[36] О правовой охране гарантий неприкосновенности этолянами греческого государства см. Сизов 2023, 36 –38.

[37] Здесь и далее номера надписей Магнесии на Меандре указываются по изданию Rigsby 1996.

[38] Климов 2010, 68.

или Дельфами, не делалось различия между мужчинами и женщинами, между жрицами, поэтами и музыкантами, врачевателями и другими благодетелями.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Bielman, A. 2015: Female Patronage in the Greek Hellenistic and Roman Republican Periods. In: S.L. James, S. Dillon (eds.), *A Companion to Women in the Ancient World*. Malden–Oxford, 238–248.

Bikerman, E. 1985: *Gosudarstvo Selevkidov* [*Institutions des Seleucides*]. Moscow.
Бикерман, Э. 1985: *Государство Селевкидов* / Пер. с фр. Л.М. Глускиной. М.

Davies, J.K. 2023: Kulturnye, sotsialnye i ekonomicheskie kharakteristiki ellinisticheskogo mira [Cultural, Social and Economic Features of the Hellenistic World]. In: F.W. Walbank, A.E. Astin, M.W. Frederiksen, R.M. Ogilvie (eds.), *Kembridzhskaya istoriya Drevnego mira. Ellinisticheskiy* mir [*The Cambridge Ancient History. The Hellenistic Word*]. Vol. VII/2. Moscow, 294–372.
Дэвис, Дж.К. 2023a: Культурные, социальные и экономические характеристики эллинистического мира. В кн.: Ф.-У. Уолбэнк, А.Э. Астин, М.У. Фредериксен, Р.М. Огилви (ред.), *Кембриджская история Древнего мира*. *Эллинистический мир* / Пер. с англ. А.В. Зайкова. Т. VII/2. М., 294–372.

Davies, J.K. 2023b: *Democratia i Classicheskaya Gretsiya* [*Democracy and Classical Greece*]. Moscow.
Дэвис, Дж.К. 2004: *Демократия и классическая Греция* / Пер. с англ. Н.Н. Трубниковой. М.

Flacelière, R. 1937: *Les Aitoliens à Delphes*. Paris.

Gluskina, L.M. 1975: *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Afin IV v. do n.e.* [*Problems of the Socio-Economic History of Athens in the 4th Century BC*]. Leningrad.
Глускина, Л.М. 1975: *Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э.* Спецкурс. Л.

Gluskina, L.M. 1994: Sotsial'nye instituty, economicheskie otnnosheniya i pravovaya praktika v Afinakh IV v. do n.e. Po sudebnym recham Demosfenofskogo korpusa [Social Institutions, Economic Relations and Legal Practice in Athens in the 4th Century BC. According to the Judicial Speeches of the Demosthenian Corps.]. In*: Demosfen. Rechi. v trekh tomakh* [*Demosthenes. Speeches. 3 vols*]. Vol. II. Moscow, 405–467.
Глускина, Л.М. 1994: Социальные институты, экономические отношения и правовая практика в Афинах IV в. до н. э. По судебным речам Демосфеновского корпуса. В кн.: *Демосфен. Речи.* В трех томах. Т. II. М., 405–467.

Herman, G. 1987: *Ritualised Friendship and the Greek City*. Cambridge.

Klimov, O.Yu. 2010: *Pergamskoe Tsarstvo. Problemy politicheskoy istorii i gosudarstvennogo ustroystva* [*The Kingdom of Pergamon. Problems of Political Institutions and History*]. St. Petersburg.
Климов, О.Ю. 2010: *Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства.* СПб.

Kudryavtseva, T.V. 2022: Sud v Drevnikh Athinakh. [Court in Ancient Athens]. In: Kudryavtseva, T.V., Khrustalev, V.K. *Sudebny protsess v Antichnosti* [*Trial in Antiquity*]. St. Petersburg, 13–214.
Кудрявцева, Т.В. 2022: Суд в Древних Афинах. В кн.: Кудрявцева, Т.В., Хрусталев, В.К. *Судебный процесс в античности.* СПб., 13–214.

Leavo, D.F. 2012: The Myth of Autochthony, Athenian Citizenship and the Right of Enktesis: a Legal Approach to Euripides "Ion". In: B. Legras, G. Thür (eds.), *Symposion 2011. Études d'histoire du droit grec et hellenistique (Paris, 7–10 septembre 201*1). Wien, 141–144.

Mack, W.J.B. 2015: *Proxeny and Polis. Institutional Networks in the Ancient Greek World.* Oxford.

Nikitsky, A.V. 1901: *Issledovaniya v oblasti grecheskikh nadpisey* [*Research in Greek Inscriptions*]. Yuryev.
Никитский, А. 1901: *Исследования в области греческих надписей.* Юрьев.

Osborne, R. 1997: Law, the Democratic Citizen and the Representation of Women in Classical Athens. *Past and Present* 155, 3–33.

Pecirka, J. 1966: *The Formula for the Grant of Enktesis in Attic Inscriptions*, Praha.

Pomeroy, S.B. 1994: *Goddesses, Whores, Wives and Slaves.* London.

Rigsby, K.J. 1996: *Asylia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World.* Berkeley–Los Angeles–London.

Roux, G. 1979: *L'Amphictionie, Delphes et le Temple d' Apollon au IV-e siecle.* Lyon.

Rutherford, I. 2009: Aristodama and the Aetolians: An Itinerant Poetess and her Agenda. In: R. Hunter, I. Rutherford (eds.), *Wandering Poets in Ancient Greek Culture: Travel, Locality and Pan-Hellenism*. Cambridge, 237–248.

Sharnina, A.B. 2014: Prokseniya v mezhpolisnykh otnosheniyakh Ellady [Proxeny in Inter-Poleis Relations in Hellas]. *Mnemon. Isledovaniya i publicatsii po istorii antichnogo mira* [*Mnemon. Investigations and Publications on the History of Ancient World*] 14, 129–142.
Шарнина, А.Б. 2014: Проксения в межполисных отношениях Эллады. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 14, 129–142.

Sharnina, A.B. 2021: Panellinskie prazdnestva v diplomaticheskoy deatel'nosti ellinisticheskich polisov (Magnesia na Meandre) [Panhellenic Festivals in the Diplomatic Activities of Hellenistic Poleis (Magnesia on the Meander)]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*] 1, 176–192.
Шарнина, А.Б. 2021: Панэллинские празднества в дипломатической деятельности эллинистических полисов (Магнесия на Меандре). *ПИФК* 1, 176–192.

Sizov, S.K. 2023: Federal'naya yustitsiya v soyuzakh ellinisticheskoy Gretsii (Etoliya, Akarnaniya, Fessaliya) [Federal Justice in the Koina of Hellenistic Greece (Aitolia, Acarnania, Thessaly)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo* [*Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*] 5, 36–47.
Сизов, С.К. 2023: Федеральная юстиция в союзах эллинистической Греции (Этолия. Акарнания. Фессалия). *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского* 5, 36–47.

Walbank, F.W. 2023a: Makedoniya i grecheskie soyuzy [Macedonia and the Greek Leagues]. In: F.W. Walbank, A.E. Astin, M.W. Frederiksen, R.M. Ogilvie (eds.), *Kembridzhskaya istoriya Drevnego mira. Ellinisticheskiy* mir [*The Cambridge Ancient History. The Hellenistic Word*]. Vol. VII/1. Moscow, 508–547.
Уолбэнк, Ф.-У. 2023а: Македония и греческие союзы. В кн.: Ф.-У. Уолбэнк, А.Э. Астин, М.У. Фредериксен, Р.М. Огилви (ред.), *Кембриджская история Древнего мира*. *Эллинистический мир* / пер. с англ. А.В. Зайкова. Т. VII/1. М., 508–547.

Walbank F.W. Makedoniya i Gretsiya [Macedonia and Greece]. In: F.W. Walbank, A. E. Astin, M. W. Frederiksen, R. M. Ogilvie (eds), *Kembridzhskaya istoriya Drevnego mira. Ellinisticheskiy mir [The Cambridge Ancient History. The Hellenistic Word]* VII. Pt.2, 221–256.
Уолбэнк, Ф.-У. 2023б: Македония и Греция. В кн.: Ф.-У. Уолбэнк, А.Э. Астин, М.У. Фредериксен, Р.М. Огилви (ред.), *Кембриджская история Древнего мира*. *Эллинистический мир* / пер. с англ. А.В. Зайкова. Т. VII/2. М., 254–293.

A TOURING POETESS FROM SMYRNA OF IONIA

Ariadna B. Sharnina

Herzen State Pedagogical University; Saint Petersburg, Russia

E-mail: ariadna@setname.com

The article examines the texts of two inscriptions of the II century BC dedicated to Aristodama, a poetess from Smyrna, who performed in the cities of Lamia and Haleion, examines the privileges she received from these cities, their real significance. It is suggested that Aristodama may have participated in the embassy of Smyrna to the Aetolian Union and the cities, which were members of the Pilaean-Delphic Amphictyony, with a request for confirmation of the asylia (inviolability) of Smyrna and its sanctuary.

Keywords: Ancient Greece, Aristodama, poetess, proxenos, euergetes, enktesis, citizenship, asylia, asphalia, Aetolians, embassy, sanctuary

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 156–163
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 156–163
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-156–163

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ СЕНЕКИ

С.С. Демина

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия

E-mail: ist-drev@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7736-4222

В статье обсуждаются теоретические взгляды Сенеки на общие и отличительные черты богов и людей, которых, по его мнению, объединяют разум, душа, подвластность судьбе (fatum), добродетель, способность радоваться и любить людей. Но смертные, в отличие от богов, подвержены страстям и порокам. В условиях предопределенности люди обладают двумя божественными дарами – свободой воли и разумом. Свобода воли проявляется в ситуации выбора между добродетелью и пороком, а разум помогает познавать природу, божественный мир и сознательно выбирать путь самосовершенствования, который приближает людей к божеству. Сенека демонстрирует, что стоицизм тесно связан с традиционными римскими религиозными взглядами, поэтому может являться ориентиром их поведения.

Ключевые слова: Древний Рим, стоицизм, Сенека, религия

В творчестве Луция Аннея Сенеки Младшего (ок. 4 г. до н. э. – 65 г. н. э.) проблема взаимоотношений человека и божества является одной из важнейших, наряду с поиском путей самосовершенствования для достижения счастья. В теоретических сочинениях он обращается к ней многократно. Исследователи отмечают, что, подобно другим стоикам раннего и позднего периодов развития этого учения, Сенека отождествлял бога с мировым разумом, судьбой (fatum, fortuna), провидением, природой, считая его первопричиной всего сущего, творческой силой, формирующей материю, источником всех добродетелей[1]. П.А. Бутаков при этом утверждает, что приверженцы стоицизма не рассматривали бога как «личность высшей степени достоинства», поскольку в их понимании он не обладает человеческими качествами[2]. Как считают Е.М. Штаерман и С. Е. Фишер, хотя бог,

Данные об авторе. Светлана Сергеевна Демина – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ВлГУ.

[1] Виппер 1948, 53; Штаерман 1985б, 184; 1987, 253; Fischer 2008, 2, 12, 39; Reydams-Schils 2010, 211; Рубанов 2023, 5. О понимании бога ранними стоиками см.: Bobzien 1998, 45. Трактовку божества поздними стоиками см.: Лосев 1979, 308.

[2] Бутаков 2017, 568.

с точки зрения Сенеки, един, однако он имеет много имен[3]. Р.Ю. Виппер указывает, что под «бессмертными богами» (dii immortales), которых римский автор «постоянно и почтительно упоминает», подразумевалась божественная сила как таковая[4]. С.Е. Фишер также замечает, что этот мыслитель не делал различия между понятиями «бог» и «боги»[5].

Эти выводы специалистов, в целом бесспорные, можно немного дополнить. Хотя вопрос о времени создания теоретических произведений Сенеки до сих пор остается дискуссионным, все же при изучении на их основе религиозной тематики обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, в отличие от сочинений 50–60-х гг. н.э., в ранних трудах, написанных с конца 30-х до конца 40-х гг. н.э.[6], Сенека в подавляющем большинстве случаев употребляет слово «бог» (deus) во множественном числе (di), крайне редко используя единственное число (см.: Ad Helv. 5. 2; De otio. 4. 2), а иногда упоминает и «богинь» (deae) (Ad Helv. 10. 2; Ad Polyb. 12. 5). Во-вторых, определение божества как «ума вселенной» (mens universi), разума (ratio), всего, что человек видит и не видит («quod vides totum et quod non vides totum»), признание его единства и неделимости на части при наличии у него разных имен (таких, как, например: Юпитер, Либер, Геркулес, Меркурий), отождествление его с духом (animus), судьбой (fatum, fortuna), «причиной причин» (causa causarum), провидением (providentia), природой (natura), мирозданием (mundus) отчетливо представлены лишь в поздних сочинениях Сенеки (см.: De benef. IV. 7. 1–2, 8. 1–3; Nat. quest. I. Prol. 13–14, II. 45. 2–3). Однако и в них он зачастую употребляет слово «бог» во множественном числе наряду с единственным. Контекст употребления терминов «deus» и «di» позволяет утверждать, что речь в поздних сочинениях этого автора не идет о противопоставлении стоического бога и римских богов, но эти термины являются у него взаимозаменяемыми. В связи с указанными обстоятельствами можно предположить, что Сенека не сразу принял идею Зенона о едином боге, а позднее, признав ее правильной, тем не менее продолжал использовать слово «di», чтобы не вызвать неприязненное отношение к стоицизму у читателей-современников, придерживавшихся традиционных для Рима религиозных взглядов. Возможно даже, что и сам этот мыслитель не отказался в полной мере от существовавшего в его обществе веками политеизма. Включив все римские божества в понятие единого бога, он тем самым попытался примирить стоицизм с традиционной религией.

С точки зрения Сенеки, бог создает судьбу человека[7], посылает испытания и наблюдает за их преодолением, губит или возвышает одних над другими[8], но при этом не может оберегать от несчастий[9]. Должное отношение людей к богу, как отмечает Е.М. Штаерман, в сочинениях этого римского стоика сводится к его по-

[3] Штаерман 1985б, 184; 1987, 254; Fischer 2008, 12.
[4] Виппер 1948, 52.
[5] Fischer 2008, 2.
[6] В 30-е – 40-е гг. были созданы сочинения «Об утешении к Марции», «Об утешении к матери Гельвии», «Об утешении к Полибию», «О стойкости мудреца», «О досуге», «О безмятежности духа», «О гневе». Остальные философские произведения были написаны Сенекой в 50-е – 60-е гг. н.э. Подробнее см.: Marshall 2014, 34–37, 41–43.
[7] Рубанов 2023, 5.
[8] Виппер 1948, 53; Штаерман 1985б, 184; 1987, 254; Bernstein 2017, 91.
[9] Reydams-Schils 2010, 212.

знанию, добровольному подчинению и прославлению[10]. Р.Ю. Виппер и М. Фрэдэ, затрагивая данный вопрос, особым образом выделяют мудреца и утверждают, что тот, по мнению Сенеки, хочет подражать божеству[11], стремясь продемонстрировать своими поступками творческое начало, созерцательность и проницательность[12]. Можно заключить, что представления этого мыслителя о взаимоотношениях бога и людей на основе сведений, содержащихся в его теоретических сочинениях, охарактеризованы в науке фрагментарно, что и дает основания обратиться к их изучению.

Как полагает Сенека, люди до́роги богам больше всего («carissimos nos habuerunt di inmortales habentque»: De benef. II. 29. 6). Будучи способными навредить любому человеку (De ira. I. 20. 9), они все же являются благотворящими (De benef. IV. 9. 1, 19. 1) и преднамеренно (ex destinato) помогают (De benef. VI. 23. 4; см. также: Epist. XLI. 2), ничего не ожидая получить в ответ («sine spe recipiendi»), ибо ни в чем не нуждаются, да и смертные не в состоянии что-либо им дать (De benef. IV. 9. 1). Божественные благодеяния даруются как хорошим людям (boni), так и плохим (mali), поскольку обо всем человечестве бессмертные заботятся больше, чем об отдельном индивиде (De benef. IV. 28. 1; De provid. 3. 1). Но их помощь не является одинаковой для всех: кого-то (например, Октавиана Августа) они выделяют своими благодеяниями особым образом (De brevit. vitae. 4. 2), в то время как другим посылают потери и иные испытания (De provid. 1. 6; 2. 6–9; 4. 5–8; 5. 5–6; 6. 1–7). Эти жизненные трудности чаще выпадают на долю хороших людей, что обычно воспринимается как несправедливость. Однако, с точки зрения Сенеки, они не являются бедами (mala) (Epist. LXXXV. 26), а создают условия, в которых человек борется со своими страстями, становясь лучше, то есть ближе к божеству. Римский стоик пишет, что «несчастье – это повод (для проявления) добродетели» («calamitas virtutis occasio est»: De provid. 4. 6). Помощь божества человеку заключается не в том, чтобы оградить его от трудностей (De provid. 6. 6), а в даровании средств для его самостоятельной борьбы с ними. Такими «инструментами» для преодоления любых жизненных испытаний являются разум и свобода воли. Разум (ratio), как утверждает Сенека, «у богов и людей общий» («dis hominibusque communis est»), но у бессмертных он «доведен до совершенства» (consummata est), а у смертных – «поддающийся улучшению» (consummabilis) (Epist. XCII. 27). Именно он позволяет человеку бороться с фортуной-случаем путем познания себя и природы (см.: De brevit. vitae. 5. 3; De provid. 4. 1–3; Epist. LXXXII. 5–6; CX. 20) и, воспользовавшись другим божественным даром – свободой воли, самостоятельно сделать правильный, хотя и трудный выбор между пороком и добродетелью в пользу последней[13]

По мнению Сенеки, сопротивление смертного испытаниям угодно богу (De provid. 2. 9; 3. 3; 4. 6–7), а проявленные при этом непреклонность, мужество, храбрость вызывают у него радость и любовь (De provid. 2. 11–12; 4. 5). В этой связи справедливое утверждение С.Е. Фишер о том, что этот римский автор не приписывает богам такие чувства, как зависть и гнев[14], можно дополнить замечанием о

[10] Штаерман 1985а, 60, 62; 1985б, 184; 1987, 253–254.
[11] Виппер 1948, 53; Frede 2011, 88.
[12] Frede 2011, 88.
[13] Frede 2011, 87–88.
[14] Fischer 2008, 57.

том, что бессмертные, с его точки зрения, все же не являются абсолютно бесчувственными, ибо они могут испытывать радость и любовь по отношению к людям. Однако эта радость (gaudium) не тождественна чувству наслаждения (voluptas)[15], которое, согласно ошибочному мнению поэтов, может быть свойственно Юпитеру (De brev. vitae. 16. 5).

Вообще, как отмечает Сенека, общепринятые представления о богах полны заблуждений (errores) (De brev. vitae. 16. 5), носят несправедливый характер (Epist. XCIII. 1) и иногда даже заслуживают того, чтобы считаться проявлениями безумия (furor, dementia) (De brev. vitae. 16. 5; De ira. I. 20. 9; Epist. X. 5). Так, люди ошибочно полагают, будто именно бессмертные являются создателями (auctores) пороков (De brev. vitae. 16. 5), в то время как сам Сенека объясняет их возникновение дошедшими до запущенного состояния страстями[16]. Зачастую божество упрекают в несправедливой участи человека, наполненной различными испытаниями (см.: De provid. 5. 9). Кроме того, одни живут в непрерывном страхе перед богами, их гневом, а другие не только нечестивыми словами, но и поступками бросают им вызов, словно хотят им навредить (De ira. I. 20. 8–9; De benef. IV. 19. 1; VI. 30. 1; VII. 7. 3; Nat. quest. II. 42. 3; Epist. CXXIII. 16). Сенека не поддерживает обе эти позиции. Первой из них он возражает утверждением о том, что разумный (sanus) человек не боится богов (De benef. IV. 19. 1). На любовь богов к смертным необходимо отвечать любовью, в то время как со страхом она не может быть совместимой (De benef. IV. 19. 1; Epist. CXXIII. 16). Укоренившаяся в общественном сознании идея о необходимости гнева богов для того, чтобы человек мог испытывать чувство благодарности, вызывает у римского стоика печаль, и он высказывает предложение устранить ее из всякой молитвы (De benef. VI. 30. 1). По поводу второй позиции, касающейся святотатства, Сенека заявляет, что нечестивец (sacrilegus) не может обидеть бессмертного, которого его божественность (sua divinitas) возвышает над всем земным (De benef. VII. 7. 3). Наказание же за святотатство является необходимым, с точки зрения смертных (De benef. VII. 7. 3), ибо оно напоминает нечестивцам об обязательности почтительного отношения к богам и должно побуждать их самих и тех, кто мог бы последовать их примеру, поступать надлежащим образом. Именно «для усмирения душ невежественных (людей)» («ad coercendos inperitorum animos») мудрейшими мужами в общественном сознании поддерживается страх (metus) перед Юпитером с его тремя молниями предупреждающего и карающего назначения (Nat. quest. II. 42. 3). Следовательно, с одной стороны, Сенека как мыслитель негативно относится к страху и призывает бороться с ним, как и с другими страстями, пагубно влияющими на человека. Однако, с другой стороны, как общественно-политический деятель, осознающий существование разницы между должным и действительным, он считает допустимым и даже необходимым использование идей о каре богов в качестве средства, регулирующего коллективное и индивидуальное поведение в сторону его улучшения, приведения в соответствие с философскими и жреческими представлениями о должном[17].

[15] О соотношении смыслов терминов «gaudium» и «voluptas» у Сенеки см.: Evenepoel 2014, 47–48.

[16] Подробнее см.: Демина 2023, 742.

[17] Заметим, что благотворное влияние чувства страха перед карой богов на правовое поведение гражданина, его содействие укреплению благочестия отмечал и Цицерон. См. об этом: Демина 2011, 8.

Сенека отмечает, что бессмертные никогда не меняют своих решений и не сожалеют о них, оставаясь непреклонными (De benef. VI. 23. 1–2). Судьба-fatum как «цепь взаимно переплетающихся причин» («series inplexa causarum»: De benef. IV. 7. 2), «неизбежность всех обстоятельств и поступков» («necessitatem rerum omnium actionumque»: Nat. quest. II. 36), однажды созданная творцом (De provid. 5. 8), вечна, неизменна, обязательна для людей и богов (Nat. quest. II. 34. 3–4; 35. 1–2; De provid. 5. 8). Из этих идей логично вытекает вопрос о том, нужны ли молитвы и религиозные обряды, если они не могут повлиять на решения богов о текущем ходе событий. Форма диалога, которую Сенека многократно использовал при создании сочинений, приписывая воображаемому оппоненту определенные мысли и обстоятельно излагая свои собственные[18], позволила этому римскому автору представить два понимания предопределенности (см.: Nat. quest. II. 35–38), поскольку для него было крайне важно, чтобы читатели (его современники) не просто правильно поняли его идеи, но приняли их как руководство к действию. Первое понимание носит линейный, безальтернативный характер. Его суть сводится к следующему: если все предопределено (обстоятельства, решения человека, его поступки, последствия), то молитвы и религиозные обряды не имеют никакого значения, поскольку они не способны ничего изменить. Такая позиция, по мнению Сенеки, упрощает и даже в определенной степени искажает смысл понятия предопределенности и предполагает полное отсутствие у человека свободы воли, отрицает ситуации нравственного выбора. Возражая ей, он выстраивает собственную концепцию, более сложную, не линейную, а разветвленную, подразумевающую наличие альтернативы внутри предначертанного хода событий благодаря свободе воли человека. С одной стороны, обстоятельства, в которых оказывается индивид, его поступки (в том числе обращение к богам с мольбами и совершение религиозных обрядов) заранее предопределены судьбой-fatum. Изменчивый характер судьбы-fortuna, посылающей смертным различные испытания, также твердо установлен, т.е. она всегда была, есть и будет изменчивой (см.: Epist. IX. 12; XLIV. 4; CIV. 28). Однако, с другой стороны, власть судьбы-fortuna не является безграничной, поскольку «над нравами судьба власти не имеет» («in mores fortuna ius non habet»: Epist. XXXVI. 6), поэтому именно на этапе нравственного выбора между добродетелью и пороком и проявляется свобода воли человека. В зависимости от этого выбора далее следует череда поступков и последствий, развивая события по одному из сценариев, заранее заданных судьбой-fatum, вплоть до следующей ситуации выбора между добродетелью и пороком. При этом Сенека отмечает, что человек должен быть тверд в своем намерении и решении неуклонно стремиться к добродетели и бороться не с обстоятельствами, ибо это невозможно, а со своими страстями и пороками, которые характеризуют его отношение к этим обстоятельствам, обычно воспринимаемым как опасности, трудности, испытания. Именно такую непоколебимость, принципиальность, верность своему нравственному выбору проявляют мудрецы (Nat. quest. II. 36), становясь все ближе и ближе к богам. Всех смертных и бессмертных объединяет душа (animus), разум (ratio) (Nat. quest. I. Prol. 14), но дружбой хороших людей и богов связывает лишь добродетель («inter bonos viros ac deos amicitia est conciliante virtute»: De provid. 1. 5).

[18] Bernstein 2017, 77.

Размышления о молитве позволяют Сенеке затронуть также вопрос о значимости общественного мнения о человеке. В одном из «Нравственных писем к Луцилию» (Epist. X. 5) он приводит слова философа Афинодора о том, что подлинной свободой от всех сильных желаний (а они, как известно, относятся, с точки зрения стоиков, к страстям) обладает лишь человек, который молит богов о том, о чем он не постеснялся бы просить открыто (palam). Обычно люди свои «самые отвратительные стремления богам нашептывают» («turpissima vota dis insusurrant»), боясь быть кем-то услышанными из-за возможного осуждения со стороны общественного мнения. Сенека считает это безумием (dementia) и советует Луцилию (следовательно и всем своим читателям) жить, вести себя по отношению к людям так, «будто бог (это) видит» («tamquam deus videat»), а с богом в молитвах разговаривать таким образом, «словно люди слушают» («tamquam homines audiant») (Epist. X. 5).

Таким образом, согласно Сенеке, люди похожи на бессмертных наличием разума, души, подвластностью судьбе-fatum, добродетелью с сопутствующей ей радостью, способностью любить. Однако смертные подвержены многочисленным страстям и, как следствие, порокам, которые отличают их от богов и препятствуют возможности возникновения между ними дружбы. В условиях предопределенности всего сущего, по мнению Сенеки, каждому смертному все же предоставлена свобода воли, проявляющая себя в ситуации выбора между добродетелью, сближающей его с божеством, и пороком. Стоическое учение, с точки зрения этого римского автора, помогает человеку познать природу, божественный мир и сознательно встать на путь самосовершенствования.

Важно также отметить, что Сенека пытается убедить своих читателей-современников в том, что между стоицизмом и традиционными римскими религиозными взглядами нет противоречий, но, более того, он основывается на них, и по этой причине может служить духовно-ценностным ориентиром их поведения. Даже идея о едином боге, которую и сам Сенека, вероятно, принял не сразу, не должна была оттолкнуть римских читателей I в. н.э. от стоического учения, ибо в интерпретации этого мыслителя понятие единого бога не отрицает множество божеств, а включает их в свое содержание. Это проявляется в его сочинениях и на терминологическом уровне, когда он употребляет термины «deus» и «di» как взаимозаменяемые. Негативное отношение Сенеки к страху как одной из страстей все же не привело его к отрицанию традиционной для римского сознания идеи о каре богов. Он признает ее пользу для коррекции поведения нечестивых людей. Наконец, разъясняя свое понимание предопределенности, он также пытается убедить читателя-современника в отсутствии противоречий между учением стоиков и традиционным для римлян признанием значимости молитв и религиозных обрядов. В то же время Сенека указывает на наличие в общепринятых взглядах о богах множества заблуждений, которые он и пытается развенчать, уделив в своих теоретических произведениях большое внимание религиозной тематике.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Bernstein, N.W. 2017: *Seneca: Hercules Furens*. London–New York.
Bobzien, S. 1998: *Determinism and Freedom in Stoic Philosophy*. Oxford.

Butakov, P.A. 2017: Byl li bog stoikov lichnost'yu? [Was the Stoic God a Person?]. *ΣΧΟΛΗ* 11.2, 558–569.

Бутаков, П.А. 2017: Был ли бог стоиков личностью? *ΣΧΟΛΗ* 11.2, 558–569.

Demina, S.S. 2011: Predstavleniya Tsitserona i Sallyustiya o strakhe i ego vliyanii na grazhdanskoe povedenie [Cicero's and Sallust's Thoughts about Fear and its Influence on Civic Behavior]. In: S.S. Demina (ed.), *Cgelovek proshlogo: modeli soznaniya i povedeniya* [*Man of the Past: Models of Consciousness and Behavoir*]. Vladimir, 4–19.

Демина, С.С. 2011: Представления Цицерона и Саллюстия о страхе и его влиянии на гражданское поведение. В кн.: С.С. Демина (отв. ред.), *Человек прошлого: модели сознания и поведения*. Владимир, 4–19.

Demina, S.S. 2023: Tsitseron i Seneka o strastyakh i porokakh [Cicero and Seneca on Passions and Vices]. *ΣΧΟΛΗ* 17.2, 736–747.

Демина, С.С. 2023: Цицерон и Сенека о страстях и пороках. *ΣΧΟΛΗ* 17.2, 736–747.

Evenepoel, W. 2014: The Stoic Seneca on virtus, gaudium and voluptas. *L'Antiquité Classique* 83, 45–78.

Fischer, S.E. 2008: *Seneca als Theologe: Studien zum Verhältnis von Philosophie und Tragödiendichtung*. Berlin.

Frede, M. 2011: *A Free Will: Origins of the Notion in Ancient Thought.* Berkeley–Los Angeles–London.

Losev, A.F. 1979: *Ellinisticheski-rimskaya estetika I–II vv. n. e.* [*Hellenistic-Roman Aesthetics of the 1th–2nd centuries AD*]. Moscow.

Лосев, А.Ф. 1979: *Эллинистически-римская эстетика I–II вв. н.э.* М.

Marshall, C.W. 2014: The Works of Seneca the Younger and Their Dates. In: G. Damschen, A. Heil (eds.), *Brill's Companion to Seneca: Philosopher and Dramatist*. Leiden–Boston, 33–44.

Reydams-Schils, G. 2010: Seneca's Platonism: The Soul and Its Divine Origin. In: A. Nightingale, D. Sedley (eds.), *Ancient Models of Mind: Studies in Human and Divine Rationality*. New York, 196–215.

Rubanov, A.V. 2023: Stoicheskaya mudrost' Seneki [The Stoic Wisdom of Seneca]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya* [*Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*] 2, 4–14.

Рубанов, А.В. 2023: Стоическая мудрость Сенеки. *Журнал Белорусского гос. ун-та. Философия. Психология* 2, 4–14.

Shtaerman, E.M. 1985a: Ot grazhdanina k poddannomu [From Citizen to Subject]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Kul'tura drevnego Rima* [*Culture of Ancient Rome*]. Vol. 1. Moscow, 22–105.

Штаерман, Е.М. 1985а: От гражданина к подданному. В кн.: Е.С. Голубцова (отв. ред.), *Культура древнего Рима*. Т. 1. М., 22–105.

Shtaerman, E.M. 1985b: Ot religii obshchiny k mirovoy religii [From the Religion of the Community to the World Religion]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Kul'tura drevnego Rima* [*Culture of Ancient Rome*]. Vol. 1. Moscow, 106–209.

Штаерман, Е.М. 1985б: От религии общины к мировой религии. В кн.: Е.С. Голубцова (отв. ред.), *Культура древнего Рима*. Т. 1. М., 106–209.

Shtaerman, E.M. 1987: *Sotsial'nye osnovy religii drevnego Rima* [*Social Foundations of the Religion of Ancient Rome*]. Moscow.

Штаерман, Е.М. 1987: *Социальные основы религии древнего Рима*. М.

Vipper, R.Yu. 1948: Eticheskie i religioznye vozzreniya Seneki [Seneca's Ethical and Religious Views]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 43–63.

Виппер, Р.Ю. 1948: Этические и религиозные воззрения Сенеки. *ВДИ* 1, 43–63.

SENECA'S RELIGIOUS VIEWS

Svetlana S. Demina

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia

E-mail: ist-drev@yandex.ru

The article discusses Seneca's theoretical views on the common and distinctive features of deities and people, who, in his opinion, are united by reason, soul, subjection to fate (fatum), virtue, the ability to rejoice and love people. But mortals, unlike deities, are subject to passions and vices. In conditions of predetermination, people have two divine gifts – free will and reason. Free will is manifested in a situation of choice between virtue and vice, and reason helps to know nature, the divine world and consciously choose the path of self-improvement, which brings people closer to the deity. Seneca demonstrates that Stoicism is closely related to traditional Roman religious views, so it can be a guide for their behavior.

Keywords: Ancient Rome, Stoicism, Seneca, religion

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 164–177
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 164–177
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-164–177

ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ И БРУНДИЗИЙСКИЙ МИР (ЛЕТО – ОСЕНЬ 40 г. до н.э.)

Г.Л. Криволапов

Независимый исследователь, Москва, Россия

E-mail: glkrivolapov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1814-8746

В статье рассматриваются ход и характер вооруженных действий Брундизийского конфликта между триумвирами Октавианом и Марком Антонием, а также причины замалчивания этих событий некоторыми древними авторами. Как было установлено, в конце лета – начале осени 40 г. до н.э. на юге Италии произошла важная для римской истории полноценная гражданская война, которая может быть названа Bellum Brundisinum по названию города, ставшего ее главным центром. Автор утверждает, что античные авторы подверглись влиянию пропаганды триумвиров. Антонию и Октавиану для сохранения собственной экстраординарной власти было необходимо предать исследуемый конфликт забвению, так как гражданские распри сделались для римских граждан к тому моменту невыносимы.

Ключевые слова: второй триумвират, гражданские войны, Брундизийский мир, Марк Антоний, Октавиан, Секст Помпей, Марк Агриппа, Аппиан, Дион Кассий

После победы над Брутом и Кассием в битве при Филиппах осенью 42 г.[1] триумвиры Марк Антоний и Октавиан фактически разделили между собой власть над Римской республикой. Антоний отправился на Восток, чтобы собрать деньги для уплаты жалования подконтрольным триумвирам войскам, тогда как Октавиан должен был заниматься устроением колоний для отслуживших свой срок ветеранов в Италии. Однако уже летом 40 г. между триумвирами произошел открытый разрыв. После этого Антоний высадился в Италии и осадил Брундизий, охраняемый войсками Октавиана. Но уже спустя буквально несколько недель amicitia между триумвирами была восстановлена, и они заключили Брундизийский мир, вновь разделив между собой римское государство.

Светоний сообщает, что Цезарь Август вел пять гражданских войн (мутинскую, филиппийскую, перузинскую, сицилийскую и актийскую), не упоминая при этом про Брундизийский конфликт[2]. Веллей Патеркул и Тит Ливий пишут, что

Данные об авторе. Глеб Леонидович Криволапов – кандидат исторических наук, независимый исследователь.

[1] Все даты в статье – до н.э.

[2] Suet. Aug. 9: Bella civilia quinque gessit: Mutinense, Philippense, Perusinum, Siculum, Actiacum...

Марк Антоний и Октавиан действительно готовились к войне друг с другом летом-осенью 40 г., однако до настоящего вооруженного столкновения дело так и не дошло[3]. Тем не менее Аппиан и Дион Кассий описывают вооруженные действия, предшествующие подписанию Брундизийского мира (App. *BCiv.* V.235–245; Dio Cass. XLVIII. 28–29. 1), а последний даже характеризует эти события как «πόλεμος» (Dio Cass. XLVIII. 27. 5, 28. 2)[4]. Как видно из источников, уже в древности существовали разногласия относительно того, каким образом классифицировать события на юге Италии летом-осенью 40 г. В связи с этим даже рассказы Аппиана и Диона Кассия об этой «войне» очень отрывочны и запутаны, на основании которых представляется проблематичным реконструировать ход и характер данных вооруженных действий. По этой причине события Брундизийского конфликта и не получили должного освещения в историографии[5]. Нам же представляется вполне достижимым установить логическую последовательность событий упомянутых военных операций, их сущность, замысел и топографию путем критического анализа источников. Кроме того, мы постараемся дать объяснение существованию различных трактовок этих событий, присутствующих в нарративной традиции.

***

До начала августа 40 г. фактического разрыва между двумя триумвирами не было. Однако уже в первой половине августа[6] Антоний вместе с Агенобарбом во главе флотилии из 270 кораблей пересек Ионийское море и приблизился к берегам Италии. Триумвир взял курс на самый большой и стратегически важный порт на юге Апеннинского полуострова – Брундизий. Тем не менее, когда корабли Антония приблизились к городу, жители Брундизия, по всей видимости, по приказу расположенного в городе гарнизона Октавиана, состоящего из 5 когорт (πέντε Καίσαρος τάξεων), закрыли перед ним ворота (App. *BCiv.* V. 56. 235). Эти действия

[3] Vell. II. 76. 3: Adventus deinde in Italiam Antonii apparatusque contra eum Caesaris habuit belli metum, sed pax circa Brundusium composita. Liv. Per. CXXVII: M. Antonius cum ad bellum aduersus Caesarem gerendum incitaretur ab uxore Fuluia ne concordiae ducum obstaret, pace facta cum Caesare, sororem eius Octauiam in matrimonium duxit.

[4] Dio Cass. XLVIII. 27. 5: κἀνταῦθα τῇ τε μητρὶ καὶ τῇ γυναικὶ συμμίξας τόν τε Καίσαρα πολέμιον ἐποιήσατο καὶ τῷ Σέξτῳ φιλίαν ἐσπείσατο; 28. 2: συνερρωγότων τε οὖν αὐτῶν ἐς τὸν πόλεμον.

[5] Большая часть исследователей передает лишь присутствующее в трудах Диона Кассия и Аппиана описание отдельных разрозненных операций этого вооруженного столкновения, не реконструируя полную картину боевых действий, охвативших юг Италии и прилегающие к ней острова, накануне заключения Брундизийского мира (Cf. Tarn 1934, 43; Huzar 1978, 137; Roberts 1988, 208 f.; Pelling 2008, 17; Sheppard 2008, 84 f.; Bleicken 2015, 171; Lange 2020, 137 ff. etc.). Ряд исследователей попытались определить сущность, замысел и топографию некоторых военных маневров этого конфликта (Cf. Kromayer 1894, 558 f., 562; Reinhold 1933, 23; Roddaz 1984, 64 и n. 184; Lindsay 2015, 42 f.). Тем не менее многие вопросы, связанные с этими событиями, остаются не решенными до сих пор. Не исследованы в полной мере степень участия и действия в этом конфликте полководца Октавиана М. Агриппы. Не определены в историографии сущность и замысел ряда военных маневров, предпринятых враждующими сторонами (задержка Октавиана в Канузии, захват Агриппой Сипонта и др.). Наконец, не поднимался вопрос о роли этих событий в пропаганде триумвиров после подписания Брундизийского мира, что оказало влияние на их отражение в нарративной традиции. Наконец, что является самым главным, не было предпринято попыток объяснить существование ключевых для понимания истории второго триумвирата разногласий в источниках, рассказывающих об этих событиях. Данные лакуны мы и постараемся заполнить в настоящей статье.

[6] См. хронологию и датировку основных событий второго триумвирата 40–39 гг., предложенные Й. Кромайером (Kromayer 1894, 556–563). Г. Ферреро полагает, что это произошло уже в сентябре (Ferrero 1908, 252).

были нацелены якобы против соучастника убийства Юлия Цезаря – Агенобарба, который неоднократно тревожил прибрежные районы своими неожиданными нападениями. Однако на самом деле это было сделано, как пишет Аппиан, «войсками Октавиана по его непосредственному приказу» (Ibid. 56. 236: τὸ δ' ἀληθὲς ἀποκλείεσθαι πρὸς τῶν Καίσαρος φρουρῶν γνώμῃ Καίσαρος), чтобы не допустить захвата Марком Антонием этого важного портового города (Ibid. 56. 235–236)[7].

По условиям соглашения, заключенного между триумвирами после битвы при Филиппах, Италия должна была находиться «в общем пользовании» (Dio Cass. XLVIII. 2. 2: ἐν κοινῷ ἀφέντες). Воспрепятствование войсками Октавиана входа кораблей Антония в порт Брундизия и сам город было прямым нарушением этого договора. Следовательно, это было очередной демонстрацией воинственных намерений со стороны молодого Цезаря[8]. В этих условиях союз между Антонием и Помпеем уже непременно должен был быть заключен, и по его условиям оба политических деятеля должны были открыто с оружием в руках выступить против Октавиана[9] (App. *BCiv.* V. 56. 238).

Брундизийцы не позволили Антонию проникнуть в город и его внутреннюю гавань, однако не могли помешать ему войти во внешнюю гавань и высадить войска. Марк Антоний был сильно взбешен таким поведением гарнизона Октавиана, однако город был очень хорошо укреплен и имел хоть и немногочисленные, но преданные молодому Цезарю войска. Штурмовать Брундизий было делом рискованным, поэтому Антоний приступил к его основательной осаде.

Брундизий располагался на полуострове в форме полумесяца, с трех сторон окруженный заливом[10]. Антоний перекопал рвом и укрепил с обеих сторон стенами единственный перешеек, связывающий город с большой землей. Сам же залив и остров Сант-Андре триумвир обнес прочными укреплениями. Таким образом, Брундизий оказался полностью отрезан от внешнего мира. Возведенные Антонием осадные укрепления напоминали в некоторой степени те, что были возведены Юлием Цезарем при осаде Алезии или же Октавианом при осаде Перузии. Сами осаждающие были защищены как со стороны города, чтобы предотвратить все попытки осажденных прорвать блокаду изнутри, так и снаружи, чтобы иметь возможность при необходимости противостоять тем, кто явится на помощь к городу извне (Ibid. 56. 236–238) (рис. 1).

---

[7] Gabba 1971, 153; Bleicken 2015, 171. По мнению У. Тарна, ворота Брундизия могли закрыть и сами жители города, что было сделано действительно против Агенобарба и было вполне естественным. Гн. Агенобарб был осужден Lex Pedia как один из убийц Юлия Цезаря, следовательно, юридически флотоводец становился вне закона. Кроме того, флот Агенобарба только в прошлом году предпринял нападение на Брундизий, что делало его автоматически врагом населения города (Tarn 1934, 43).

[8] Schiller 1883, 91.

[9] Welch 2012, 235.

[10] Брундизий являлся один из главных городов Калабрии, а также важнейшим портом юга Италии, расположенным на побережье Адриатического моря. Внутренний порт Брундизия состоял из двух основных рукавов или ответвлений, врезающихся в сушу на большое расстояние и соединенных только очень узким проливом или выходом, сообщающимся с морем. За пределами этого узкого канала находилась внешняя гавань или рейд, который в значительной степени защищался небольшим островом или группой островков, которые теперь носят название Сант-Андре (Enn. Ann. 457; Caes. BCiv. I. 25; Strabo. VI. 3. 6; Luc. II. 610–624; App. BCiv. V. 56. 235–237).

Рис. 1. Карта вооруженных действий Брундизийского конфликта, конец лета – начало осени 40 г. до н.э.

Затем Антоний направил значительный воинский контингент вдоль италийского побережья на север, чтобы занять Сипонт[11] в Авзонии[12], а также разослал во всех направлениях небольшие кавалерийские отряды для рекогносцировки и занятия выгодных позиций. Наконец, он отдал приказ Сексту Помпею, чтобы тот открыто приступил к ведению боевых действий против Октавиана (App. *BCiv.* V. 56. 239; Dio Cass. XLVIII. 27. 5).

Таким образом, Антоний, обеспечив себя надежным плацдармом в Италии, расположенным в стратегически важном месте, приступил к развитию успеха, обеспеченного внезапностью его нападения. Со своей стороны Октавиан также, должно быть, воспринял неожиданное прибытие Антония к Брундизию в компании одного из их общих врагов, занесенного в проскрипционные списки и на протяжении всего предыдущего года тревожившего адриатическое побережье, как исключительно враждебный акт. Война была объявлена, и обе стороны приступили к решительным действиям.

В это же время Помпей, явно ожидавший от Марка Антония сигнала, послал одного из своих военачальников Менодора (Мену) овладеть принадлежавшей Октавиану Сардинией, на которой дислоцировались два его легиона под предводительством М. Лурия. Явившись со многими кораблями и четырьмя легионами, Менодор, по словам Аппиана, легко завладел островом и легионами Цезаря, пришедшими в замешательство от известий об объединении Антония с Помпеем, а потому и не оказавшими практически никого сопротивления (App. *BCiv.* V. 56.

[11] Сипонт, расположенный на берегу Адриатического моря, непосредственно к югу от большого мыса Гарган, в заливе глубокой бухты, образованной этим мысом и продолжением побережья Апулии, являлся стратегически важным городом и портом в Апулии (Strabo. VI. 3. 9).

[12] Антоний вначале захватил Сипонт, а только потом приступил к осаде Брундизия (Ferrero 1908, 252; Lindsay 2015, 42).

238). Подробности этой военной операции сообщает Дион Кассий. Вначале Лурию удалось нанести Менодору определенный урон, флотоводец же, в свою очередь, искусно инсценировал свое отступление. Ничего не подозревающий Лурий беспечно преследовал его. Тогда Менодор молниеносно развернул свои силы и разбил полководца Октавиана в решающем сражении. Лурий был вынужден бежать и покинул Сардинию, а полководец Секста Помпея овладел всеми городами на острове за исключением его главного города – Каралиса, который ему пришлось осаждать. В Каралисе нашли убежище легионеры Лурия, а потому город стал последним оплотом сопротивления Менодору (Dio Cass. XLVIII.30.7–8). Впрочем, и он, кажется, был вскоре захвачен (App. *BCiv.* V.56.238). После всех этих событий под контроль полководца Секста Помпея перешла и Корсика (Ibid. 67. 280)[13]. Сам же Помпей высадился с многочисленным войском в Бруттии[14], самом южном регионе Италии, после чего приступил к осаде двух городов в южной части Лукании, области, граничащей с Бруттием, – Фурий и Консентии[15], тогда как его конница разоряла их окрестности (Ibid. 56.239). Война между триумвирами, таким образом, уже шла полным ходом[16].

По мнению В.В. Рязанова, противники Октавиана завладели вследствие внезапности своего нападения всей южной Италией[17]. Однако мы полагаем, что данная точка зрения все же является преувеличением. Антонию удалось занять только побережье Адриатического моря от Брундизия до Сипонта в Апулии и Калабрии, тогда как Сексту Помпею – лишь частично область Бруттия, а также южную часть Лукании (окрестности городов Фурий и Консентии). При этом позиции союзников на юге Италии не были прочны. Из крупных городов им покорился лишь Сипонт, тогда как о взятии остальных важных города юга Италии (Брундизия, Тарента, Кротона, Регия и др.) источники не сообщают.

Кроме того, нельзя сказать, что Октавиан был абсолютно не готов к такому развитию событий. Его реакция оказалась молниеносной и исчерпывающей. Как только союз между Антонием и Помпеем стал очевиден, Октавиан вернулся в Рим и начал настраивать ветеранов против Антония, воскрешая в их сознании призрак победоносного возвращения partes Pompeianae (Ibid. 53. 219, 59. 246–247, 61. 259). Это была риторика самого Антония, использовавшаяся в 43 г. и обращенная теперь против него самого[18].

Значительная часть его войск уже находилась в относительной близости от Брундизия в виде гарнизонов в крупных городах юга Италии. С другой же частью

[13] См.: Bleicken 2015, 171.

[14] См.: Roberts 1988, 208.

[15] Консентия – внутренний город Бруттия и один из самых крупных городов в регионе. Она располагалась на холме, возвышающемся над долиной реки Кратид, недалеко от ее истоков. С военной точки зрения город представлял ценность, поскольку через него вела крупная дорога, проходящая через весь Бруттий и связывающая Мураний в Лукании с Регием. Фурии – первоначально афинская колония и один из городов Великой Греции. Фурии располагались на берегу Тарентского залива в Лукании между реками Кратисом и Сибарисом, недалеко от Сибарис, который в Средние Века и занял их место. В середине I века Фурии, без сомнения, все еще являлись большим и значимым городом, о котором рассказывают Страбон, Плиний и Аппиан (Strabo. VI. 1. 13; Plin. NH. III. 97; App. BCiv. V. 56. 239, 58. 244, 62. 265). О последних археологических раскопках в этом регионе см.: Bernasconi 2010, 377–390.

[16] Bleicken 2015, 171.

[17] Рязанов 2007, 82.

[18] Welch 2012, 235.

он оперативно выдвинулся из Рима по Аппиевой дороге на юг и вскоре достиг Канузия, во время пути доукомплектовывая имеющиеся в его распоряжении легионы за счет только что образованных колоний для ветеранов в северной Апулии (Ibid. 57. 240–242). Армия Октавиана была поделена на две основные части[19]. Одна под командованием Агриппы должна была оказать сопротивление части войск Марка Антония в Авзонии, а также Сексту Помпею в северной части Лукании (App. *BCiv.* V. 57. 240; Dio Cass. XLVIII. 28. 1). Другая же под командованием самого триумвира выдвинулась непосредственно против Антония к Брундизию (App. *BCiv.* V. 57. 240–241; Dio Cass. XLVIII. 28. 1). П. Сервилий Рулл должен был собрать дополнительные войска и также в скором времени прибыть к Брундизию на помощь Октавиану (Dio Cass. XLVIII. 28. 1)[20].

Посланный вперед Агриппа отбил у Антония Сипонт, расчистив тем самым для Октавиана дорогу к Брундизию, после чего полководец Цезаря повернул на юг и двинулся навстречу Сексту Помпею[21]. Вероятно, именно с этим и была связана непродолжительная задержка Октавиана в Канузии. Несмотря на сообщение Аппиана, который заявлял, будто бы Октавиан задержался в Канузии из-за болезни (App. *BCiv.* V. 57. 242: ὁ δὲ Καῖσαρ ἐν μὲν Κανυσίῳ τινὰς ἡμέρας ἐνοσηλεύετο), триумвир, вероятно, попросту предпочел подождать, пока М. Агриппа овладеет

[19] Аппиан, рассказывая о действиях Агриппы, сообщает, что полководец Октавиана направился к Брундизию уже после самого триумвира во главе «ἕτερος στρατός» (App. BCiv. V. 57. 241: ὁδεύων δ᾽ ὅμως ἐς τὸ Βρεντέσιον αὐτὸς μεθ᾽ ἑτέρου στρατοῦ…). Contra: Pelling 2008, 17 («Octavian sent Agrippa to the town's aid, and himself swiftly followed»).

[20] См.: Ferrero 1908: 252.

[21] Из источников нельзя однозначно сделать вывод, какие войска Октавиана действовали против войск Секста Помпея на юге Италии. Аппиан и Дион Кассий вполне точно сообщают, что Сипонт был взят Агриппой (App. BCiv. V. 58. 244; Dio Cass. XLVIII. 28. 1), а вот кто затем снял осаду с Фурий и Консентии александрийский историк не сообщает (App. BCiv. V. 58. 244). По его словам, новости обо всех этих успехах войск Цезаря дошли до триумвиров одновременно (Ibid.). В таком случае можно было бы утверждать, что Агриппа не мог находиться сразу в двух находящихся в значительном отдалении друг от друга местах, вследствие чего полководец Октавиана не имел отношения к борьбе с Помпеем на севере Бруттия (Schiller 1883, 91; Reinhold 1932, 23 n. 19; Tarn 1934, 43; Kromayer 1894, 558; Roddaz 1984, 64 n. 192; Lindsay 2015, 42–43). Однако Аппиан, подробно описывающий Брундизийский конфликт, не сообщает о наличии у Октавиана какой-то третьей армии (помимо его собственных войск и войск Агриппы), а успешно противостоять внушительным силам Секста Помпея (насчитывающих, как мы полагаем, в Италии до 10–12 легионов) могло лишь многочисленное войско, каковым и являлось войско М. Агриппы. В связи с этим объяснение Й. Кромайера, что осаду с Фурий удалось снять «von einem anderen Unterfeldherrn Octavians» (какому-то другому легату Октавиана), не кажется нам убедительным (Kromayer 1894, 558). Мы рискнем предположить, что Аппиан попросту нарушает хронологию событий (античный автор мог сам до конца не понимать суть военных операций, информацию о которых он копировал, вероятно, из «Истории» Азиния Поллиона, что было уже замечено за ним при исследовании нами и боевых действий Перузинского конфликта), относя взятие Сипонта ко времени уже после прибытия Октавивна к Брундизию, тогда как нам кажется, что это произошло ранее, поскольку Агриппа был послан Цезарем вперед (Dio Cass. XLVIII.28.1). Аппиан не упоминает о присутствии Агриппы во время переговоров под стенами Брундизия. По всей видимости, полководец Октавиана вплоть до отплытия Помпея на Сицилию вел с ним бои за контроль над Бруттием. Если бы Агриппа захватил Сипонт уже после войны с Помпеем или же вообще не участвовал в сражениях с этим флотоводцем, было бы трудно объяснить, почему он после взятия Сипонта не двинулся на помощь Октавиану к Брундизию. О действиях Агриппы в окрестностях Фурий и Консентии пишут и другие исследователи: Daniel 1933, 6 (Фурии); Hanslik 1961, 1233. Id. см.: Lange 2020, 137: «Sextus' attack on Southern Italy was however repelled by Agrippa». См. немного отличающуюся интерпретацию хода боевых действий и маневров Агриппы А.Ф. Мотте (Motte 1872, 37).

Сипонтом и тем самым обезопасит тылы (App. *BCiv.* V. 57. 242, 58. 244; Dio Cass. XLVIII. 28. 1)[22]. В самом деле, развертывание войск под стенами осажденного Антонием Брундизия, имея позади себя захваченный им же Сипонт, удобный плацдарм для оперативной переброски военного контингента в тылы Октавиана, должно было рассматриваться молодым Цезарем по меньшей мере как авантюра. События Перузинской войны[23] показали, как оперативное окружение главных сил неприятеля стало ключевым залогом победы, что Октавиан не мог не принимать во внимание. Таким образом, задержка молодого Цезаря в Канузии была связана, как представляется, с действиями Агриппы против Сипонта, после захвата которого Октавиан и направился к Брундизию.

Покинув Канузий, Октавиан вскоре достиг Брундизия[24] и расположился лагерем в непосредственной близости от города напротив укреплений Марка Антония, возведенных на перешейке, связывающем Брундизий с материком. Цезарь не решился сходу атаковать своего противника, успевшего изрядно подготовиться к возможному нападению и возвести внушительные фортификационные сооружения. Октавиан, должно быть, снова решил положиться на действия своего талантливого полководца М. Агриппы, избрав выжидательную стратегию (App. *BCiv.* V. 57. 242)[25].

Ситуация переменилась, и теперь уже Антоний оказался в меньшинстве под стенами Брундизия. По словам Аппиана, он был в состоянии, благодаря возведенным укреплениям, отразить атаку превосходящих по численности сил Октавиана. Однако к Брундизию, который стал главным театром боевых действий, стягивались все новые и новые подкрепления Цезаря. Сам же Антоний оказался одновременно между двух огней: осаждаемым им городом и самим триумвиром. Тогда Марк Антоний вызвал из Македонии Луция Цензорина с одним-двумя легионами. Тем не менее на переброску войск из Македонии требовалось время, вследствие чего Антонию даже пришлось имитировать прибытие подкреплений, чтобы таким образом ввести своих противников в заблуждение в отношении количества находящихся в его распоряжении войск (Ibid. 58. 243).

---

[22] Аппиан и в других местах своего труда пытается объяснить болезнью Октавиана причины определенных поступков и решений триумвира. Так, по мнению античного автора, после битвы при Филиппах Октавиан был вынужден действовать в Италии из-за болезни (App. BCiv. V. 3. 11). Однако в историографии уже было основательно показано, что истинной причиной такого положение вещей стала заинтересованность Марка Антония в деятельности на Востоке, а потому он попросту продиктовал Октавиану условия соглашения между ними, в результате чего молодой Цезарь и был вынужден заниматься устроением колоний для ветеранов в Италии (Парфенов 1983, 48–49; Syme 2002, 207; Pelling 2008, 8–9; Егоров 2012, 185; Osgood 2006, 159 etc.).

[23] Данный конфликт между Луцием Антонием и Фульвией (брат и жена триумвира Марка Антония), с одной стороны, и триумвиром Октавианом – с другой, переросший в начале осени 41 г. в открытое вооруженное противостояние, вошел в историю под названием Перузинской войны (сентябрь – конец февраля 41–40 гг.) по имени римского города в Этрурии Перузии, под стенами которой развернулись жесточайшие бои на последнем ее этапе.

[24] Во времена Страбона Рим и Брундизий соединяли две дороги. Первая, только для мулов, проходила через города Эгнатию, Нетий, Канузий и Гердонию. Вторая, называемая Аппиевой, была более удобна для повозок и проходила через Тарент, Урию и Венузию (Strabo. VI. 3. 7). Первой из них, по всей видимости, и воспользовался Октавиан, чтобы добраться из Канузия в Брундизий.

[25] Ошибочна точка зрения, что войсками Октавиана в окрестностях Брундизия командовал Агриппа («führte Vipsanius Agrippa ein Heer in die Nähe von Brundisium»): Bengtson 1977, 173.

В это роковое время надежды Октавиана на своего военачальника, наконец, оправдались. Агриппа, как и рассчитывал триумвир, смог добиться существенных успехов в противостоянии с Секстом Помпеем. И Антоний, и Октавиан были извещены о том, что Агриппе удалось обезопасить от Помпея Фурии, а сам он был, по-видимому, вынужден отступить с побережья Тарентского залива в глубь материка (App. *BCiv.* V. 58. 244; Dio Cass. XLVIII. 28. 1)[26]. Инициатива в борьбе за южные регионы Италии начала явно переходить на сторону Октавиана.

Действовать необходимо было здесь и сейчас, что опытный военачальник, каким, без сомнения, являлся Марк Антоний, не мог не понимать. Поэтому он лично с 400 всадниками неожиданно напал на П. Сервилия Рулла, который во главе 1500 всадников шел на помощь Октавиану (App. *BCiv.* V. 58. 245; Dio Cass. XLVIII. 28. 1). Застигнув врасплох расположившуюся на ночлег близ г. Урии (*Uria*) конницу Сервилия, Антоний, по словам Аппиана, захватил ее без боя и привел с собой обратно к Брундизию[27], так как «действовала еще слава непобедимости, приобретенная Антонием со времени битвы при Филиппах» (App. *BCiv.* V. 58. 245: τὸν Ἀντώνιον ὡς ἄμαχον ἐκ τῆς ἐν Φιλίπποις δόξης ἔτι κατεπεπλήγεσαν). Это была незначительная с военной точки зрения военная операция. Однако молниеносность и успешность ее осуществления должны были серьезно повлиять на боевой дух как друзей, так и врагов триумвира[28]. Оба триумвира, пишет Дион Кассий, «начали, таким образом, открытую войну и посылали сообщения различным городам и ветеранам, повсюду, откуда они надеялись получить помощь; и вся Италия была вновь ввержена в хаос, особенно Рим; и некоторые уже выбирали одну сторону или другую, а другие колебались»[29].

Тем временем Агриппа, одержав победу над войсками Секста Помпея, направился к Брундизию, зачислив в свои ряды поселенцев, которые ранее не согласились следовать за Октавианом на войну с Марком Антонием (Ibid. 58. 241). Положение под Брундизием после всех этих событий в середине сентябре 40 г. во многом повторяло ситуацию, сложившуюся весной 43 г. в Северной Италии под Мутиной[30], за тем лишь исключением, что оба триумвира обладали теперь гораздо более многочисленными войсками, а также занимали гораздо более прочное положение в государстве[31]. И если на юге Италии Октавиан обладал теперь существенным стратегическим и численным преимуществом, то с севера из Греции в Италию, вероятно, двигался с большим войском (6–9 легионами и множеством всадников) Азиний Поллион[32]. Положение обоих триумвиров было достаточно

[26] См.: Schiller 1883, 91.

[27] Дион Кассий, напротив, сообщает, что Антоний убил или взял в плен многих людей Сервилия (Dio Cass. XLVIII. 28. 1).

[28] Roberts 1988, 209.

[29] Dio Cass. XLVIII. 28. 2: πολλοὺς δὲ καὶ παρεστήσατο. συνερρωγότων τε οὖν αὐτῶν ἐς τὸν πόλεμον, καὶ διαπεμπόντων πρός τε τὰς πόλεις καὶ πρὸς τοὺς ἐστρατευμένους, ὁπόθεν τινὰ ὠφελίαν προσλήψεσθαι ἐνόμιζον, ἥ τε ἄλλη Ἰταλία αὖθις ἐταράσσετο καὶ ἡ Ῥώμη ὅτι μάλιστα, καὶ οἱ μὲν ἤδη πρὸς ἑκάτερον μεθίσταντο, οἱ δὲ ἔμελλον. Id. см.: Lindsay 2015, 43.

[30] Мутинская война – один из эпизодов гражданских войн после гибели Юлия Цезаря. Название она получила от г. Мутины в Северной Италии (Mutina). Марк Антоний осадил в Мутине Децима Брута, однако ему на помощь подошли войска сената под командованием консулов Гирция и Пансы, а также Октавиана. В результате недалеко от города в апреле 43 г. Антоний потерпел поражение.

[31] Pelling 2008, 17.

[32] Егоров 2012, 194.

шатким, и не один из них не мог быть уверен в своей победе[33]. В случае эскалации конфликта Италию бы непременно ожидало серьезное кровопролитие, однако благоразумие возобладало. Совместными усилиями триумвиров и их сторонников Антонию и Октавиану удалось прийти к соглашению и не допустить в 40 г. нового витка гражданских войн. Триумвиры имели все основания избегать новой междоусобицы, каждый по своим причинам, однако же достаточно весомым, чтобы эта незаинтересованность в войне вскоре склонила их к переговорам[34]. В результате в конце сентября – первой половине октября 40 г.[35] между Антонием и Октавианом был заключен Брундизийский мирный договор.

***

Таким образом, в конце лета – начале осени 40 г. между Марком Антонием и Секстом Помпеем, с одной стороны, и Октавианом – с другой, имела место полноценная война, охватившая юг Италии и прилегающие к ней острова (Сардинию и Корсику). Ее можно охарактеризовать как гражданскую и условно назвать Брундизийской, так как Брундизий стал ее главным центром. И все это даже несмотря на то, что решающего сражения между триумвирами так и не произошло (рис. 2).

Рис. 2. Осадные укрепления Антония под стенами Брундизия (After: https://octavianchronicles.com/?page_id=1110)

[33] Contra: Domaszewski 1909, 109: «Auch jetzt hatte Caesar keinen Grund, an dem endlichen Siege zu zweifeln»; Ferrero 1908, 253: «Thus the situation [for Octavian – Г. К.] began to seem desperate».

[34] Cf. Weigall 1931, 345 f.; Buchheim 1960, 35 ff.; Welch 2012, 235; eadem 2019, 458; Bleicken 2015, 171 f.; Lange 2020, 137 ff.

[35] Примерная дата Брундизийского договора между триумвирами выводится на основании того факта, что магистраты колонии Казин в Кампании восстановили signum concordiae 12 октября (CIL X. 5159). Такая датировка соответствует и выводам Й. Кромайера (Kromayer 1894, 563).

По какой же причине ряд античных авторов (Светоний, Тит Ливий, Веллей Патеркул) не упоминают об этой войне? Объяснение следует искать в том, что уже в конце 40 г. триумвирам было выгодно как можно скорее заставить население Италии забыть об этом конфликте. Гражданские войны стали для римлян настолько невыносимы, что это представляло опасность для экстраординарной власти триумвиров. Триумвирам было необходимо как можно скорее примириться друг с другом, что они и сделали в конце сентября – октябре 40 г. Однако даже заключение Брундизийского мира не решило всех проблем. Население Рима и других городов Италии было крайне недовольно правлением триумвиров. Их обвиняли в том, что они сражаются за собственные интересы, обрекая народ на страдания.

С риском для жизни Антоний и Октавиан подавили бунт, стихийно возникший на Римском форуме в конце 40 г. Крайнее недовольство городского населения красочно описывает Аппиан. Голодная толпа едва ли не насмерть забросала камнями самого Октавиана и пришедшего к нему на помощь Антония. Бунт был жестоко подавлен, вызвав еще большую ненависть к обоим триумвирам (App. *BCiv.* V. 67–68)[36]. Поднять их популярность среди римских граждан могли только обещания вечного мира, *pax Romana*, и прекращение всякого рода гражданских распрей. Именно данные пункты и легли в основу их идеологической политики после Брундизийского конфликта. Об этом свидетельствуют Fasti Triumphales, в которых сообщается, что Октавиан и Марк Антоний удостоились в 40 г. овации за заключение мира[37]: Imp(erator) Caesar Divi f(ilius) C(ai) f(ilius) IIIvir r(ei) p(ublicae) c(onstituendae) ov(ans, an(no) DCCXIII) / quod pacem cum M(arco) Antonio fecit, (–) «Император Цезарь, сын бога, сын Гая, триумвир для устроения государства, удостоившийся в 40 г. овации за то, что заключил мир с Марком Антонием».

M(arcus) Antonius M(arci) f(ilius) M(arci) n(epos) IIIvir r(ei) p(ublicae) c(onstituendae) ovan(s, an(no) DCCXIII)/ quod pacem cum Imp(eratore) Caesare feci(t,–). (Inscr. Ital. XIII 1. 87, frag. XL) «Марк Антоний, сын Марка, внук Марка, триумвир для устроения государства, удостоившийся в 40 г. овации за то, что заключил мир с Императором Цезарем».

Сама надпись является частью более позднего памятника Августа, который датируется 19 г., и даже ее содержание могло быть немного изменено после непосредственно самого торжества (Р. Сайм например, предложил датировать принятие Октавианом praenomen Imperator 38 г.)[38]. Тем не менее причина двойного празднования Брундизийского договора очевидна. Она дает представление о том, какое значение придавалось демонстрации мира и согласия между двумя римлянами, что рассматривалось как их величайшее достижение[39].

Важность Брундизийского мира подчеркивалась не только на высшем государственном уровне, но и действиями муниципальных властей. Так, в Италии по случаю этого события восстанавливались signum Concordiae. Нам известно об одной такой статуе богини Согласия, которая была установлена магистратами только что основанной колонии Казин в Кампании, крупного города на via Latina. Очень вероятно, что такие signum Concordiae восстанавливали в 40 г. во многих регионах

[36] См.: Межерицкий 2016, 177 и n. 161.
[37] *Inscr. Ital.* XIII 1.87, frag. XL; Cornwell 2017, 45.
[38] Syme 1958, 172–188.
[39] Cornwell 2017, 45 и n. 7–8.

Италии. Хотя сама статуя не сохранилась, чаяния римского народа в этой связи вполне очевидны. Надпись под одной такой статуей гласит: M(arcus) Papius M(arci) f(ilius) L(ucius) Matrius L(uci) f(ilius) / duoviri i(ure) d(icundo) / signum Concordiae ex c(onscriptorum) c(onsulto) restituendum / coeraverunt eidemq(ue) dedicarunt / et basim gradum aram sua pecunia / faciunda coer(averunt) eidemq(ue) probaver(unt) / a(nte) d(iem) IIII {E}Id(us) Oct(obres) Cn(aeo) Domit(io) C(aio) Asinio co(n)s(ulibus)[40].

Марк Папий, сын Марка, и Луций Матрий, сын Луция, носители высшей власти в колонии[41], позаботились о том, чтобы статуя (богини) Согласия по постановлению (городских) сенаторов была восстановлена, и они же ее посвятили, а также позаботились, чтобы пьедестал, ступенька и жертвенник были возведены на их собственные деньги, и они же удостоверились (в выполнении всех работ) за 4 дня до октябрьских ид в консульство Гнея Домиция и Гая Азиния.

Римские граждане были довольны соглашением Антония и Цезаря, ибо думали, что согласие между этими людьми означает мир и для них (Dio Cass. XLVIII. 31. 2). Акцент на примирении, согласии и мире присутствует и в монетной чеканке триумвиров 39 г. Антоний чеканил золотые монеты со своим бюстом на лицевой стороне и бюстом Октавиана или Октавии – на оборотной. Октавиан, в свою очередь, выпускал монеты с бюстом Антония. Он также осуществлял эмиссию серии квинариев с головой богини Согласия и двумя сложенными руками на оборотной стороне, что символизировало знак доброй воли, завершившей год раздора между двумя государственными мужами, имена которых на монетах симметричны друг другу. Сложенные руки появляются вокруг кадуцея, посоха глашатая, олицетворяющего заключение мира (поскольку изначально именно глашатаи заключали мирный договор). Монеты триумвиров должны были нести посыл, чтобы римские граждане признали установившееся согласие между Антонием и Октавианом как гарантию мира, которым теперь можно наслаждаться[42].

П. Вергилий Марон под впечатлением от всех этих событий написал свою знаменитую IV эклогу «Буколик», в которой возвестил о приближении золотого века (Virg. *Ecl.* IV):

> teque adeo decus hoc aevi, te consule, inibit,
> Pollio, et incipient magni procedere menses.
> te duce, si qua manent sceleris vestigia nostri,
> inrita perpetua solvent formidine terras.
> ille deum vitam accipiet divisque videbit
> permixtos heroas et ipse videbitur illis
> pacatumque reget patriis virtutibus orbem
>
> (Verg. Ecl. IV.11–17).

Драматический контекст поэтического идеализма Вергилия о «мире во всем мире» (pacatumque ... orbem), освобожденном от ужаса гражданской войны (sceleris ... nostri), отсылает к предполагаемому поэтом консульству Г. Азиния

[40] CIL X. 5159 = ILS 3784 = ILLRP 562a = AE 2008, 294. Id. см.: Osgood 2006: 193; Coarelli 2007, 40; Cerrone, Gallo 2016, 153–154; Cornwell 2017, 44 и n. 4.

[41] Главы городской (муниципальной) администрации.

[42] Монеты, выпущенные Антонием: Антоний и Октавиан (RRC 527, 528). Монеты, выпущенные Октавианом: Октавиан и Антоний (RRC 529/1); Октавиан и кадуцей (RRC 529/2); Антоний и кадуцей (RRC 529/3); женский бюст и две руки, сложенные вокруг кадуцея (RRC 529/4). Id. см.: RRC, 743; Osgood 2006, 189–191; Cornwell 2017, 44 и n. 3.

Поллиона 40 г. Независимо от того, пропитано ли стихотворение непосредственно восприятием Вергилием событий вокруг подписания Брундизийского договора, заключенного в сентябре/октябре того же года Г. Азинием Поллионом, Г. Цильнием Меценатом и М. Кокцеем Нервой, или же является продуктом более раннего бедственного положения Италии 41 г., оно тем не менее полностью отражает социально-политическую обстановку конца 40-х гг.[43]

Совместная овация, которой в 40 г. удостоились Октавиан и Марк Антоний, была направлена на то, чтобы произвести обнадеживающее для римских граждан впечатление о завершении цикла беспрерывных гражданских войн. Существенную роль в этом должно было сыграть предание забвению Брундизийского конфликта[44]. Тит Ливий и Веллей Патеркул, передающие зачастую проавгустовскую трактовку событий римской истории, вполне предсказуемо попытались представить дело так, как будто бы никакой войны летом-осенью 40 г. так и не произошло, искажая тем самым события римской истории второй половины I века. С целью восстановления исторической справедливости мы предлагаем ввести в понятийно-терминологический аппарат римской истории эпохи поздней Республики термин *«Bellum Brundisinum»*, не использовавшийся ранее в историографии. Он, как мы полагаем, подходит для обозначения событий на юге Италии и прилегающих к ней островах (Сардинии и Корсики), которые имели место в конце лета – начале осени 40 г.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Anokhin, V.A. 1999: *Istoriya Bospora Kimmeriiskogo* [*History of the Cimmerian Bosporus*]. Kiev.

Bengtson, H. 1977: *Marcus Antonius: Triumvir und Herrscher der Orients* (Beck'sche. Sonderausgaben). Munich.

Bernasconi, M.P. et al. 2010: Sybaris-Thuri-Copia Deltaic Settings in Calabria, Italy: Molluscs, Associated Biogenic Components, and Ecobiostratigraphy Applied to Archaeology. *Journal of Coastal Research* 26/2, 377–390.

Bleicken, J. 2015: *Augustus. Eine Biographie*. Berlin.

Buchheim, H. 1960: *Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius*. Heidelberg.

Cerrone, F., Gallo, A. 2016: Vicende istituzionali ed epigrafia a Casinum. In: M. Chelotti, M. Silvestrini (eds.), *Epigrafia e Territorio. Politica e Società: temi di antichità romane,* X. Bari, 141–161.

Coarelli, F. 2007: Casinum. Appunti per una storia istituzionale. In: E. Polito (ed.), *Casinum oppidum: atti della Giornata di studi su Cassino preromana e romana*. Cassino, 37–41.

Daniel, R.M. 1933: *Vipsanius Agrippa: eine Monographie*. Breslau.

Domaszewski, A.v. 1909: *Geschichte der römischen Kaiser*. Bd. I. Leipzig.

Egorov, A.B. 2012: *Antoniy i Kleopatra (Antony and Cleopatra)*. Saint Petersburg.
Егоров, А.Б. 2012: *Антоний и Клеопатра*. СПб.

Ferrero, G. 1908: *The Greatness and Decline of Rome*. Vol. III. New York.

Gabba, E. 1971: The Perusine war and Triumviral Italy. *HSCPh* 75, 139–160.

Gardthausen, V. 1891: *Augustus und Seine Zeit*. Bd. 1/1–2. Leipzig.

[43] Cornwell 2017, 43–44.

[44] Cf. Lange 2020, 147: «In the end the Pact of Brundisium was a very 'Caesarian' moment: they should not be fighting and the veterans did not want them fighting. The joint ovation of 40 BCE may have aimed to give the hopeful impression of breaking that cycle; but whether its audience was convinced is anyone's guess».

Hanslik, R. 1961: Vipsanius (2). In: K. Ziegler, W. John (eds.), *RE*. R. II, HbBd. 17. Stuttgart, 1226–1275.

Huzar, E. 1978: *Marc Antony: A Biography*. Minneapolis.

Kromayer, J. Kleine Forschungen zur Geschichte des Zweiten Triumvirats. *Hermes* 29/4, 556–585.

Lange, C.H. 2020: Civil War and the (Almost) Forgotten Pact of Brundisium. In: F. Pina Pollo (ed.), *The Triumviral Period: Civil War, Political Crisis and Socioeconomic Transformations*. Zaragoza, 127–148.

Lindsay, P. 2015: *Marcus Agrippa: Right-Hand Man of Caesar Augustus*. Barnsley.

Mezheritsky, Ya.Yu. 2016: *"Vosstanovlennaya respublika" imperatora Avgusta* [*"Restored Republic" of the Emperor Augustus*]. Moscow.
Межерицкий, Я.Ю. 2016: *«Восстановленная республика» императора Августа*. М.

Motte, A.F. 1872: *Étude sur Marcus Agrippa*. Gand–Paris.

Osgood, J. 2006: *Caesar's Legacy: Civil War and the Emergence of the Roman Empire*. Cambridge.

Parfenov, V.N. 1983: Iz predystorii Peruzinskoy voyny i Brundiziyskogo mira [From the Prehistory of the Perusine War and the Brundisian Peace]. *AMA* 5, 46–64.
Парфенов, В.Н. 1983: Из предыстории Перузинской войны и Брундизийского мира. *AMA* 5, 46–64.

Pelling, C. 2008: The triumviral period. In: A.K. Bowman (ed.), *CAH* 10. *The Augustan Empire, 43 BC – AD 69*. 2nd ed. Cambridge, 1–70.

Reinhold, M. 1932: The Perusine War. *Class. World* 26, 180–182.

Reinhold, M. 1933: *Marcus Agrippa*. New York.

Roberts, A. 1988: *Mark Antony: his life and times*. Upton-upon-Severn.

Roddaz, J.-M. 1984: *Marcus Agrippa*. Rome.

Ryazanov, V.V. 2007: Sekst Pompey i triumviry: mirnoye soglasheniye 39 g. do n. e. [Sextus Pompey and the Triumvirs: Peace Agreement 39 BC]. *Istoricheskiye zapiski* [*Historical Transactions*] 13, 82–88.

Рязанов, В.В. 2007: Секст Помпей и триумвиры: мирное соглашение 39 г. до н. э. *Исторические записки* 13, 82–88.

Schiller, H. 1883: *Geschichte der Römischen Kaiserzeit*. Vol. 1/1. Gotha.

Sheppard, S. 2008: *Philippi 42 BC: The Death of the Roman Republic*. Oxford.

Syme, R. 1958: Imperator Caesar: A Case in Nomenclature. *Hist. Z. fur Alte Gesch.* 7/2, 172–88.

Syme, R. 2002: *Roman Revolution*. Oxford.

Tarn, W.W. 1934: The triumvirs. In: S.A. Cook, F.E. Adcock, M.P. Charlesworth (eds.), *CAH* 10. *The Augustan Empire, 44 BC–AD 70*. 1st ed. Cambridge, 31–65.

Weigall, A. 1931: *The Life and Times of Marc Anthony*. New York.

Welch, K. 2012: *Magnus Pius: Sextus Pompeius and the Transformation of the Roman Republic*. Swansea.

Welch, K. 2019: Appian and Civil War: A History Without an Ending. In: C.H. Lange, F.J. Vervaet (eds.), *The Historiography of Late Republican Civil War*. Leiden–Boston, 439–466.

ARMED CONFLICT AND THE PACT OF BRUNDISIUM (SUMMER – AUTUMN 40 BC)

Gleb L. Krivolapov

Independent Researcher, Moscow, Russia

E-mail: glkrivolapov@gmail.com

The article examines the current and character of the hostilities of the Brundisian conflict between the triumvirs Octavian and Mark Antony, as well as the causes for the silence of these events by some ancient authors. What emerges is that an important for Roman history full-fledged civil war took place in southern Italy in late summer – early autumn 40 BC. This war can be named Bellum Brundisinum for the city that became its main center. The author claims that the propaganda of the triumvirs influenced specific ancient authors. Antony and Octavian wanted to bury this conflict in oblivion to preserve their extraordinary power since civil strife had become unbearable for Roman citizens by that time.

Keywords: second triumvirate, civil wars, Treaty of Brundisium, Mark Antony, Octavian, Sextus Pompey, Mark Agrippa, Appian, Dio Cassius

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 178–189
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 178–189
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-178–189

РИМСКИЙ СЕНАТ И ГОРОДСКОЙ ПЛЕБС В ЭПОХУ ЦЕЗАРЯ АВГУСТА: СОБЫТИЯ 22 г. до н.э.

А.Ю. Маркелов

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара, Россия

E-mail: markelov.ayu@ssau.ru

ORCID: 0000-0003-2857-6872

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы оценки событий в Риме 22 г. до н.э., когда городской плебс запер сенаторов в курии Юлия и угрожал поджечь здание, если Августу не будет дарована диктатура, годичное и постоянное консульство и cura annonae. Автор полагает, что выступление плебса не провоцировалось Августом, а было реакцией на последствия природных катастроф, вызвавших нехватку продовольствия, и плебс не стремился покончить с курией в принципе.

Ключевые слова: римский сенат, Август, плебс, plebs urbana

В период Республики взаимоотношения римского сената и городского плебса оказывали огромное влияние на политическую жизнь Рима. С установлением власти Августа и началом формирования принципата изменились условия, в которых продолжали действовать названные акторы. До недавнего времени внимание исследователей было сконцентрировано исключительно на взаимоотношениях римского императора и городского плебса[1], а отношения между сенатом и плебсом в эпоху принципата специально не исследовались. В период зарождения и становления принципата городской плебс оставался политически активным[2]. Как и прежде, между плебсом и сенатом имели место конфликтные ситуации. В правление Августа такие инциденты происходили в 22 и 19 гг. до н.э.[3], а также 6 г. н.э.

Данные об авторе. Андрей Юрьевич Маркелов – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения, старший научный сотрудник Научно-исследовательской части Самарского университета.

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 24-28-01528, https://rscf.ru/project/24-28-01528 «Интеракции многосторонних групп раннеимператорского Рима: сенаторы, городской плебс, военный гарнизон столицы», реализуемого в Самарском университете.

Текст статьи представляет собой переработанный вариант доклада, прочитанного на конференции «XXII Сергеевские чтения» (МГУ, 01–03.02.2023 г.).

[1] Укажем только монографии: Yavetz 1969; Gilbert, 1976; Reese 2004; Kröss 2017.

[2] Purcell 1996, 797–799, 805; Rowe 2002, 85–101.

[3] Далее все даты, кроме специально указанных, – до н.э.

(RG 5. 2; Vell. II. 89. 5; 91. 3–4; 92. 1–5; Cass. Dio. 54. 1. 1–5, 10. 1–2; 55. 27. 1–4). Наибольший интерес представляет эпизод 22 г., когда действия разбушевавшейся толпы были направлены прямо против сената[4]. Центральным моментом движения стала осада курии Юлия толпой, угрожавшей в случае невыполнения требований сжечь ее вместе с сенаторами. Событие не имело аналогий не только в истории принципата Августа, что отметил А. Якобсон[5], но и всей эпохи Юлиев-Клавдиев. Позднее, при преемниках Августа, городской плебс будет блокировать здание сената трижды: в 29 г. н.э. (Tac. *Ann*. 5. 4. 2), 41 г. н.э. (Suet. *Claud*. 10. 4) и 61 г. н.э. (Tac. *Ann*. 14. 42. 2; 45. 3)[6]. Тем не менее ни в одном из поздних эпизодов сенаторам не угрожало физическое истребление. По накалу событий случай 22 г. до н.э. напоминает выступления плебса времен поздней Республики[7].

Кассий Дион, главный источник по событию 22 г., сообщает, что в тот год жители Рима вновь столкнулись с разливом Тибра, затопившим город, голодом и свирепствовавшей по всей Италии некой эпидемией[8]. Горожане считали: эти проблемы обрушились на них из-за того, что Август не занял в наступившем году консульскую должность. Они решили, что принцепс должен стать диктатором, заперли сенаторов в курии и угрожали поджечь здание, если те не даруют принцепсу диктатуру. Сенаторы подчинились, далее толпа, взяв двадцать четыре связки прутьев, отправилась к Августу с просьбой принять диктатуру и взять на себя ответственность за снабжение Рима хлебом. Принцепс согласился на последнее, но отказался от первого. При очередной попытке отказа он продемонстрировал символический жест: во время речи разорвал на себе одежду. Подобным образом обставленный отказ возымел силу, и народ успокоился (Cass. Dio. 54. 1. 1–4). Светоний дополняет картину, сообщая, что Август отказывался от диктатуры, опустившись на колени и спустив тогу с плеч (Suet. *Aug*. 52. 1)[9].

Август в «Деяниях» кратко повествует об этих событиях, скрывая их нелицеприятную сторону. Он пишет, что отказался от предлагавшейся ему народом и сенатом (как в его отсутствии, так и в присутствии) диктатуры[10] и постоянного консульства. Напротив, принял заботу о продовольствии из-за огромной нехватки хлеба и разрешил кризис в течение небольшого количества дней собственными стараниями и за свой счет (RG. 5). Слова Веллея Патеркула подтверждают неоднократные попытки народа предоставить Августу диктатуру и его отказы от нее (Vell. II. 89. 5).

---

[4] Kröss 2017, 253.

[5] Yakobson 2021, 270.

[6] Перечень случаев, когда сенат был вынужден действовать под давлением плебса, см.: Rowe 2002, 99.

[7] Reese 2004, 156. Ср.: Sumi 2005, 226.

[8] Проблемы с продовольствием начались годом ранее в Риме и Остии из-за сильнейшего неурожая и сложностей со снабжением. Болезни свирепствовали в 23 и 22 гг. (Vell. 2. 94. 3; Cass Dio. 53. 33. 4).

[9] Обращает на себя использование биографом слова «deprecari», имеющее религиозный оттенок и предполагающее произнесение Августом клятвы (Louis 2010, 379). Отказ был обставлен в форме траура (Reese 2004, 119, Anm. 448).

[10] Dettenhofer 2000, 115; RG 5.1. Примечателен необычный порядок перечисления институций, предлагавших диктатуру: сначала указан народ, потом сенат. Традиционно при указании на совместную инициативу этих органов принцепс ставил на первое место сенат (Cooley 2009, 128; Jacobson 2021, 275).

Пассажи Плиния Старшего (Plin. *HN*. 7. 149) и анонимного автора «Эпитомы о Цезарях» (Ps.-Aur. Vic. *Ep. de Caes*. 1. 29), не имеющие четкой хронологической привязки, скорее, имеют отношение к продовольственному кризису 23 г., а не к рассматриваемому эпизоду[11].

Случай 22 г. неоднократно рассматривался в историографии, в том числе и в двух специальных работах. В 1972 г. вышла статья Г. Альфельди, посвященная решению вопроса о типе предложенной принцепсу диктатуры. По мнению историка, императору была предложена dictatura clavi figendi causa, дававшаяся в случае природных катастроф и гнева богов по отношению к Риму[12]. В 2021 г. к теме обратился А. Якобсон в своей главе в коллективной монографии, где доказывает, что движение 22 г. не было инспирировано принцепсом, а отражало искреннее чувство римского народа, считавшего, что официальное положение императора в государстве следует упрочить путем наделения его дополнительными полномочиями[13].

В подавляющем числе работ данный эпизод упоминается бегло или же пересказываются его основные события[14], и только иногда анализируется в связи с вопросом причастности императора к кризису и мятежным действиям плебса. Данный тезис был выдвинут и обоснован П. Заттлером[15] и позднее поддержан рядом историков, полагающих, что принцепс через подобные силовые действия оказывал давление на сенат[16]. Недавно К. Крёсс привела дополнительные аргументы в пользу гипотезы об инспирации кризиса принцепсом[17]. Другие антиковеды полагают, что выступление плебса было инициировано сторонниками Августа[18]. Третьи выступают против идеи причастности Августа к кризису, который был вызван обрушившимися на жителей Рима проблемами[19]. Ряд специалистов уверены в том, что кризис вызвали естественные катаклизмы, приведшие к возмущению населения, и не видят факта использования ситуации Августом[20]. Мнение других исследователей относительно роли императора не конкретизируется[21].

Обход стороной исследователями ряда аспектов[22] в продолжающейся в историографии дискуссии по сути произошедшего в 22 г. позволяет нам вновь обратиться к данной теме. В реальности многие детали случившегося остаются

[11] Contra: Sattler 1960, 79–80.

[12] Alföldy 1972, 5–11.

[13] Jacobson 2021, 269, 280–282. Соглашаясь с автором по главному его тезису, мы не можем не отметить, что он игнорирует ряд проблем, связанных с событиями 22 г.

[14] Syme 1960, 339; Millar 1977, 370; Purcell 1996, 795; Rowe 2002, 99; Eck 2003, 58–59; Shotter 2005, 36; Cosma 2005, 164; Galinsky 2012, 66; Межерицкий 2016, 343; Goldsworthy 2014, 276; Powell 2018, 54.

[15] Sattler 1960, 75–77.

[16] Ridley 2003, 101; Егоров 2023, 148; Dettenhofer 2000, 115–117; Hoff, Stroh, Zimmermann 2014, 125–126.

[17] Kröss 2017, 261–268.

[18] Gardthausen 1904, 808; Gilbert 1976, 245.

[19] Lacey 1996, 144–145; Crook 1996, 88; Kienast 1999, 110; Bringmann 2007, 144–145; Levick 2010, 87; Jacobson 2021, 280.

[20] Abele 1907, 32; Bender 1961, 31–32; Yavetz 1969, 26, 93; Rickman 1980, 62, 64; Southern 2005, 165; Eck 2003, 58–59; Bleicken 2010, 353; Князький 2022, 433–435.

[21] Cooley 2009, 129; Carter 1982, 175; Шифман 1990, 112.

[22] Ситуация осложняется тем, что зачастую исследователи рассматривают данную проблему изолированно, не привлекая труды коллег по этой теме.

неизвестными[23], тем не менее источники содержат довольно информации для ответов на наиболее существенные вопросы.

Прежде всего, учитывая, что разлив, голод и разразившаяся эпидемия случились весной, так как Дион говорит об этом как первом событии года[24], то и эпизод с осадой курии происходит тогда же[25] или же самое позднее – летом[26]. Определенно, чтобы недовольство накопилось, должно было пройти некоторое время. Неизвестно, где находился Август во время беспорядков, нет серьезных оснований даже для предположений[27], тем не менее их было сделано немало[28]. Из слов принцепса в «Деяниях» следует, что он отсутствовал в Риме во время осады курии плебсом (RG 5. 1). Возможно, император покинул город из-за эпидемии. В это время население, доведенное до отчаяния продолжающимися второй год подряд катаклизмами, решило, что только Август может решить их проблемы, получив диктатуру, консульство и cura annonae[29]. Еще Т. Моммзен предположил, что римляне проголосовали на народном собрании о даровании диктатуры Августу[30]. Это допущение без аргументов поддержали и другие специалисты[31]. В частности, П. Заттлер допустил, что комиции были созваны трибуном или другим магистратом; таким образом, народ действовал не спонтанно, а под началом некоего должностного лица. Эта реконструкция использовалась П. Заттлером как одно из свидетельств постановки императором всей ситуации[32]. Другие исследователи обходят стороной анализ данного аспекта[33].

Данное предположение Т. Моммзена, поддержанное рядом исследователей, вызывает у нас сомнения. Во-первых, в источниках отсутствуют прямые указания на решение народного собрания. Формулировка же Августа в «Деяниях» очень расплывчата и не позволяет однозначно судить о формальном решении комиций[34]. Во-вторых, против подобной интерпретации говорит сама процедура назначения диктатора. Традиционно сенат издавал резолюцию, требовавшую от консулов на-

[23] Alföldy 1976, 5; Jacobson 2021, 280.

[24] Sattler 1960, 75, Anm. 179

[25] Carter 1982, 175.

[26] Wardle 2014, 374; Sattler 1960, 82, Anm. 190; Cass Dio. 54. 4. 2, 6. 1.

[27] Sattler 1960, 78, Anm. 181.

[28] По мнению Р. Гильберта, император был в Риме (Gilbert 1976, 224). Некоторые исследователи предполагали, что он пребывал в Кампании (Mommsen 1883, 24; Gardthausen 1904, 808; Alföldy 1972, 2; Шифман 1990, 112; Cooley 2009, 128) или же на пути к ней (Машкин 1949, 454), другие отметили, что произошедшее случилось во время отъезда Августа на Восток (Belloni 1987, 72; Woodman 1983, 259; Southern 2005, 165).

[29] Вопросы о типе диктатуры, как и о том, почему предлагалась диктатура вместе с консульством, на наш взгляд, уже решены в историографии (Alföldy 1976, 6–8; Jacobson 2021, 267), поэтому мы их обходим.

[30] Mommsen 1888, 1255, Anm. 2.

[31] Rotondi 1912, 441–442; Ridley 2003, 100; Sumi 2005, 225–226; Powell 2018, 54.

[32] Sattler 1960, 75–76.

[33] Alföldy 1972, 2. Anm. 6. Ср.: Kröss 2017, 256.

[34] RG 5. 1: mihi delatam et a popu]lo et a se[na]tu / και ἀπόντι και παρόντι διδομένην ὑπό τε του δήμου και της συνκλήτου. Латинская версия данной части «Деяний» восстанавливается по греческой копии, в которой использовано причастие от глагола δίδωμι – «давать» (s.v. δίδωμι, Liddell, Scott, Jones 1996, 422). Это написание контрастирует с употреблением слов Августом при описании случая, когда народ и сенат приняли формальные решения. Так, в восьмой главе он говорит об увеличении числа патрициев по решению народа и сената (8. 1: iussu populi et senatus / ἐπιτ]αγῆι τοῦ τε δήμου και τῆς συνκλήτου). Мы знаем, что это было выполнено по закону Сения (Tac. *Ann*.11. 25. 3; Cass. Dio.52. 42. 5).

значить диктатора[35]. Предварительное решение собрания вовсе не требовалось. В лучшем случае можно предположить, что имела место неформальная сходка, на которой собравшаяся толпа решила предложить диктатуру Августу и затем отправилась к зданию сената, чтобы потребовать предоставление принцепсу диктатуры. Отсутствие магистратов на этом сборище вовсе не говорит о спонтанности действий плебса. Имеется достаточно сведений о способности массы горожан к самоорганизации в случае необходимости[36]. Организаторами подобной сходки могли быть subrostrani, principes местного масштаба или duces, то есть вожаки толпы или же главы vici[37].

Мы не поддерживаем и точку зрения, что сенат согласился даровать диктатуру только тогда, когда ему пригрозили силой[38]. Курия вынуждена была проголосовать, поскольку в ее отношении применили насилие: сенаторов заперли в здании, обещая сжечь в случае невыполнения требований (Cass. Dio. 54. 1. 3). Действия плебса говорят не только о том, что народ и сенат по-разному смотрели на предоставление диктатуры[39], но об отношении к курии со стороны plebs urbana и, конечно же, о серьезности бедствий, с которыми столкнулись римляне. Сенат рассматривался участниками движения лишь как институт, необходимый для предоставления должности диктатора, а не как центр власти, способный решить проблемы народа. Последнее определенно связывалось исключительно с фигурой императора и очевидно почему: в предшествующий год Август закупил зерно за свой счет и предоставил раздачи, в разрешении кризиса участвовал и его пасынок Тиберий (RG. 15. 1; Vell. 2. 94. 3). Впрочем, полагать, что действия плебса были направлены против сената как органа власти вряд ли возможно: реакция была вызвана несогласием с сенаторами лишь по конкретному вопросу.

Здесь мы подходим к основному дискутируемому аспекту событий: был ли причастен ли Август к возмущению масс, завершившемуся осадой курии?[40] Аргументы сторонников последней версии следующие. Во-первых, это быстрое решение принцепсом продовольственной проблемы в 23 г. и задержка с этим в 22 г., а затем немедленная реакция. Последний факт трактуется как то, что принцепс будто бы уже ожидал, когда к нему обратятся за помощью, и поэтому находился где-то поблизости к городу. Он располагал запасами зерна, которые придерживал до разрешения ситуации. Во-вторых, это преувеличенный масштаб продовольственного кризиса, что подтверждается упоминаниями о затруднениях с продовольствием у Веллея Патеркула и Светония под 23 г. и отсутствием таковых в 22 г., а также тезисом о том, что жители Рима не испытывали сложностей с продовольствием ввиду получения его в основном из Египта и Африки, проблемы же были у жителей Италии, запустивших поля из-за эпидемии. В-третьих, это сомнения как в том, что Август считал себя ответственным за снабжение зерном в должности консула, так и связи катастрофы со сложением консульства.

[35] Wilson 2021, 115, 116. Решение о необходимости назначения диктатором народным собранием было экстраординарной мерой и случалось трижды за период Республики (Wilson 2021, 117).

[36] Rowe 2002, 88; Purcell 1996, 806–808.

[37] Дементьева, Фролов 2009, 77; Bert Lott 2004, 68–71.

[38] Sattler 1960, 74.

[39] Carter 1982, 175.

[40] К. Крёс убедительно дезавуировала предположения тех, кто считает, что данное движение было создано противниками Августа (Kröss 2017, 258–259).

В-четвертых, предложение диктатуры плебсом было неслучайным, хотя необходимости в ней не было вовсе: imperium proconsulare maius и cura annonae были достаточными для решения кризиса. В-пятых, ситуация в 22 г. напоминает события 57 г. с Гнеем Помпеем[41].

Мы присоединяемся к мнению о непричастности императора к произошедшему и добавляем следующие контраргументы против изложенных выше тезисов. Прежде всего, нет оснований сомневаться в масштабах бедствий 22 г. Отсутствие упоминания о них у Веллея Патеркула и Светония не может быть доказательством несерьезности дефицита хлеба. Так, например, ни один из этих авторов не упоминает нехватку продовольствия в 5–6 гг. н.э., а эта ситуация была тяжелой (Cass Dio. 55. 22. 3, 26. 1, 27. 1; Cassiod. Chron. 604). Присутствие или отсутствие тех или иных фактов в названных источниках объясняется тем, что каждый автор выбирал факты, наиболее соответствующие задачам и жанру его произведения. Сложности с продовольствием испытывали как римляне, проживавшие в городе, так и вне него. Во-первых, население Вечного города не было стабильным. В эпоху поздней Республики – это те, кто проживал в нем в конкретный момент времени. Невозможно механически отделять условно городское население от сельского[42], что полностью применимо для эпохи начала принципата[43]. Во-вторых, несмотря на ту роль, которую бесспорно играли Африка и Египет в снабжении миллионного населения Рима, часть зерна поступала из сельской округи[44]. Учитывая это, становится понятно, что в условиях бушевавшей по всей Италии эпидемии, из-за чего поля были заброшены, один из источников снабжения Рима зерном пострадал (Cass. Dio. 54. 1. 2), и это происходит в период, когда в большинстве районов Средиземноморья идет сбор урожая[45].

Еще У.К. Лэйси резонно отметил, что император мог предвидеть нехватку хлеба и предпринять необходимы меры, однако не мог предугадать природные катаклизмы и эпидемию[46]. Разлив Тибра явно нанес ущерб большим horrea, так как они располагались близко к реке[47]. Впрочем, с мерами, направленными на устранение дефицита продовольствия, также все обстоит не просто. Проблемы с обеспечением зерном Рима будут случаться и далее, несмотря на создание специальных институтов, занимавшихся этим вопросом[48].

Слова принцепса в «Деяниях» о разрешении им продовольственной проблемы в течение небольшого количества дней (RG 5. 2: die[s] paucos) так же не могут служить однозначным подтверждением быстрого разрешения продовольственного кризиса. Единственный источник этой информации сам император, а его нельзя не подозревать в преувеличении своих заслуг[49]. В Res Gestae имеется множество других примеров подачи им в выгодном для себя свете фактов своей деятельности. Следует подчеркнуть и то, что памятник был рас-

[41] Sattler 1960, 75–77; Dettenhofer 2000, 115–116; Kröss 2017, 261–268.
[42] Purcell 2006, 649.
[43] В период ранней Империи городские жители засвидетельствованы в сельских трибах (Brunt 1966, 6).
[44] Erdkamp 2005, 206–207.
[45] Erdkamp 2005, 191.
[46] Lacey 1996, 145, n. 52.
[47] Aldrete 2006, 135.
[48] Virlouvet 1985, 14–19.
[49] Jacobson 2021, 280.

считан на потомков, а не на современников[50]. Существует предположение, что у Августа имелись где-то запасы, которые он придерживал до поры до времени[51]. Однако, где могли в столице находиться некие horrea, запасов которых бы хватило на огромное население Рима, неясно[52]. Запасы продовольствия для города Август мог расположить, конечно, в разных италийских городах (App. *BC*. I. 69). Тем не менее если они даже имелись, то точно были подорваны раздачами предшествующего года, неоднократно проводившимися принцепсом во время нехватки продовольствия (RG 15. 1). Для их восполнения требовалось время: поставки из provinciae frumentaria шли по морю, а навигация в зимний период была серьезно ограниченной из-за сопряженных рисков[53].

Неясно, как отсутствие ответственности принцепса за снабжение зерном плебса и связь катастрофы со сложением консульства вообще могут свидетельствовать, даже косвенно, в пользу причастности императора к подогреванию кризиса и выступлению плебса. Нет сомнений в том, что Август действительно рассматривал себя ответственным за благополучие, а следовательно, за обеспечение зерном плебса. В пользу этого говорят как раздачи годом ранее, так и в целом его деятельность в духе популяров[54]. Определенно, на него не могло пасть подозрение граждан в том, что он позволяет им голодать[55]. Бесспорно, катастрофы и трудности 22 г. не были связаны и со сложением им консульства, но таковыми воспринимались населением (Cass. Dio. 54).

Действительно, имевшиеся у Августа формальные полномочия были достаточными для решения проблемы, при этом следует учитывать и неформальные составляющие власти принцепса. Тем не менее предложение дарования ему диктатуры не выглядит странным, если опираться на информацию источников и представить реальное положение населения. В данном случае речь идет о явно иррациональном желании толпы, которая второй год подряд сталкивалась с объективными трудностями жизни. Кроме того, повлияли на римлян и предзнаменования, истолкованные ими в соответствующем ключе (Cass. Dio. 54. 1. 1). А. Якобсон твердо аргументировал, что плебс не чувствовал себя в безопасности, пока положение Августа не станет более прочным[56].

Неуместно, на наш взгляд, и сравнение ситуации с Гнеем Помпеем в сентябре 57 г., принесшей ему cura annonae, и событий 22 г. при Августе в качестве доказательства причастности последнего к кризису. Кассий Дион лишь в качестве ремарки отмечает, что народ предлагал принцепсу взять на себя заботу о продовольствии, как ранее это сделал Помпей (Cass. Dio. 54. 1. 3).

Неконтролируемые волнения масс представляли сами по себе большую угрозу для нового режима, создаваемого Августом. В период гражданских войн тому уже довелось иметь опыт общения с голодающим населением Рима, отсюда для него

---

[50] Ridley 2003, 143–258; Cooley 2009, 2–3.

[51] Sattler 1960, 77; Carter 1982, 175. Ср. Cooley 2009, 129.

[52] По примерным подсчетам для хранения зерна, требовавшегося для жителей Рима в начале периода Империи, нужна была площадь в 500 000 м^2 (Geraci 2018, 225).

[53] Erdkamp 2005, 191.

[54] Lacey 1996, 106–107, 115–116.

[55] Jacobson 2021, 280.

[56] Jacobson 2021, 288.

не было смысла идти на подобный риск[57]. Если все же предположить существование некой спланированной императором акции, то контролировать ход событий было бы кране сложно, если не невозможно вовсе. Не существовало никаких гарантий того, что ситуация не выйдет из-под контроля в условиях страдания населения от эпидемии, голода и разливов Тибра в 23 и 22 гг. (Cass. Dio. 53. 33. 4–5; 54. 1. 1–2)[58]. Риск испортить отношения с сенатом из-за подобной авантюры также был бы слишком велик. Отсюда невозможно допустить, что принцепс инициировал ситуацию, в которой предполагалось заставить сенат под угрозой смерти голосовать за предоставление ему диктатуры. Предположение П. Заттлера о том, что отказ Августа от диктатуры не является доказательством отсутствия желания того ее получить[59], ничем не аргументировано. Император поддерживал сенатскую элиту как до 22 г., так и после данных бурных событий[60]. Стремление получить диктатуру в его политику не «вписывается», как и опасность создания у сената впечатления того, что на него натравили толпу[61]. Идея К. Крёсс о спектакле с непредсказуемым для сенаторов исходом, чтобы уверить их в том, что сам принцепс не желает принимать диктатуру, представляется также неубедительной. Не было у принцепса и стремления вернуть себе отданный в 23 г. консульский империй[62]: он сам сложил с себя полномочия консула в тот год, что диктовалось как политическими мотивами, так и проблемами его здоровья. Отказ от консулата никак не повлиял на ключевую роль императора в государстве. Его власть базировалась на auctoritas[63].

Кажущееся бездействие Августа на случай осады толпой сената также не может свидетельствовать однозначно против него. В распоряжении императора была преторианская гвардия, которую можно было бы использовать для наведения порядка в ситуации бунта. Однако отдавать приказ Август не мог из-за отсутствия в городе[64]. Его ближайшего сподвижника Агриппы также не было в Риме (Vell. 2. 93.; Ioseph. *AJ*. 15. 350; 16. 86; Cass. Dio. 53. 32). Следует обратить внимание на еще один момент: преторианцы в данный сезон года не были собраны в лагере, а рассеяны по городу, располагаясь на квартирах (Suet. *Tib*. 37. 1). В условиях стремительно развивавшихся тогда событий и отсутствия императора гвардия оставалась бездействующей. Следовательно, тезис М. Гриффин о легкости контроля выступлений плебса с помощью преторианцев[65] мало применим к эпохе зарождения принципата.

Д. Кинаст обращает внимание на то, что вскоре после данных событий Август занялся профилактическими мерами[66]. Он подтвердил закон Цезаря, запрещавший деятельность всех коллегий кроме древних, и ограничил расходы на органи-

---

[57] Kienast 1999, 110; ср.: Jacobson 2021, 279.

[58] О видах ущерба и отложенных эффекта наводнений в Риме см.: Aldrete 2006, 92–160.

[59] Sattler 1960, 74.

[60] Перечень см.: Alföldy 1972, 11.

[61] Jacobson 2021, 281.

[62] Jacobson, 2021, 279.

[63] Межерицкий 2016, 334–336. Из приводимых исследователем политических мотивов стоит исключить заговор Фанния и Мурены, который произошел после рассматриваемых событий. Он надежно датируется 22 г. (Cass Dio.54. 3. 4–5). См.: Badian 1982, 18–41.

[64] Jacobson 2021, 280.

[65] Griffin 1991, 40.

[66] Kienast 1999, 110.

зацию игр (Cass. Dio. 54. 2. 3; Suet. *Aug*. 32. 1)[67]. Этот факт также может служить косвенным доказательством непричастности принцепса к организации волнений. Таким образом, приведенные аргументы свидетельствуют о непричастности Августа к подогреванию кризиса и использованию его в целях запугивания сената.

Отдельная проблема – это оценка количество участников акции и их состав. Для К. Крёсс вопрос о составе группы плебса и ее размерах остается открытым: она отмечает лишь, что зачинщиков было, вероятно, несколько человек[68]. А. Реезе считает, что участвовал весь плебс[69]. И.О. Князький сначала пишет о народе, окружившим сенат, затем группе энтузиастов, пришедших к дому Августа с фасциями[70]. Все источники о данных событиях сообщают о «народе» или «римлянах», что говорит о широком движении граждан Рима (RG 5. 1: populo / του δήμου; Suet. *Aug*. 52. 1: populo; Vell. II. 89. 5: populus; Cass. Dio. 54. 1. 2: οἱ Ῥωμαῖοι)[71]. Определенно, речь идет о плебсе[72], но, учитывая состояние источниковой базы, определить количество и состав участников волнений не представляется возможным. С выяснением этого применительно к древнему Риму возникают сложности, что уже давно было отмечено в историографии[73]. Как предположил В. Гардтхаузен, костяк выступавших могли действительно составить сторонники принцепса из плебса, которых явно хватало[74]. В таком случае сомнения К. Крёсс[75] о допустимости самостоятельных действий сторонниками принцепса отпадают. Те, как и другие рядовые римляне, страдали от разразившихся бедствий в 23–22 гг. и поэтому выступили инициаторами решения проблемы таким путем, каковым они его видели.

Кто сообщил Августу о случившемся и насколько быстро он вернулся в Рим, неизвестно. Предполагать факты или делать бездоказательные суждения[76] неверно. Дальнейшие события известны в общих чертах. Вероятно, только плебс несколько раз упрашивал императора принять диктатуру, постоянное консульство и заботу о продовольствии. Слова Августа в «Деяниях» о том, что сенат и народ предлагали ему диктатуру, следует трактовать как отсылку к решению сенаторов, а не о совместной делегации к принцепсу. Во время очередной попытки вручить полномочия Август прибег к комплексу жестов, которые должны продемонстрировать народу решительность принцепса в отказе от диктатуры и

[67] Rich 1990, 173.

[68] Kröss 2017, 268.

[69] Reese 2004, 119, Anm. 447, 156.

[70] Князький 2022, 433.

[71] Остается только удивляться тому, что, по мнению Т. Хиллард, не ясно, кто имеется в виду под «римлянами» у Кассия Диона (Hillard 2019, 317). Разумеется плебс. О терминах, используемых автором для описания плебса, см.: Hellström 2021, 200–202.

[72] Наделять слова populus, plebs, turba и их древнегреческие эквиваленты социологическим или юридическим значением излишне. Они взаимно заменялись, исходя из стилистических соображений (Yavetz 1969, 7).

[73] Yavetz 1969, 7.

[74] Gardthausen 1904; 808. О мероприятиях по завоеванию популярности среди плебса см.: Yavetz 1969, 88–93; Bert Lott 2004, 67–79.

[75] Kröss 2017, 238.

[76] М. Уилсон пишет: «Делегация сенаторов встретилась с Августом и умоляла его принять диктатуру по настоянию народа, взяв с собой двадцать четыре ликтора…» (Wilson 2021, 330). Ср.: Машкин 1949, 454.

готовность умереть, если его требование не будет исполнено[77]. Это возымело успех, и народ принял его отказ от диктатуры и консулата.

Подводя итоги, констатируем, что волнения весной или летом 22 г. в Риме не подогревались императором в целях получения диктатуры и давления на сенат, а были реакцией населения города на последствия природных катаклизмов. Никакого формального решения народного собрания о даровании Августу диктатуры не принималось. На начальном этапе движения, по всей видимости, значимую роль играли сторонники принцепса среди плебса, затем выступление явно охватило широкие слои горожан. Действия плебса по блокировке курии свидетельствуют об оценке роли сената: он не рассматривался как институт, способный решить проблемы населения, а лишь как необходимый инструмент для дарования диктатуры сыну божественного Юлия. Тем не менее подобные действия являлись реакцией на неспособность сената в решении кризисной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

Abele, T. von. 1907: *Der Senat unter Augustus*. Padeborn.

Aldrete, G.S. 2006: *Floods of the Tiber in Ancient Rome*. Baltimore.

Alföldy, G. 1972: Die Ablehnung der Diktatur durch Augustus. *Gymnasium* 79, 1–12.

Belloni, G.G. 1987: *Le "Res Gestae divi Augusti". Augusto: il nuono regime e la nuova urbe*. Milano.

Bender, F.S.C. 1961: *Historical commentary on Cassius Dio 54. PhD Thesis*. Philadelphia.

Bert Lott, J. 2004: *The Neighborhoods of Augustan Rome*. Cambridge.

Bleicken, J. 2010: *Augustus. Eine Biographie*. München.

Bringmann, K. 2007: *Augustus.* Darmstadt.

Brunt, P.A. 1966: The Roman mob. *Past and Present* 35, 3–27.

Carter, J. (ed.) 1982: *Suetonius. Divus Augustus*. Bristol.

Cooley, A. (ed.), 2009: *Res Gestae divi Augusti. Text, Translation, and Commentary*. Cambridge.

Cosma, P. 2009: *Auguste*. Paris.

Dementyeva, V.V., Frolov, R.M. 2009: Nesanktsionirovannye grazhdanskie contiones kak obshchestvenno-politicheskiy institut Rimskoy respubliki [Unsanctioned *Contiones* as a Political Institute of the Roman Republic] *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 4, 63–88.

Дементьева, В.В., Фролов, Р.М. 2009: Несанкционированные гражданские contiones как общественно-политический институт Римской республики. *ВДИ*. 4, 63–88.

Eck, W. 2003: *The Age of Augustus*. Maldon–Oxford.

Egorov, A.B. 2023: *Printsipat. Sozlanie i razvitie politicheskoy sistemy (31 g. do n.e. – 65 g. n.e.)* [*Principate. Creation and Development of the Political System*]. St. Petersburg.

Егоров, А.Б. 2023: *Принципат. Создание и развитие политической системы (31 г. до н.э. – 65 г. н.э.)*. СПб.

Erdkamp, P. 2005: *The Grain Market in the Roman Empire. A Social, Political and Economic Study*. Cambridge.

Gardthausen, V. 1904: *Augustus und Seine Zeit*. Tl. 2. Bd. 3. Leipzig.

Geraci, G. 2018: Feeding Rome: The Grain Supply. In: C. Holleran, A. Claridge (eds.), *A Companion to the City of Rome*. Malden, 219–246.

Gilbert, R. 1976: *Die Beziehungen zwischen Princeps und stadtrömischen Plebs im frühen Prinzipat*. Bochum.

[77] См.: Alföldy 1972, 9–10.

Griffin, M. 1991: Urbs Roma, Plebs and Princeps. In: A. Loveday (ed.), *Images of Empire*. Sheffield, 19–46.
Hellström, M. 2021: "The People" and Cassius Dio. In: C. Davenport, C. Mallan (eds.), *Emperors and Political Culture in Cassius Dio's Roman History*. Cambridge, 199–217.
Hillard, T. 2019: The Popular Reception of Augustus and the Self–Infantilization of Rome's Citizenry. In: K. Morrell, J. Osgood, K. Welch (eds.), *The Alternative Augustan Age*. Oxford, 305–324.
Hoff, R. von, Stroh, W., Zimmermann, M. 2014: *Divus Augustus. Der erste römische Kaiser und seine Welt*. München.
Jacobson, A. 2021: Augustus, the Roman Plebs and the Dictatorship 22 B.C. and Beyond. In: H. Beck, G. Vankeerberghen (eds), *Rulers and Ruled in Ancient Greece, Rome, and China*. Cambridge, 269–299.
Knyazkiy, I.O. 2022: *Imperator Avgust i ego vremaya* [*Emperor Augustus and His Time*]. St. Petersburg.
Князький, И.О. 2022: *Император Август и его время.* СПб.
Kröss, K. 2017: *Die politische Rolle der stadtrömischen Plebs in der Kaiserzeit*. Leiden–Boston.
Levi, M.A. 1994: *Augusto e suo tempo*. Milano.
Levick, B. 2010: *Augustus. Image and Substance*. London–New York.
Liddle, H.G., Scott, R., Jones, H.S. (eds) 1996: *A Greek-English Lexicon*. Oxford.
Louis, N. 2010: *Commentaire historique et traduction du Divuus Augustus de Suétone*. Bruxelles.
Mashkin, N.A. 1949: *Principat Avgusta. Proischozdenie i social'naya sushhnost'* [*Principate of Augustus. Origin and Social Entity*]. Moscow–Leningrad.
Машкин, Н.А. 1949: *Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность.* М.–Л.
Mezheritskiy, Ya. Yu. 2016: *Vosstanovlennaya respublika imperatora Avgusta* [*Emperor Augustus' "Restored Republic"*]. Moscow.
Межерицкий, Я.Ю. 2016: *«Восстановленная республика» императора Августа.* М.
Millar, F. 1977: *The Emperor in the Roman World: 31 BC–AD 337*. London.
Mommsen, T. (ed.) 1883: *Res Gestae divi Augusti ex monumentis Ancyrano er Apolloniensi*. Berolini.
Mommsen, Th. 1888: *Römisches Staatsrecht*. Bd. III/2. Leipzig.
Powell, L. 2018: *Augustus at War. The Struggle for the Pax Augusta*. Barnsley.
Purcell, N. 1992: The City of Rome and the Plebs Urbana in the Late Republic. In: J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson (eds.), *The Cambridge Ancient History*. Vol. 9. Cambridge, 644–688.
Purcell, N. 1996: Rome and its Development under Augustus and His Successors. In: A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott (eds.), *The Cambridge Ancient History*. Vol. 10. Cambridge, 782–811.
Reese, A. 2004: *Die Bürger und ihr Kaiser. Die plebs urbana zwischen Republik und Prinzipat. PhD Diss*. Bochum.
Rich, J. 1990: *Cassius Dio. The Augustan Settlement (Roman History 53–55.9)*. Warminster.
Rickman, G. *The Corn Supply of Ancient Rome*. Oxford, 1980.
Ridley, R.T. 2003: *The Emperor's Retrospect: Augustus' Res Gestae in Epigraphy, Historiography and Commentary*. Leuven.
Rotondi, G. 1912: *Leges publicae populi Romani*. Milan.
Rowe, G. 2002: *Princes and Political Cultures. The New Tiberian Senatorial Decrees*. Ann Arbor.
Shifman, I.Sh. 1990: *Tsezar' Avgust* [*Caesar Augustus*]. Leningrad.
Шифман, И.Ш. 1990: *Цезарь Август.* Л.
Shotter, D. 2005: *Augustus Caesar*. Abingdon.
Southern, P. 2005: *Augustus*. Essen.
Sumi, G. 2005: *Ceremony and Power Performing Politics in Rome between Republic and Empire*. Ann Arbor.

Syme, R. 1960: *The Roman Revolution*. Oxford.
Virlouvet, C. 1985: *Famines et émeutes à Rome des origines de la République à la mort de Néron*. Rome.
Wardle, D. (ed.) 2014: *Suetonius. Life of Augustus. Vita divi Augusti*. Oxford.
Wilson, M.B. 2021: *Dictator. The Evolution of the Roman Dictatorship*. Ann Arbor.
Woodman, A.J. (ed.). 1983: *Velleius Paterculus. The Caesarian and Augustan narrative (2.41–93)*. Cambridge.

THE ROMAN SENATE AND AN URBAN PLEBS IN THE AGE OF CAESAR AUGUSTUS: THE CASE OF 22 BC

Andrey Y. Markelov

Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia

E-mail: markelov.ayu@ssau.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 24-28-01528

The article discusses the controversial issues of assessing the events in Rome in 22 BC, when the city plebs locked the senators in the Curia Julia and threatened to set fire to the building unless Augustus was granted a dictatorship, a one-year and permanent consulate, and the cura annonae. The author believes that the plebs' uprising was not provoked by Augustus, but was a reaction to the consequences of natural disasters that caused food shortages, and did not seek to do away with the curia in principle.

Keywords: Roman Senate, princeps, Augustus, plebs, plebs urbana

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 190–195
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 190–195
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-190–195

«INSPIRITALIS MONACHUS»: К ИСТОРИИ ОДНОГО ПИСЬМА ПАВЛИНА НОЛАНСКОГО

Е.В. Литовченко

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия;
Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

E-mail: litovchenko@bsuedu.ru

OCRID: 0000-0002-1203-6049

В статье анализируется письмо представителя позднеантичной сенаторской аристократии и епископа Павлина Ноланского (V в. н.э.), автора коллекции писем (всего сохранилось 51 послание), составивших своего рода эпистолярную сеть друзей, знакомых и коллег, проживавших на территории Римской империи в тот период. Корреспонденция была важным элементом коммуникации в ситуации, когда личные контакты были затруднены. В подобного рода литературных сетях были задействованы не только адресаты и адресанты, но и читающая публика, которой становились доступны послания как образцы эпистолярного жанра, а также курьеры. Позднеантичные авторы ответственно подходили к выбору курьеров, поскольку им доверялась ценная, порой сокровенная, информация. Цель настоящего исследования – выявление роли посланников в позднеантичной эпистолярной сети на материале избранных писем Павлина Ноланского с акцентом на послании 22. В указанной эпистоле, адресованной Сульпицию Северу, представлен «бездуховный монах» Маррацин, вызвавший негодование Павлина своим несоответствием статусу монаха. Письмо было написано в период размолвки между епископом Нолы и Сульпицием, поэтому Павлин счел отправку такого неподходящего курьера еще одним звеном в цепи разногласий с другом. Анализ и интерпретация текста в рамках микроисторического и герменевтического подходов показал, что курьеры выполняли важную миссию по связям между христианскими лидерами, ассоциировались с личностью отправителя письма, часто допускались в ближний круг автора, поэтому выбор курьера мог повлиять на образ автора коллекции писем, конструируемый им, а недостойные люди, которые не соответствовали христианской модели внешности и поведения, осуждались.

Ключевые слова: поздняя античность, эпистолярная практика, Павлин Ноланский, курьеры

Поздняя античность как переходный период, отличавшийся, однако, внутренним единством и целостностью, обеспечивавшейся уникальным сочетанием фак-

Данные об авторе. Елена Викторовна Литовченко – доктор исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета педагогического института НИУ «БелГУ», главный научный сотрудник НИИ «Институт истории и археологии Византии и Причерноморья» СевГУ.

торов исторического процесса, представляет большой интерес в источниковедческом плане. Немаловажными, на наш взгляд, свидетельствами эпохи выступают коллекции писем авторов IV–VI вв., которые отражают специфику того времени и помогают составить представление о мироощущении позднеантичной интеллектуальной элиты, их взглядах, суждениях и оценках. Субъекты, охваченные эпистолярной деятельностью, по сути, составляли социальную сеть[1], в которой действовали установления, схожие с теми, которыми руководствуются в современных социальных сетях: они используются для общения, у каждого автора свой круг адресатов-единомышленников, каждый участник нацелен на формирование и репрезентацию определенного образа и т.п.

Позднеантичная коммуникация, регулярное поддержание которой осуществлялось по большей части за счет эпистолярной переписки, предполагала не только наличие автора письма и адресата, но и читающей публики, которой становились доступны послания в риторическом стиле, а также курьеров, роль которых была значительно важнее, чем это представляется на первый взгляд. В нашей предыдущей работе[2] мы уже рассматривали роль курьеров позднеантичного аристократа Сидония Аполлинария (ок. 430–ок. 486), предметом настоящего исследования стали письма представителя сенаторской знати и епископа Павлина Нолан-ского (ок. 353–431), в которых речь идет о бездуховном, по словам автора письма, монахе (inspiritalis monachus), по имени Маррацин, используемом Сульпицием Севером в качестве курьера (tabellarius). В «Просопографии Поздней Римской империи» (PLRE) сведений о нем нет; вероятно, письма Павлина – единственный источник об этом представителе позднеантичного общества. Таким образом, цель настоящего исследования – выявление роли посланников в позднеантичной эпистолярной сети на материале избранных писем Павлина, епископа Нолы. Исследование выполнено в русле микроисторического подхода, высвечивающего роль «маленького человека» в истории; в качестве основного метода мы использовали герменевтический анализ, позволяющий интерпретировать тексты с учетом их субъективных особенностей, а также культурных, исторических и социальных контекстов, в которых текст создавался.

Контекст создания интересующего нас письма (Paul. Ep. 22) весьма интересен: адресатом послания выступал христианский писатель и друг Павлина Сульпиций Север (ок. 360 – ок. 420), которым автор письма искренне восхищался, считал единомышленником и гораздо более ревностным христианином, чем он сам. Данное послание является третьим в ряду писем, свидетельствующих о ссоре между двумя друзьями (Paul. Ep. 11, 17, 22 et 23). Конфликт начался из-за того, что Сульпиций раз за разом отклонял приглашения Павлина посетить его в Ноле, что последний расценивал, как пренебрежение или даже оскорбление. Все четыре письма расположены в хронологической последовательности, поскольку по ним можно проследить развитие ссоры: семена размолвки были уже посеяны во время написания письма 11, дальнейшее развитие ссоры очевидно из письма 17, своего апогея конфликт достигает ко времени написания письма 22. Наконец, письмо 23,

[1] Подробнее об этом см.: Литовченко, Семичева 2023. С. Мрачек (Mratschek 2002) называет их «литературными сетями», относительно переписки среди епископов-христиан распространен термин «епископские сети», см.: Dekker 2018, Cvetkovic, Gemeinhardt 2019.

[2] Литовченко, Семичева 2022, 9–24.

которое начинается с заверений в безграничной привязанности и является самым длинным из сохранившихся писем, можно расценивать как примирительное. Все эти послания были отправлены адресату в промежутке между 397 и 399 гг.[3].

Письмо 22, по словам Д. Траута, представляет собой «едкую диатрибу» против носителя двух последних писем Севера, по имени Маррацин[4], которая косвенно, через негативный портрет курьера, так или иначе ассоциирующегося с отправителем, обвиняет Севера, не желающего личной встречи с Павлином. Приведем перевод той части послания, которая непосредственно касается Маррацина:

«Павлин приветствует своего единомышленника брата Севера.

1. Письмо, которое ты послал с этим бездуховным монахом, было перехвачено и доставлено ко мне гонцом истинно духовным, нашим сыном Сорианом. Я пришел к выводу, что этим событием Господь оказал мне двойную милость. Во-первых, Сориан, который жаждал встречи со мной, благодаря любви, исходящей из твоего сердца, не прибыл сюда без известия от тебя; и, во-вторых, твое письмо не было доставлено мне Маррацином, который, по тому, что я расцениваю как божественное побуждение, стыдился смотреть мне в лицо или был слишком ленив, чтобы продлить свое путешествие за пределы Рима. Поэтому в столице он доверил твое письмо брату, о котором я упомянул. Он был рад возможности сократить свое путешествие, как и желал. Благодаря этой счастливой случайности он решил, что позаботился о своих интересах, нарушив твои указания – ему не пришлось притворяться монахом, как ты приказал, или смотреть монаху в лицо, как ему пришлось бы сделать со мной. Так что пусть он оставит свой солдатский плащ, сапоги и щеки при себе, ибо он боялся снять первые два и преобразить третье» (Ep. 22, 1).

Из данного фрагмента мы узнаем, что Маррацин был послан Севером с письмом к Павлину, но в Риме случайно встретился с Сорианом, которого Павлин в противоположность первому характеризует как истинно духовного человека («vere spiritalis tabellarius»). Завуалированный упрек Северу кроется в словах «ты приказал ему притвориться», что подразумевает некую долю обмана и утраты доверия, а также в противопоставлении двух курьеров, недостойного (Маррацина) от Севера и достойного (Сориана) от Павлина, при этом негативный портрет Маррацина складывается из данной ему Павлином характеристики: бездуховный монах, ленивый, толстощекий[5], стыдящийся смотреть в лицо Павлину (истинному монаху). Курьер был одет в военную форму (в солдатский плащ и сапоги), к которой те, кто вел монашескую жизнь, относились неодобрительно. На самом деле, Павлин даже не видел Маррацина в этот раз, поскольку в Риме последний доверил отправленное в Нолу письмо Севера другому табелларию, Сориану. Автор послания столкнулся с Маррацином в Риме годом ранее. Об этом мы узнаем из письма 17, в котором Павлин не называет курьера по имени, однако описание Маррацина в письме 22 в точности соответствует предыдущему:

«Я был очень удивлен его одеждой и сапогами, которые совершенно не походили на монашеские, а его лицо было таким же румяным, как и его плащ, по-

[3] Подробнее о хронологии см.: Walsh 1966, 255–256.

[4] Trout 1999, 130.

[5] Buccae, в отличие от genae, в латинском означает «полные, надутые щеки».

скольку щеки не выдавали его духовности[6]. Так я убедился, что курьер был не из нашего числа» (Ep. 17, 1). Удивление, которое Павлин выразил тогда, теперь превратилось в негодование: его военный плащ и сапоги, его румяные щеки, его отрыжка и обжорство – все выдавало его[7]. В качестве антитезы епископ Нолы дает портрет своих собратьев-монахов – «смиренные, облаченные во власяницы из козьей шерсти; в грубые плащи, подпоясанные веревкой; короткостриженые, с выбритой частью головы (видимо, имеется в виду тонзура), в их целомудренном уродстве…» (Ep. 22, 2). Далее Павлин пишет о том, что они (монахи) «отвергли свою естественную физическую привлекательность ради внутренней красоты», внешний вид, нрав и запах таких монахов вызывают отвращение у людей, потому что от них смердит, но это запах Христа, в отличие от тех, кто дышит отрыжкой и винными парами, как рыгающий Тразон[8]; они ослаблены добродетельными бдениями и опьянены трезвостью, шатаются не из-за излишеств, а из-за постов (Ibid.) Именно к категории подобных людей Павлин и относит второго курьера Сориана.

В заключительной части письма Павлин еще раз акцентирует внимание на персоне Сориана, говоря, что «рад приветствовать такого человека, который доставил твое письмо». Его следующую фразу также можно расценивать, как завуалированный упрек: «Я прошу тебя приветствовать его, как если бы ты послал его ко мне. Ибо он также должен быть причислен к тем, кто пришел ко мне, чтобы представлять твою братскую персону. Господь доверил ему твое письмо, хотя ты этого и не знал...» (Ep. 22, 3). Заслуга Павлина, по его мнению, в том, что это именно *его* человек, а не Севера, а посланник Севера не идет ни в какое сравнение с курьером автора письма. Этот факт подается как Божья доброта, поскольку встреча двух табелляриев в Риме была случайной, и тем самым именно через Сориана Север был спасен от того, чтобы его письмо принес недостойный человек (Ibid.). Кэтрин Конибер полагает, что ссора между Павлином и Севером усугубила и без того неприязненное отношение епископа Нолы к Маррацину. В подобной ситуации было недостаточно того, что письмо должно просто прийти, любыми средствами: чувство духовной связи и взаимопонимания между Сульпицием и Павлином, по-видимому, временно прервалось, и его негодование на неудачу первоначального табеллария прямо пропорционально его высокой оценке духовных обязанностей курьера вообще. Необходимость сохранения – или в данном случае восстановления – этой духовной преемственности заметна в конце письма, где Павлин просит, чтобы Сульпиций принял Сориана, как будто он был собственным носителем и духовным собратом Сульпиция («как будто он пришел ко мне, посланный тобой»)[9].

Таким образом, посредством анализа данного письма мы устанавливаем весьма существенные факты позднеантичной эпистолярной практики: во-первых, тесная связь между авторами писем и курьерами подчеркивала значимость регулярного обмена посланиями в позднеантичном интеллектуальном сообществе; во-вторых, личность носителя писем определенным образом ассоциировалась с автором послания[10]; в-третьих, в христианской корреспонденции функционал та-

[6] Лицо и щеки монаха или аскета должны быть бледными от длительных постов и бдений.

[7] Trout 1999, 130.

[8] Хвастливый воин в «Евнухе» Теренция.

[9] Conybeare 2000, 35.

[10] Об этом также упоминается в письме 18 (Paul. Ep. 18. 1). Данный факт был установлен и при анализе писем Сидония Аполлинария (IV. 4, IV. 7, IV. 12), который также характеризовал курьеров,

беллария расширялся до Миссии, поскольку курьер служил связующим звеном между братьями во Христе, а постоянно циркулирующая корреспонденция обеспечивала устойчивые связи между единомышленниками. Это, в свою очередь, гарантировало включение носителя не в светское, а в духовное сообщество. Исходя из этого, становится понятным гнев Павлина Ноланского, к которому был отправлен «бездуховный» Маррацин, отказавшийся от своего долга по доставке, и его желание акцентировать внимание на добродетелях Сориана, который взял на себя эту задачу. Немаловажным является и тот факт, что Павлин позиционировал себя в своих письмах, как высокодуховного человека, склонного к аскезе, таким же он воспринимал и Сульпиция Севера, следовательно, курьер, проявляющий прямо противоположные качества, мог принести вред тому имиджу автора, который конструировался им самим в текстах посланий.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Conybeare, C. 2000: *Paulinus Noster Self and Symbols in the Letters of Paulinus of Nola*. Oxford.

Cvetkovic, C.A., Gemeinhardt, P. 2019: *Episcopal Networks in Late Antiquity: Connection and Communication Across Boundaries*. Berlin.

Dekker, R. 2018: *Episcopal Networks and Authority in Late Antique Egypt: Bishops of the Theban Region at Work*. Leuven.

Litovchenko, E.V., Semicheva, E.A. 2022: Perepiska v pozdney antichnosti: o roli nekotorykh kur'erov Sidoniya v funktsionirovanii «epistolyarnoy seti» (po pis'mam IV. 4, IV. 7, IV. 12). [Correspondence in Late Antiquity: Towards the Role of Some Couriers of Sidonius in the Functioning of the "Epistolary Network" (Letters IV. 4, IV. 7, IV. 12)]. *Intelligentsiya i mir* [*Intelligentsia and the World*] 4, 9–24.

Литовченко, Е.В., Семичева, Е.А. 2022: Переписка в поздней античности: о роли некоторых курьеров Сидония в функционировании «эпистолярной сети» (по письмам IV. 4, IV. 7, IV. 12). *Интеллигенция и мир* 4, 9–24.

Litovchenko, E.V., Semicheva, E.A. 2023: Setevye aspekty kommunikatsii pozdneantichnoy intellektual'noy elity [Network Aspects of Communication of the Late Antique Intellectual Elite]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*] 3(67). https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4963.

Литовченко, Е.В., Семичева, Е.А. 2023: Сетевые аспекты коммуникации позднеантичной интеллектуальной элиты. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета* 3 (67). https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4963.

Mratschek, S. 2002: *Der Briefwechsel des Paulinus von Nola. Kommunikation und soziale Kontakte zwischen christlichen Intellektuellen*. Göttingen.

Trout, D.E. 1999: *Paulinus of Nola: Life, Letters, and Poems*. Berkeley.

Walsh, P.G. 1966: *Letters of St. Paulinus of Nola*. Vol. I. *Letters 1–22*. New York.

при этом, выделяя особо воспитанность и невежество, как качества, отличающего достойного курьера от недостойного.

“INSPIRITALIS MONACHUS”: TOWARDS THE HISTORY OF A LETTER OF PAULINUS OF NOLA

ElenaV. Litovchenko

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia;
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: litovchenko@bsuedu.ru

The article discusses epistle 22 by Bishop Paulinus of Nola (5th century), the author of a collection of letters (a total of 51 epistles have survived), which formed a kind of epistolary network of friends, acquaintances and colleagues living in the territory of the Roman Empire at that time. Correspondence was an important element of communication in a situation where personal contacts were difficult. Such literary networks involved not only addressees and addressers, but also the reading public, to whom messages became available as examples of the epistolary genre, as well as couriers. Late antique authors took a responsible approach to the choice of couriers, since they were entrusted with valuable, sometimes secret, information. The aim of this article is to determine the role of envoys in the late antique epistolary network using selected epistles of Paulinus of Nola, with an emphasis on Epistle 22. This epistle, addressed to Sulpicius Severus, introduces the “spiritless monk” Marrazinus, who aroused Paulinus’s indignation by his inadequacy to the status of a monk. The letter was written during a period of discord between the bishop of Nola and Sulpicius, so Paulinus considered the dispatch of such an unsuitable courier as yet another link in the chain of disagreements with his friend. Analysis and interpretation of the text within the framework of microhistorical and hermeneutic approaches showed that couriers performed an important mission of communication between Christian leaders, were associated with the personality of the sender of the letter, were often admitted to the author’s inner circle, so the choice of courier could influence the image of the author of the collection of letters constructed by him, and unworthy people who did not correspond to the Christian model of appearance and behavior were condemned.

Keywords: Late Antiquity, epistolary practice, Paulinus of Nola, couriers

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 196–205
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 196–205
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-196–205

ЧЕЛОВЕК ДВУХ МИРОВ. АРТАБАН АРШАКУНИ: ВОЕННАЯ КАРЬЕРА, СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ И КОНФЛИКТ С ЮСТИНИАНОМ I

А.Д. Назаров

Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: andrey.nazarov451@gmail.com

OCRID: 0000-0001-8519-9191

Статья посвящена византийскому военачальнику армянского происхождения Артабану Аршакуни, который состоял на службе иранского шаханшаха Хосрова I Ануширвана, а позднее перешел к византийскому императору Юстиниану I. Исследователь уделяет внимание различным аспектам интеграции Артабана в ряды военной знати Восточной Римской империи. Важным фактором, содействовавшим этому процессу, была поддержка его родственников и других переселенцев из Армении и Ирана. Именно эти лица оказали помощь Артабану в подавлении мятежа, поднятого Гонтарисом против византийской власти в Африке в 546 г., а также неудачном покушении на Юстиниана I в 548/549 г. Значительное влияние на мотивацию Артабана и его окружения оказали ценности, которые разделялись ими. При анализе этой проблемы информация Прокопия Кесарийского сопоставлялась с примерами, известными из трудов древнеармянских авторов.

Ключевые слова: Византийская империя, древняя Армения, сасанидский Иран, армянские Аршакиды, Аршакуни, социокультурная адаптация

Труды Прокопия Кесарийского содержат достаточно подробное и живописное описание военных кампаний Восточной Римской империи в правление Юстиниана I (527–565). Этот ранневизантийский автор уделил внимание значительному числу отдельных персоналий, состоявших в императорской армии. Среди такого рода лиц особенно выделяется Артабан (Ἀρτβάνης) из армянского царского рода Аршакуни (Аршакидов). Жизненный путь этого аристократа, который сначала служил иранскому шаханшаху Хосрову I Ануширвану (531–579), а затем императору Юстиниану I, вне всякого сомнения, можно назвать исключительным. Между тем исследователи неоднократно отмечали значительную роль, которую сыграли армянские переселенцы и их потомки в истории Восточной Римской (Византийской) империи[1].

Данные об авторе. Андрей Дмитриевич Назаров – кандидат исторических наук, ассистент кафедры социально-гуманитарных дисциплин УГЛТУ.

В основу статьи легли ранее опубликованные тезисы доклада: Назаров 2022.

[1] Charanis 1961; Garsoïan 1998.

Кроме того, существуют работы, посвященные армянским контингентам в ранневизантийской армии[2]. Весомый вклад в изучение межрегиональной мобильности и миграций нахараров (армянской аристократии) был внесен Й. Прайзер-Капеллером. Причем австрийский исследователь уделил внимание взаимодействию армянской знати как с Восточной Римской империей, так и сасанидским Ираном и Арабским халифатом[3]. Перспективным представляется дальнейший анализ путей и механизмов адаптации выходцев из Армении в чужих странах, в том числе и в Восточной Римской империи, на примерах отдельных личностей. В этом контексте особенную значимость имеет статья С. Макдоноу, посвященная Смбату Багратуни (†617/618), который служил сначала византийскому правителю, а затем – иранскому. Историк убедительно обосновал, какие факторы позволили Смбату обрести значительное влияние при дворе шаханшаха Хосрова II Парвиза (590–628)[4].

Самому Артабану Аршакуни внимание уделил Д. Парнелл на страницах своей монографии «Люди Юстиниана: карьеры и взаимоотношения командиров византийской армии 518–610 гг.». Впрочем, этот исследователь рассматривал его биографию лишь в общем контексте «кадровой политики» Юстиниана I[5]. В нашей статье, в свою очередь, рассматривается проблема адаптации армянских переселенцев к социально-политическим реалиям Византийской империи на примере отдельной персоналии, а именно Артабана Аршакуни.

Исследование опирается преимущественно на сведения Прокопия Кесарийского. Его информация в весьма незначительной степени дополняется Агафием Миринейским. Виктор Туннунский, продолжатель Марцеллина Комита, Иордан лишь подтверждают сведения Прокопия об африканском этапе карьеры Артабана, которым противоречит Кресконий Корипп. Тем не менее Прокопий достаточно подробно свидетельствовал о пребывании Артабана на службе Юстиниана I, что дает возможность ответить на несколько вопросов. Во-первых, важно обратить внимание на социальное окружение этого иммигранта и проанализировать, как личные связи использовались им для достижения целей, направленных на расширение собственного влияния на чужбине. Во-вторых, следует изучить, каким образом аристократическое самосознание Артабана способствовало или, наоборот, препятствовало его адаптации в Византии.

В первой половине VI в. владения семейства Аршакуни располагались, по всей видимости, в провинции Первая Армения со столицей в г. Сатала (совр. Садак). Сделать такой вывод позволяет информация Прокопия Кесарийского, предваряющая сюжет об армянском восстании против византийского господства в 538/539 г. Мятежу предшествовала длительная борьба за власть в среде локальной аристократии. Местный правитель Амазасп был оклеветан Акакием перед Юстинианом I[6]. В вину ему вменялось намерение передать Феодосиополь (совр. Эрзерум), находившийся в той же провинции, персам. Амазасп в итоге был убит Акакием, получившим поддержку самого императора. Армяне, недовольные политикой нового правителя, умертвили Акакия, а затем нанесли поражение византийскому войску, которым командовал военный магистр Армении Ситта. Причем

[2] Мехамадиев 2014; Мехамадиев 2020.
[3] Preiser-Kapeller 2019; Preiser-Kapeller 2020.
[4] McDonough 2016.
[5] Parnell 2017, 77–78, 89–90, 95–96.
[6] Вероятно, Амазасп происходил из рода Мамиконянов: Martindale 1992, 54.

последний, согласно одной из версий, был убит в бою самим Артабаном Аршакуни (Proc. BP. II. 3. 1–27).

Против мятежников были отправлены новые силы, которыми командовал Буза. Последний предложил армянам начать переговоры, на что отозвался отец Артабана Иоанн, лично знакомый с Бузой. Однако византийцы вероломно напали на главу семейства Аршакуни и убили его. Остальные мятежники, среди которых находился Артабан, оказались вынуждены бежать к Хосрову I Ануширвану. Во главе группы переселенцев стоял зять Иоанна Васак, который, по мнению Н.Г. Адонца, происходил из рода Мамиконянов (Proc. BP. II. 3. 28–32)[7].

Итак, можно прийти к выводу, что до 538/539 г. семейство Аршакуни проживало в Первой Армении[8]. После смерти Аршака III (378–389) царская власть в римской части Армении, в отличие от персидской, была ликвидирована. Тем не менее можно предположить, что император Феодосий I (379–395) не стал конфисковывать царский земельный фонд, права на владение которым перешли потомкам Аршака III[9]. Это подтверждается свидетельством Лазара Парпеци, писавшим, что многие Аршакуни подчинились византийскому правлению[10]. После раздела Великой Армении между Римом и Ираном в 387 г. представители этого рода, вероятно, активно привлекались на службу в византийскую армию. Примечательно, что Иоанн, отец Артабана, был знаком с восточноримским военачальником Бузой. Это может указывать на их совместное участие в византийско-персидской войне 526–532 гг.[11]

Разгром восстания 538/539 г. нанес тяжелый удар по позициям рода Аршакуни, поскольку члены этого семейства или, во всяком случае, большая их часть оказались вынуждены покинуть родные земли. Они утратили свои имения, т.е. основной источник дохода, и отныне могли рассчитывать исключительно на милость шаханшаха, у которого искали покровительство. Тем не менее пребывание Артабана в Иране было непродолжительным. Причины его появления в Восточной Римской империи в первой половине 540-х гг. в источниках не освещались. Позволим себе предположить, что возвращение в Византию состоялось в 541 г. Именно тогда Юстиниан I поручил Велисарию вести боевые действия против персов на Востоке (Proc. BP. II. 6. 1 ff.). Вероятно, Артабан был недоволен условиями службы в Иране и, воспользовавшись удобным случаем, переметнулся на сторону Византии.

Раздел Армении между Восточной Римской империей и Ираном и последовавшая ликвидация аршакидской монархии привели к тому, что политическая лояльность нахарарских родов оказалась разделена между чужеземными суверенами: византийскими императорами и шаханшахами. Такая ситуация, с одной стороны, была источником нестабильности на армянских территориях, однако, с другой стороны, формировала определенную свободу политического выбора. Нахарары имели возможность перейти на сторону того правителя, который предла-

[7] Адонц 1971, 126.

[8] Следует отметить, что предпринималась попытка воссоздать генеалогию Артабана Аршакуни, которая, в частности, увязывает его род с Мамиконянами: Settipani 2006, 108–114.

[9] Подробнее о царских землях в Великой Армении см.: Новосельцев 1980, 224–231.

[10] Bedrosian 1985, 33.

[11] Martindale 1992, 255.

гал более выгодные условия службы[12]. Наиболее яркими примерами такого рода политических акций являются действия Артабана Аршакуни и Смбата Багратуни, который уже упоминался ранее.

Рассчитывать на то, что восточноримские власти вернут ему земельные владения, Артабан не мог. Вслед за подавлением восстания 538/539 г. в армянских владениях Византии были проведены административные реформы, которые подорвали влияние туземной знати. Как следствие, нахарары оказались вынуждены искать средства к существованию на службе в регулярной армии[13]. Известно, что вместе с Артабаном находился его брат Иоанн, который позднее погиб в Африке в бою с маврами (Proc. BV. II. 24. 2, 8, 11–16).

Прокопий Кесарийский писал об участии Артабана в двух заговорах, каждому из которых следует уделить внимание. Речь сначала пойдет о событиях в Африке в 546 г., когда против Юстиниана I поднял мятеж восточноримский военачальник Гонтарис, целью которого, по словам Прокопия, было установление «тирании». Сопротивление бунтовщикам возглавил сам Артабан, убедивший военного магистра Африки Ареобинда дать бой Гонтарису. Тем не менее восставшие одержали победу, вследствие чего византийский командир армянского происхождения был вынужден подчиниться лидеру мятежников.

Вскоре Артабану удалось организовать успешное покушение на Гонтариса, что позволило привести бунтовщиков к повиновению (Vict. Tonn. s.a. 546). Что особенно интересно, его сторонниками в осуществлении этого замысла стали соотечественники, среди которых примечателен племянник Григорий Аршакуни, а также дорифор Арташир, вероятно, перс (Proc. BV. II. 27. 10, 18–19; 28. 7 ff.). Согласно Кресконию Кориппу, во главе этого заговора стоял Афанасий. Артабан же был только его сообщником, при этом он зачастую называется лишь «Армянином» (*Armenius*) (Corip. Iohan. IV. 236–237, 241, 360–361, 373–374). Тем не менее информация Иордана и продолжателя Марцеллина Комита подкрепляет версию Прокопия (Iord. Rom. 385; Marc. Com. s.a. 547). О том, что именно Артабан был лидером сопротивления Гонтарису, также свидетельствуют награды, полученные им от императора.

Сразу после победы над Гонтарисом Артабан стал военным магистром Африки (Λιβύης ὅλης στρατηγός) (Proc. BG. III. 31. 2–4). В 548/549 г. его отозвали в Константинополь, где он был принят с почестями: «[Юстиниан I] же, презентальным военным магистром и комитом федератов назначив, в консульское достоинство возвел [Артабана]» (στρατηγόν τε γὰρ ἐν Βυζαντίῳ στρατιωτῶν καὶ ἄρχοντα φοιδεράτων καταστησάμενος ἐς τῶν ὑπάτων ἀνεγράψατο τὸ ἀξίωμα) (Proc. BG. III. 31. 10). Более того, император одобрил его брак со своей племянницей Прейектой, вдовой уже упомянутого ранее Ареобинда. Императрица Феодора не позволила женитьбе состояться, поскольку Артабан был уже женат. Это вызвало его возмущение, после чего он решил свергнуть Юстиниана I, получив поддержку Аршака Аршакуни и персо-армянина Ханаранга. При этом заговорщики пытались привлечь на свою сторону Юстина, сына Германа и племянника Юстиниана I, однако не добились успеха, а сам Артабан был арестован (Proc. BG. III. 31. 11 ff.).

Как мы видим, Артабан, вернувшись в империю, начал новый этап своей жизни с чистого листа. Тем не менее в распоряжении этого армянского аристократа

[12] Thomson 2008, 675; Preiser-Kapeller 2020, 332.
[13] Адонц 1971, 199–210.

было ценнейшее преимущество – социальные связи. Как сообщал Прокопий Кесарийский, в круг заговорщиков, замышлявших убийство Гонтариса и Юстиниана I, входили родственники Артабана. Это свидетельствует о том, что Аршакуни имели возможность обратиться к помощи членов собственного семейства для защиты своих интересов на чужбине. Подобные примеры использования семейных связей нахарарами не уникальны. И в Иране, и в Византии они могли опереться на поддержку родственников. Достаточно упомянуть, что Вардан Мамиконян, подняв восстание против персидского господства 449–451 гг., обратился за помощью к своему родственнику Васаку, крупному военачальнику в восточноримской армии, однако последний не смог оказать поддержку[14].

К числу доверенных людей Артабана принадлежали также лица, не связанные с ним родственными узами. В первую очередь следует назвать дорифора Арташира. Нужно еще раз упомянуть, что Арташир мог быть персом, во всяком случае, имя его определяется как иранское[15]. При этом высока вероятность, что он перебрался в Византию вместе с Артабаном. На должности дорифоров при тех или иных военачальниках назначались подчиненные им солдаты, проявившие себя наилучшим образом[16]. Таким образом, они пополняли круг доверенных лиц командиров, тогда как их отношения обретали клиентарный характер.

Кроме того, представляет интерес фигура Ханаранга, который вместе с Артабаном и Аршаком Аршакуни замышлял свержение Юстиниана I. Прокопий Кесарийский назвал его персо-армянином. Вероятнее всего, это указывает на его происхождение из Персармении, неоднократно упомянутого ранневизантийским писателем региона (Proc. BP. I. 10. 1 ff.). Однако антропоним ‘Ханаранг’ (Χαναράγγης) представляет особенный интерес, учитывая, что в сасанидском Иране серьезным влиянием пользовался парфянский клан Канарангов[17]. Можно допустить, что Ханаранг, покушавшийся на убийство Юстиниана I, был сыном армянина и парфянки из упомянутого знатного семейства. Такое предположение подкрепляется наличием достаточно интенсивных связей между представителями аристократий Закавказья и Иранского нагорья в позднеантичную эпоху[18].

Наказание Артабана, равно как и его сообщников, за участие в заговоре против Юстиниана I было достаточно мягким. Военачальник был отстранен от занимаемых должностей и помещен под арест во дворце (Proc. BG. III. 32. 51). Уже в 550 г. Артабан получил назначение на пост военного магистра Фракии (στρατηγὸς καταλόγων τῶν ἐπὶ Θρᾴκης) и был отправлен на Сицилию во главе экспедиционного войска (Proc. BG. III. 29. 8; 40. 14; IV. 24. 1; 25. 24). В 550-х гг. он оставался в Италии, где занимал какую-то крупную командную должность. Агафий Миринейский лишь назвал его в числе стратегов (οἱ στρατηγοί) под началом стратега-автократора Нарсеса наряду с Валерианом, Улдахом, Фулкарисом, а также Иоанном, племянником Виталиана. Это не дает возможности уточнить, на каком именно посту находился Артабан (Agath. I. 11. 3; 15. 8; II. 3. 1).

Вероятнее всего, социальный круг Артабана во время его пребывания в Италии значительно преобразился. Ни Прокопий, ни Агафий не упоминали, что он с

[14] Орбели 1971, 91.
[15] Justi 1895, 34–36.
[16] Schmitt 1994, 171–172.
[17] Pourshariati 2008, 265–271.
[18] Garsoïan 1976; Preiser-Kapeller 2019, 9–11.

550 г. как-либо контактировал со своими родственниками. Тем не менее Агафий писал о византийском таксиархе Ханаранге, родом армянине, воевавшем против франков в Италии (Agath. II. 6. 4). Вероятно, именно он был сообщником Артабана в заговоре против Юстиниана I. Однако император, несмотря на этот инцидент, в достаточной мере доверял участникам неудавшегося покушения. Д. Парнелл обоснованно заметил, что карьера Артабана, как и любого другого высокопоставленного военного, зависела исключительно от расположения императора. При этом следует обратить внимание на то, что Юстиниан I предоставил ему «второй шанс»[19]. Таким образом правитель высоко оценил военные и организаторские таланты Артабана, то же самое следует сказать о Ханаранге.

Представляется необходимым проанализировать специфику отношений и характер конфликта между Артабаном Аршакуни и Юстинианом I, привлекая сравнительный материал. Для этого следует рассмотреть, каким образом формировались взаимные обязательства между правителем и знатью в Армянском царстве. Во многих древних и средневековых обществах структура власти в значительной мере конституировалась на неформальных связях. Закреплялись они зачастую через процесс дарообмена, в результате которого даритель рассчитывал на ответную симпатию и верность принимающего дар[20]. При этом нижестоящее лицо надеялось на признательность со стороны вышестоящего за верную службу, которая должна была отразиться в разного рода пожалованиях.

Как будет рассмотрено позднее, это актуально и для политической культуры позднеантичной Армении. Следует отметить, что в историографии нет единой позиции касательно возникновения нахарарского строя. Н.Г. Адонц утверждал, что изначально нахарары являли собой племенную аристократию. Позднее в ее состав влились представители служилой знати[21]. В советской историографии, однако, отстаивалась позиция, согласно которой области-гавары первое время отдавались правителями в жалование нахарарам. С течением времени право управления такого рода землями стало передаваться по наследству[22].

Цари обладали прерогативой инвеституры, т.е. главы нахарарских родов (нахапеты, теры, танутеры) вступали в свои права только после одобрительной, хотя и формальной, санкции армянского правителя. Это проводилось посредством пожалования бардза (подушки) и патива (повязки на голову). Следует также упомянуть о словах католикоса Нерсеса I, адресованных нахарарам, которые не желали воевать против персов за царя Аршака II (350–367). Церковный иерарх напомнил им о том, что все их богатства появились благодаря милости Аршакуни. Речь шла не только о земельных пожалованиях, но и различных должностях, властных инсигниях, сокровищах[23]. Это значит, что имущество нахараров *de iure* считалось условным.

Засвидетельствовано существование подобных практик и в сасанидском Иране. Как отметил С. Макдоноу, Хосров II, назначая Смбата Багратуни марзбаном Горгана и жалуя ему различные дары, установил патронаж над этим армянским аристократом. Таким способом шаханшах заручился поддержкой иммигранта,

[19] Parnell 2017, 78, 95–96.
[20] Альтхоф, Штольберг-Рилингер 2016, 15–21.
[21] Адонц 1971, 406, 439.
[22] Новосельцев 1980, 234–235.
[23] Геворгян 1953, 24, 124–125, 129.

противопоставляя его парфянской знати[24]. Смбат был не единственным армянином, получившим назначение на крупную должность в державе Сасанидов. Еще при Йездегерде II (438–457) марзбаном Картли был Аршавир Камсаракан[25]. В 590 г. обязанности одного из марзбанов в кусте Адурбадаган исполнял Мушел Мамиконян[26].

Восточная Римская империя же обладала строгой иерархизированной системой гражданской администрации и военных командований. Юстиниан I возвысил Артабана за его заслуги, знатность командира в данном случае не имела существенного значения. Назначения на посты сначала военного магистра Африки, а позднее комита федератов можно рассматривать как функциональные решения, призванные обеспечить боевую эффективность подчиненных Артабану сил[27]. В свою очередь, предоставление консульских почестей и должности презентального военного магистра имело исключительно церемониальное значение[28].

Планировавшееся бракосочетание Артабана с Прейектой также можно интерпретировать как награду для отличившегося военного. Сорвавшаяся женитьба в таком случае расценивалась как неблагодарность императора, как нарушение сувереном своих обязательств. У.Э. Кэги обоснованно заметил, что в основе конфликта между Артабаном и Юстинианом I лежали неудовлетворенные амбиции первого из них[29]. Можно прийти к выводу, что причина этого ресентимента уходила корнями в традиции властных отношений в Армянском царстве, в представления о взаимных обязательствах между монархом и нахарарами.

В этом контексте немалый интерес представляет рассмотрение мотивов, побудивших Артабана оказать сопротивление Гонтарису в 546 г. Прокопий Кесарийский вложил в уста Григория, племянника Артабана, слова о знатности своего дяди, а также о недопустимости находиться в подчинении у такого человека, как Гонтарис (Proc. BV. II. 27. 10–18). Эта речь может быть плодом литературного вымысла, однако представляется не лишенной реальной основы. Вполне логично, что Артабан считал для себя недостойным служить незнатному лицу. Причем Гонтарис не мог предоставить блага, сравнимые с теми, которые давала успешная служба в императорской армии.

Вместе с тем слова Григория Аршакуни примечательны как инструмент мобилизации армянских иммигрантов в составе византийской армии. Примеры заговоров против Гонтариса и Юстиниана I, в которые было вовлечено несколько лиц армянского происхождения, показывают, насколько важное значение имели идеалы, которые разделялись в среде нахараров. Аргументация, основанная на обращении к общим ценностям, дала Артабану возможность заручиться поддерж-

[24] McDonough 2016, 236.

[25] Bedrosian 1985, 154.

[26] Колесников 2012, 153, 155. Е.А. Мехамадиев писал о том, что Мушел Мамиконян занимал должность марзбана Адурбадагана: Мехамадиев 2020, 108. Однако во главе этой административно-территориальной единицы стоял спахбед. Мушел же занимал должность рангом ниже и управлял территорией, входившей в состав упомянутого куста.

[27] Различия между византийской знатью и аристократией Ирана и Армении были проанализированы и сформулированы Дж. Банаджи: Banaji 2016, 147–148, 197–199.

[28] При Юстиниане I должность *magister militum in praesenti* утратила прежнее значение, поскольку отряды мобильных армий, размещенных вблизи Константинополя, активно переводились в провинции: Глушанин 1991, 207.

[29] Kaegi 1981, 57.

кой других иммигрантов из державы Сасанидов, в том числе и соотечественников.

Таким образом, обращает на себя внимание значимость семейных связей в ходе адаптации Артабана Аршакуни к реалиям жизни восточноримского общества. Именно родственники и другие армяно-персидские переселенцы в Византии поддержали его в самых сложных ситуациях. Эта помощь позволила ему достаточно быстро обрести солидные позиции в армейской иерархии. Следует при этом заметить, что Артабан в целом был мотивирован на интеграцию в новую социальную среду. Существенное влияние на процесс адаптации Артабана к политическим реалиям Восточной Римской империи оказали образы власти и верности, сформировавшиеся на родине. Идея лояльности правителю сыграла важную роль в решении Артабана оказать сопротивление мятежнику Гонтарису, восставшему против императора. Что касается запрета на его бракосочетание с Прейектой, он был воспринят как неблагодарность со стороны Юстиниана I за значимый успех и проявленную верность.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Adontz, N. 1971: *Armeniya v epokhu Yustiniana. Politicheskoe sostoyanie na osnove nakhararskogo stroya* [*Armenia in the Period of Justinian. The Political Conditions Based on the Naxarar System*]. 2nd ed. Erevan.

Адонц, Н. 1971: *Армения в эпоху Юстиниана. Политическое состояние на основе нахарарского строя*. 2-е изд. Ереван.

Althof, G., Stolberg-Rilinger, B. 2016: Yazyk darov. Logika i semantika obmena darami v Evrope do nachala Novogo vremeni [The Language of Gifts. Logic and Semantics of the Exchange of Gifts in Europe before the Beginning of the Modern Age]. In: G. Althof, M.A. Boytsov (eds.), *Na yazyke darov: pravila simvolicheskoy kommunikacii v Evrope. 1000–1700 gg.* [*In the Language of Gifts: The Rules of Symbolic Communication in Europe, 1000–1700*]. Moscow, 6–28.

Альтхоф, Г., Штольберг-Рилингер, Б. 2016: Язык даров. Логика и семантика обмена дарами в Европе до начала Нового времени. В сб.: Г. Альтхоф, М.А. Бойцов (ред.), *На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг*. М., 6–28.

Banaji, J. 2016: *Exploring the Economy of Late Antiquity: Selected Essay*s. Cambridge.

Bedrosian, R. (transl.) 1985: *Ghazar P'arpec'i's History of the Armenians*. New York.

Charanis, P. 1961: The Armenians in the Byzantine Empire. *Byzantinoslavica* 22, 196–240.

Dewing, H.B. (ed.) 1914–1928: *Procopius. History of the Wars*. Vol. 1–2, 4–5. London–New York.

Garsoïan, N.G. 1976: Prolegomena to a Study of the Iranian Aspects in Arsacid Armenia. *Hande's Amso'reay* 90, 177–234.

Garsoïan, N.G. 1998: The Problem of Armenian Integration into the Byzantine Empire. In: H. Ahrweiler, A.E. Laiou (eds.), *Studies on the Internal Diaspora of the Byzantine Empire*. Washington, 53–124.

Gevorgyan, M.A. (transl.) 1953: *Istoriya Armenii Favstosa Buzanda* [*History of Armenia by P'avstos Buzand*]. Erevan.

Геворгян, М.А. (пер.) 1953: *История Армении Фавстоса Бузанда*. Ереван.

Glushanin, E.P. 1991: *Voennaya znat' ranney Vizantii* [*Military Nobility of Early Byzantium*]. Barnaul.

Глушанин, Е.П. 1991: *Военная знать ранней Византии*. Барнаул.

Justi, F. 1895: *Iranisches Namenbuch*. Marburg.

Kaegi, W.E. 1981: *Byzantine Military Unrest 471–843. An Interpretation*. Amsterdam.

Keydell, R. (ed.) 1967: *Agathiae Myrinaei Historiarum libri quinque*. Berolini.

Kolesnikov, A.I. (transl.) 2012: Russkiy perevod arabskogo teksta iz “Knigi dlinnyh izvestiy” Abu Hanify ad-Dinavari [Russian Translation of the Arabic Text from the “General History” by Abu Hanifah al-Dinawari]. In: Kolesnikov, A.I. *Sasanidskiy Iran. Istoriya i kul’tura* [*Sasanian Iran. History and Culture*]. St. Petersburg, 144–166.
Колесников, А.И. (пер.) 2012: Русский перевод арабского текста из «Книги длинных известий» Абу Ханифы ад-Динавари. В кн.: Колесников А.И. *Сасанидский Иран. История и культура*. СПб., 144–166.

Martindale, J.R. (ed.) 1992: *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. 3A. Cambridge.

McDonough, S. 2016: The “Warrior of the Lords”: Smbat Bagratuni at the Center and Periphery of Late Sasanian Iran. *Iranian Studies* 49.2, 233–245.

Mekhamadiev, E.A. 2014: *Armyanskie voyskovye podrazdeleniya v rannevizantiyskoy armii (IV–VII vv.)* [*Armenian Military Units in the Early Byzantine Army (4th to 7th Century)*]. St. Petersburg.
Мехамадиев, Е.А. 2014: *Армянские войсковые подразделения в ранневизантийской армии (IV–VII вв.)*. СПб.

Mekhamadiev, E.A. 2020: Araboyazychnye istoriki IX – nachala X v. ad-Dinavari i at-Tabari ob armyanskikh voyskakh na sluzhbe v vizantiyskoj armii v 590–591 gg.: k voprosu o roli armyanskoy rodovoy znati (nakhararov) [Al-Dinawari and al-Tabari, Arabic-Speaking Historians in the 9th – Early 10th Century, on the Armenian Troops at the Byzantine Military Service in 590–591: Towards the Participation of the Armenian Noble Families (Nakharars)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [*Bulletin of Tyumen State University. Humanities Research. Humanitates*] 6.3 (23), 105–117.
Мехамадиев, Е.А. 2020: Арабоязычные историки IX – начала X в. ад-Динавари и ат-Табари об армянских войсках на службе в византийской армии в 590–591 гг.: к вопросу о роли армянской родовой знати (нахараров). *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates* 6.3 (23), 105–117.

Mommsen, Th. (ed.) 1882: *Iordanis Romana et Getica*. Berolini.

Mommsen, Th. (ed.) 1894a: Marcellini v.c. comitis Chronicon ad a. DXVIII continuatum ad a. DXXXIV cum additamento ad a. DXLVIII. In: Th. Mommsen (ed.), *Chronica minora. Saec. IV, V, VI, VII*. T. 2. Berolini, 37–108.

Mommsen, Th. (ed.) 1894b: Victoris Tonnennensis episcopi Chronica a. CCCCXLIV–DLXVII. In: Th. Mommsen (ed.), *Chronica minora. Saec. IV, V, VI, VII*. T. 2. Berolini, 163–206.

Nazarov, A.D. 2022: Iz Irana v Vizantiyu: dva aspekta prebyvaniya Artabana Arskhakuni na sluzhbe Yustiniana I [From Iran to Byzantium: Two Aspects of Artaban Arshakuni’s Stay in the Service of Justinian I]. In: S.P. Karpov, M.V. Gratsianskiy, V.V. Mayko (eds.), *Vizantiyskiy “krug zemel’”. Orbis terrarum Byznatinus... Tezisy dokladov XXIII-y Vserossiyskoy nauchnoy sessii vizantinistov RF* [*The Byzantine “Orb of Lands”. Orbis terrarum Byznatinus… Abstracts of the 18th All-Russian Scientific Session of Byzantinists of the Russian Federation*]. Simferopol, 124–126.
Назаров, А.Д. 2022: Из Ирана в Византию: два аспекта пребывания Артабана Аршакуни на службе Юстиниана I. В сб.: С.П. Карпов, М.В. Грацианский, В.В. Майко (ред.), *Византийский «круг земель». Orbis terrarum Byznatinus… Тезисы докладов XXIII-й Всероссийской научной сессии византинистов РФ*. Симферополь, 124–126.

Novoseltsev, A.P. 1980: *Genezis feodalizma v stranakh Zakavkaz’ya (opyt sravnitel’no-istoricheskogo issledovaniya)* [*Genesis of Feudalism in the Countries of Transcaucasia (An Experience of Comparative Historical Research)*]. Moscow.
Новосельцев, А.П. 1980: *Генезис феодализма в странах Закавказья (опыт сравнительно-исторического исследования)*. М.

Orbeli, I.A. (transl.) 1971: *Egishe. O Vardane i voyne armyanskoy* [*Ełišē. On Vardan and the Armenian War*]. Erevan.

Орбели, И.А. (пер.) 1971: *Егишэ. О Вардане и войне армянской*. Ереван.
Parnell, D.A. 2017: *Justinian's Men: Careers and Relationships of Byzantine Army Officers, 518–610*. London.
Partsch, I. (ed.) 1879: *Corippi Africani grammatici Libri qui supersunt*. Berolini.
Pourshariati, P. 2008: *Decline and Fall of the Sasanian Empire: The Sasanian-Parthian Confederacy and the Arab Conquest of Iran*. London–New York.
Preiser-Kapeller, J. 2019: From one End of the (Post)Sasanian World to the Other. Mobility and Migration between the Caucasus, Central Asia and the Persian Gulf in the 4th to 9th Century CE. In: N. Asutay-Effenberger, F. Daim (eds.), *Sasanidische Spuren in der byzantinischen, kaukasischen und islamischen Kunst und Kultur*. Mainz, 9–18.
Preiser-Kapeller, J. 2020: Aristocrats, Mercenaries, Clergymen and Refugees: Deliberate and Forced Mobility of Armenians in the Early Medieval Mediterranean (6th to 11th Century A.D.). In: J. Preiser-Kapeller, L. Reinfandt, Y. Stouraitis (eds.), *Migration Histories of the Medieval Afroeurasian Transition Zone: Aspects of Mobility between Africa, Asia and Europe, 300–1500 C.E*. Leiden–Boston, 327–384.
Settipani, Ch. 2006: *Continuité des élites à Byzance durant les siècles obscurs: les princes caucasiens et l'Empire du VIe au IXe siècle*. Paris.
Schmitt, O. 1994: Die Buccellarii. Eine Studie zum militärischen Gefolgschaftswesen in der Spätantike. *Tyche: Beiträge zur alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik* 9, 147–174.
Thomson, R.W. 2008: Armenia in the Fifth and Sixth Centuries. In: A. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby (eds.), *The Cambridge Ancient History*. Vol. 14. Cambridge, 662–677.

A MAN OF TWO WORLDS. ARTABANES ARSHAKUNI: MILITARY CAREER, SOCIAL TIES, AND CONFLICT WITH JUSTINIAN I

Andrey D. Nazarov

Ural State Forest Engineering University, Yekaterinburg, Russia

E-mail: andrey.nazarov451@gmail.com

The article is devoted to the Byzantine officer of Armenian origin, Artabanes Arshakuni, who was in the service of the Iranian King of Kings Khosrow I Anushirvan, and later went over to the Byzantine emperor Justinian I. The author pays attention to various aspects of Artabanes' integration into the ranks of the military nobility of the Eastern Roman empire. An important factor contributing to this process was the support of his relatives and other immigrants from Armenia and Iran. These persons assisted Artabanes to suppress the rebellion raised by Gontharis against the Byzantine authorities in Africa in 546, as well as to make the unsuccessful assassination attempt of Justinian I in 548/549. The value system shared by Artabanes and his entourage had a significant impact on their motivation. When analyzing this problem, the information of Procopius of Caesarea was compared with examples known from the works of ancient Armenian authors.

Keywords: Byzantine Empire, Ancient Armenia, Sasanian Iran, Armenian Arsacids, Arshakuni, socio-cultural adaptation

ПУБЛИКАЦИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 206–228
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 206–228
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-206–228

КЛАД РИМСКИХ ДЕНАРИЕВ I–II вв. н.э. ИЗ БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ (2010 г.)

В.В. Зайцев[1], М.Г. Абрамзон[2]

[1] *Государственный исторический музей, Москва, Россия*;
[2] *Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия;*
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия

[1] *E-mail*: numizmat_gim@mail.ru

[2] *E-mail*: abramzon-m@mail.ru

[1] *OCRID*: 0000-0001-7796-7592

[2] *ORCID*: 0000-0001-6111-048X

В статье публикуется монетно-вещевой клад, найденный недалеко от г. Карачев Брянской области в 2010 г. Он содержал 118 денариев Траяна, Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия, Коммода, Септимия Севера, а также три подражания. Вещевая часть депозита включала серебряные пряжку и иглу и две золотые серьги. Пряжка относится к т.н. хоботковым, аналогии которым встречаются на большей части Европы, а также в некоторых регионах Азии. Серьги принадлежат типу литых с недекорированным многогранником на конце округлой дужки. Их аналогии также широко распространены в Европе и на Кавказе. Оба изделия являются хронологическими индикаторами гуннского времени. Вероятно, в конце IV – начале V вв. клад принесли в регион переселенцы с территории черняховской культуры. Однако клад мог быть сокрыт несколько позднее и предположительно принадлежал представителям элиты позднего этапа киевской культуры или раннего этапа колочинской культуры.

Данные об авторах. Василий Васильевич Зайцев – старший научный сотрудник отдела нумизматики ГИМ; Михаил Григорьевич Абрамзон – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, директор НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова.

Исследование М.Г. Абрамзона выполнено в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

Ключевые слова: клады римских императорских денариев, варварские подражания, пряжка, серьги, черняховская культура, Днепро-Окский водораздел, Карачев

Осенью 2010 г. на поле между п. Согласие и д. Подсосонки Карачевского района Брянской области, в 2 км к югу г. Карачев, был найден клад римских денариев и изделий из драгоценных металлов. Место находки расположено на берегу р. Жеванка, левого приток р. Снежить, впадающей в Десну. В состав комплекса входило 118 римских денариев I–II вв. н.э., серебряные пряжка и игла, а также две золотые серьги[1] (рис. 1). К сожалению, клад попал в частные руки и был разделен, дальнейшая его судьба остается неизвестной. Однако в нашем распоряжении оказались фотографии монет и вещей, что дает возможность достаточно подробно описать его состав[2]. Редкая находка актуализирует общий список кладов римских имперских денариев на территории Европейского Барбарикума[3] и представляет большой интерес для изучения ареала и времени обращения римских денариев в среде племен, населявших территорию европейской лесной и лесостепной зон России в первые века н.э. и эпоху Великого переселения народов.

МОНЕТЫ

Поскольку возможности работать с монетами de visu не было, их атрибуция основана на предоставленных фотоматериалах. Из 118 монет клада к изображению одной доступ, к сожалению, отсутствовал. Из них 114 –денарии, 3 – варварские подражания денариям. Оригинальные денарии представлены эмиссиями шести императоров: Траяна (3 экз.), Адриана (18 экз., в т.ч. 2 – от имени Сабины), Антонина Пия (34 экз., в т.ч. 8 – в память Фаустины Старшей, 5 – Марка Аврелия как цезаря, 4 – Фаустины Младшей), Марка Аврелия (40 экз., в т.ч. 2 – в память Антонина Пия, 6 – Луция Вера, 3 –Коммода как цезаря и соправителя-августа, 1 – Фаустины II, 2 – Луциллы), Коммода (18 экз., в т.ч. 1 – в памяти Марка Аврелия) и Септимия Севера (1 экз.). Старшей монетой является денарий Траяна 100 г. (№ 1), младшей – денарий Септимия Севера 194 г. (№ 114). К сожалению, общий вес клада, как и метрические данные монет неизвестны. Степень сохранность монет неодинакова, что для варварских депозитов римского серебра является довольно редким явлением: обычно все монеты клада изношены одинаково. В кладе присутствуют как экземпляры с незначительными следами износа (например, № 3, 35, 64), так и сильно потертые (например, № 4, 37, 46, 107). Все денарии клада отчеканены на одном монетном дворе Рима. Все это обычные типы, не требующие специального комментария.

[1] Предварительная информация о Карачевкском кладе опубликована В.В. Зайцевым в *Нумизматическом альманахе* 1 (2011). См.: Зайцев 2011, 42, рис. 2. Комплекс был учтен в сводке кладов на территории Европейского Барбарикума под названием «Подсосонки» (Dymowski 2020, 226, no. 347). Кроме того, находка освещалась в докладе В.В. Зайцева на конференции «Припонтийский меняла» (Зайцев 2020). Настоящая публикация посвящена полному введению в научный оборот монет и вещей клада.

[2] Авторы благодарят С.Ю. Грачева и Ю.Ю. Кузнецова (Брянск) за предоставленные для публикации фотографии и помощь в сборе сведений о находке, а также К.В. Мызгтна (Варшава), И.О. Гавритухина, О.А. Радюша (Москва), В.М. Сидаровича (Минск), А. Дымовского (Гдыня) за ценные консультации.

[3] Сводка А. Дымовского учитывает 537 кладов римских денариев из Европейского Барбарикума, в том числе 16 с территории России (Калининградской, Брянской, Курской, Белгородской, Калужской, Липецкой, Тамбовской, Рязанской и Воронежской областей). См. Dymowski 2020, 226–228, nos. 339–354.

Рис. 1. Местоположение и фотография Карачевского клада

По количеству монет клад можно отнести к т.н. средним (от 50 до 200 монет) по классификации К. Мызгина[4]. Хронологическая структура денариев Карачевского клада соответствует кладам типа D-2 по типологии А. Дымовского и К. Мызгина. Эти клады сформированы из денариев I–II вв., в основном от Траяна и Адриана до ранних выпусков Септимия Севера[5]. Аналогичные по составу клады известны в ареале черняховской и пшеворской культуры, в частности, на территории Украины (Борочиче, Борыня, Черновцы, Харьков (окрестности), Новоалександровка, Рогинцы, Рубче), Беларуси (Малеч), Польши (Домбрувно, Ежмановице II, Малковице, Скорбачув) и в Дании на о. Борнхольм (Роббедале)[6]. На территории России клады этого типа встречались в Калужской, Тульской и Курской областях.

Отдельно остановимся на варварских подражаниях из Карачевского клада. Два из них относятся, по классификации А. Дымовского, к группе CERES (№ 115 и 116), получившей название от типа реверса с сидящей Церерой и легендой CERES[7]. На аверсе подражания № 115 – варваризированное изображение бюста Фаустины Младшей (?) вправо и часть псевдо-легенды …VA ГAVSTIN. На реверсе – идущая влево Виктория и псевдо-легенда […]V–Λ–VCTRPP. Реверс подражания отчеканен тем же штемпелем, что и монеты из Красиловского р-на Хмельницкой области[8], Киевский области[9] и Никопольского р-на Днепровской области[10] Украины, а также Токары Люблинского воеводства Польши (монета из клада)[11].

На аверсе подражания № 116 также изображен бюст Фаустины Младшей (?) вправо и псевдо-легенда DOIVA ГA[...]NA, на реверсе – тип сидящей Цереры и псевдо-легенда CE–[RES]. Реверс отчеканен тем же штемпелем, что и случайные находки из окрестностей Иноврoцлава[12], Готланда (?)[13], пара монет из Британского Музея[14], окрестностей Житомира[15], Хмельницкой области[16], неизвестного пункта Украины[17] и Орловской области[18].

Подавляющее количество находок подражаний группы «Церера» зарегистрировано на территории Центральной и Западной Украины[19]. Это, в свою очередь, не оставляет сомнений, что центр их производства находился именно в этом регионе[20]. Интересно, что находки подражаний этой группы до Карачев-

[4] Мизгін 2010, 9.
[5] Dymowski, Myzgin 2014, 50–51.
[6] Dymowski, Myzgin 2014, Tabl. 1, D–2.
[7] Dymowski 2019, 179, 181. Именно одноштемпельные цепочки подражаний с таким типом реверса были выделены первыми (см.: Lind 2008, 10–13). Находки варварских подражаний денариям на территории Украины и Молдовы, сведения о которых собраны О. Анохиным (Анохин 2015), позволили А. Дымовскому значительно расширить штемпельную цепочку этой группы, всего включив в нее 46 монет (Dymowski 2019, 181. Pl. 29).
[8] Dymowski 2019, 196, 199.
[9] Dymowski 2019, 197.
[10] Dymowski 2019, 198.
[11] Dymowski 2019, 190.
[12] Dymowski 2019, 190.
[13] Dymowski 2019, 190.
[14] Dymowski 2019, 191.
[15] Dymowski 2019, 192.
[16] Dymowski 2019, 198.
[17] Dymowski 2019, 197.
[18] Информация О. Анохина.
[19] См.: Dymowski 2019, 180, map 1.
[20] Dymowski 2019, 182.

ского клада не были известны к востоку от Днепра. Единственным исключением являлась упомянутая выше находка подражания из Орловской области, то есть в одном регионе с Карачевским кладом.

Третье подражание (№ 117) не входит ни в одну из известных групп варварских подражаний. На его аверсе представлена голова с бородой, без венка, вправо и псевдо-легенда …ΛNSVY…, на реверсе – женская фигура влево. В отличие от предыдущих двух подражаний, изготовленных методом чеканки, оно литое. Такая техника использовалась варварскими мастерами как для производства подражаний, так и для изготовления копий денариев (см. ниже).

Вопрос времени производства варварских подражаний денариям является одним из самых сложных. Известно, что наиболее ранние экземпляры происходят из контекстов первой четверти III в.[21] Но наиболее вероятным видится, что их массовое производство в черняховской культуре началось только в конце III в.[22]

Завершая обзор монетной части клада, отметим, что визуально среди монет официальных эмиссий нами не выявлено копий денариев, т.е. фальшивок, которые могли быть произведены как методом литья, так и техникой плакировки серебром медного или бронзового ядра (subaerati). Обе группы монет распространены довольно широко среди единичных находок на территории Барбарикума; известны даже мастерские по производству литых копий[23].

ВЕЩЕВАЯ ЧАСТЬ КЛАДА

Пряжка. Литая серебряная пряжка: вместе сохранились обойма, рамка, основа язычка; отдельно – массивный язычок. Рамка пряжки овальной формы, калачиковидная, размерами 33×37 мм, сечение округлое, макс. диаметром 9 мм. На рамке имеются следы потертости от ремня. Обойма прямоугольной формы с двумя петлями, общей длиной 32 мм. Верхняя прямоугольная площадка обоймы размерами 22×25 мм полая, имеет орнамент в виде буквы М, выполненный «шагающим» инструментом типа узкой стамески. Нижняя прямоугольная площадка имеет размеры 16×32 мм, вдоль ее длинной оси находятся две заклепки, в задней части по бокам она фасетирована, близ заднего края орнаментирована параллельными ему двумя желобками. На заднюю часть рамки насажена основа для язычка из петли и плоского стержня длиной 2 см. Находящийся отдельно язычок пряжки имеет длину 49 мм, утолщающийся к высоко срезанному тыльному концу и прямой в середине, – т.н. «хоботковый». Форму сечения по фото определить не удалось. С внутренней стороны язычка находятся следы его крепления к пряжке, а на согнутом окончании – орнамент в виде трех желобков. При реконструкции крепления язычка к пряжке он выступал бы далеко за рамку (рис. 2, *Ia–c*).

[21] Bursche 2011, 19–23.
[22] Dymowski, Myzgin 2022.
[23] Dymowski 2021, 112.

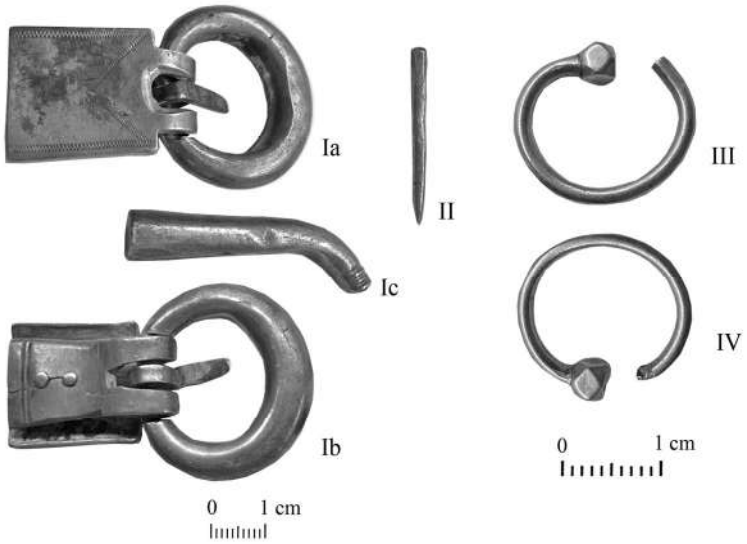

Рис. 2. Вещевая часть Карачевского клада. *I* – ременная пряжка; *II* – игла (серебро); *III–IV* – серьги (золото)

Пряжки с «хоботковыми» язычками распространены на большей части Европы и традиционно считаются хроноиндикаторами гуннской эпохи[24]. Известны они и в ряде регионов Азии[25]. И если в Центральной Европе они во второй половине V в. постепенно выходят из употребления, то в Волго-Уральском регионе и на Кавказе эти изделия бытуют и в VI в.[26] Как долго они использовались в лесном Поднепровье, откуда происходит клад, – не ясно, т.к. для этого региона отсутствует локальная хронологическая шкала и датировка возможна только по аналогиям.

Серьги. Две идентичные золотые серьги с литым недекорированным многогранником на конце округлой дужки[27] (рис. 2, *III–IV*). В типологии подобных изделий для крымских находок, разработанной Э.А. Хайрединовой, серьги из Карачевского клада можно отнести к варианту 1[28]. Особо следует отметить материал публикуемых серег – золотые изделия этого типа довольно редки; например, в Крыму золотые серьги известны только на территории Боспорского царства в комплексах первой половины V в.[29] Серебряные и бронзовые подобные изделия в Крыму встречаются в погребениях вплоть до первой четверти VII в.[30] В Поднепровье находки таких серег единичны, а их связь с поздним черняховским или же с постчерняховским горизонтом вызывает дискуссию[31]. Несколько не-

[24] Амброз 1992, 18–19; Айбабин 1990, 28–29; Засецкая 1994, 80; Tejral 1997, 330ff.
[25] Например, Левина 1996, 218–221.
[26] См.: Гавритухин 1996, 115; Казанский 2001, 46.
[27] Размеры серег: 1) длина многогранника 4 мм, размеры серьги 15x19 мм, вес 2,54 г; 2) длина многогранника 5 мм, размеры серьги 15x19 мм, вес 2,76 г.
[28] Хайрединова 2015, 96.
[29] Хайрединова 2015, 99.
[30] Хайрединова 2015, 96–97.
[31] Гавритухин 2004, 211, рис. 3, *21a, 22*.

опубликованных находок, ставших известными в последнее время, не меняют эту картину. Серьги с полиэдрическими окончанием широко распространены на территории Римской империи и зонах ее влияния с конца IV в. и бытовали в V–VI вв., а в некоторых регионах и немного позднее[32]. Лишь на востоке Кавказа они известны в более раннее время, а их дериваты бытовали в Дагестане до Средневековья[33], однако нет данных о влиянии культур этого региона на Поднепровье.

Игла. Серебряная игла, входившая в состав комплекса[34], могла быть, например, иглой фибулы или частью любого другого изделия (рис. 2, *II*).

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В РЕГИОНЕ

До недавнего времени этнокультурные процессы, протекавшие в лесном Поднепровье в позднеримское время и эпоху Великого переселения народов, представлялись следующим образом: эта территория входила в ареал памятников деснинского варианта киевской культуры, который в VI в. сменяет горизонт памятников колочинской культуры[35]. Однако в последнее время в регионе стал известен целый ряд находок гуннского времени[36], что вносит коррективы в сложившиеся представления об этнокультурном развитии региона. К таким находкам можно отнести и вещи из публикуемого клада.

В целом находки вещей гуннского времени зарегистрированы сравнительно недалеко от Карачева еще в 1930-х гг. Речь идет материалах из, возможно, распаханного подкурганного погребения из Круглицы/Поршино в Орловской области, датируемого второй половиной V в.[37] Довольно обстоятельно феномен появления вещей хронологического горизонта конца IV – середины V вв. был исследован на примере находок с территории соседнего Посеймья, где О.А. Радюшем была выделена Льговско-Фатежская группа памятников[38]. С ней связано несколько кладов римских денариев из Курской области, некоторые из которых содержали вещи гуннского времени. Например, депозит, обнаруженный возле с. Пименово, включал помимо 182 денариев и двух подражаний им элементы поясного набора конца IV – первой половины V в.[39] Клад денариев из Железногорского р-на Курской области также содержал серебряный поясной набор[40]. Депозит из Снагости в Кореневской р-не состоял из более чем 800 денариев, серебряных секировидных привесок и деталей гарнитуры в полихромной технике[41]. Предполагается, что население этих памятников (этнический состав которого до конца не ясен) поддерживало непосредственные связи с носителями черняховской культуры[42], а возможно в какой-то мере состояло из переселенцев из черняховского ареала.

---

[32] См.: Baldini–Lippolis 1999; Ivanišević, Kazanski 2002, 121, Abb. 8, 11; Ivanišević, Kazanski, Mastykova 2006, 153; Pilet 1994, 61; Eger 2005a; 2005b.

[33] См.: Малашев и др. 2015, 13–78.

[34] Длина – 34 мм. Макс. шир. – 3 мм.

[35] См. например: Шинаков и др. 2001, 22–23.

[36] См.: Радюш 2018а, 86–88.

[37] Рыбаков 1950, 50; Кропоткин 1970, № 1044.

[38] Радюш 2018б.

[39] Myzgin, Radjush 2016.

[40] Мызгин и др. 2020, 214.

[41] Мызгин и др. 2020, 215.

[42] Радюш 2018б, 586.

Вместе с тем в гуннское время в регионе Посеймья появляется население деснинского варианта киевской культуры, переросшей в колочинскую культуру[43].

Видимо, в южном лесостепном Поднепровье происходили схожие с Посеймьем процессы. Однако источниковая база, накопленная в этом регионе, не дает возможности говорить уверенно, кому мог принадлежать Карачевский клад. Возможно, в период начала распада черняховской культуры на территорию современной Брянщины его принесли черняховские «мигранты»: наличие характерных варварских подражаний в кладе безусловно говорит о формировании клада именно на территории этой культуры. В частности, в уборе позднего горизонта эмалей, в том числе на поздней стадии киевской культуры, отмечается постепенное исчезновение эмалей и замена их в том числе на черняховские вещи. Этот процесс как раз гипотетически и связывается с появлением «мигрантов» с территории черняховской культуры, принесших значительные объемы серебра[44]. Однако вещи клада (пряжка, серьги, игла) уже могли быть добавлены позже и депонированы представителем либо позднекиевского населения, либо раннеколочинского.

Вместе с тем интересные материалы в последнее время дает еще один соседний регион – Орловское верхнее Поочье, где выделен довольно мощный горизонт киевско-колочинских древностей, ранее считавшийся принадлежащим мощинской культуре. Разведки и раскопки последних лет явно демонстрируют здесь широкое присутствие именно представителей этих культур. Это, в свою очередь, показывает и место района Карачева в регионе: фактически он оказывается на известном сухопутном пути из бассейна Оки в бассейн Десны, связывая различные группировки киевско-колочинского населения[45].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При всей стандартности для территории Барбарикума набора римских денариев Карачевского клада он представляет собой несомненный интерес, прежде всего из-за варварских подражаний и сопутствующих вещей как в его составе, так и из региона его находки.

Вместе со случайной находкой из Орловской области, два подражания группы CERES из Карачевского клада маркируют восточную границу распространения этого типа имитаций. В то же время они могут косвенно указывать на первоначальное место формирования клада – территорию между Днепром и Днестром. Можно допустить, что переселенцы из ареала черняховской культуры, появившиеся на территории современной Брянщины, происходят именно из этого региона. Да и сам по себе факт наличия характерных подражаний, подтверждающий черняховское происхождение Карачевского клада, также не менее интересен. Косвенно он указывает на то, что при переселении с территории украинской лесостепи на территорию лесного Поднепровья, Подесенья и Посеймья, мигранты с территории черняховской культуры забрали с собой большое количество римского серебра (хотя основная его часть все же, видимо, выпала в виде кладов в черняховской культуре). Не исключено, что именно переселенческий, а не черняховский

[43] Gavritukhin, Radiush 2018, 150.
[44] Мызгин и др. 2020, 215.
[45] Материалы см.: Радюш 2018а.

характер имеют клады этого региона[46]. Более того, судя по всему, появление этого серебра могло значительно повлиять на характер местного костюма, завершив его «эмалевую» основу.

Вещи из Карачевского клада вызывают не меньшее количество вопросов. Пряжки и серьги, по всей видимости, бытовали синхронно – в первой половине V в. Эти изделия относятся к общеевропейским элементам материальной культуры и не имеют региональной специфики. Опираясь на синхронные предметы с территории Льговско-Фатежской группы, можно предположить, что они принадлежали представителям местной элиты и отражают элементы престижного мужского и/или женского костюма. Но были ли это переселенцы с территории черняховской культуры? Или речь идет уже о позднекиевских/раннеколочинских элитах? Если так, то каким образом в их руках оказались денарии и подражания? В любом случае вещи дают прекрасный terminus post quem депонирования клада – середина V в. Но как долго могли эти вещи находится в употреблении в среде варварского населения лесного Поднепровья? Этот вопрос остается открытым.

Наконец, заслуживает внимания сам факт обнаружения клада в южном регионе лесного Поднепровья, на Днепровско-Окском водоразделе. С одной стороны, интересно проникновение римского серебра так глубоко в лесную зону, с другой – появление его в ареалах памятников позднего этапа киевской культуры и горизонта колочинских памятников. Все это не исключает возможности открытия здесь новых кладов римских денариев.

КАТАЛОГ МОНЕТ[47]

Траян (98–117)

№ п/п	*Годы н.э.*	*Примечания*
1.	100	Cf. *RIC* II 38.
2.	101–102	Cf. *RIC* II 58.
3.	114–117	Cf. *RIC* II 343.

Адриан (117–138)

4.	117	Cf. *RIC* II.3^2 57, илиг 81, или 114. *O.c.* Легенда стерта. FORT RED под обрезом.
5.	120–121	Cf. *RIC* II.3^2 321.
6.	120–121	Cf. *RIC* II.3^2 363.
7.	126–127	Cf. *RIC* II.3^2 851.
8.	126–127	Cf. *RIC* II.3^2 861.

[46] Благодарим О.А. Радюша за это наблюдение.

[47] Все монеты монетного двора в Риме. Номера списка соответствуют номерам в фототаблицах.

9.	126–127	То же.
10.	128–129	Cf. *RIC* II.3^2 911.
11.	129–130	Cf. *RIC* II.3^2 1116.
12.	130–133	Cf. *RIC* II.3^2 1502.
13.	133–135	Cf. *RIC* II.3^2 2006.
14.	133–135	Cf. *RIC* II.3^2 2022.
15.	133–135	Cf. *RIC* II.3^2 2038.
16.	136	Cf. *RIC* II.3^2 2200.
17.	136	Cf. *RIC* II.3^2 2224.
18.	136	Cf. *RIC* II.3^2 2239.
19.	137–138	Cf. *RIC* II.3^2 2312.

Сабина

20.	130–133	Cf. *RIC* II.3^2 2500.
21.	136–138	Cf. *RIC* II.3^2 2570.

Антонин Пий (138–161)

22.	140–143	Cf. *RIC* III 62a.
23.	145–161	Cf. *RIC* III 124.
24.	145–161	Cf. *RIC* III 137.
25.	145–161	Cf. *RIC* III 143 или 144. *О.с.* TEMP[LVM DIV (or DIVI) AVG R]EST; COS IIII под обрезом.
26.	147–148	Cf. *RIC* III 162.
27.	147–148 или 148–149	Cf. *RIC* III 168 или 183. *Л.с.* [ANTONI]NVS AVG PIVS P P [TR P XI (или XII).
28.	148–149	Cf. *RIC* III 175.
29.	150–151	Cf. *RIC* III 195.
30.	150–151	Cf. *RIC* III 200c.
31.	150–151	То же.
32.	150–151	То же.
33.	150–151 или 151–152	Cf. *RIC* III 202b или 218. *О.с.* TR POT [XIIII (or XV) COS IIII]; TRANQ по обрезом.
34.	154–155	Cf. *RIC* III 239.
35.	159–160	Cf. *RIC* III 301.
36.	138–161	*Л.с.* [ANTONI]NVS AVG PIVS P P[…]. *О.с.* Легенда стерта.

37. 138–161 *Л.с*. Легенда стерта. *О.с*. Легенда стерта.

Фаустина I

38. 138–139 Cf. *RIC* III 329.

Выпуски в память Фаустины I. После 141 г. н.э.

39. После 141 Cf. *RIC* III 347.
40. После 141 Cf. *RIC* III 351a.
41. После 141 Cf. *RIC* III 356a.
42. После 141 Cf. *RIC* III 358.
43. После 141 То же.
44. После 141 То же.
45. После 141 Cf. *RIC* III 374.
46. После 141 *Л.с*. DIVA FAVSTINA. О.с. Легенда стерта.

Марк Аврелий как цезарь

47. 140–144 Cf. *RIC* III 423a.
48. 140–144 Cf. *RIC* III 424a.
49. 151–152 Cf. *RIC* III 453b.
50. 153–154 Cf. *RIC* III 461.
51. 156–157 Cf. *RIC* III 473

Фаустина II

52. 145–161 Cf. *RIC* III 502Aa
53. 145–161 То же.
54. 145–161 Cf. *RIC* III 517a или b.
55. 145–161 То же.

Марк Аврелий (161–180)

56. 163–164 Cf. *RIC* III 81.
57. 165 Cf. *RIC* III 138.
58. 165–166 Cf. *RIC* III 145.
59. 166 Cf. *RIC* III 163.
60. 166 То же.
61. 166 То же.
62. 166 Cf. *RIC* III 164.
63. 166–167 Cf. *RIC* III 171

64.	166–167	То же
65.	166–167	То же.
66.	168	Cf. *RIC* III 191.
67.	168–169	Cf. *RIC* III 206.
68.	168–169	Cf. *RIC* III 207.
69.	169–170	Cf. *RIC* III 216.
70.	169–170	Cf. *RIC* III 225.
71.	170–171	Cf. *RIC* III 237.
72.	171–172	Cf. *RIC* III 252.
73.	171–172, или 172–173, 173–174, 174	Cf. *RIC* III 263 или 282, 296, 307. *Л.с.* M ANTONINVS AVG TR [P XXVI] (или XXVII, или XXVIII). *О.с.* [IMP VI] (или VII) COS III.
74.	173–174	Cf. *RIC* III 296.
75.	173–174	То же.
76.	175	Cf. *RIC* III 325.
77.	175	Cf. *RIC* III 330.
78.	175	То же.
79.	175–176	Cf. *RIC* III 352.
80.	176–177	Cf. *RIC* III 378.
81.	177–178	Cf. *RIC* III 394.

Выпуски в память Антонина Пия при Марке Аврелии. 161–180 гг.

82.	После 161	Cf. *RIC* III 429.
83.	После 161	Cf. *RIC* III 440.

Луций Вер

84.	162–163	Cf. *RIC* III 491.
85.	163–164	Cf. *RIC* III 515.
86.	163–164 или 164–165	Cf. *RIC* III 516. *О.с.* [TR P IIII (or V) IMP II COS II]
87.	165–166	Cf. *RIC* III 553.
88.	165–166	Cf. *RIC* III 555.
89.	166	Cf. *RIC* III 561.

Коммод как цезарь и соправитель

90.	175–176	Cf. *RIC* III 606.
91.	177	Cf. *RIC* III 641.
92.	179	Cf. *RIC* III 666.

Фаустина II

93.	161–176	Cf. *RIC* III 694.

Луцилла

94.	161–180	Cf. *RIC* III 771.
95.	164–180	Cf. *RIC* III 788.

Коммод (180–192)

96.	180	Cf. *RIC* III 9a.
97.	181–182	Cf. *RIC* III 29b.
98.	181–182	Cf. *RIC* III 36a.
99.	183–184	Cf. *RIC* III 79.
100.	183–184 или 184	Cf. RIC III 81 или 94a. O.c. P M TR P VIIII IMP VI (или VII) COS IIII P P.
101.	185	Cf. *RIC* III 135.
102.	187–188	Cf. *RIC* III 165a.
103.	187–188	Cf. *RIC* III 168a.
104.	189	Cf. *RIC* III 186.
105.	190	Cf. *RIC* III 206 или 218. O.c. APOL P[AL P M TR P XV (or XVI) COS VI].
106.	190	Cf. *RIC* III 222a.
107.	190	Cf. *RIC* III 222a or 223a. O.c. [MIN AVG P M TR P XVI COS VI (или MINER AVG P M TR P XVI)]
108.	190–191	Cf. *RIC* III 227.
109.	192	Cf. *RIC* III 237.
110.	192	То же.
111.	192	Cf. *RIC* III 240.
112.	191–192	Cf. *RIC* III 249

Выпуск в память Марка Аврелия при Коммоде. После 180 г.

113. После 180 Cf. *RIC* III 268.

Септимий Север (193–211)

114. После 194 Cf. *RIC* IV 32.

Варварские подражания

Группа CERES

Л.с. […]VA ГAVSTIN. Имитация бюста Фаустины II. *О.с.* […]V–Λ–VCTRPP. Виктория идет влево, держа венок и пальмовую ветвь.

115. Cf. Dymowski 2019, 196–199 (для реверса).

Л.с. DOIVA ГА[...]NA. Имитация бюста Фаустины II. *О.с*. CE–[RES]. Церера сидит влево, держа хлебные колосья и скипетр.

116. Cf. Dymowski 2019, 190 (для реверса).

Неизвестный тип

117. *Л.с*. Мужская голова, с бородой, без венка, вправо. *О.с*. Фигура стоит влево.

Неопределенная

118. Фото монеты недоступно. Эмитент и тип не известны.

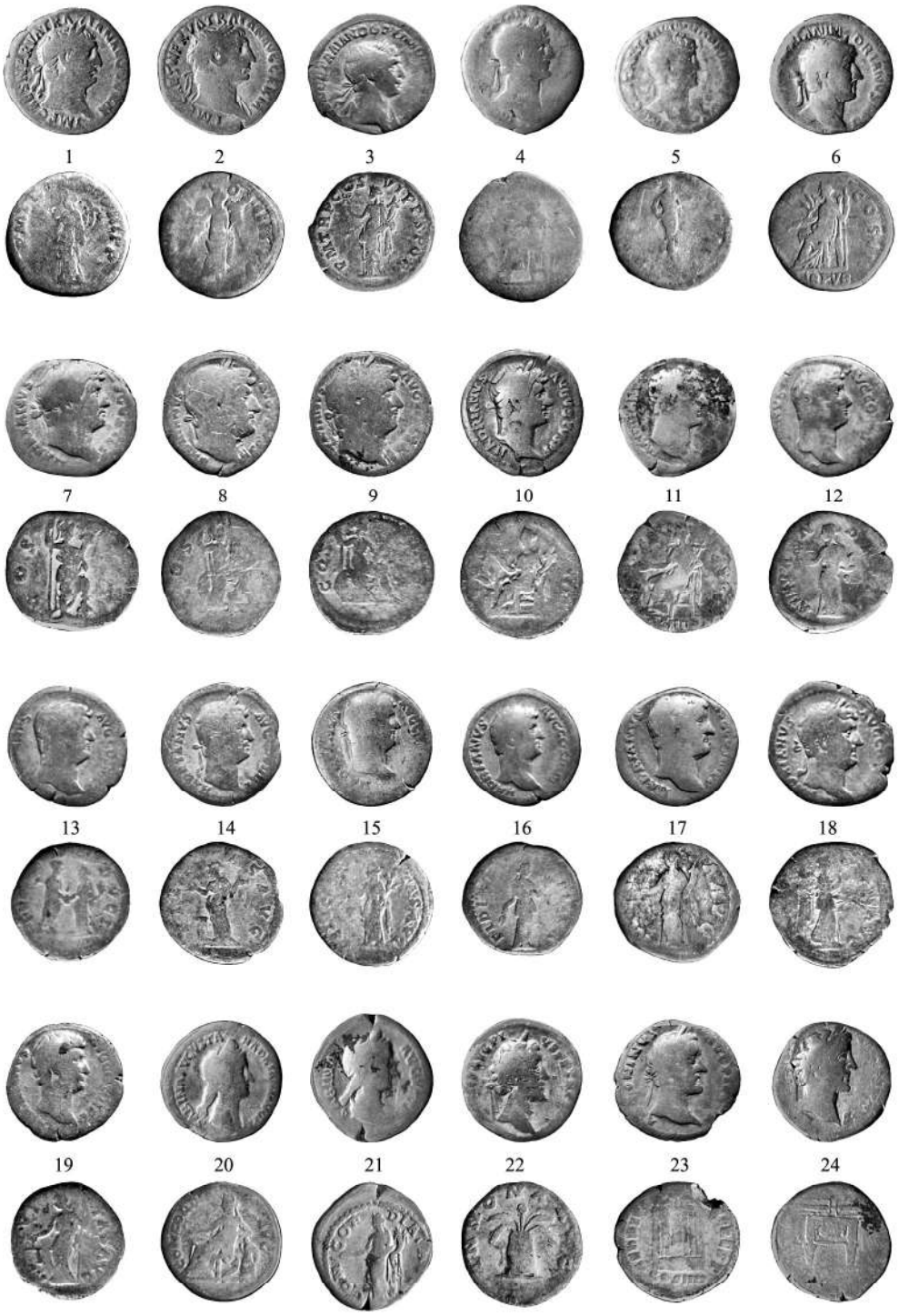

Таблица 1. Карачевский клад. Денарии

Таблица 2. Карачевский клад. Денарии

Таблица 3. Карачевский клад. Денарии

Таблица 4. Карачевский клад. Денарии

Таблица 5. Карачевский клад. Денарии

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Aybabin, A.I. 1990: Kpronologiya mogil'nikov Kryma pozdnerimskogo i rannesrednevekovogo vremeni [Chronology of Crimean Burial Grounds of the Late Roman and Early Medieval Periods. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauriya*] I, 1–87.
Айбабин, А.И. 1990: Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени. *МАИЭТ* I, 1–87.

Anokhin, O.V. 2015: *Fal'shivomonetnichestvo u varvarskikh plemen na territorii sovremennoy Ukrainy i Moldovy. Katalog varvarskikh podrazhaniy* [*Counterfeiting among Barbarian Tribes on the Territory of Modern Ukraine and Moldova. Catalogue of Barbarian Imitations*]. Dnipropetrovsk.
Анохин, О.В. 2015: *Фальшивомонетничество у варварских племен на территории современной Украины и Молдовы. Каталог варварских подражаний.* Днепропетровск.

Baldini-Lippolis, I. 1999: *L'oreficeria nell' Imperio di Constantinopoli tra IV e VII secolo*. Bari.

Bursche, A. (ed.) 2011: *Illerup Ådal 14: Die Münzen* (Jutland Archaeological Society Publications XXV). Århus.

Dymowski, A. 2019: The CERES Group of Barbarian Imitations of Roman Denarii. *NC* 179, 179–204.

Dymowski, A. 2020: Roman Imperial Hoards of Denarii from the European Barbaricum. *Journal of Ancient History and Archaeology* 7/1_SI, 193–242.

Dymowski, A. 2021: Barbarian Copies of Roman Imperial Denarii. In: R. Ciołek, R. Chowaniec (eds), *Aleksanderia. Studies on Items, Ideas and History Dedicated to Professor Aleksander Bursche on the Occasion of his 65th Birthday*. Wiesbaden, 111–116.

Dymowski, A., Myzgin, K. 2014: Inflow and Redistribution of Roman Imperial Denarii in the Area of Przeworsk, Wielbark and Chernyakhov Cultures and in the Baltic Islands in the Light of Chronological Structure of Coin Hoards. *Notae Numismaticae* IX, 39–69.

Dymowski, A., Myzgin, K. 2022: Barbarian Imitations of Roman Imperial Denarii. In: S. Boerner, Ch. Witschel (Hrsg.), *Imitatio delectat. Die wirtschaftliche und gesellschaftliche Bedeutung von Nachahmungen römischer Münzen – The Social and Economic Significance of Imitations of Roman Coins*. Heidelberg.

Eger, Chr. 2005a. Zur Verbreitung und Herkunft der Polyederohrringe im südwestlichen Mittelmeerraum. *Madrider Mitteilungen* 46, 437–471.

Eger, Chr. 2005b. Notes sur la répartition des boucles d´oreilles polyédriques en Afrique du Nord. In: *Annales du Musée National des Antiquités (Alger),* 15 (Année 1426/2005), 53–63.

Gavritukhin, I.O. 1996: K izucheniyu remennykh garnitur Povolzh'ya VI–VII vv. [On the Study of Belt Fittings of the Volga Region of the 6th–7th cc.]. In: D.A. Stashenkov (ed.), *Kul'tury evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e*. [*Cultures of the Eurasian Steppes of the Second Half of the 1st Millennium AD*]. Samara, 115–133.
Гавритухин, И.О. 1996: К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–VII вв. В сб.: Д.А. Сташенков (ред.), *Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* Самара, 115–133.

Gavritukhin, I.O. 2004: Dneprovskie ingumatsii vtoroy poloviny V – VI vv. [Dnieper Inhumations of the Second Half of the 5th–6th cc.]. In. V.M. Goryunova, O.A. Shcheglova (eds.), *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem Srednevekov'e* [*Cultural Transformations and Mutual Influences in the Dnieper Region at the End of the Roman Period and in the Early Middle Ages*] (Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury [Proceedings of the Institute for History of Material Culture], 11). St. Peterburg, 208–220.
Гавритухин, И.О. 2004: Днепровские ингумации второй половины V–VI вв. В сб.: В.М. Горюнова, О.А. Щеглова (ред.), *Культурные трансформации и взаимовлияния*

в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье (Тр. ИИМК, 11). СПб, 208–220.

Gavritukhin, O., Radiush, A. 2018: Polychrome Brooch from Konevo and Its Context. J. Drauschke, E. Kislinger, K. Kühtreiber, Th. Kühtreiber, G. Scharrer-Liška, T. Vida (Hrsg.), *Lebenswelten zwischen Archäologie und Geschichte* (Festschrift für Falko Daim zu seinem 65. Geburtstag = Monographien des RGZM 150). Mainz, 137–160.

Ivanišević, V., Kazanski, M. 2002: La nécropole de l'époque des Grandes Migrations à Singidunum. *Singidunum* 3. Belgrade, 101–157.

Kazanskiy, M.M. 2001: Khronologiya nachal'noy fazy mogil'nika Dyurso [Chronology of the Initial Phase of the Durso Cemetery]. *Istoriko-arkheologicheskij al'manakh* [*Historical and Archaeological Almanac*] 7, 41–48.

Казанский, М.М. 2001: Хронология начальной фазы могильника Дюрсо. *Историко-археологический альманах* 7. Армавир–М., 41–48.

Kropotkin, V.V. 1970: *Rimskie importnye izdeliya v Vostochnoj Evrope (II v. do n.e. – V v. n.e.)* [*Roman Imports in Eastern Europe (2nd Century BC – 5th Century AD)*] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–27). Moscow.

Кропоткин, В.В. 1970: *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.)* (САИ Д1–27). М.

Ivanišević, V., Kazanski, M., Mastykova, A. 2006: *Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes migrations*. Paris.

Levina, L.M. 1996: *Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletie do n.e. – I tysyacheletie n.e.* [*Ethnocultural History of the Eastern Aral Sea Region. 1st Millennium BC – 1st Millennium AD*]. Moscow.

Левина, Л.М. 1996: *Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э.* М.

Lind, L. 2008: En ny grupp imitationer Av romerska denarer representerad på Gotland. *Myntstudier* 2, 9–13.

Malashev, V.Yu., Gadzhiev, M.S., Ilyiukov, L.S. 2015: *Strana maskutov v Zapadnom Prikaspii: Kurgannye mogil'niki Prikaspijskogo Dagestana III–V vv. n.e.* [*The Maskut Country in the Western Caspian Region: Burial Mounds of Caspian Dagestan in the 3rd–5th cc. AD*]. Makhachkala.

Малашев, В.Ю., Гаджиев, М.С., Ильюков, Л.С. 2015: *Страна маскутов в Западном Прикаспии: Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н.э.* Махачкала.

Myzgin, K.V. 2010. *Antychni monety na pam'yatkakh chernyalhivs'koï kul'tury. Avtoreferat disertats*iï na zdobuttya naukovogo stupenyu kand*ydata istorychnyh nauk* [*Ancient Coins on the Sites of Chernyakhov Culture. PhD Thesis*]. Kyiv.

Мизгін, К.В. 2010: *Античні монети на пам'ятках черняхівської культури. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеню кандидата історичних наук*. Київ.

Myzgin, K., Radjush, O. 2016: A Hoard of Roman Denarii and a Silver Belt Set from Pimenovo (Kursk Oblast', Russian Federation). *Notae Numismaticae / Zapiski Numizmatyczne* XI, 167–198.

Pilet, Ch. (ed.) 1994: *La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay (Calvados)* (54e suppl. à Gallia), Paris.

Radiush, O.A. 2018a. Raboty Seyminsko-Sudzhinskoy ekspeditii IA RAN [*Works of Seym-Sudzha Expedition of the Institute of Archaeology RAS*]. In: *Arkheologicheskie* issledovaniya v Central'nom Chernozem'e 2017 [*Archaeological Studies in the Central Black Earth Region 2017*]. Lipetsk, 83–87.

Радюш, О.А. 2018а: Работы Сейминско-Суджинской экспедиции ИА РАН. В сб.: *Археологические исследования в Центральном Черноземье 2017.* Липецк, 83–87.

Radiush, O.A. 2018b: L'govsko-Fatezhskaya gruppa pamyatnikov finala chernyahovskoj kul'tury v verhov'yah r. Sejm (Kurskaya obl. Rossiya) [Lgov-Fatezh Group of Sites of the Final Chernyakhov Culture in the Upper Reaches of the Seym River (Kursk Region, Russia)]. In: B. Niezabitowska-Wiśniewska, P. Luczkiewicz, S. Sadowski, M. Stasiak-Cyran, M. Erdrich (eds.), *Studia Barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*. T. II. Lublin, 570–559.

Радюш, О.А. 2018a: Льговско-Фатежская группа памятников финала черняховской культуры в верховьях р. Сейм (Курская обл. Россия). В сб.: B. Niezabitowska-Wiśniewska, P. Luczkiewicz, S. Sadowski, M. Stasiak-Cyran, M. Erdrich (eds.), *Studia Barbarica. Professorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin*. T. II. Lublin, 570–559.

Rybakov, B.A. 1953: Drevnie rusy [Old Rur' People]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] XVII, 23–104.

Рыбаков, Б.А. 1953: Древние русы. *СА* XVII, 23–104.

Shinakov, E.A., Guryianov, V.N., Chubur, A.A. 2011: *Pogrebal'nyy obryad Srednego Podesen'ya kak istochnik dlya istoricheskikh rekonstrukciy* (Trudy kafedry otechestvennoy istorii drevnosti i srednevekov'ya BGU, 21). Bryansk.

Шинаков, Е.А., Гурьянов, В.Н., Чубур, А.А. 2011: *Погребальный обряд Среднего Подесенья как источник для исторических реконструкций* (Тр. кафедры отечественной истории древности и средневековья БГУ, 21). Брянск.

Tejral, J. 1997: Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum. In: J. Tejral, H. Friesinger, M. Kazanski (Hrsg.), *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im Mitteldonauraum.* Brno, 321–392.

Zasetskaya, I.P. 1994. *Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV−V vv.)* [*The Culture of the Nomads of the Southern Russian Steppes in the Hunnic era (Late 4th and 5th cc.)*]. St. Peterburg.

Засецкая, И.П. 1994: *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV−V вв.).* СПб.

Zaytsev, V.V. 2011: Novye nakhodki antichnykh i vizantiyskikh monet na Bryanshchine [New finds of Ancient and Byzantine Coins in Bryansk Region]. *Numizmaticheskij al'manakh* [*Numismatical Almanac*] 1 (42), 41–47.

Зайцев, В.В. 2011: Новые находки античных и византийских монет на Брянщине. *Нумизматический альманах 1* (42), 41–47.

Zaytsev, V.V. 2020: O datirovke Karachevskogo monetno-veshchevogo klada s rimskimi imperatorskimi denariyami [On the Dating of the Karachev Coin-Item Hoard with Roman Imperial Denarii]. In: N.A. Alekseenko (ed.), "*Pripontiyskiy menyala: den'gi mestnogo rynka". VII Mezhdunarodnyy Numizmaticheskiy Simpozium. Materialy nauchnoy konferentsii* [*"The Pontic Money-Changer: Money of the Local Market". VII International Numismatic Symposium. Proceedings of Conference*]. Simferopol, 75−82.

Зайцев, В.В. 2020: О датировке Карачевского монетно-вещевого клада с римскими императорскими денариями. В сб.: Н.А. Алексеенко (ред.), *«ПриPONTийский меняла: деньги местного рынка». VII Международный Нумизматический Симпозиум. Материалы научной конференции.* Симферополь, 75−82.

A HOARD OF THE 1st–2nd CENT. AD ROMAN DENARII FROM THE BRYANSK REGION (2010)

VasiliyV. Zaytsev[1], Mikhail G. Abramzon[2]

[1] *State Historical Museum, Moscow, Russia*
[2] *Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*

[1] *E-mail*: numizmat_gim@mail.ru [2] *E-mail*: abramzon-m@mail.ru

This is a publication of a hoard of Roman denarii and silver/gold items found near Karachev, Bryansk region, in 2010. It contains 118 denarii of Trajan, Hadrian, Antoninus Pius, Marcus Aurelius, Commodus, Septimius Severus, and three imitations. The item part of the deposit includes a silver buckle and needle and two gold earrings. The buckle is of "proboscis type", analogs of which are found in most of Europe, as well as in some regions of Asia. The earrings are of the cast type with an undecorated polyhedron at the end of a rounded bow. Their analogies are also widespread in Europe and the Caucasus. Both items are chronological indicators of the Hunnic period. Probably, at the end of the 4th – beginning of the 5th centuries the hoard was brought to the region by settlers from the territory of the Chernyakhov culture. However, the treasure could have been deposited somewhat later and it presumably belonged to representatives of the elite of the late stage of the Kyiv culture or the early stage of the Kolochin culture.

Keywords: hoards of Roman imperial denarii, barbarian imitations, buckle, earrings, Chernyakhov culture, Dnieper-Oka watershed, Karachev

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 229–238
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 229–238
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-229–238

КЛАДЫ РИМСКИХ МОНЕТ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Н.К. МИНКО (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)

М.Г. Абрамзон[1], Е.В. Петрова[2]

[1] *Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия; Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Магнитогорск, Россия*
[2] *Государственный исторический музей Южного Урала, Челябинск, Россия*

[1] *E-mail*: abramzon-m@mail.ru [2] *E-mail*: mishlen2@list.ru

[1] *ORCID*: 0000-0001-6111-048X [2] *ORCID*: 0009-0001-7351-8914

В Государственном историческом музее Южного Урала (Челябинск) хранятся два клада римских монет из Юго-Западного Крыма, приобретенные археологом Н.К. Минко в период его раскопок в окрестностях Севастополя в 1909–1911 гг. Первый клад содержит 288 денариев от Нерона до Максимина I. Он представляет свидетельство выплат римским подразделениям, дислоцированным в регионе. Второй клад включает 13 антонинианов от Юлии Домны до Траяна Деция и тоже связан с римским военным присутствием в Таврике или, возможно, занесен варварами из походов в провинции Империи.

Ключевые слова: Юго-Западная Таврика, Н.К. Минко, музейные собрания, клады римских монет, денарии, антонинианы, римские войска

В собрании Государственного исторического музея Южного Урала (далее – ГИМЮУ) хранится крупная нумизматическая коллекция известного археолога Николая Кирилловича Минко (1880 – после 1920). Она была передана в дар Челябинскому музею местной истории в 1923 г. его супругой М.А. Минко (Кази) вместе с материалами его археологических раскопок и личной библиотекой[1]. В коллекции имеются и два неизданных клада римских денариев и антонинианов неизвестного происхождения, но определенно из Юго-Западного Крыма (от Херсонеса до междуречья Альмы и Качи).

Нет никаких сомнений в том, что клады был приобретены Николаем Кирилловичем в период его пребывания в Крыму в 1909–1911 гг., где он

Данные об авторах. Михаил Григорьевич Абрамзон – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела классической археологии ИА РАН, директор НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г.И. Носова; Елена Валентиновна Петрова – начальник департамента научно-фондовой и реставрационной деятельности ГИМЮУ.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ № 25-18-20007 «Исследование и публикация археологического наследия Н.К. Минко в Государственном историческом музее Южного Урала (Челябинск): биография и деятельность в свете новых архивных данных, атрибуция нумизматической и археологической коллекций».

[1] Дурылин 1927, 53–55; Абрамзон, Захаров и др. 2023; Абрамзон, Панкратова и др. 2023.

проводил раскопки в окрестностях Севастополя. В письме в Императорскую археологическую комиссию от 25 июля 1909 г. Н.К. Минко просил выдать ему открытый лист на проведение раскопок в Симферопольском уезде Таврической губернии[2]. 12 августа 1909 г. В.В. Латышев уведомил Н.К. Минко об отправке ему открытого листа и извещения губернатору Таврической губернии о грядущем проведении археологических раскопок в Симферопольском уезде.

Отчет о раскопках Минко в Крыму в 1909 г. по открытому листу № 1220 в деле ИАК отсутствует, но его биограф С.Н. Дурылин сообщает, что раскопки состоялись в 27 верстах от Севастополя, «на высоком берегу р. Альмы, около места известного сражения. Эти раскопки Н.К. Минко производил при материальной поддержке Московского археологического общества при посредничестве проф. Д.Н. Анучина. Результаты раскопок, поэтому, были направлены в Москву»[3]. Сезоны раскопок указаны С.Н. Дурылиным как осень 1907 и весна 1911 гг., но архивные данные и ОАК за 1909 и 1910 гг. определяют первый год раскопок как 1909. В ОАК указано, что открытый лист был выдан, но «отчет не доставлен»[4].

Внимание Н.К. Минко привлекли подкурганные погребения эпохи бронзы с «окрашенными костяками» в междуречье Альмы и Качи. Исследования этих памятников в Симферопольском уезде, в том числе в данном регионе, проводились еще в 1890-е гг. Указанная С.Н. Дурылиным деталь «на высоком берегу р. Альмы, около места известного сражения» конкретизирует район раскопок. Это окрестности села Бурлюк (совр. с. Вилино), где на поле Альминского сражения и рядом расположены курганы бронзового века с «окрашенными» костяками[5]. В период этих раскопок Н.К. Минко и приобрел два клада римского серебра.

В настоящий момент на музейном учете находятся 297 денариев и 13 антонинианов из собрания Минко[6]. На момент передачи монет в Челябинский музей в 1923 г. все они были смешаны, как и другие коллекции[7]. Однако совершенно ясно, что это три комплекса, два из которых клады (один – 288 денариев I–III вв. н.э., другой – 13 антонинианов первой половины III в. н.э.), третий – 9 денариев-подвесок[8] из какого-то (каких-то) многочисленных некрополей варварского населения в междуречье Альмы и Качи. Данный регион изобилует находками римских денариев и антонинианов – единичных и в кладах, что связано как с размещением в Юго-Западной Таврике римских подразделений, так и использованием денариев и антонинианов варварским населением предгорного Крыма.

---

[2] НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1–1909. Д. 63.

[3] Дурылин 1927, 54.

[4] ОАК за 1909 и 1910 гг., 1913. С. 238, 249.

[5] Авторы искренне благодарят за консультацию И.Н. Храпунова, раскопавшего здесь один из курганов.

[6] Вместе с ними был и посеребренный фоллис Лициния I, который происходит из какого-то некрополя.

[7] Пострадали и другие материалы, особенно керамика. В письме к В.А. Городцову С.Н. Дурылин сообщает: «Материал, добытый Минко, был огромен: то, что дошло до меня, лишь малая часть, судя по фотографиям и показаниям его жены. В годы войны и колчаковщины материал этот был разбит, перепутан, утрачен, может быть в ½, если не больше, – а главное, было утрачено все, что могло служить к правильному ориентированию материала» (Тейдер 2008, 479–492).

[8] Им посвящена специальная статья в *КСИА*. См. Абрамзон и др. 2025.

1. КЛАД ДЕНАРИЕВ

Клад из ГИМЮУ в целом охватывает время от Нерона до Максимина I, но в нем присутствует и пара республиканских денариев[9]. Денарии Нерона являются самыми ранними в некоторых кладах римских денариев из Юго-Западного Крыма (см. табл. 1)[10]. Монеты Флавиев составляют небольшую группу (3%), что традиционно для подобных кладов, зато монеты Антонинов (172 экз.) образуют 60% от общей массы, причем большая часть их принадлежит Адриану (23% от всех монет клада), Антонину Пию – 20% и Марку Аврелию (10%). Монет Северов в кладе насчитывается 75 экз. (27%), причем 45 из них принадлежат Юлии Домне. Почти все ее монеты новые, без потертостей, представленные одними и теми же типами: MATER CASTRORVM[11] – 5 экз., PIETAS PVBLICA[12] – 8, SAECVLI FELICITAS[13] – 7, остальные – по 2-4 экз. К ним примыкают и монеты Каракаллы и Геты (как цезаря), большей частью новенькие и в штемпельном блеске. Все это говорит о выдаче монет из единого источника – воинской казны.

Завершающая группа монет (34 экз. – 12%) охватывает время от Макрина до Максимина I, причем большинство монет распределяется между Александром Севером (с супругой и матерью) – 18 экз. и Максимином Фракийцем – 11. Здесь тоже есть новые монеты и повторяющиеся типы, но их меньше в сравнении с Северами.

Время сокрытия клада определяет денарий Максимина I 236–238 гг. н.э.[14] – позднейший в комплексе. Поскольку его сопровождают датированный выпуск 236 г.[15] и ряд недатированных денариев 235–236 гг.[16], то клад был сокрыт в 236 г. н.э. или немного позднее.

Клад из ГИМЮУ, безусловно, входит в группу известных нам кладов римских денариев из Юго-Западной Таврики. Все они происходят с территории римских военных лагерей, одни – из долины р. Альма (Дорожное, Репино), другие из римских военных баз – в Балаклаве, Инкермане, Неаполе Скифском и др.

---

[9] 1) Пинарий Натта, 149 г. до н.э. (*RRC* I 208), 2) Вибий Панса, 48 г. до н.э. (*RRC* I 449/2). Республиканский денарий присутствует и в Прибрежнинском кладе, сокрытом после 75 г. н.э., который принадлежал легионеру (Гилевич 1965, 106). Находки республиканских денариев вместе с императорскими в регионе – не редкость. См., например, из раскопок в Хараксе, найдено 82 денария от Антония до Максимина I и Гордиана III – см.: Кропоткин 1961, № 633.

[10] Также находки римских монет на территории Европейского Барбарикума как кладов, так и единичных экземпляров демонстрируют полное доминирование денариев I–II вв. н.э. от поздних выпусков Нерона до ранних эмиссий Септимия Севера. См.: Dymowski 2020, 193.

[11] *RIC* IV/1, 169, nos. 564–565.

[12] *RIC* IV/1, 170, no. 574.

[13] *RIC* IV/1, 170, no. 577.

[14] *RIC* IV/2, 142, no. 20b.

[15] *RIC* IV/2, 139, no. 3b.

[16] *RIC* IV/2, 140–141, nos. 7Ab, 13b, 14b, 16b.

Таблица 1.

Клады римских денариев из Юго-Западного Крыма

№ п/п	Место и год находки	Самая ранняя монета	Самая поздняя монета	Всего монет
1.	Неаполь Скифский, 1827 г.[17]	Нерон	Макрин	130
2.	Инкерман, 1881 г.[18]	Домициан	Коммод	?
3.	Луговое, 1890 г.[19]	Нерон	Макрин	47+
4.	Дорожное, 1896 г.[20]	Веспасиан	Элагабал	141
5.	ГИМЮУ, до 1911 г.	республика	Максимин I	288
6.	Балаклава, 1992 г.[21]	Вителлий	Юлия Мамея	57
7.	Репино, 2003 г.[22]	Фаустина I	Элагабал	38+
8.	Неизв. Юго-Западный Крым[23]	Фаустина II	Юлия Меза	18+

В кладах из ГИМЮУ, БИКАМЗ, Балаклавы, Репино, доступных для исследования (полностью или частью), присутствуют не имеющие следов обращения монеты, что можно связывать с расквартированием в местах находок подразделений римских войск и выплатами им жалования из единой казны, которая пополнялась новыми монетами, поступавшими в нее в основном непосредственно с монетного двора Рима. Клады из Балаклавы и Репино полностью состоят из новых монет, с преобладанием эмиссий Рима[24]. В трех кладах (ГИМЮУ, Балаклава, Репино) присутствуют единичные денарии Северов, отчеканенные в Лаодикее: Септимия Севера – по одному в кладах из Балаклавы и Репино, Юлии Домны – 3 в кладе из ГИМЮУ, 2 – Репино.

[17] Кропоткин 1961, № 622. Присутствие в кладе по одной монете Александра III и Лисимаха сомнительно.

[18] Кропоткин 1961, № 581. «кувшин с римскими серебряными монетами от Домициана до Коммода».

[19] Кропоткин 1961, № 609.

[20] Кропоткин 1961, № 573.

[21] Филиппенко, Алексеенко 2000.

[22] Сидоренко 2009.

[23] Сидоренко 2009, 543–544. Находится в фондах Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (далее БИКАМЗ).

[24] Сидоренко 2009, 544.

Таблица 2.

Распределение монет по эмитентам в кладах денариев из Юго-Западного Крыма

Эмитент/клады	**ГИМЮУ**	**Луговое**	**Дорожное**	**Балаклава**	**Репино**	**Неаполь Скифский**	**Инкерман**	**ЮЗ Крым**
Республика, II-I вв.	2							
Нерон	1	1						
Веспасиан	1	4	2					
Домициан	8	4	1					
Нерва			1					
Траян	1	1	4					
Адриан	67	4	5					
Сабина			1					
Элий				1				
Антонин Пий	44	8	1	1				
Фаустина I	13	2	2	1	1			
Марк Аврелий	28	4	10	1	2			1
Луций Вер	11							
Фаустина II	1	2	1	1				1
Луцилла	2	1	2					
Коммод	6	2		1				
Септимий Север	23	5	45	21	11			
Юлия Домна	45		11	7	8			
Каракалла	3	5	18	14	11			1
Гета	9	1	15	5	4			
Плавтилла			4					
Макрин	2	1						
Элагабал	1		18	2	1			
Юлия Меза	2							1
Юлия Соэмия		1						
Александр Север	9	1						
Орбиана	2							
Юлия Мамея	7							
Максимин I	11							
Всего:	289	47+	141	57	38+	130	?	18

По составу клад денариев из ГИМЮУ близок к кладам XIX в. из Лугового, Дорожного, Инкермана, Неаполя Скифского, которые по своему характеру относят к кладам длительного накопления[25]. Вместе с тем комплектация кладов из ГИМЮУ, Репино и Балаклавы (два последних отражают состав денежного

[25] См., например: Сидоренко 2009, 539. Между тем клады Европейского Барбарикума показывают, что вся эта масса находилась в обращении и при Северах, и даже позднее. См. Dymowski 2020.

обращения на момент их сокрытия[26]) обнаруживает сходство в части, представленной монетами Северов. В кладах из ГИМЮУ и Репино совпадают 10 типов, в Репинском и Балаклавском – 11. Это также свидетельствует о выплатах из единой казны.

Таблица 3.

Общие типы в кладах денариев из Юго-Западного Крыма

Эмитент	Дата	RIC IV/1	ГИМЮУ	Репино	Балаклава
Септимий Север	201	176		1	1
	202–210	253			
		265		1	1
		266		1	1
		288		1	1
		295		2	2
	198–202	500		1	1
Юлия Домна	196–211	551	3	1	
		557	1	1	
		574	8	1	1
		577	7	1	2
	211–217	382	1	1	
		388c	2	1	
Гета цезарь	200–202	13a	2	1	
		18	2	1	1
		20b	1	1	
Каракалла	200	30a	1	2	
	205	82		1	1
	213–217	311b		2	1

С дислокацией римских войск в Юго-Западном Крыму связаны и многочисленные единичные находки денариев, в том числе на городище Альма-Кермен в долине Альмы, плато Мангуп, в лагере Кадыковки-Балаклавы, римской крепости Харакс, самом Херсонесе и т.д.[27]

Таким образом, «забытый» клад денариев из коллекции Н.К. Минко представляет еще одно свидетельство выплат римским отрядам в Юго-Западной Таврике. На данный момент он является самым крупным и поздним среди известных кладов римских денариев из данного региона. Дата тезаврации – около 236 г. н.э. – корректирует время гибели одного из римских постов в Юго-Западном Крыму, по крайней мере, не ранее второго года правления Максимина Фракийца.

2. КЛАД АНТОНИНИАНОВ

Второй клад состоит из 13 антонинианов от Юлии Домны до Траяна Деция, с абсолютным преобладанием антонинианов Филиппа I. Комплекс следует рассматривать в одном контексте с кладами антонинианов из Таврики. Территориально

[26] Сидоренко 2009, 539.

[27] Обзор находок см. Сидоренко 2009, 544.

наиболее близок клад из с. Долинное[28] (Бахчисарайский р-н), расположенного на р. Кача. Два клада происходят из Восточного Крыма – Керчи (*CH* XI, 217) и Войково (*CH* XI, 216), один из Юго-Восточного Крыма – окрестностей с. Перевальное Симферопольского р-на[29]. Последний имеет смешанный характер, состоя из денариев и антонинианов (подобные комплексы зарегистрированы на территории Юго-Восточной Европы и характерны для римских балканских провинций, что связано с многочисленными инвазиями варварских племен в эпоху Готских войн III в. н.э.[30]).

Таблица 4.

Распределение монет по эмитентам в кладах антонинианов из Юго-Западного Крыма[31]

Эмитенты/клады	**Керчь**	**Войково**	**Долинное**	**Перевальное**	**ГИМЮУ**
Антонин Пий				1*	
Септимий Север				3*	
Юлия Домна	1*				1
Каракалла			2		
Юлия Меза		1			
Гордиан III	10		55	7	2
Филипп I	10	1	38	4	8
Отацилия Севера	1		6	1	
Филипп II	4		2	2	
Траян Деций	6		11	4	2
Этрусцилла	2		1	4	
Геренний Этруск	1	1	4		
Гостилиан		1			
Требониан Галл	23	2		3	
Волузиан	5	1		1	
Мариниана				2	
Валериан I	6	1		1	
Валериан II	2				
Галлиен				1	
Всего:	71	8	119	34	13

Клад антонинианов из ГИМЮУ датируется временем около 251 г. н.э. – так же, как и клад из с. Долинное, что, конечно же, неслучайно, учитывая территориальную близость обоих комплексов. Они являются самыми поздними из найденных в Юго-Западном Крыму кладов римского серебра, которые могут непосредственно связываться с выплатами жалования федератам, как полагает В.А. Сидоренко. Исследователь отмечает, что до Гордиана III плата подразделениям римской армии осуществлялась только в денариях и клады антонинианов из Таврики

[28] Пиоро, Герцен 1971.
[29] Чореф, Якушечкин 2016.
[30] Кодацкий, Мызгин 2017, 75–76.
[31] Звездочкой отмечены другие номиналы: Керчь – драхма Кесарии Каппадокийской, Перевальное – денарии.

как раз демонстрируют переход к выплатам в антонинианах[32]. В это время происходит реорганизация воинских подразделение с заменой регулярной армии федератами. Клады же из Пантикапея и Войково В.А. Сидоренко связывает, предположительно, с передислокацией римских войск в Таврике после 251 г. к Боспору в связи с необходимостью отражения здесь готской угрозы[33]. Между тем другие исследователи подчеркивают «варварский» характер крымских кладов антонинианов, считая их военной добычей готов и других варваров, участвовавших в дальних грабительских походах[34].

ЛИТЕРАТУРА

Абрамзон, М.Г., Докучаева, С.В., Застрожнова, Е.Г., Остапенко, С.Н., Петрова, Е.В. 2025: Римские монеты из погребений варварского населения предгорного Крыма (коллекция Н.К. Минко в Государственном историческом музее Южного Урала). *КСИА* (в печати).

Абрамзон, М.Г., Захаров, Е.В., Никитин, А.Б., Смирнов, С.В. 2023: Античные монеты из коллекции Н.К. Минко (Государственный исторический музей Южного Урала). *ВДИ* 83/1, 110–129.

Абрамзон, М.Г., Костромичев, Д.А., Терещенко, А.Е., Трейстер, М.Ю. 2024: Два комплекса III в. н.э. с золотыми погребальными лицевыми пластинами из некрополя Херсонеса. *РА* 4, 80–95.

Абрамзон, М.Г., Панкратова, Е.Г., Петрова, Е.В., Трейстер, М.Ю.2023: Античные и византийские монеты из коллекции Н.К. Минко (Государственный исторический музей Южного Урала). Часть II. Боспор, поздняя Римская империя, Византия. *ВДИ* 83/2, 386–387.

Гилевич, А.М. 1965: Прибрежнинский клад римских монет. *НЭ* V, 103–111.

Дурылин, С.Н. 1927: Н.К. Минко и его работы по археологии Челябинского округа. (Материалы к биографии). В сб.: *Сборник материалов по изучению Челябинского округа.* Кн. 1. Челябинск, 53–55.

Кодацкий, С.В., Мызгин. К.В. 2017: Клад денариев и антонинианов III в. из Винницкой области. В сб.: *Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея*. Одесса, 72–83.

Кропоткин, В.В. 1961: *Клады римских монет на территории СССР* (САИ Г4-4). М.

Пиоро, И.С., Герцен, А.Г. 1974: Клад антонинианов из с. Долинное Крымской области. *НиСф* 5, 81–90.

Сидоренко, В.А. 2009: Клад римских денариев из окраины с. Репино Бахчисарайского р-на *МАИЭТ* XV, 534–549.

Тейдер, В.Ф. 2009: Письма С. Н. Дурылина к В. А. Городцову. В сб.: В.С. Боже (ред.), *Челябинск неизвестный: краеведческий сборник*. Вып. 4. Челябинск, 479–492.

Филиппенко, А.А., Алексеенко, Н.А. 2000: Клад римских денариев из Балаклавы. В сб.: Т. Сарновски, О.Я. Савеля (ред.), *Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена* (Światowit Suppl. Ser. A: Antiquity, 5). Warschau, 169–175.

Чореф, М.М., Якушечкин, А.В. 2016: Клад римских монет, найденный близ с. Перевального (Крым). *МАИАСК* 8, 579–591.

[32] Между тем кошелек из погребения федерата-офицера Херсонесской вексилляции в некрополе Херсонеса, датируемого 260–268 гг., представляет жалованье, выплаченное денариями и антонинианами, а также херсонесской медью времени Галлиена. Таким образом, денарии также продолжают использоваться для выплат федератам. См.: Абрамзон и др. 2024, 69–71.

[33] Сидоренко 2009, 545.

[34] Golenko 1973, 290–299; Пиоро, Герцен 1971, 83; Чореф, Якушечкин 2016, 585–586.

CH XI – Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D., *Coin Hoards*. Vol. XI. *Greek Hoards. The Cimmerian Bosporus* (Colloquia Antiqua, 32). Leuven–Paris–Bristol, 2021.

Dymowski, A. 2020: Roman Imperial Hoards of Denarii from the European Barbaricum. *Journal of Ancient History and Archaeology* 7/1_SI, 193–242.

Golenko K. 1973. Le trésor d'antoniniani de Kertch, *Revue Numismatique* XV (6 Ser.), 290–299.

RIC VI/1 – Mattingly, H., Sydenham, E.A. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV/1. *Pertinax to Geta*. London, 1936.

RIC VI/2 – Mattingly, H., Sydenham, E.A., Sutherland, C.H.V. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV/2. *Macrinus to Pupienus*. London, 1938.

RRC I – Crawford, M. *Roman Republican Coinage*. 2 vols. Cambridge, 1974.

REFERENCES

Abramzon, M.G., Dokuchaeva, S.V., Zastrozhnova, E.G., Ostapenko, S.N., Petrova, E.V. 2025: Rimskie monety iz pogrebeniy varvarskogo naseleniya predgornogo Kryma (kollektsiya N.K. Minko v Gosudarstvennom istoricheskom muzee Yuzhnogo Urala). *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [*Brief Communications of the Institute of Archaeology*] (forthcoming).

Abramzon, M.G., Kostromichev, D.A., Tereshchenko, A.E., Treyster, M.Yu. 2024: Dva kompleksa III v. n.e. s zolotymi pogrebal'nymi litsevymi plastinami iz nekropolya Khersonesa [Two Third-Century AD Complexes with Golden Funerary Face Plates from the Chersonesus Necropolis]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 4, 80–95.

Abramzon, M.G., Pankratova, E.G., Petrova, E.V., Treyster, M.Yu. 2023: Antichnye i vizantiyskie monety iz kollektsii N.K. Minko (Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey Yuzhnogo Urala). Chast' II. Bospor, pozdnyaya Rimskaya imperiya, Vizantiya [Ancient and Byzantine Coins from the N.K. Minko's Collection (State Historical Museum of the Southern Urals). Part II. Bosporus, Late Roman Empire, Byzantine Empire]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 83.2, 386–387.

Abramzon, M.G., Zakharov, E.V., Nikitin, A.B., Smirnov, S.V. 2023: Antichnye monety iz kollektsii N.K. Minko (Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey Yuzhnogo Urala). Chast' I. Asiya i Egipet [Ancient Coins from the N.K. Minko's Collection (State Historical Museum of the Southern Urals). Part I. Asia and Egypt]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 83.1, 114–133.

CH XI – Abramzon, M.G., Kuznetsov, V.D., *Coin Hoards*. Vol. XI. *Greek Hoards. The Cimmerian Bosporus* (Colloquia Antiqua, 32). Leuven–Paris–Bristol, 2021.

Choref, M.M., Yakushechkin, A.V. 2016: Klad rimskikh monet, naydennyy bliz s. Pereval'nogo (Krym). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [*Materials on Archeology and History of Ancient and Medieval Crimea*] 8, 579–591.

Dymowski, A. 2020: Roman Imperial Hoards of Denarii from the European Barbaricum. *Journal of Ancient History and Archaeology* 7/1_SI, 193–242.

Durylin, S.N. 1927: N.K. Minko i ego raboty po arkheologii Chelyabinskogo okruga (Materialy k biografii) [N.K. Minko and His Works on the Archaeology of the Chelyabinsk District (Materials for a Biography)]. *Sbornik materialov po izucheniyu Chelyabinskogo okruga* [*Collection of Materials on the Study of the Chelyabinsk District*], 1. Chelyabinsk, 53–55.

Filippenko, A.A., Alekseenko, N.A. 2000: Klad rimskikh denariev iz Balaklavy [A Hoard of Roman Denarii from Balaklava]. In: T. Sarnovski, O.Ya. Savelya (eds.), *Balaklava. Rimskaya voennaya baza i svyatilishche Jupitera Dolikhena* [*Balaklava. Roman Military Camp and the Sanctuary of Jupiter Dolichenus*]. Warshaw, 169–175.

Gilevich, A.M. 1965: Pribrezhninskiy klad rimskikh monet [Pribrazhnaya Hoard of Roman Coins]. *Numizmatika i epigrafika* [*Numismatics and Epigraphy*] V, 103–111.

Golenko, K. 1973: Le trésor d'antoniniani de Kertch, *Revue Numismatique* XV (6 Ser.), 290–299.

Kodatskiy, S.V., Myzgin. K.V. 2017: Klad denariev i antoninianov III v. iz Vinnitskoy oblasti. In: Zapiski otdela numizmatiki i torevtiki Odesskogo arkheologicheskogo muzeya [*Notes of the Department of Numismatics and Toreutics of the Odessa Archaeological Museum*]. Odessa, 72–83.

Kropotkin, V.V. 1961: *Klady rimskikh monet na territorii SSSR* [*Hoards of Roman Coins on the Territory of the USSR*] (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] G4–14). Moscow.

Pioro, I.S., Gertsen, A.G. 1974: Klad antoninianov iz s. Dolinnoe Krymskoy oblasti [A Hoard of Antoniniani from the Village of Dolinnoe, Crimea]. *Numizmatika i sfragistika* [*Numismatics and Sphragistics*] 5, 81–90.

RIC VI/1 – Mattingly, H., Sydenham, E.A. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV/1. *Pertinax to Geta*. London, 1936.

RIC VI/2 – Mattingly, H., Sydenham, E.A., Sutherland, C.H.V. *The Roman Imperial Coinage*. Vol. IV/2. *Macrinus to Pupienus*. London, 1938.

RRC I – Crawford, M. *Roman Republican Coinage*. 2 vols. Cambridge, 1974.

Sidorenko, V.A., 2009: Klad rimskikh denariev iz okrainy s. Repino Bakhchisarayskogo r-na [A Hoard of Roman Denarii from the Village of Repino, Bakhchisaray District]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauriya*] XV, 534–549.

Teyder, V.F. 2009: Pis'ma S.N. Durylina k V.A. Gorodtsovu [S.N. Durylin's Letters to V.A. Gorodtsov]. In: V.S. Bozhe (ed.), *Chelyabinsk neizvestnyy: kraevedcheskiy sbornik* [*Unknown Chelyabinsk: Local History Miscellany*], 4. Chelyabinsk, 479–492.

ROMAN COIN HOARDS FROM THE N.K. MINKO COLLECTION (PRELIMINARY PUBLICATION)

Mikhail G. Abramzon[1], Elena V. Petrova[2]

[1] *Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia*
[2] *State Historical Museum of the Southern Urals, Chelyabinsk, Russia*

[1] *E-mail*: abramzon-m@mail.ru [2] *E-mail*: mishlen2@list.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 25-18-20007

The State Historical Museum of the Southern Urals (Chelyabinsk) holds two hoards of Roman coins from Southwestern Crimea, acquired by archaeologist N.K. Minko during his excavations in the region of Sevastopol in 1909–1911. The first hoard contains 288 denarii from Nero to Maximinus I. It is attestation of payments to Roman troops stationed in the region. The second hoard includes 13 antoniniani from Julia Domna to Trajan Decius and is also associated with the Roman military presence in Taurica or it was possibly brought by barbarians from campaigns in the provinces of the Empire.

Keywords: Southwestern Taurica, N.K. Minko, museum collections, Roman coin hoards, denarii, antoniniani, Roman troops

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2025), 239–245
© The Author(s) 2025

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2025), 239–245
©Автор(ы) 2025

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-239–245

МОСКОВСКИЙ ЭПИЗОД НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ М.К. КАРГЕРА КОНЦА 1920-х гг.

В.Г. Ананьев[1], М.Д. Бухарин[2]

[1] *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия*
[2] *Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия*

[1] *E-mail:* vgananev@herzen.spb.ru [2] *E-mail:* michabucha@gmail.com

[1] *ORCID:* 0000-0001-7413-6339 [2] *ORCID:* 0000-0002-3590-016X

Научная карьера археолога, историка искусства М.К. Каргера (1903–1976) в значительной степени отражает перипетии истории российской науки 1920-х–1970-гг. В 1920-е гг. советская наука проходила этап институционального и дисциплинарного переформатирования. Основание новых учреждений науки и высшего образования, роспуск или радикальное изменение структуры прежних, реформы, нацеленные на разрушение прежнего (дореволюционного) порядка защиты диссертаций, привносил хаос не только в научную политику раннесоветского государства, до некоторой степени ослабевший лишь в середине 1930-х гг., но и жизнь и деятельность практически каждого, особенно, начинающего исследователя. Начальный этап карьеры М.К. Каргера – одного из крупнейших советских исследователей истории древнерусского искусства – пришелся именно на этот этап в истории советской научной политики и истории науки. Научная и социальная биография Каргера важная для реконструкции и исследования не только частных вопросов в истории археологии, но и для понимания более общих процессов в социологии науки. В этой связи важным является каждое новое свидетельство, проливающее свет на его жизнь и деятельность, в особенности принимая во внимание распыленность архивных свидетельств о Каргере. Ниже публикуется письмо Ф.И. Шмита к В.М. Фриче, которое не только позволяет уточнить некоторые факты из биографии М.К. Каргера конца 1920-х гг., но и поставить вопрос о путях взаимодействия конкурировавших (московской и ленинградской) научных школ.

Ключевые слова: археология, архитектура, М.К. Каргер, В.М. Фриче, Ф.И. Шмит, история науки, научная политика, научные архивы

Данные об авторах. Виталий Геннадьевич Ананьев – доктор культурологии, профессор кафедры искусствоведения и педагогики искусства Института художественного образования РГПУ им. А.И. Герцена; Михаил Дмитриевич Бухарин – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИВИ РАН, академик РАН.

Михаил Константинович Каргер (1903–1976) принадлежит к числу наиболее авторитетных отечественных специалистов середины – второй половины XX в. в области истории архитектуры и древнерусского искусства. Научный капитал, сформированный им во второй половине жизни, конечно же, не может рассматриваться в отрыве от капитала социального, связанного с тем, что начиная с конца 1930-х и вплоть до начала 1970-х гг. он занимал ряд ключевых руководящих постов в важнейших центрах профессиональной подготовки и подтверждения квалификации ленинградских искусствоведов и археологов: Академии художеств, Ленинградском государственном университете, Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. При этом его фигура лишь в последнее время начинает привлекать внимание историков науки.

Автор его новейшей биографии справедливо отмечает, что «[л]енинградская и новгородская части его архива поражают отсутствием как большей части личных документов и фотографий, так и писем коллег и учителей. Но многочисленные свидетельства об отдельных эпизодах жизни исследователя сохранились в личных архивах его современников и тех многочисленных организаций, где он успел поработать за свою долгую научную и преподавательскую карьеру»[1]. К.А. Михайлов привлек весьма обширный круг архивным материалов для того, чтобы установить основные факты биографии М.К. Каргера, и его краткая, но содержательная работа, определенно, является ценным вкладом в историю отечественной археологии XX в. (даже если не со всеми оценками, которые он дает своему герою, можно согласиться).

К.А. Михайлов отмечает, что именно довоенная часть биографии М.К. Каргера, «связанная со становлением ученого, является наименее известной и наиболее важной для понимания его последующего научного пути и особенностей характера»[2]. В этой связи особое значение приобретают «случайные» архивные находки документов, относящихся к этому периоду и отложившихся в фондах, на первый взгляд, никак не связанных с именем М.К. Каргера. Один из таких документов публикуется ниже.

Речь идет о письме, сохранившемся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде искусствоведа В.М. Фриче (1870–1929)[3]. В описи оно обозначено как письмо от директора Государственного института истории искусств (Ленинград) «[] Феодора». Как хорошо известно, с конца 1924 по начало 1931 гг. директором Института истории искусств (Зубовского института) в Ленинграде был видный историк и теоретик искусства, музеевед Ф.И. Шмит (1877–1937). Он и являлся автором письма. Письмо, датированное 27 сентября 1928 г., было адресовано В.М. Фриче как председателю президиума РАНИОН и директору его Института археологии и искусствознания В письме Ф.И. Шмит сообщал, что «как будто из достоверного источника» ему стало известно, что «сотрудник Русского музея М. Каргер представил РАНИОН свою статью о свияжской архитектуре (Казанский музейный вестник) в качестве диссертации на научного сотрудника первого разряда и потерпел с нею крушение»[4]. Вероятно, речь идет о

[1] Михайлов 2023, 12.
[2] Михайлов 2023, 13.
[3] ОР РГБ. Ф. 870. Картон 7. Д. 23.
[4] ОР РГБ. Ф. 870. Картон 7. Д. 23. Л. 1.

статье М.К. Каргера «Успенский собор Свияжского монастыря как архитектурный памятник (Из истории культурно-художественных взаимоотношений Пскова и Москвы)», опубликованной не в «Казанском музейном вестнике» (который перестал выходить еще в 1924 г.), а в другом казанском издании – сборнике «Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников Татарской АССР» (Казань, 1928. Вып. II. С. 10–31). К этому моменту данная статья, действительно, была наиболее крупной из опубликованных исследовательских работ М.К. Каргера[5].

Ситуация с упраздненными в Советской России в 1918 г. учеными степенями и званиями была к концу 1920-х гг. достаточно сложной. Система научной гратификации существовала в состоянии неопределенности, но некоторые интенции в сторону ее восстановления ощущались. Институт археологии и искусствознания РАНИОН в Москве был одним из новых центров подтверждения квалификации научных кадров. С 1925 г. при нем функционировала аспирантура и, по словам современных исследователей, подготовка кадров высшей категории было «одной из важнейших задач РАНИОН»[6]. Защиты аспирантских работ протекали здесь в форме диспута, для их оценки избирались специальные квалификационные комиссии[7]. Последняя из ряда представленных соискателем работ должна была быть «настолько хорошей, чтобы ее можно было печатать как научную с ценными научными выводами»[8]. Возможно, работой такого рода и должна была стать упоминаемая Ф.И. Шмитом статья М.К. Каргера о «свияжской архитектуре».

В связи с этим интересным кажется сам факт представления квалификационной работы в московское научное учреждение, хотя и связанное благодаря деятельности там В.А. Городцова с дореволюционными традициями, но все же в целом рассматривавшееся как детище новой советской власти. Научная деятельность М.К. Каргера была связана в первую очередь с Ленинградом, куда он переехал из Самары в 1922 г. В Петрограде он окончил факультет общественных наук Петроградского государственного университета и с 1923 г. (в штате с 1926 г.), вероятно, по протекции своего университетского учителя Н.П. Сычева (1883–1964), работал сотрудником Государственного Русского музея[9]. Письмо Каргера С.В. Бахрушину[10] позволяет уточнить должность, которую занимал Каргер: помощник хранителя отделения древнерусского искусства[11].

Как отмечает его новейший биограф, «19 мая 1927 г. в ЛГУ ему была присуждена «научная квалификация, дающая право на ведение научно-исследовательской работы»[12]. В 1929 г. М.К. Каргер был принят на работу в ленинградскую Государственную академию истории материальной культуры научным сотрудником первого разряда[13], причем его непосредственный руководитель там архитектор К.К. Романов (1882–1942) впоследствии вспоминал, что «из Русского Музея тогда поступил целый ряд предупреждений, которые я откинул, потому что не верил им,

[5] Список его работ 1927–1928 гг. см.: Михайлов 2023, 80.
[6] Кузьминых, Белозерова 2018, 326.
[7] Кузьминых, Белозерова 2018, 333.
[8] Кузьминых, Белозерова, 2018, 335.
[9] Михайлов 2023, 25–26, 35.
[10] Архив РАН. Ф. 624. Оп. 4. Д. 98. Л. 1–2.
[11] Наименование отделения К.А. Михайловым не уточняется: Михайлов 2023, 35.
[12] Михайлов 2023, 29.
[13] Михайлов 2023, 38.

они говорили о том, что, если будет в разряде М.К. Каргер, то обязательно будут какие-нибудь трения»[14]. В Русском музее у молодого ученого в это время начался конфликт с бывшим университетским учителем Н.П. Сычевым.

Составленная для оценки научной квалификации кандидата на должность в ГАИМК авторитетная комиссия рассмотрела его научные достижения и признала их вполне соответствующими предъявляемым требованиям, оговорив, однако: «Прежде всего, Комиссия считает не лишним указать, что к работе М.К. Каргера “Успенский собор Свияжского монастыря как архитектурный памятник” не следовало бы относиться как к заключительной аспирантской диссертации, поскольку свой квалификационный стаж М.К. Каргер, как видно из дела, проходил при несколько других условиях, чем какие сейчас нормированы для аспирантов <…> Представленная им работа о соборе Свияжского монастыря выполнена им еще без учета тех требований, какие сейчас предъявляются к аспирантской диссертации, как к исследованию не узко монографическому, но более или менее затрагивающему общие научные проблемы»[15]. Кажется, что такое начало характеристики становится более понятным в свете сообщаемой в публикуемом письме Ф.И. Шмита истории о провале этой работы на комиссии в Москве. Можно предположить, что в 1928 г., т.е. через год после окончания аспирантуры в ЛГУ, М.К. Каргер попытался получить искомую квалификацию научного сотрудника первого разряда в Москве, т.к. опасался, что конфликт с университетским учителем и непосредственным музейным начальником Н.П. Сычевым не позволит ему сделать это в Ленинграде. Н.П. Сычев с 1919 г., года основания, был действительным членом РАИМК-ГАИМК[16], а в 1928 г. являлся и председателем совета третьего (историко-художественного) отделения ГАИМК, и членом его секции общей архитектуры[17]. В московском же институте работал А.С. Башкиров и вообще довольно сильны были позиции учеников В.А. Городцова[18], а, как пишет о ранних годах учебы М.К. Каргера в Самарском университете К.А. Михайлов, «[в]ероятно, В.В. Гольмстен и А.С. Башкиров стали первыми его учителями как в полевой археологии, так и в музейной работе»[19]. Они оба принадлежали к «школе Городцова». Возможно, так и появился в биографии ленинградского ученого этот московский эпизод.

Другим любопытным моментом кажется то, что директор Государственного института истории искусств вообще берется писать по такому поводу московскому коллеге, с которым, судя по сохранившимся материалам, никогда не имел тесных профессиональных или личных связей. Ф.И. Шмит сообщает В.М. Фриче, что никакого отношения к неудачливому соискателю его институт не имеет. Так, он пишет: «Мне рассказывают, будто в своем Curriculum vitae М. Каргер упомянул, что он – “преподаватель Государственного института истории искусств”, и будто в РАНИОНе возмутились, что в Институте есть такие преподаватели. Вы, конечно, прекрасно знаете, что в Институте, как в учреждении научно-исследовательском, никаких преподавателей нет, а есть только действительные члены и научные сотрудники, в числе каковых М. Каргер не состоит <…> Я так дорожу мнением

[14] Михайлов 2023, 38.
[15] Михайлов 2023, 39.
[16] Медведева 2022, 220.
[17] Медведева 2022, 231.
[18] Кузьминых, Белозерова 2018, 326.
[19] Михайлов 2023, 22–23.

Вашим и РАНИОНа, что не хотел бы позволить каким бы то ни было недоразумениям укрепиться»[20]. В новейшей биографии М.К. Каргера со ссылкой на его личное дело из архива ИИМК РАН читаем: «Параллельно с учебой и затем преподаванием в университете Каргер читает лекции в Государственном институте истории искусств <…> (1928–1930 гг.), куда он пришел, по-видимому, по стопам Н.П. Сычева, который там преподавал»[21]. Казалось бы, слова Ф.И. Шмита противоречат свидетельству самого М.К. Каргера, приведенному в анкете из личного дела, однако на самом деле это противоречие мнимое.

Созданный как учебный центр и получивший в 1916 г. статус высшего учебного заведения Институт истории искусств действительно долгое время совмещал функции учебного и научно-исследовательского учреждения. Однако в 1924 г. его учебная часть была выделена в самостоятельную структурную единицу и в 1927 г. получила название Высших государственных курсов искусствоведения. Входя в систему учреждений Ленинградпрофобора, курсы сохраняли тесную связь с институтом, проявлявшуюся и в пространственном расположении, и в контингенте преподавателей, и в дальнейшей работе части окончивших их студентов в качестве сотрудников института. Стремление Ф.И. Шмита «откреститься» от неудачливого соискателя может объясняться не только опасениями за сохранение реноме института, но и какими-то личными мотивами. В конечном счете, они оба преподавали искусствоведам в ЛГУ, и Ф.И. Шмит должен был знать о конфликте М.К. Каргера с Н.П. Сычевым[22].

В любом случае, сохранившееся в письме Ф.И. Шмита к В.М. Фриче свидетельство кажется любопытным с точки зрения, как детализации биографии одного из наиболее влиятельных ленинградских археологов и искусствоведов середины – второй половины XX в., так и с точки зрения более общей проблемы взаимодействия ленинградской и московской археологических школ в XX в. Дальнейшие разыскания в архивных материалах Института археологии и искусствознания РАНИОН позволят уточнить этот эпизод «неудачной защиты».

Директор Государственного института истории искусств
Ленинград, площадь Воровского, 5. Телефон 639-22

27 сентября 1928 г.

Глубокоуважаемый Владимир Максимович,

Мне рассказывают, что сотрудник Русского музея М. Каргер представил РАНИОНу свою статью о Свияжской архитектуре («Казанский музейный вестник») в качестве диссертации на научного сотрудника I разряда и потерпел с нею крушение. И мне рассказывают, будто в своем Curriculum vitae М. Каргер упомянул, что он «преподаватель Государственного института истории искусств», и будто в РАНИОНе возмутились, что в Институте есть такие преподаватели. Вы, конечно, прекрасно знаете, что в Институте, как в учреждении научно-

[20] ОР РГБ. Ф. 870. Картон 7. Д. 23. Л. 1–1 об.

[21] Михайлов 2023, 32.

[22] Впрочем, следует отметить, что в опубликованном плане преподавания на 1928–1929 учебный год имя М.К. Каргера среди имен преподавателей курсов не значится (Высшие государственные курсы..., 1928).

исследовательском, никаких преподавателей нет, а есть только действительные члены и научные сотрудники, в числе каковых М. Каргер не состоит. Если бы, значит, все то, что мне рассказывают (как будто из достоверного источника), оказалось соответствующим действительности, прошу Вас учесть мою «фактическую поправку». Я так дорожу мнением Вашем и РАНИОНа, что не хотел бы позволить каким бы то ни было недоразумениям укрепиться.

Совершенно Вам преданный

Федор Шмит

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 870. Картон 7. Д. 23.

ЛИТЕРАТУРА

Высшие государственные курсы искусствоведения при Государственном институте истории искусств. План преподавания и условия приема на 1928–29 академический год. Л., 1928.

Кузьминых, С.В., Белозерова, И.В. 2018: Институт археологии и искусствознания РАНИОН в судьбах отечественной археологии. *Поволжская археология* 1 (23), 321–341.

Медведева, М.В. 2022: Николай Петрович Сычев (1883–1964). *Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку*. СПб., 217–241.

Михайлов, К.А. 2023: *Михаил Константинович Каргер (1903–1976): Биографические очерки*. СПб.

REFERENCES

Kuzminykh, S.V., Belozerova, I.V. 2018: Institut arkheologii i iskusstvoznaniya RANION v sud'bakh otechestvennoy arkheologii [Institute of Archaeology and Art Studies RANION in the Fate of Russian Archaeology]. In: *Povolzhskaya arkheologiya* [*Volga Archaeology*] 1 (23), 321–341.

Medvedeva, M.V. 2022: Nikolay Petrovich Sychev (1883–1964). In: *Otzy-osnovateli RAIMK: ikh zhiznennyy put' i vklad v nauku* [*RAIMK Founding Fathers: Their Life Path and Contribution to Science*]. St. Petersburg, 217–241.

Mikhaylov K.A. 2023: *Mikhail Konstantinovich Karger (1903–1976): Biograficheskie ocherki* [*Mikhail Konstantinovich Karger (1903–1976): Biographical Essay*]. St. Petersburg.

Vysshie gosudarstvennye kursy iskusstvovedeniya pri Gosudarstvennom institute istorii iskusstv. Plan prepodavaniya i usloviya priema na 1928–29 akademicheskiy god [*Higher State Courses in Art History at the State Institute of Art History. Teaching Plan and Admission Conditions for the Academic Year 1928–29*]. Leningrad, 1928.

THE MOSCOW EPISODE FROM THE BIOGRAPHY OF M.K. KARGER IN THE LATE 1920s

Vitaliy G. Ananyev[1], Mikhail D. Bukharin[2]

[1] *Russian State Pedagogical University in the name of A.I. Herzen, Saint-Petersburg, Russia*
[2] *Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

[1] *E-mail*: vgananev@herzen.spb.ru [2] *E-mail:* michabucha@gmail.com

The scientific career of the archaeologist, art historian M.K. Karger (1903–1976) largely reflects the vicissitudes of the history of Russian science in 1920s – 1970s. In the 1920s, Soviet science suffered the pressure of institutional and disciplinary reformatting. The founding of new scientific and higher education institutions, the dissolution or radical restructuring of previous ones, and reforms aimed at destroying the previous (pre-revolutionary) order of dissertations' defense brought chaos not only to the scientific policy of the early Soviet state, which weakened to some extent only in the mid-1930s, but also to the life and work of almost every scholar, especially at the beginning of their activity. The initial stage of the career of M.K. Karger, one of the leading Soviet historians of ancient Russian art, fell precisely on this stage in the history of Soviet scientific policy and the history of science. Karger's scientific and social biography is important for the reconstruction and study of not only specific issues in the history of archaeology, but also for understanding of some more general processes in the sociology of science. In this regard, each new piece of evidence that sheds light on his life and work is important, especially given the fragmentation of archival evidence about Karger. Below is published a letter from F.I. Schmit to V.M. Friche, which not only allows us to clarify some facts from the biography of M.K. Karger in the late 1920s, but also raises the question of the ways in which competing (Moscow and Leningrad) scientific schools interacted.

Keywords: archaeology, architecture, M.K. Karger, V.M. Friche, F.I. Schmit, historiography, scientific policy, scientific archives

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМА – *Античный мир и археология.* Саратов
ВДИ – *Вестник древней истории*. Москва
КСИА – *Краткие сообщения Института археологии*. Москва
МАИАСК – *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма.* Нижневартовск
МАИЭТ – *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* Симферополь
НА ИИМК РАН – Научный архив Института истории материальной культуры. Санкт-Петербург
НиСф – *Нумизматика и сфрагистика.* Киев
ПИФК – *Проблемы истории, филологии, культуры*. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
РА – *Российская археология.* Москва
САИ – *Археология СССР. Свод археологических источников.* Москва–Ленинград
AE 2008 – *L'Année épigraphique, Année 2008.* Paris, 2011
BCH – *Bulletin de Correspondance Hellénique.* École française d'Athènes
CAH – *The Cambridge Ancient History*
CIG – *Corpus inscriptionum graecarum*
CIL X – Mommsen, T. (ed.). *Corpus Inscriptionum Latinarum.* Vol. X: *Inscriptiones Bruttiorum, Lucaniae, Campaniae, Siciliae, Sardiniae Latinae.* Berlin, 1883
Class. World – *Classical World: A Quarterly Journal on Antiquity.* Baltimore
FD – *Fouilles de Delphe.* École Française d'Athènes
FGrHist. – Jacoby, F. (Hrsg). *Die Fragmente der griechischer Historiker*. Berlin; Leiden, 1923–1958. Bd. I–III.
GIBM – *The Collection of Greek Inscriptions in the British Museum.* Oxford
Hist. Z. fur Alte Gesch. – *Historia: Zeitschrift fur Alte Geschichte.* Stuttgart
HSCPh – *Harvard Studies in Classical Philology.* Harvard
IDidyma – Rehm, A. *Theodor Wiegand. Didyma: Zweiter Teil. Die Inschriften. Herausgegeben von Richard Harder.* Berlin, 1958
IG – *Inscriptiones Graecae, Consilio et Auctoritate Academiae Litterarum Regiae Borussicae Editae*
IK Kyme – Engelmann, H. *Die Inschriften von Kyme* (Die Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien 5). Bonn, 1976
ILLRP – Degrassi, A. (ed.). *Inscriptiones Latinae Liberae Rei Publicae.* 2nd ed. 2 vols. Florence, 1957–1963
ILS – Dessau, H. (ed.) *Inscriptiones latinae selectae:* in 3 vols. Berlin, 1892–1916
Inscr. Ital. XIII – Degrassi, A. (ed.). *Inscriptiones Italiae.* Vol. XIII: *Fasti et Elogia.* Rome, 1937
JEA – *Journal of Egyptian Archaeology*. Birmingham
JRS – *Journal of Roman Studies*. London
LSJ – *Liddell–Scott–Jones Ancient Greek Lexicon*
Milet I 3 – Rehm, A. *Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchen seit dem Jahre 1899.* Heft 3. *Das Delphinion in Milet.* Berlin, 1914
Milet I 7 – Knackfuss, H., Rehm, A. *Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchen seit dem Jahre 1899.* Heft 7. *Der Südmarkt und die benachbarten Bauanlagen.* Berlin, 1924
Milet VI 3 – Herrmann, P. Günther, W. *Ehrhardt, N. Inschriften von Milet.* Teil 3. *Inschriften n. 1020–1580.* Berlin–New York, 2006

OGIS – Dittenberger, W. *Orientis Graeci Inscriptiones Selectae.* Vol. I–II. Lipsiae, 1903–1905

pErm. – 1116A «Поучение царю Мерикара» (Golénischeff, W.S. *Les papyrus hiératiques nos. 1115, 1116A et B de l'Ermitage imperial a St. Petersbourg*. SPb., 1913. Pl. 9–14, A–C).

PGM – *Papyri Graecae Magicae*

pLeiden I.344 *recto* – «Речение Ипувера» (Gardiner, A.H. *The Admonitions of an Egyptian Sage from a Hieratic Papyrus in Leiden*. Leipzig, 1909).

RE – *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*

Revue de philologie – *Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes.* Paris

Rigsby – *Asylia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World.* Berkeley–Los Angeles–London, 1996

RRC – Crawford, M.H. *Roman Republican Coinage.* 2 vols. Cambridge, 1976

SGDI – Collitz, B. et al. (Hrsg.). *Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften.* Gottingen, 1883–1923

Syll^3 – Dittenberger, W. (ed.). *Sylloge Inscriptionum Graecarum.* Ed. III. Vol. I–IV. Lipsiae, 1915–1924

ΣΧΟΛΗ ο – *ΣΧΟΛΗ . Философское антиковедение и классическая традиция.* Новосибирск

СОДЕРЖАНИЕ

Ладынин И.А. (Москва) – К реконструкции первоначального сюжета о нашествии на Египет Навуходоносора II (по данным античных и средневековых нарративов)..... 5
Качан С.А. (Москва) – Император в образе Тота-Гермеса в римском Египте..... 18
Качан С.А. (Москва) – Антиной как политическое божество – объединитель Египта и Римской империи..... 32
Давыдова О.А. (Москва) – К вопросу об отождествлении Береники II с Артемидой..... 46
Рунг Э.В. (Москва) – Система наказаний за государственные преступления в Ахеменидской империи 56
Орлов В.П. (Казань) – Правовая система Ахеменидской империи в историографии XX–XXI вв. 77
Суриков И.Е. (Москва) – Из истории афинских олигархических переворотов конца V в. до н.э. III. Олигархи начинают и проигрывают… самим себе (события 411–410 гг. до н.э.)..... 94
Холод М.М. (Нижний Новгород) – Империя Александра Великого: сатрапии и зависимые территории (часть IV)..... 115
Меркин Д.Б. (Москва) – Ὑποχρήστης и его роль в дидимейском культе..... 135
Шарнина А.Б. (Санкт-Петербург) – Гастролирующая поэтесса из Смирны Ионийской 143
Демина С.С. (Владимир) – Религиозные взгляды Сенеки..... 156
Криволапов Г.Л. (Москва) – Вооруженный конфликт и Брундизийский мир (лето – осень 40 г. до н.э.)..... 164
Маркелов А.Ю. (Самара) – Римский сенат и городской плебс в эпоху цезаря Августа: события 22 г. до н.э..... 178
Литовченко Е.В. (Белгород) – «Inspiritalis monachus»: к истории одного письма Павлина Ноланского..... 190
Назаров А.Д. (Екатеринбург) – Человек двух миров. Артабан Аршакуни: военная карьера, социальные связи и конфликт с Юстинианом I..... 196

ПУБЛИКАЦИИ

Зайцев В.В. (Москва), *Абрамзон М.Г.* (Магнитогорск) – Клад римских денариев I–II вв. н.э. из Брянской области (2010 г.)..... 206
Абрамзон М.Г. (Магнитогорск), *Петрова Е.В.* (Челябинск) – Клады римских монет из коллекции Н.К. Минко (предварительная публикация)..... 229

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Ананьев В.Г. (Санкт-Петербург), *Бухарин М.Д.* (Москва) – Московский эпизод из научной биографии М.К. Каргера конца 1920-х гг. 239

CONTENTS

I.A. Ladynin (Moscow) – A Reconstruction of the Original Story about the Incursion of Nebuchadnezzar II into Egypt (from the Classical and Medieval Narratives).... 5
S.A. Kachan (Moscow) – Emperor in the Image of Thoth-Hermes in Roman Egypt..... 18
S.A. Kachan (Moscow) – Antinous as a Political Deity-Unifier of Egypt and the Roman Empire..... 32
O.A. Davydova (Moscow) – Towards the Identification of Berenice II with Artemis... 46
E.V. Rung (Moscow) – The System of Punishment for State Crimes in the Achemenid Empire..... 56
V.P. Orlov (Kazan) – The Legal System of the Achaemenid Empire in the Historiography of the 20th–21th Centuries..... 77
I.E. Surikov (Moscow) – From the History of Athenian Oligarchic Coups D'état of Late 5th century BC. III. The Oligarchs Start and Lose… to Themselves (the Events of 411–410 BC)..... 94
M.M. Kholod (Nizhny Novgorod) – Alexander the Great's Empire: Satrapies and Dependent Territories (Part 4)..... 115
D.B. Merkin (Moscow) – Ὑποχρήστησ and his Role in the Didymean Cult..... 135
A.B. Sharnina (Saint Petersburg) – A Touring Poetess from Smyrna of Ionia..... 143
S.S. Demina (Vladimir) – Seneca's Religious Views..... 156
G.L. *Krivolapov* (Moscow) – Armed Conflict and the Pact of Brundisium (Summer – Autumn 40 BC)..... 164
A.Y. Markelov (Samara) – The Roman Senate and an Urban Plebs in the Age of Caesar Augustus: the Case of 22 BC..... 178
E.V. Litovchenko (Belgorod) – "Inspiritalis Monachus": Towards the History of a Letter of Paulinus of Nola..... 190
A.D. Nazarov (Yekaterinburg) – A Man of Two Worlds. Artabanes Arshakuni: Military Career, Social Ties, and Conflict With Justinian I..... 196

PUBLICATIONS

V.V. Zaytsev (Moscow), *M.G. Abramzon* (Magnitogorsk) – A Hoard of The 1st–2nd Cent. AD Roman Denarii from the Bryansk Region (2010)..... 206

M.G. Abramzon (Magnitogorsk), *E.V. Petrova* (Chelyabinsk) – Roman Coin Hoards from the N.K. Minko Collection (Preliminary Publication)..... 229

FROM SCIENCE HISTORY

V.G. Ananyev (Saint-Petersburg), *M.D. Bukharin* (Moscow) – Moscow Episode from the Biography of Scholarm K. Karger in the Late 1920s..... 239

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg. tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое –2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID**!

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:
Правда 21.05.1933.
Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:
ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльтимировка, с. Ахманово.

Для архивных документов:
ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.
РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES)** по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится **«In:»,** а в русском **«В сб.:»** или **«В кн.:»**. Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.simonov.co.uk/biography.htm

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно**: необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S.Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosporus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma c fronta* [*Letters from the Front*], http://www.simonov.co.uk/biography.htm

Правила транслитерации

Русский язык

а	a	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	‘		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
ґ	g’	ї	i’	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	‘		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

16+

Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. 2025

Сдано в набор 03.06.2025. Подписано в печать 15.06.2025.
Дата выхода 30.06.2025.
Формат 70x1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.
Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .
Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.
Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»,
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.
Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.
Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.